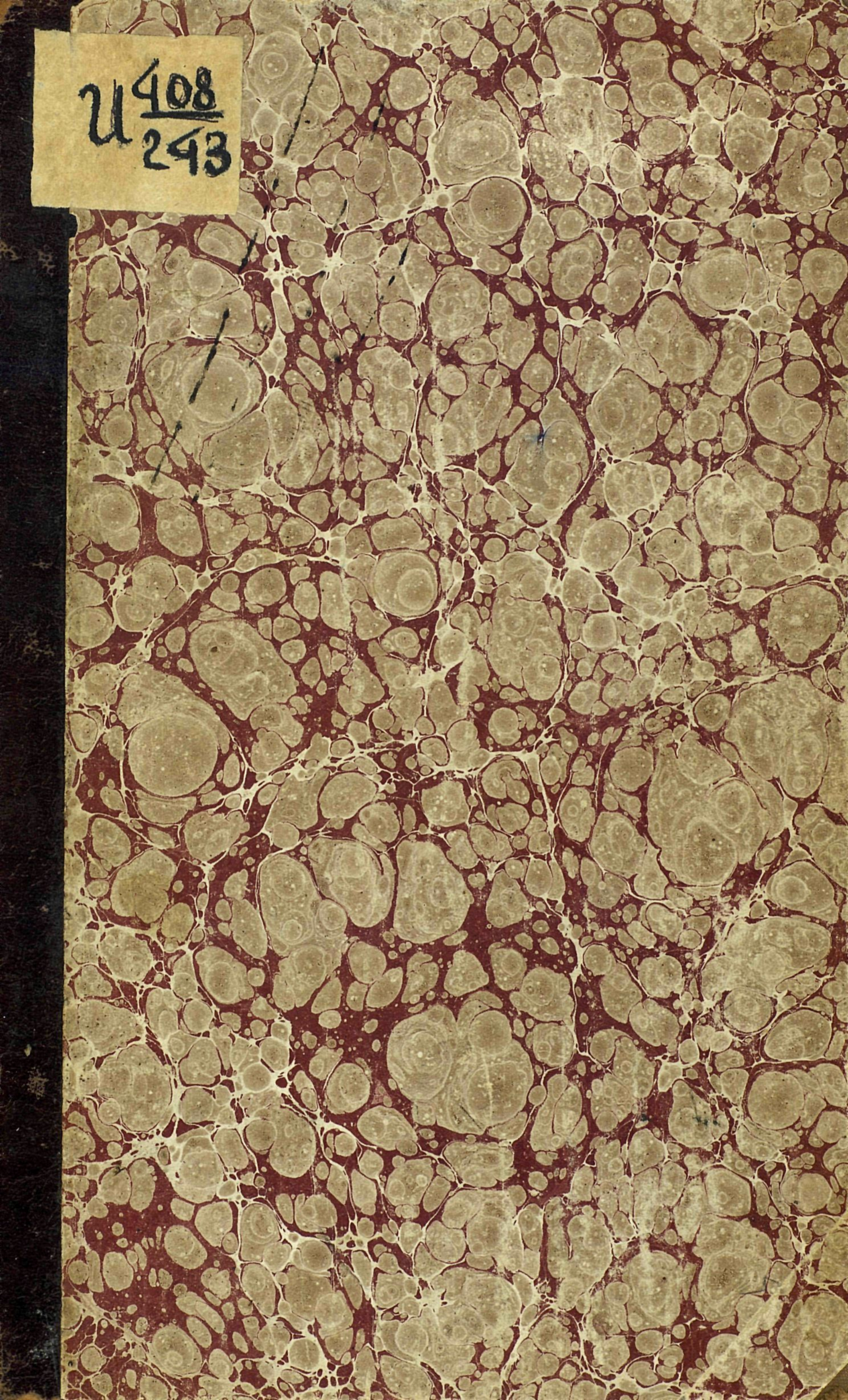
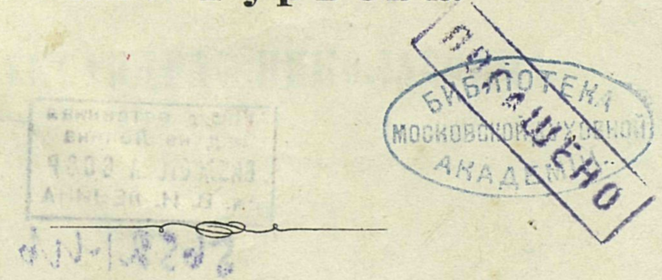

И 408
243

ПИСЬМА СВЯЩЕННИКА

СЪ ПОХОДА

1877—1878 ГГ.

Вакха Гурьева.

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи (М. Катковъ),
на Страстномъ бульварѣ.
1883.

2007059299

ПАМЯТИ

НЕЗАБВЕННАГО ЦАРЯ-ОСВОБОДИТЕЛЯ,

въ бозѣ почивающаго,

ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА

АЛЕКСАНДРА НИКОЛАЕВИЧА.

ГЛАВА I.

Отъ границы до Дуная.

Унгены, 25 сентября 1877 года.

Какъ много думъ наводитъ граница земли родной, когда переѣзжаешь ее не для купаній и питья минеральныхъ водъ, а съ иною совсѣмъ цѣлью.... Вернемся ли назадъ? вотъ единственный вопросъ, который гвоздемъ сидитъ въ головѣ и наводитъ невольную грусть и какое-то гнетущее чувство. Многіе такъ недавно подобно намъ переступили эту самую границу и никогда, никогда уже не возвратятся черезъ нее.... Самая деревушка Унгены дрянная грязная и только благодаря войнѣ сдѣлалась теперь извѣстною чуть не цѣлой Европѣ. Вся околица Унгенъ завалена цѣлыми горами сѣна, сухарей, муки, и все это стоитъ непокрытое.... У подошвы небольшихъ возвышенностей окружающихъ деревню разбиты большія лазаретныя палатки—это полевые, военно-временные госпитали, биткомъ набитые уже больными и ранеными. Въ теченіе цѣлаго дня, который мы здѣсь простояли, по желѣзной дорогѣ проѣхало нѣсколько санитарныхъ поѣздовъ, между которыми и по наружному ихъ виду, и по внутреннему устройству нельзя не замѣтить огромной разницы: одни—великолѣпные, щегольскіе, со всевозможными приспособленіями; другіе — обыкновенные товарные. Первые устроены Августѣйшими членами Императорской фамиліи, или разными обществами и частными лицами; вторые—собраны со всѣхъ желѣзныхъ дорогъ и приспособлены для перевозки больныхъ и раненыхъ.... Въ чемъ собствен-

но состоятъ эти приспособленія—не знаю.... Въ десять-двадцать вагоновъ я заглядывалъ и нигдѣ никакихъ приспособленій не замѣтилъ: обыкновенные товарные вагоны, въ которыхъ, и то не во всѣхъ, настлана солома довольно тонкимъ слоемъ и на ней въ два ряда лежатъ несчастные страдальцы—вотъ и все... На первыхъ поѣздахъ и докторъ, и сестры милосердія, и священникъ,—на вторыхъ ничего этого не видно... Значитъ и тутъ счастье или глупая судьба играютъ свою роль: на какой поѣздъ попадешь...

Яссы, 27 сентября.

Въ глухую полночь съ 25-го на 26-е число мы пріѣхали въ Яссы и ночевали въ вагонахъ. Поутру пустились въ городъ и тутъ почти на каждомъ шагу начали встрѣчать многое для насъ необычное: чистота на улицахъ образцовая, мостовая почти во всемъ городѣ асфальтовая, дома великолѣпные, движеніе на улицахъ огромное, торговля въ полномъ смыслѣ кипитъ.... А нашъ Кишиневъ такъ недалеко, и какая въ глаза бьющая разница!... Къ обѣду мы возвратились въ вокзалъ и провели въ немъ остатокъ дня. Вокзалъ огромный, но толкотня въ немъ страшная; тутъ я насмотрѣлся на всю поразительную пестроту нашихъ военныхъ мундировъ,—какихъ, какихъ только здѣсь нѣтъ. И замѣчательно что каждый отдѣльный мундиръ составляетъ какъ бы свою отдѣльную группу, свой особнякъ-лагерь: тутъ гвардейцы, тамъ кавалеристы; въ одномъ углу артиллерія, въ другомъ пѣхота; тамъ и сямъ бродятъ военные инженеры, интенданты, медики; откуда-то взялись моряки, саперы, кавказскія бурки; въ разныхъ направленіяхъ снуютъ казначейскіе, почтовые, контрольные чиновники, и ни малѣйшаго общенія одного вѣдомства съ другимъ,—словно всѣ *врозь*... Между тѣмъ въ вокзалъ поминутно пріѣзжаютъ изъ города цѣлыя семейства Румынъ; величаво ходятъ они по заламъ, съ видимымъ любопытствомъ разсматриваютъ наши военные мундиры, какъ будто на какой-нибудь выставкѣ, и молчаливо-важно удаляются; тутъ же проходятъ румынскіе офицеры, весело болтаютъ между собою по-французски и съ какимъ-то задирающимъ самохвальствомъ оглядываютъ нашихъ.... Нигдѣ

и ни разу я не видѣлъ чтобы румынскій офицеръ заговорилъ съ нашимъ или нашъ съ румынскимъ... Рѣзко бросается въ глаза видимое различіе типа и физіономій: всѣ Румыны и Румынки отчаянные брюнеты, ни единой бѣлокурой головы ни мужской, ни женской; а наши напротивъ, какъ будто сговорились и намѣренно прислали на Ясскую выставку однихъ только блондиновъ всевозможныхъ оттѣнковъ отъ яркорыжаго до темнобураго... Къ обѣду пришли въ вокзалъ или вѣрнѣе влетѣли въ него нѣсколько нашихъ сестеръ милосердія съ краснымъ крестомъ на груди. Не понравились мнѣ эти барыни... Съ ними вмѣстѣ пришли три-четыре медика изъ ближайшаго госпитальнаго барака, наполненнаго исключительно нашими тяжело ранеными. Заразительно весело проходилъ этотъ медицинскій обѣдъ: громко щебетали русскія сороки, смѣялись, хохотали, не стѣснялись двусмысленными фразами, не скупились на очень выразительные взгляды... Досадно и грустно было смотрѣть на эту веселую компанію, зная за какимъ невеселымъ дѣломъ всѣ они сюда пріѣхали... Боюсь осуждать по одному этому случаю,—можетъ-быть всѣ они истинно честные, самоотверженные труженики; но поведеніе ихъ въ Ясскомъ вокзалѣ, на глазахъ многочисленной и самой разнообразной публики, показалось мнѣ крайне неумѣстнымъ... Послѣ обѣда мы съ Александромъ Ивановичемъ *) ходили въ ближайшій госпитальный баракъ: тяжелая, грустная, до слезъ безотрадная картина!... Въ этомъ баракѣ помѣщается 200 человѣкъ тяжело раненыхъ; со многими я говорилъ и разспрашивалъ: одни изъ-подъ Плевны, другіе съ Балканъ, съ Шипки... Есть между ними ужасно искалѣченные или обезображенные: у одного напримѣръ пуля прошла подъ правымъ глазомъ и вышла за лѣвымъ ухомъ—и онъ живъ и даже поправляется. Воздухъ въ баракѣ отличный, чистота примѣрная, раненые размѣщены на койкахъ, есть матрацы, сѣнники, подушки, одѣяла; уходъ за ними прекрасный, лазаретная прислуга усердная и неуто-

*) А. И. Ваттернъ, бывшій тогда главнымъ врачомъ подвижнаго дивизіоннаго лазарета 3-й гренадерской дивизіи, нынѣ корпусный врачъ гренадерскаго корпуса.

мимая; въ этомъ отношеніи баракъ производитъ весьма отрадное впечатлѣніе. Нашихъ госпиталей въ Яссахъ шесть и всѣ они помѣщаются въ лучшихъ домахъ, великодушно уступленныхъ Румынами.

По приходѣ назадъ въ вокзалъ намъ объявили что для врачей и смотрителя нашего подвижнаго лазарета въ городѣ отведены квартиры; не медля ни минуты, мы отправились— все же лучше нежели на бивуакѣ, особенно въ виду того что небо стало хмуриться и можетъ пойти дождь,—этотъ злѣйшій врагъ бивуачныхъ жителей... Прощай.

Яссы, 29-го сентября.

Другой день почти безъ перерыва идетъ мелкій осенній дождь; выйти никуда нельзя. Слава Богу что квартира намъ отведена отличная, въ домѣ богатаго Грека Адріанопуло. Помѣщаемся мы втроемъ: Ал. Ив—чъ, я и хирургъ Ал—скій, прекраснѣйшій и добрѣйшій человѣкъ; жаль только что мы съ нимъ не кстати расхворались: у меня легкій бронхитъ, у него ревматизмъ въ ногѣ, и сидимъ мы по этому случаю невылазно въ своей комнатѣ, обставленной сплошными диванами на турецкій манеръ. Хозяинъ нашъ очень любезный и обязательный человѣкъ: постоянно справляется удобно ли намъ, не нуждаемся ли мы въ чемъ-нибудь? А намъ дѣйствительно и удобно, и тепло, и сухо; и даже совѣстно когда вспомнишь что нѣкоторые изъ нашихъ товарищей по лазарету вынуждены въ то же самое время мокнуть и зябнуть на бивуакѣ.... Сегодня приходилъ къ намъ офицеръ завѣдующій лазаретнымъ обозомъ и разказывалъ „страсти“ о томъ что̀ дѣлается тамъ у нихъ.... По несчастію, мѣсто для бивуака нашего лазарета указано на лугу, на которомъ стоятъ еще бивуаки разныхъ частей нашихъ войскъ ежедневно прибывающихъ сюда и тѣхъ которыя прибыли еще ранѣе насъ. На этомъ небольшомъ лугу раскинуты бивуаки нѣсколькихъ батарей и летучихъ артиллерійскихъ парковъ, да двухъ полковъ нашей 2-й бригады и еще нѣсколькихъ запасныхъ баталіоновъ. Масса лошадей водимыхъ на водопой, масса людей идущихъ то въ городъ, то изъ города, такъ разбили, смѣсили грязь что въ болѣе низкихъ луговыхъ

мѣстахъ образовались непроходимыя и непроѣздныя болота. А тутъ еще недостатокъ фуража для лошадей, невозможность добыть сухихъ дровъ чтобы сварить горячую пищу солдатамъ или развести костры чтобъ ихъ обогрѣть хоть сколько-нибудь, словомъ—на бивуакѣ бѣдствіе! И все это происходитъ отъ той страшной безурядицы которая здѣсь обнаруживается по части перевозки нашихъ войскъ: назначатъ, напримѣръ, отправку какого-нибудь эшелона въ 4 часа утра, а отправятъ въ 6 часовъ вечера, и бѣдные солдаты цѣлый день сидятъ на платформѣ безъ пищи, безъ пріюта, съ часу на часъ ожидая своей отправки, между тѣмъ новыя части, новые эшелоны прибываютъ сюда по нѣскольку разъ въ день и скопляются огромною массой. За эти четыре дня, что мы стоимъ въ Яссахъ, сюда прибыли уже наши Фанагорійскій и Астраханскій полки, вся наша артиллерійская бригада и три запасные баталіона, между тѣмъ еще не отправлены всѣ эшелоны нашего Малороссійскаго полка, которые четыре дня тому назадъ мы застали на платформѣ, на очереди къ отправленію.... Отъ кого и отъ чего это происходитъ—Богъ вѣсть.... Говорятъ что румынская желѣзная дорога не имѣетъ достаточнаго подвижнаго состава, но это не новость, и могло быть предусмотрѣно гораздо ранѣе, такъ какъ движеніе нашихъ войскъ по этой дорогѣ началось въ апрѣлѣ, а теперь уже октябрь на носу. Можно же было все это сообразить, предвидѣть и принять мѣры. Вслѣдствіе такой безурядицы никто изъ насъ не знаетъ когда мы отсюда двинемся, когда придетъ и наша очередь. Намъ-то собственно ничего, мы въ теплѣ, сыты, довольны; но каково тысячамъ солдатъ и лошадей стоящимъ на бивуакѣ подъ проливнымъ дождемъ съ холоднымъ осеннимъ вѣтромъ? Что̀ будетъ дальше—напишу непремѣнно, а теперь пока прощай!...

Яссы, 1-го октября.

Еслибъ я зналъ да вѣдалъ что мы простоимъ здѣсь цѣлую недѣлю, то вмѣсто двухъ-трехъ писемъ я завелъ бы дневникъ и цѣликомъ отослалъ бы его тебѣ, а теперь не помню что̀ писалъ въ своихъ послѣднихъ письмахъ и боюсь повтореній. Всю эту недѣлю я не выходилъ изъ комнаты: бронхитъ мой

разыгрался было такъ что Ал. Ив—чъ подумывалъ оставить меня въ одномъ изъ здѣшнихъ госпиталей; убоявшись этой угрозы, я принялъ рѣшительныя мѣры и сегодня уже на ногахъ; еще денекъ-другой—и я буду вполнѣ годнымъ для дальнѣйшей походно-бивуачной жизни. Такимъ образомъ я прожилъ въ Яссахъ цѣлую недѣлю, а города почти не видалъ; если что̀ узнаю, то отъ другихъ приходящихъ къ намъ, да отъ Ал. Ив—ча, который ежедневно бродитъ по городу, бываетъ у начальства и приноситъ намъ новости. Его честная душа страшно возмущается тѣми безпорядками которые допускаются здѣсь нашею военною администрацiей, напримѣръ: полевое коммиссiонерство, составившееся изъ однихъ Жидовъ, выдаетъ вмѣсто сѣна такой бурьянъ что порядочный хозяинъ не сталъ бы употреблять его и на подстилку своимъ лошадямъ, а между тѣмъ тутъ всѣ высшiе представители нашего полеваго интендантства, но ихъ не разыщешь въ городѣ и днемъ съ огнемъ, а если и разыщешь, то получишь одни обѣщанiя на словахъ, а бурьянъ такъ и остается бурьяномъ... Хороши и наши желѣзнодорожные коменданты: въ Жмеринкѣ мы разгружались въ полночь подъ проливнымъ дождемъ и комендантъ не далъ намъ ни людей, ни фонарей,—и сколько было поломки и увѣчья; здѣшнiй комендантъ просто прячется отъ начальниковъ проходящихъ частей. На всемъ пути отъ Вислы до Прута мы встрѣтили одного только коменданта вполнѣ отвѣчающаго своему важному въ военное время назначенiю,—это на станцiи Бирзула, при поворотѣ дороги на Кишиневъ. Бравый уланскiй ротмистръ и встрѣтилъ насъ, и пищу приготовилъ для солдатъ, и быстро распорядился о нашемъ немедленномъ отправленiи; всѣ проходящiя войска только и вспоминаютъ съ благодарностiю этого отличнаго бирзулинскаго коменданта. Сегодня приходили къ намъ нашъ смотритель и бухгалтеръ и въ сильныхъ выраженiяхъ жаловались на полевое казначейство, въ которомъ всякiй чиновникъ считаетъ себя въ правѣ хорохориться предъ военными казначеями являющимися изъ своихъ частей для полученiя авансовъ... Нашъ бухгалтеръ ходилъ туда цѣлыхъ три дня, всякiй разъ дожидался по нѣсколько часовъ и только на четвертый добился

своей очереди... А что еслибы мы въ эти самые дни двинулись дальше въ походъ,—какъ тутъ быть? ѣхать безъ денегъ? Говорятъ что многіе эшелоны такъ и двинулись впередъ, оставивъ своихъ казначеевъ дожидаться очереди въ полевомъ казначействѣ.... Да всего и не перечтешь.... Одно весьма прискорбное явленіе всего болѣе бросается здѣсь въ глаза: это общее недовольство всѣхъ проходящихъ войскъ на административные порядки установившіеся въ тылу дѣйствующей арміи. Всѣ жалуются на полное безучастіе, даже невниманіе къ матеріальному положенію проходящихъ войскъ. Говорятъ что такой взглядъ на вещи распространился здѣсь изъ-за Дуная послѣ второй и третьей Плевны. Слушая разказы очевидцевъ и участниковъ въ плевнинскихъ неудачахъ, разказы о систовскихъ госпиталяхъ, о перевозкѣ раненыхъ, о доставкѣ снарядовъ, наши сильно возбужденные офицеры невольно обобщаютъ всѣ эти явленія и проводятъ параллель между задунайскими неудачами и здѣшнею неурядицей. А чѣмъ дальше впередъ тѣмъ, говорятъ, еще хуже. Можетъ-быть все это преувеличено, можетъ-быть намѣренно изъ мухи стараюся сдѣлать слона; но пока дѣло разъяснится, настоящее положеніе и настроеніе очень не радостно... Посмотримъ что дальше будетъ.. Жаль только что всѣ эти разказы, толки, слухи, комментаріи сильно парализуютъ то отличное настроеніе съ которымъ наши гренадеры выступили съ береговъ Вислы и Вепржа...

Сію минуту возвратился Ал. Ив—чъ и принесъ намъ радостную вѣсть: завтра въ 4 часа утра мы двигаемся дальше.. Наконецъ-то!

Бузео, 3-го октября.

Какія чудныя мѣста проѣхали мы вчера и сегодня въ отросляхъ Карпатскихъ горъ! Погода установилась великолѣпная; вчера было только тепло, а сегодня просто жарко, душно. Проѣхали и знаменитый Барбошскій мостъ, проѣхали Браиловъ на Дунаѣ, а самаго Дуная еще не видали; теперь находимся на половинѣ дороги между Браиловымъ и Букурештомъ. Кажется близко уже къ театру войны, но признаковъ этой близости никакихъ еще не замѣтно, кромѣ санитарныхъ

поѣздовъ съ нашими несчастными ранеными; что же касается жителей тѣхъ городовъ и селеній мимо которыхъ мы проѣзжали, то они мирно себѣ копошатся, каждый за своимъ дѣломъ, и войной и военными, повидимому, мало интересуются. На далекое пространство желѣзная дорога идетъ параллельно теченію рѣки Серета, по роскошнымъ лугамъ, на которыхъ виднѣются тысячи стоговъ сѣна и бродятъ огромныя стада румынскихъ воловъ; скотъ здѣшній очень хорошъ, мѣста привольныя, плодородныя, а деревушки не казистыя и по наружности очень бѣдныя, — отчего это—Богъ знаетъ.... Повсюду виноградники, баштаны съ огромнѣйшими арбузами и дынями повсюду богатѣйшія кукурузныя и пшеничныя поля, а лачужки деревенскія—все полуземлянки, мазанки; никакой надворной постройки, ни сарая, ни амбара; нигдѣ не видно гумна обставленнаго хлѣбными скирдами, какъ въ нашихъ русскихъ селахъ и слободахъ; не видно что-то и церквей. Богъ ихъ вѣдаетъ какъ живутъ эти Румыны.... Забылъ написать изъ Яссъ что наша дивизія двигается по желѣзной дорогѣ, а 2-я гренадерская идетъ пѣшкомъ; но наше движеніе такъ медленно, съ такими продолжительными задержками и остановками что мы никакъ не можемъ обогнать пѣшеходовъ. По слухамъ, около Плевны предполагается еще одна окончательная атака, и только ждутъ прихода нашихъ дивизій.... Неужели мы не успѣемъ придти и прямо въ дѣло?... Впрочемъ въ нашей дивизіи крѣпко еще держится то безотчетное убѣжденіе съ которымъ мы выступили изъ Люблина—что мы, и никто другой, должны покончить съ Плевной.... Далъ бы Богъ чтобъ это предчувствіе не обмануло!.. Прощай.

Мизилъ, около Плоешти, 4 октября.

Вчера я писалъ тебѣ спѣшно, потому что поѣздъ не ждалъ; теперь мы стоимъ на станціи болѣе 10 часовъ и все еще не знаемъ когда двинемся впередъ. За цѣлую вчерашнюю ночь мы проѣхали всего только двѣ станціи и тащились какъ на волахъ—это ужасно скучно. Сегодня къ вечеру будемъ въ самомъ Букурештѣ. А погода стоитъ—прелесть! Въ данную минуту на дворѣ такъ жарко что въ Люблинѣ не бываетъ такого

тепла и среди лѣта; за то ночи очень прохладны и утренніе морозцы порядочные. Встаемъ мы рано, часовъ въ 6 утра, и встаемъ всѣ разомъ, отъ прапорщика до генерала (съ нашимъ эшелономъ ѣдетъ начальникъ дивизіи и весь его штабъ); сейчасъ деньщики приносятъ свѣжей воды прямо изъ колодца, и мы, выйдя изъ вагоновъ, начинаемъ умыванье, да не простое, обыкновенное, а полное, парадное: извольте мыть и голову и шею—этого требуютъ неотступно наши спутники-эскулапы. Такое холоднѣйшее умыванье подъ открытымъ небомъ, иногда на вѣтру, чрезвычайно какъ освѣжаетъ; послѣ него сейчасъ же получасовая быстрая прогулка, пока деньщики убираютъ въ вагонахъ, и затѣмъ общее чаепитіе, которое всегда идетъ у насъ очень весело, благодаря тому что всѣ мы здоровы, свѣжи, а послѣ такого умыванья и прогулки чувствуемъ волчій аппетитъ, такъ что несмотря на раннее утро мы ѣдимъ за чаемъ съ видимымъ ожесточеніемъ. Посмотрѣли бы вы на наше утреннее чаепитіе—что̀ за ералашъ: тутъ и колбаса, ветчина и курица, и всевозможные сыры, торты, паштеты, накупленные въ Яссахъ; тутъ и венгерское сало и рядомъ виноградъ и арбузы,—и все это на бумажкахъ, на большихъ арбузныхъ коркахъ, потому что тарелокъ не полагается по штату, да и негдѣ съ ними возиться: чайныхъ блюдечекъ и подстаканниковъ тоже у многихъ не оказалось, и хлебаютъ они чай держа горячіе стаканы прямо въ рукахъ... Тутъ кипитъ у насъ самая оживленная бесѣда: пускаемся въ воспоминанія, забѣгаемъ впередъ, въ будущее, рисуемъ все въ радужныхъ краскахъ, остаемся въ концѣ-концовъ побѣдителями, героями, и съ торжествомъ возвращаемся на родину увѣнчанные лаврами... „Мечты, мечты, гдѣ ваша сладость“!... Но интересно то что у насъ мечтаетъ вовсе не вѣтреная молодость, а люди очень солидные, и мечтаютъ искренно, съ какимъ-то убѣжденіемъ.... Обѣдаемъ въ вокзалахъ, если они въ пору попадутся на дорогѣ, а если нѣтъ, то опять такое же чаепитіе, какъ и поутру, съ прибавленіемъ разныхъ фруктовъ. Вчера вечеромъ на какой-то маленькой станціи продавали необыкновенно большіе арбузы; въ числѣ прочихъ и я купилъ себѣ одинъ замѣчательный экземпляръ—пять съ половиною четвертей въ окружно-

сти... Сію минуту штабные наши изъ своего купе прислали мнѣ великолѣпную, невиданную кисть винограда, и я пишу эти строки и по зернышку глотаю эти чудные грозды... А погода, а великолѣпныя окрестности! Налѣво—необозримая равнина до самаго Дуная, изъ-за котораго, подпирая небо, синѣютъ прибрежные конусы горъ самыхъ причудливыхъ очертаній; направо—отроги Карпатъ, залитые зеленью, съ деревушками утопающими въ виноградникахъ,—и это въ октябрѣ; что̀ же здѣсь весной? Рай Божій должно-быть...

Бивуакъ при деревнѣ Путыней, между
Фратешти и Зимницей, 7 октября.

Сегодня у насъ первая бивуачная дневка, и я имѣю возможность написать тебѣ и дать отчетъ за цѣлые три дня. Ты не можешь себѣ представить той обстановки среди которой пишется это несчастное письмо: я перешелъ уже на третье мѣсто, началъ на корзинѣ, потомъ на сундукѣ, теперь продолжаю на чемоданѣ, подъ открытымъ небомъ, на припекѣ солнца, среди невообразимой суеты: раскидываютъ палатки, вытаскиваютъ изъ повозокъ наши пожитки чтобы просушить ихъ на солнышкѣ послѣ жестокой бани, которую задалъ намъ вчера набѣжавшій ливень. Первый день настоящаго похода—и дождь. Но я буду послѣдовательно излагать случившіяся обстоятельства и потому долженъ вернуться назадъ. Въ полдень 5-го числа поѣздъ нашъ остановился не доѣзжая версты три до Букурешта; тутъ начали насъ немилосердно мучить и толкать, переводя съ одной линіи на другую по запаснымъ путямъ: ѣздили-ѣздили взадъ и впередъ и двинулись дальше мимо города; потомъ остановились въ полѣ, противъ завода, на которомъ приготовляются *конскія галеты* или сухари изъ смѣси сѣна, овса и ячменя. Тутъ копошилось очень много народа, особенно женщинъ и дѣвушекъ; деньщики наши выскочили изъ вагоновъ и пустились въ объясненія съ прекраснымъ поломъ; мы отъ души посмѣялись смотря на эту комедію: объясненія шли очень оживленно, и румынскія дѣвушки и наши деньщики болтали безъ умолку всякъ на своемъ родномъ языкѣ, шутили, кривлялись, выдѣлывали разныя штуки и всѣмъ имъ, очевид-

но, было весело, и всѣ остались довольны, хотя не понимали другъ у друга ни единаго слова... Отъ этого завода, гдѣ мы простояли ровно два часа, насъ перевезли къ настоящему, громаднѣйшему вокзалу, и тутъ опять начались безконечные разъѣзды по запаснымъ путямъ, толканія взадъ и впередъ... Неизвѣстность времени когда двинется поѣздъ не позволяла надолго отлучиться изъ вагоновъ и мы, хотя въ Римѣ побывали, но папы не видали, даже и письма написать не удалось, потому что вагоны постоянно передвигались съ мѣста на мѣсто. Я утѣшалъ себя надеждой что успѣю написать во Фратешти, но не тутъ-то было: Фратешти—это временно устроенная станція исключительно только для выгрузки войскъ и всяческихъ военныхъ принадлежностей; настоящая станція въ Журжевѣ, но съ открытіемъ бомбардировки изъ Рущука, лежащаго на другой сторонѣ Дуная, какъ разъ противъ Журжева, поѣзды туда уже не ходятъ, а останавливаются во Фратешти. Какъ на временной, совершенно случайной станціи, здѣсь не успѣли еще построить вокзала или какого-нибудь пріюта для пріѣзжающихъ, и какъ мы ни убѣждали, какъ ни просили коменданта позволить намъ ночевать въ вагонахъ, въ которыхъ мы провели уже трое сутокъ, онъ ничего слушать не хотѣлъ, никакихъ резоновъ не принималъ, и волей-неволей въ глухую полночь стали мы выбираться изъ послѣдняго убѣжища, напоминавшаго намъ хоть сколько-нибудь объ удобствахъ мирной, осѣдлой жизни. Несмотря на четыре дня превосходной, ясной погоды, фратештская грязь не могла просохнуть и мы изъ вагона перваго класса съ бархатными диванами—прямо въ грязь... Ночь тюрьмы чернѣй, фонаря ни единаго, толкотня при разгрузкѣ страшная, куда идти—не знаемъ, и только что сошли съ платформы, прямо угодили въ какое-то болото... Сначала мы смѣялись, шутили, трунили другъ надъ другомъ, но потомъ мало-по-малу притихли, а скоро и совсѣмъ носы повѣсили; дѣйствительность сразу давала себя почувствовать, настоящій походъ начинался... Отъ станціи до бивуака, гдѣ расположился прежде насъ пріѣхавшій сюда первый эшелонъ нашего лазарета, было не менѣе двухъ верстъ; случись это днемъ, мы дошли бы туда въ какую-нибудь четверть часа, но

въ темнѣйшую ночь, по неизвѣстнымъ, грязнымъ тропинкамъ мы проплутали цѣлый часъ, если не болѣе, и пришли на бивуакъ недовольные, невеселые, видимо огорченные,—первый блинъ пришелся комомъ... А тутъ еще пришлось долго ждать пока подъѣдутъ наши повозки съ багажомъ и палатками; на дворѣ между тѣмъ стало свѣжѣть; черныя тучки заволокли все небо, набѣгалъ порывистый, холодный вѣтерокъ, дававшій почувствовать близость Дуная,—и первую бивуачную, истинно походную ночь мнѣ привелось провести не на кровати, не на диванѣ, а на матушкѣ сырой землѣ; я подстелилъ медвѣжину и спалъ преотмѣнно... Просыпаемся на зарѣ—и, о, ужасъ! дождь, мелкій, холодный, съ пронзительнымъ вѣтромъ; стали складывать палатки, укладывать пожитки, натягивать на себя кожаны, башлыки, и маршъ въ походъ пѣшкомъ, потому что садиться въ повозки совѣстно предъ солдатами и жаль лошадей... Такъ плелись мы по скользкой, черноземно-глинистой грязи верстъ десять до какой-то деревушки, гдѣ сдѣлали привалъ и отдыхали часа два. Предъ вечеромъ, еще верстъ пять не доходя до назначеннаго ночлега, на насъ напалъ настоящій ливень какъ изъ ведра; добрый Ал. Ив—чъ взялъ меня въ свою повозку; но никакая повозка не могла спасти отъ такого ливня, и мы, еле-еле тащась, добрались наконецъ до деревни... Завидѣвъ огонекъ въ первой избушкѣ, я выскочилъ изъ повозки и побѣжалъ просить пріюта, забывъ что я не знаю ни единаго слова по-румынски: по счастью оказалось что здѣсь же пріютился нашъ начальникъ дивизіи, который радушно принялъ насъ и отогрѣлъ чайкомъ... Какой же вкусный чай бываетъ послѣ цѣлаго походнаго дня, и еще такого дня!... Но что́ перенесли прочіе наши спутники, особенно бѣдные солдатики—страсть! Нѣсколько нашихъ тяжелыхъ лазаретныхъ линеекъ такъ и не могли добиться до деревни и заночевали въ полѣ,—и люди и кони безъ пищи и пріюта. Долго мы не забудемъ этого перваго походнаго дня! А что-то будетъ дальше, въ ноябрѣ, декабрѣ?... Сегодня опять утро ясное и теплое; начальникъ дивизіи приказалъ объявить дневку, чтобы дать возможность и людямъ обсушиться, и конямъ отдохнуть... Поздравляю тебя съ дорогимъ именинникомъ... Вотъ гдѣ Богъ

привелъ встрѣтить день своего ангела... На все Его святая воля!... Здѣсь въ Путынеѣ устроенъ питательный или кормежный пунктъ для больныхъ и раненыхъ, перевозимыхъ изъ Систова и Зимницы во Фратешти, и одинъ больной солдатъ нашего полка говорилъ что наши Сибирцы перешли уже Дунай и направляются въ Рущукскій отрядъ Государя Наслѣдника. Далъ бы Богъ чтобъ это была правда. Въ Рущукскомъ отрядѣ, говорятъ, несравненно лучше нежели около Плевны... Прощай!...

Алтернацци, 8 октября.

Никакъ не предполагалъ писать тебѣ отсюда, еслибы не два случая о которыхъ смолчать нельзя... На переходѣ изъ Путынея въ Альтернацци мы встрѣтили огромный транспортъ съ ранеными и больными, которыхъ везутъ изъ Зимницы въ Россію. Въ транспортѣ около двухсотъ повозокъ, на которыхъ помѣщается болѣе шестисотъ страдальцевъ; телѣги разныхъ калибровъ и формъ: военныя, интендантскія *артёлки*, похожія на огромный сундукъ только безъ крышки, и простыя, мужицкія, вольнонаемныхъ погонцевъ, съ будками покрытыми чернымъ, непромокаемымъ брезентомъ; въ этихъ послѣднихъ почти въ каждой есть соломенная подстилка, на которой лежатъ больные; но въ казенныхъ артёлкахъ подстилки или вовсе не полагается, или есть тоненькій слой какой-то трухи... И тутъ, значитъ, та же судьба что̀ и въ вагонахъ санитарныхъ поѣздовъ: кто попалъ въ мужицкую фуру, тому относительно лучше, по крайней мѣрѣ сносно; но кому досталась артёлка, тѣ вынуждены переносить мучительнѣйшую тряску... Неудобнѣе посудинъ для перевозки раненыхъ трудно и придумать,— это чистая каторга. Лица несчастныхъ, исхудалыя, желтыя, съ явною печатью переносимыхъ ими мученій, изъ многихъ кибитокъ слышатся душу раздирающіе стоны, ото всего транспорта идетъ какой-то мучительно-жуткій гулъ... Большинство больныхъ—обмороженные на Шипкѣ... День сегодня ясный, теплый, настоящій нашъ лѣтній день,—и вдругъ обмороженные!... Съ невыразимо тяжелымъ чувствомъ смотрѣли мы на этотъ длиннѣйшій транспортъ... Неужели ужъ и соломы-то негдѣ достать?!..

Пріѣзжаемъ въ Альтернацци и на самомъ крайнемъ домикѣ видимъ флагъ Краснаго Креста, а около домика нѣсколькихъ молодыхъ людей, видимо медиковъ, что-то усердно работающихъ. Мы подошли, познакомились, разговорились... Оказалось что здѣсь въ Альтернацци устраивается питательный пунктъ для перевозимыхъ больныхъ и раненыхъ, всего на двѣсти человѣкъ; но помѣщенія, кроватей и другихъ необходимыхъ лазаретныхъ принадлежностей пока еще нѣтъ, а только прибыли врачи съ аптечными и перевязочными матеріалами, да коммиссаръ съ нѣкоторыми продовольственными продуктами. И вотъ на этотъ-то еще зараждающійся питательный пунктъ въ злополучную ночь съ 6-го на 7-е октября прибылъ встрѣченный нами на дорогѣ транспортъ съ 600 больныхъ и раненыхъ... Что тутъ было дѣлать? говорили намъ врачи. Раненые и обмороженные такъ и ночевали въ повозкахъ подъ проливнымъ дождемъ... Цѣлый вчерашній день они просушивались, а врачи цѣлый день перемѣняли ихъ повязки... Что же тутъ было послѣ второй и третьей Плевны?... Неужели *до сихъ поръ* нельзя было устроить здѣсь хотя бы изъ досокъ сколоченныхъ бараковъ, покрытыхъ непромокаемыми брезентами?

ГЛАВА II.

Отъ Дуная до Плевны.

На берегу Дуная, между Зимницей
и Систовымъ, 9 октября.

Сегодня въ полдень пришли мы въ Зимницу и раскинули нашъ бивуакъ на берегу Дуная. Зимница такое грязное, вонючее мѣстечко что объ ней и толковать не стòитъ, тѣмъ болѣе что ее на всѣ лады описывали газетные репортеры; что же касается самаго Дуная, то затрудняюсь чтò сказать о немъ: рѣка большая, широкая, пожалуй величественная, съ красивымъ нагорнымъ правымъ берегомъ; но кто плавалъ по широкой Оби, кто видѣлъ пунктъ соединенія Оби съ Иртышомъ у Самарова, для того Дунай не можетъ показаться чѣмъ-то необыкновеннымъ, возбуждающимъ восторгъ и удивленіе. Нагорный берегъ у Систова очень красивъ, но никакого сравненія съ грозными, поразительно величественными берегами Бiи и Катуни въ нашемъ незабвенномъ Алтаѣ!... Для меня собственно болѣе удивительны мосты перекинутые черезъ Дунай нашими саперами и моряками. Мосты эти дѣйствительно замѣчательны и своимъ протяженіемъ, и своимъ замѣчательно искуснымъ устройствомъ. Рѣки я видѣлъ и шире Дуная, но такихъ мостовъ не видалъ еще въ моей жизни... Завтра мы будемъ переходить, если до насъ дойдетъ очередь, потому что на островѣ, гдѣ мы остановились, страшная толкотня и давка: сошлось и съѣхалось столько людей и повозокъ что безъ очереди и пропускать нельзя, иначе другъ друга передавятъ и,

пожалуй, дѣло можетъ дойти до междуусобной брани... Но ни Дунай, не чудные мосты, ни живописный турецкій берегъ, ничто не радуетъ насъ столько какъ положительное извѣстіе о томъ что наша дивизія назначается въ Рущукскій отрядъ!... Уже и маршрутъ полученъ. Слава Богу, мы всѣ радуемся отъ души...

Позиція у деревни Домогилы, въ Рущукскомъ отрядѣ, 14 октября.

Наконецъ-то мы догнали свой полкъ, и я съ истинною радостью обнялъ многихъ своихъ товарищей-сослуживцевъ. Отрядъ нашъ состоитъ пока изъ двухъ полковъ: нашего Сибирскаго и Малороссійскаго, съ двумя только батареями нашей же артиллерійской бригады, и изъ нашего же подвижнаго лазарета. Самая позиція простирается по гребню высокой горы между безконечными горными кряжами; видъ во всѣ стороны великолѣпный. Но окрестныя горы, поля, деревушки, весьма впрочемъ рѣдкія, представляютъ одну сплошную, печальную пустыню со всѣми разрушительными послѣдствіями войны. Третьяго дня верстахъ въ семи или десяти отъ нашей настоящей позиціи было незначительное авангардное дѣло, безо всякихъ серіозныхъ результатовъ, кромѣ нѣсколькихъ раненыхъ и убитыхъ и въ томъ числѣ молодаго герцога Лейхтенбергскаго. Гулъ артиллерійскихъ орудій слышенъ на далекое пространство между окрестными горами. Сулейманъ отъ насъ какихъ-нибудь верстахъ въ десяти на той сторонѣ Кара-Лома и, несмотря на такое сосѣдство, наши и ухомъ не ведутъ: повсюду говоръ, хохотъ, пѣсни, прибаутки. Нужды никакой, даже роскошь: коньякъ, ромъ, красное вино, икра, балыкъ, колбаса, сыръ, сардинки и пр. Какъ всѣ довольны и счастливы что попали въ Рущукскій отрядъ, тогда какъ 2-я гренадерская дивизія повернула къ Плевнѣ. Начинаютъ уже зарываться въ землю, но не по приказу, а по доброй волѣ; я заходилъ въ нѣкоторыя землянки, съ непривычки жутко, могила, а привыкнешь, говорятъ, ничего, хорошо. Погода стоитъ отличная, только по ночамъ очень холодная, такъ что въ тонкой палаткѣ пробираетъ порядочно. Весь походъ отъ Дуная до этой

позиціи мы совершили всего только въ четыре перехода: десятаго числа утромъ перешли Дунай и долго мучились съ нашими тяжелыми линейками при подъемѣ на высокій берегъ по страшно-разбитой и грязной дорогѣ, которая тутъ никогда не можетъ просохнуть совершенно, вслѣдствіе подземныхъ ключей и родниковъ просачивающихся изъ горной подошвы. Нѣсколько часовъ промаялись мы на этомъ варварскомъ подъемѣ, четвертый уже мѣсяцъ идетъ съ тѣхъ поръ какъ совершилась знаменитая переправа нашей арміи черезъ Дунай, а только теперь начинаютъ исправлять этотъ убійственный подъемъ, по которому должны были подыматься всѣ военныя тяжести, вся артиллерія, даже осадная. Посмотрѣвъ на этотъ одинъ подъемъ становится понятнымъ отчего у насъ во время третьей Плевны не хватило артиллерійскихъ снарядовъ. Благодаря этому подъему и мы пришли въ деревню Царевичъ только поздно вечеромъ, хотя до этой деревни отъ переправы не будетъ и семи верстъ. 11 числа предстоялъ намъ самый большой переходъ (33 версты) отъ Царевича до селенія Павло. На вершинѣ большой горы за Царевичемъ дорога расходится въ двухъ направленіяхъ: направо въ Плевну, налѣво въ Рущукскій отрядъ. Съ какимъ удовольствіемъ повернули мы налѣво... Пропади она эта Плевна!.. Изъ газетныхъ корреспонденцій вы и сотой доли не читали того что̀ мы слышали о ней на всемъ пути по Румыніи и слышали отъ очевидцевъ и участниковъ. На бивуакѣ въ Павло послѣ чаю я устроилъ очень оригинальный десертъ: въ одномъ мѣстѣ на переходѣ дорога огибаетъ большой логъ и дѣлаетъ большой объѣздъ версты на полторы; нѣсколько смѣтливыхъ солдатъ рѣшились идти прямо черезъ логъ и сократить чрезъ это весьма кружную дорогу; за ними поплелся и я: спускаемся въ логъ и на отлогостяхъ его находимъ терновникъ съ самыми спѣлыми и переспѣлыми плодами; мы набросились и нарвали ягодъ сколько влѣзло въ шапки, карманы, платки. Расположившись потомъ на бивуакѣ, я нѣсколько разъ обварилъ эти ягоды кипяткомъ изъ самовара, посыпалъ мелкимъ сахаромъ и сталъ угощать публику,—десертъ вышелъ превосходный, оригинальный, тѣмъ болѣе что виноградъ уже пріѣлся намъ. 12 числа

перешли въ городъ Бѣлу, на берегу рѣки Янтры. Остановившись версты за полторы не доходя города, мы отправились посмотрѣть первый попавшійся намъ на пути настоящій турецкій городъ, такъ какъ въ Систовѣ мы не были и обошли его другою дорогой. Городъ Бѣла стоитъ на шоссейной дорогѣ изъ Рущука въ Плевну и Софію; но чтò это за городъ— вы бы посмотрѣли: грязь, вонь, тѣснота неописанныя! На улицахъ съ безчисленными переулками и закоулками двумъ телѣгамъ разъѣхаться трудно, и въ этой-то затхлой тѣснотѣ кишмя кишитъ торговый людъ, конечно Жиды, отчасти Греки, Армяне, Болгары, но ни единаго кровнаго Русскаго. Лавченокъ тысячи, гостиницы ни одной; мы обѣдали въ какой-то грязнѣйшей кухнѣ съ громкимъ названіемъ: *Москва*. Обѣдъ вполнѣ соотвѣтствовалъ кухонной обстановкѣ. Возвращаясь изъ этой знаменитой *Москвы* и проходя мимо какой-то лавченки, мы встрѣтили группу нашихъ артиллеристовъ съ ихъ почтеннымъ бригаднымъ командиромъ, завернули въ лавочку и ни съ того, ни съ сего полилось шампанское. И все это на радостяхъ что мы попали въ Рущукскій отрядъ! О Государѣ Наслѣдникѣ говорятъ здѣсь съ восторгомъ: Его обожаютъ всѣ отъ солдата до генерала. Слава Богу! На тринадцатое число намъ назначена дневка, а такъ какъ до позиціи нашихъ Сибирцевъ оставался одинъ только переходъ, то я и рѣшился уѣхать впередъ, чтобы поскорѣе увидаться съ дорогими товарищами. Итакъ мы въ Рущукскомъ отрядѣ; сюда и направляй ко мнѣ свои письма... Прощай.

Киневерликъ, 16-го октября.

Увы, всѣ наши предположенія, всѣ восторги насчетъ Рущукскаго отряда разлетѣлись въ прахъ. Мы уже на пути къ Плевнѣ и ночуемъ теперь у разоренной турецкой деревушки Киневерликъ. Какъ все это случилось—не хочется и разказывать. Рано утромъ 14 числа лазаретъ нашъ прибылъ на позицію въ Домогилу; сейчасъ выбрали мѣсто для шатровъ и обоза, разыскали для себя квартиры и стали разбираться со своими вещами въ ожиданіи приказа объ открытіи дѣйствій лазарета; но не тутъ-то было: пришло приказаніе и еще по

телеграфу, но не объ открытіи, а о немедленномъ выступленіи съ занятой позиціи и быстромъ, форсированномъ слѣдованіи въ западный отрядъ къ Плевнѣ. Какъ варомъ обварило всѣхъ насъ это роковое приказаніе: значитъ отъ судьбы не уйдешь, суженаго конемъ не объѣдешь. На другой день раннимъ-раннею зарей весь нашъ отрядъ, поворотивъ оглобли, двинулся обратно въ Бѣлу, а сегодня, миновавъ Павло, приплелись въ Киневерликъ. Тоска, разочарованіе страшное; всѣ чѣмъ-то недовольны, на что-то сердиты, чѣмъ-то сильно огорчены. По приходѣ на бивуакъ, поздно вечеромъ, я отправился размыкать горе къ своимъ товарищамъ-Сибирцамъ, бивуакъ которыхъ отъ нашего не болѣе полуверсты; они успѣли уже разложить костры и я пошелъ на огонекъ. Подхожу ближе, смотрю: часовой съ ружьемъ, не далеко отъ него другой; на вопросъ его: кто идетъ? я отвѣчалъ обычное: свой. — Какой пропускъ? спрашиваетъ онъ меня снова. — Какой тебѣ пропускъ? развѣ не видишь, не узналъ меня что ли? возразилъ я. — Узнать-то я узналъ васъ, батюшка, да безъ пропуску нельзя. Оказалось что мы идемъ теперь со всѣми военными предосторожностями, что у насъ есть авангардъ и арріергардъ, и на каждомъ ночлегѣ вокругъ всего отряда выставляется караульная цѣпь, за которую нельзя пройти ни оттуда, ни отсюда, если не знаешь условнаго парольнаго слова. Пришелъ начальникъ цѣпи, шепнулъ мнѣ на ушко слово: *шинель*; я повторилъ это слово часовому и онъ меня пропустилъ... Такъ вотъ оно какъ, подумалъ я, значитъ мы уже въ районѣ военныхъ дѣйствій и намъ можетъ угрожать опасность. Что̀ будетъ дальше, напишу непремѣнно, съ каждымъ шагомъ становится интереснѣе, дѣлается жутковато, мы въ самомъ дѣлѣ на войнѣ... Прощай.

Овчая Могила, 18 октября.

Сегодня у насъ дневка и у меня много свободнаго времени; но бѣда моя что я живу въ одной палаткѣ съ нашимъ смотрителемъ, къ которому поминутно ходятъ фельдфебель, каптенармусъ, артельщикъ, писаря, служители. Походная палатка маленькая, не то что лагерная, войдутъ два человѣка повер-

нуться негдѣ; поэтому въ хорошую погоду я открываю свою канцелярію на чистомъ воздухѣ, подъ открытымъ небомъ, какъ въ настоящую минуту: предо мной раскинулся въ полуверстѣ бивуакъ Сибирцевъ, немного далѣе—Малороссійцы, а еще далѣе—зеленая артиллерія, а какъ разъ предъ моимъ носомъ Овчая Могила, огромный курганъ, возвышающійся на долинѣ, около котораго раскинулась довольно большая, но сильно разоренная болгарская деревня, получившая отъ него свое названіе. Непривѣтливо встрѣчаютъ насъ братушки-Болгары и по весьма простой и резонной причинѣ: въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ проходятъ здѣсь чуть не ежедневно и цѣлыми тысячами то Русскіе, то Румыны и немилосердно обираютъ Болгаръ: смотрѣть за всѣмъ нельзя, да въ походѣ и не церемонятся. И приходится бѣднымъ терять и тѣ крупицы которыя уцѣлѣли отъ Турокъ. Вотъ нашъ напримѣръ лазаретъ. Такъ какъ въ деревнѣ не оказалось уже ничего съѣдобнаго ни изъ царства пернатыхъ, ни изъ четвероногихъ, то наши санитары пустились тащить и несъѣдобное,—у одной бѣдной Болгарки насильно отняли жестяной котелокъ. Болгарка, конечно, подняла вой, услыхало наше начальство, сдѣлали обыскъ и возвратили несчастной женщинѣ дорогую для нея посудину. Завтра намъ предстоитъ большой переходъ до деревни Радоницы, и если мы не будемъ плутать, то можетъ-быть и осилимъ его. Странно какъ-то совершается наше походное движеніе: въ маршрутѣ указаны, конечно, одни только крайніе пункты—ночлеги; но между деревнями какъ вездѣ, такъ и въ Болгаріи десятки проселочныхъ дорогъ и перекрестковъ, а кругомъ безлюдная пустыня, ни проѣзжающихъ, ни проходящихъ—ни души, разспросить не у кого; куда же направляться? Вотъ и въ эту Овчую Могилу мы попали совершенно случайно, благодаря тому что придержались болѣе изрытой дороги, на которой видны глубокія колеи прорѣзанныя артиллеріей; а еслибъ артиллерія прослѣдовала не туда куда намъ нужно, ну и мы заѣхали бы Богъ вѣсть куда... Десять дней только какъ мы въ походѣ, а лошади наши уже сильно измучены; еще слава Богу что кромѣ перваго перехода отъ Фратештъ до Путынея постоянно была отличная погода и про-

селочныя дороги сдѣлались какъ скатерть; не будь этого, и мы бы не въ состояніи были дѣлать такихъ переходовъ какіе дѣлаемъ теперь. Впрочемъ лошади наши обезсилѣли не отъ большихъ переходовъ, а отъ дурнаго негоднаго корма. Еще въ Яссахъ коммиссіонерство выдало намъ вмѣсто сѣна бурьянъ, то же самое повторялось вплоть до Дуная, а по переходѣ не стали давать и бурьяна, а какую-то соломенную труху, отъ которой наши непривычныя лошади и морды воротятъ. А между тѣмъ уже нѣсколько дней мы путешествуемъ по обширнымъ, необозримымъ степямъ, на которыхъ и доселѣ стоитъ высокая, чистая травушка, только шибко застарѣлая, южнымъ солнышкомъ обожженная; скоси эту траву вòвремя, ее бы хватило на цѣлую армію... По дорогѣ намъ разказывали что наше гражданское управленіе въ Болгаріи запрещало косить эту траву. Но голодъ не свой братъ, и вотъ волей-неволей, а почти всѣ проходящія части косятъ эту окаменѣлую траву и кормятъ ею своихъ лошадокъ, обваривая сѣно кипяткомъ: все же гораздо лучше и сытнѣе трухи выдаваемой коммиссіонерствомъ; но въ походѣ много ли успѣешь накосить, да еще такой травы которую никакая коса не беретъ. Вчера мы видѣли какъ цѣлый взводъ одной батареи рубилъ эту траву своими палашами. А вотъ еще оригинальный, невиданный способъ добыванія фуража: по полямъ, на которыхъ были лѣтомъ хлѣбные и кукурузные посѣвы, около самой дороги мы не разъ замѣчали какія-то могилки, ярко обросшія молодою зеленою травкой. Сначала мы недоумѣвали что̀ это такое? Одни утверждали что это свѣжія могилы погребенныхъ здѣсь солдатъ, убитыхъ въ какомъ-нибудь сраженіи; другіе соображали что это закопаны палыя лошади, волы и вообще падаль. Ларчикъ скоро и просто открылся: одинъ солдатъ началъ усердно раскапывать своимъ тесакомъ одну изъ такихъ могилокъ и на глубинѣ не болѣе двухъ четвертей открылъ подземный складъ ячменя, ржи, пшеницы въ колосьяхъ и въ чистомъ зернѣ; оказалось что эти склады заготовляютъ себѣ на зиму болгарскіе кроты и полевыя мыши; такъ какъ глубина этихъ подземныхъ амбаровъ не велика, то отъ дождей сложенный въ нихъ хлѣбъ скоро проростаетъ и на верхушкахъ этихъ мы-

шиныхъ житницъ появляется яркая молодая зелень. Наши удалые казаки отлично пользуются этими готовыми амбарами и нарочно выѣзжаютъ на фуражировку, отыскивая эти подземныя житницы. Говорятъ что въ такихъ ямахъ иногда находятъ около четверика чистаго зерна. Такъ какъ этотъ новый видъ открытаго грабежа не предусмотрѣнъ никакими законами, то и не преслѣдуется никакимъ прокурорскимъ надзоромъ, благодаря тому обстоятельству что со стороны потерпѣвшихъ не было еще доселѣ предъявлено ни къ кому никакихъ гражданскихъ исковъ... Кромѣ нашихъ бѣдныхъ лошадокъ, уже голодающихъ, мы сами и наши солдаты еще не испытывали особенно чувствительныхъ лишеній: мяса здѣсь много, скотъ болгарскій отличный, похожій на нашъ черноморскій; войска сами покупаютъ воловъ и бьютъ ихъ. За каждымъ полковымъ обозомъ тянется еще обозъ воловый или гонится цѣлое стадо; пришли на бивуакъ, сейчасъ вола за рога и готовъ ужинъ. У насъ въ лазаретѣ съ этими волами вышла прекуріозная штука: еще въ самомъ началѣ похода, когда на переходѣ отъ Фратештъ до Путынея обозныя лошади наши стали и не могли дотащить неуклюжихъ линеекъ нашихъ до назначеннаго по маршруту ночлега, на другой же день, пользуясь дневкой, начальство лазарета признало необходимымъ купить двѣ пары воловъ съ каруцами (телѣгами) и надлежащею упряжью, чтобы такимъ способомъ облегчить нѣсколько тяжесть обоза. Послали въ деревню, стали спрашивать: нѣтъ ли продажныхъ воловъ съ каруцами? Смѣтливые Румынешти въ мигъ поняли въ чемъ дѣло и заломили страшную цѣну. Такъ какъ покупкой воловъ никто прежде не занимался и никакихъ свѣдѣній по этой части никто не имѣлъ, а справочныя цѣны по дѣйствующей арміи еще не были намъ извѣстны, то предъявленныя волохозяевами цѣны были признаны нормальными: за одну пару заплатили 140, а за другую 85 руб. звонкою монетой по номинальной цѣнѣ. Проходимъ верстъ пятьдесятъ впередъ, переходимъ Дунай, вступаемъ въ Болгарію: почемъ волы? Сорокъ рублей пара на выборъ какихъ угодно, и волы такіе что предъ ними румынскіе чуть не крысы. И сбылась пословица: поспѣшишь, людей насмѣшишь...

Въ Яссахъ и по всей Румыніи выдавали солдатамъ превосходный бѣлый пшеничный хлѣбъ, настоящія малороссійскія паляницы; но третьяго дня въ Бѣлѣ коммиссіонерство отпустило такой затхлый и непропеченый хлѣбъ, что его не стали ѣсть и голодныя лошади. Солдатамъ выдаютъ чай и сахаръ: на 100 чел. $^1/_3$ ф. чаю и одинъ фунтъ сахару; даютъ и водку, хотя и не ежедневно: сегодня въ первый разъ я видѣлъ какъ нашей санитарной ротѣ выдавали водку, — взяли по равной части румынскаго картофельнаго, вонючаго спирту и колодезной воды, смѣшали, и вышла какая-то желтоватая, мутная, пѣнистая бурда,—ничего, солдатики выпили и только крякнули... О военныхъ дѣйствіяхъ около Плевны и на другихъ пунктахъ войны мы ничего не знаемъ; идемъ ощупью, какъ будто въ какихъ-то потемкахъ, никого не встрѣчаемъ, никакихъ свѣдѣній и распоряженій ни откуда и ни отъ кого не получаемъ; идемъ въ одиночку, какъ будто никого нѣтъ кромѣ насъ въ этой безлюдной пустынѣ, и только разрушенныя до тла деревушки свидѣтельствуютъ о томъ что недавно еще прошелъ здѣсь опустошительный ураганъ войны... Среди этихъ дымящихся почти развалинъ, на кучахъ мусора и пепла, однѣ одичалыя собаки пронзительнымъ лаемъ встрѣчаютъ и провожаютъ насъ. Грустно и жутко!.. Третьяго дня въ Бѣлѣ говорили о какомъ-то блестящемъ подвигѣ нашей гвардіи; но какъ, гдѣ и что случилось—ничего не знаемъ. Съ того времени какъ мы вышли изъ вагоновъ во Фратешти мы не видали ни одного клочка газетъ. Впрочемъ, когда отшагаешь на собственной парѣ верстъ 25—30 и доберешься наконецъ до ночлега, разбитый, измученный, то тутъ право не до газетъ, еслибъ онѣ и были...

Рыбна, на правомъ берегу рѣки Вида, въ 12 верстахъ отъ Плевны, 22 октября.

Вчера вечеромъ мы прибыли на настоящую стоянку, на которой, надо полагать, простоимъ относительно долго, такъ какъ нашему лазарету приказано раскинуть шатры и открыть свои дѣйствія; значитъ теперь у меня будетъ много свободнаго времени и я постараюсь написать цѣлый дневникъ, разомъ

за нѣсколько дней. Конечно, свѣжія впечатлѣнія сильнѣе прежде пережитыхъ и мнѣ хотѣлось бы сейчасъ же описать то что́ у насъ творится въ данное время, что̀ составляетъ нашу настоящую злобу дня; но и назади случалось не мало такихъ явленій и эпизодовъ которые въ свое время дѣйствовали очень сильно и о которыхъ умолчать я считаю даже недобросовѣстнымъ съ моей стороны. Итакъ начну по порядку событій, хронологически:

19 октября. Дневка въ Овчей Могилѣ прошла благополучно; утромъ, при яркомъ солнцѣ, подъ открытымъ небомъ, я служилъ обѣдницу и молебенъ Покрову Пресвятыя Богородицы,—это первое наше походное богослуженіе. Молящихся собралось болѣе тысячи, благодаря обширному храму природы, и молитва была искренняя, теплая.... Къ вечеру небо покрылось сѣрыми тучами, сталъ моросить мелкій дождикъ и моросилъ безостановочно цѣлую ночь. Просыпаемся на другое утро—дождь; начинаемъ собираться, снимать палатки, а дождь какъ будто возрадовался, завидѣвъ насъ подъ открытымъ небомъ, и сталъ хлестать что́ есть мочи. Понадѣли мы опять свои кожаны, почти двѣ недѣли отдыхавшіе, обмотались башлыками, а дождь льетъ какъ изъ ведра и въ нѣсколько минутъ промочилъ насъ такъ что и поглядѣть жалко. Тысяча бодрыхъ, здоровыхъ, веселыхъ людей обратились теперь въ какія-то полусогнутыя, съеженныя фигуры съ недовольными, озлобленными лицами. Началось движеніе и прямо съ бивуака довольно порядочный подъемъ въ гору; люди пошли бодро; но тяжелыя повозки, наши науклюжія линейки, зарядные ящики и девятифунтовыя орудія пришлось тащить болѣе на людяхъ чѣмъ на комъ это полагается по штату. Садиться въ повозки при такой обстановкѣ было бы настоящимъ варварствомъ, и вотъ волей-неволей пошли мы и пѣши, и мокры, и грязны до послѣдней мѣры. Идти пѣшкомъ пріятно, особенно по асфальтовому тротуару или по Саксонскому Саду; но идти въ дождь по черноземно-глинистой слякоти и идти цѣлую станцію болѣе двадцати верстъ—тутъ огромная разница, и передать ощущенія подобнаго путешествія положительно нельзя; нужно испытать самому, чтобы составить о немъ надлежащее понятіе..

Къ полудню дождь пересталъ; проглянуло даже солнышко чтобъ обсушить насъ; но на пути встрѣтился очень крутой и длинный спускъ по гребню горы между двумя оврагами; стали тормозить, тормоза не держатъ, скользятъ по грязи, колеса закатываются какъ зимой санные полозья, а спускать приходится два полковые обоза, двѣ батареи со всѣми зарядными ящиками и нашъ подвижной лазаретъ съ его громоздкими линейками, итого болѣе двухсотъ тяжелыхъ повозокъ; опять взялись за людей и на ихъ могучихъ плечахъ и спинахъ спустили всѣ эти тяжести. Спустили, а внизу водомоина съ глубокою грязью, которую никакъ нельзя объѣхать; а за водомоиной—подъемъ въ гору похуже сзади оставленнаго спуска... И промаялись мы тутъ до самаго вечера и до назначенной по маршруту станціи Радоницы дотащиться не смогли, а заночевали на какомъ-то грязномъ лугу, чуть не въ болотѣ, около деревни Булгарени. Между тѣмъ полки, побросавъ свои обозы, все-таки несмотря ни на чтó пошли далѣе съ твердымъ намѣреніемъ во чтò бы то ни стало добраться до назначеннаго пункта, хотя бы на это пришлось употребить цѣлую ночь до разсвѣта.... А ночь тюрьмы чернѣй и грязь страшная!

20 октября. Чуть занялась заря, мы въ походъ и опять тѣмъ же самымъ манеромъ, то-есть по способу пѣшаго хожденія, и все бы это ничего, да къ сапогамъ прилипаетъ масса глинистой грязи и на ногахъ словно пудовыя гири. Къ полудню какъ на зло опять проглянуло яркое солнышко. Въ Радоницѣ сдѣлали привалъ и съѣли вчерашній ужинъ, приготовленный для насъ впередъ высланными кашеварами. Верстахъ въ десяти за Радоницей съ одной возвышѐнности мы съ крайнимъ удивленіемъ замѣтили что весь нашъ отрядъ съ артиллеріей остановился и стоитъ неподвижно на одномъ мѣстѣ. Чтò бъ это значило? Ужь не тревога ли какая? Вѣдь отъ Плевны мы верстахъ въ тридцати не болѣе.... Подъѣзжаемъ и видимъ невообразимую суету: всѣ солдаты поскидали съ себя ранцы, составили ружья и немилосердно чистятъ свои шинели, портупеи, сапоги; офицеры шумятъ, адъютанты скачутъ, полковые командиры громко отдаютъ приказанія, всѣ отъ солдата до генерала въ какой-то необыкновенной ажитаціи... Да

что̀ такое случилось? спрашиваемъ перваго встрѣчнаго.— Государя ждемъ; въ два часа будетъ смотрѣть бригаду, — а на часахъ уже второй часъ въ началѣ, — что̀ тутъ намъ дѣлать и какъ быть? Чиститься некогда, а нашъ обозъ, наши линейки, наши санитары, да и мы сами грязны до невозможности, какъ же быть? Мы своимъ грязнымъ видомъ можемъ испортить общее впечатлѣніе, можемъ сконфузить цѣлую дивизію... Не медля ни минуты, приказали нашему замарашкѣ-лазарету убираться съ глазъ долой, поворотить въ бокъ, въ сторону. Сдѣлавъ полуоборотъ направо, мы повернули съ прямой дороги и пустились на рысяхъ, благо что случилось подъ гору, въ какую-то виднѣвшуюся въ сторонѣ деревушку. Но маневръ нашъ не удался, — хитрости человѣческія очень часто ни къ чему не ведутъ,—Государь проѣхалъ именно тою дорогой на которую мы свернули, и встрѣтилъ насъ, когда мы, переѣхавъ деревню, спокойно уже подымались на гору вполнѣ увѣренные что ушли, скрылись... И повозки наши и люди—всѣ брели врозь, въ разсыпную; вдругъ на вершинѣ горы показался конвой на рысяхъ, а за нимъ и Государь въ коляскѣ, рядомъ съ княземъ Суворовымъ. Неожиданность Его появленія поразила насъ,—ни отдать приказаній, ни оправиться не было ни малѣйшей возможности, такъ мы и остались, каждый на своемъ мѣстѣ и въ томъ положеніи въ какомъ застала роковая минута... И Онъ, великій печальникъ земли Русской, страдавшій въ это время за всю Россію, Онъ привѣтствовалъ почти каждаго изъ насъ своею невыразимо-пріятною улыбкой, своимъ привѣтливымъ поклономъ... Чего же боялись? Зачѣмъ хотѣли избѣжать этой возвышающей душу встрѣчи? Или могли думать что Государь потребуетъ и на грязныхъ поляхъ Болгаріи такой же выправки и чистоты строя какъ на майскомъ парадѣ, на Царицыномъ Лугу? Государь, разказывали потомъ офицеры, подъѣхавъ къ бригадѣ, пересѣлъ на верховую лошадь, величаво подскакалъ къ рядамъ, привѣтливо поздоровался со всѣми, объѣхалъ всѣ части, пропустилъ мимо себя побаталіонно и объявилъ начальникамъ частей что можетъ-быть скоро подъ Плевной будетъ еще *дѣло*, что Онъ вполнѣ полагается на беззавѣтную доблесть гренадеръ; затѣмъ,

остановивъ бригаду, Государь въѣхалъ на возвышенное мѣсто предъ фронтомъ Сибирскаго полка, обнажилъ голову, съ глубокимъ благоговѣніемъ оградилъ себя крестнымъ знаменіемъ, прочиталъ краткую молитву; потомъ, сдѣлавъ въ воздухѣ надъ бригадой большое крестное знаменіе и тѣмъ благословляя ее на предстоящіе подвиги, Государь обратился къ командиру бригады и громко сказалъ: „ну, теперь веди ихъ съ Богомъ"! Восторженнымъ *ура* простились гренадеры со своимъ вѣнценоснымъ молитвенникомъ, со своимъ державнымъ Отцомъ. Минута была, говорятъ, необыкновенно торжественная, поразительная!... Многіе изъ молодыхъ солдатъ, удостоившіеся видѣть Государя въ первый разъ въ жизни, плакали отъ радости....

Взобравшись на гору послѣ нечаянной встрѣчи съ Государемъ, мы сдѣлали привалъ и послали назадъ въ деревню разспросить дорогу на Вербицу, куда намъ слѣдовало направляться по маршруту. Оказалось что мы попали на настоящую нашу дорогу и что намъ не нужно ни возвращаться назадъ къ бригадѣ, ни сворачивать куда-либо въ сторону для соединенія съ нею; скоро чрезъ эту же деревню и на ту самую гору, на которой мы сдѣлали привалъ, сталъ подыматься и весь нашъ отрядъ. Начинало вечерѣть, а по словамъ Болгаръ до Вербицы оставалось еще верстъ 10—12, или по ихнему счисленію *часа два и полъ...* Желая вознаградить потерянное время и поскорѣе добраться до ночлега, всѣ части отряда начали обгонять другъ друга, перемѣшались между собою и потянулись въ три ряда по узкой проселочной дорогѣ; и вотъ опять повторилась съ нами правдивая русская пословица: поспѣшишь, людей насмѣшишь. Когда совершенно стемнѣло, мы потеряли настоящую дорогу и забрались въ страшную трущобу. Вдругъ раздается страшный гулъ и въ ту же минуту крикъ впереди насъ: что̀ случилось? Полетѣло въ оврагъ девятифунтовое орудіе со всѣми принадлежностями, съ лафетомъ, людьми и лошадьми. Остановились, зажгли пучки соломы, освѣтили мѣстность, и что̀ же? Мы двигаемся по косогору, справа гора, слѣва отвѣсный, глубокій оврагъ и на его днѣ страшная возня: люди и лошади упавшіе съ пушкой стараются выбраться

изъ топкой глубокой грязи. Обошлось благополучно, безъ увѣчья; помогли людямъ выкарабкаться изъ буерака и вывесть лошадей, а матушку-пушку оставили ночевать въ оврагѣ. Чтó же дальше дѣлать, какъ двигаться? Вдругъ изъ-за горы доносится къ намъ собачій лай, значитъ гдѣ-то не далеко есть деревня, можно найти какое-нибудь пристанище, нужно потихоньку двигаться.. Двинулись, и не прошло десяти минутъ какъ новый крикъ, трескъ. Чтó тамъ, чтó такое? Лазаретная линейка отправилась въ оврагъ вытаскивать пушку. Побѣжали на мѣсто происшествія, принесли нѣсколько фонарей, и картина освѣтилась грандіознѣе первой: громадная линейка перегородила собою цѣлый оврагъ и лежала на днѣ его, какъ широкая, толстая плотина... Счастье наше что отвѣсныя стѣнки оврага и самое дно его мягко-глинистыя и ни единаго камешка; поэтому и пушка и линейка свалились какъ будто въ мягкое, пуховое ложе и никто не потерпѣлъ никакихъ поврежденій; только одинъ молодой врачъ, полетѣвшій вмѣстѣ съ линейкой, лишился одного стеклышка въ своихъ очкахъ... Оставивъ и линейку ночевать по сосѣдству съ пушкой, мы составили ночной совѣтъ, чтó дальше дѣлать? Двигаться впередъ положительно опасно; оставаться на цѣлую ночь на узенькой тропинкѣ между оврагомъ и горой еще опаснѣе: лошадей ни распречь, ни вывести некуда; потребовать отъ людей чтобъ они не спали и цѣлую ночь держали въ поводахъ запряженныхъ, голодныхъ лошадей, немыслимо: люди устали, цѣлый день не ѣли и измучились не хуже лошадей. Чтò же дѣлать? На наше счастье изъ головной части отряда прислали сказать намъ что деревушка отъ насъ въ полуверстѣ, что опасное мѣсто между горой и оврагомъ не длинно, всего шаговъ 200—300. Сейчасъ составили планъ дальнѣйшаго движенія: собрали всѣ фонари, разставили ихъ по всему протяженію опаснаго мѣста, отпрягли пристяжныхъ, притащили изъ деревни соломы, кукурузы, развели яркіе костры на горѣ и, при такой иллюминаціи, стали проводить каждую повозку отдѣльно, въ сопровожденіи нѣсколькихъ человѣкъ колонновожатыхъ. Такое движеніе продолжалось далеко за полночь. Можете себѣ представить какъ мы спали послѣ всѣхъ

этихъ передрягъ. А полки опять-таки ушли впередъ, чтобы буквально исполнить маршрутъ.

21-го октября. Просыпаемся съ зарей, дождь... Наказаніе!.. Но ахать въ походѣ не полагается, взялся за гужъ, не говори что не дюжъ: иди, иди, иди... И пошли, оставивъ достаточное количество людей и лошадей для вытаскиванія пушки и линейки. Никогда не забуду впечатлѣній этого замѣчательнаго утра. Изъ трущобы, въ которой мы ночевали, нужно было подыматься на очень длинную и высокую гору; почва черноземъ и глина, вязко и скользко... Не вынося страшныхъ бичеваній, которымъ подвергаются наши несчастныя лошади при подъемахъ на подобныя горы, я ушелъ впередъ, когда обозъ еще не трогался съ мѣста. Только что я взобрался на вершину горы, какъ предо мною открылся суровый пейзажъ съ необыкновенною обстановкой: налѣво въ сѣроватой мглѣ мелкаго дождя виднѣются причудливыя очертанія какихъ-то горъ, изъ-за которыхъ глухо доносятся раскаты пушечной пальбы залпами; прямо и направо отъ меня разстилается необозримая горная равнина, слегка понижающаяся въ направленіи нашей дороги; окраины горизонта этой равнины задернуты синеватымъ туманомъ, изъ котораго доносятся волшебные звуки военной музыки; то долетятъ они до слуха полнымъ, торжественнымъ аккордомъ, то вдругъ оборвутся, пропадутъ въ пространствѣ... Я невольно остановился въ какомъ-то безотчетномъ изумленіи: озираюсь во всѣ стороны, ни души, ни былиночки, кругомъ совершенная пустыня, дикая, неприглядная; сзади подъ горою неясный крикъ и гамъ нашихъ обозныхъ, бичующихъ лошадей; слѣва глухіе стоны далекой бомбардировки; прямо впереди торжественные звуки музыки. Нѣсколько минутъ простоялъ я тутъ какъ очарованный, какъ будто прикованный къ одному мѣсту, на душѣ что-то чудное и вмѣстѣ жуткое... Вскорѣ однако все объяснилось: не успѣлъ я пройти версты полторы впередъ какъ на горизонтѣ обрисовалась деревня Вербица, главная квартира всей румынской арміи; какъ разъ въ это утро пріѣхалъ къ своей арміи князь Карлъ и его-то встрѣчали съ музыкой; о бомбардировкѣ и толковать нечего, это наша осадная артиллерія угощаетъ залпами непа-

вистную Плевну... Значитъ мы уже не далеко отъ этой адской геенны, которая поглотила столько нашихъ храбрыхъ воиновъ... Около Вербицы раскинутъ небольшой румынскій лагерь, есть палатки, есть уже и землянки. Палатки ихъ лучше нашихъ походныхъ, онѣ круглыя, конусообразныя. Когда мы проходили мимо лагеря, нѣсколько румынскихъ офицеровъ вышли къ намъ на встрѣчу и вѣжливо заговорили по-французски. Увы, мы сконфузились: никто изъ насъ не могъ свободно отвѣчать имъ. Спасибо выручилъ насъ изъ бѣды подскакавшій Ал. Ив. Онъ заговорилъ отъ лица всѣхъ насъ и нѣсколько загладилъ неловкость нашего положенія. Румынскіе офицеры стройны, красивы, щеголевато одѣты, держатъ себя свободно, съ достоинствомъ и далеко не такъ задирчиво какъ въ Яссахъ. Отъ Вербицы до Рыбной верстъ семь и дорога идетъ по живописному дефиле между двумя параллельными горами довольно значительной высоты; въ этомъ дефиле мы встрѣчали множество румынскихъ кавалеристовъ, которые, желая порисоваться предъ нами своею выѣздкой, выдѣлывали по дорогѣ всевозможные аллюры и курбеты. Лошадки ихъ небольшія, но быстрыя, горячія и выносливыя. Въ этомъ же ущельѣ мы встрѣтили нашихъ кавказскихъ линейныхъ казаковъ изъ сводной кавказской бригады — тоже удалые молодцы и отличные наѣздники въ своихъ косматыхъ буркахъ и папахахъ... Они гнали порядочное стадо воловъ и коровъ, отбитое ими гдѣ-то у Турокъ... Скотъ великолѣпный, сытый, настоящій степнякъ и съ какою-то гордою поступью. Не смѣйся, это дѣйствительный фактъ: мы всѣ невольно обратили на это вниманіе и съ удивленіемъ сообщали другъ другу совершенно одинаковыя впечатлѣнія; ни одной понурой, невеселой, повислой головы; всѣ приподняты вверхъ и какъ будто съ понятливымъ любопытствомъ осматриваютъ невиданныхъ ими людей. Мы купили у казаковъ нѣсколько штукъ; сколько было возни пока успѣли выдѣлить изъ стада намѣченныхъ нами животинъ: только что казакъ въѣдетъ въ средину стада чтобы накинуть арканъ какъ все стадо инстинктивно шарахнется въ сторону, а болѣе дикіе, задравъ хвосты, маршъ-маршъ вразсыпную и прямо въ гору; вынуждены были отпречь нѣсколько пристяжныхъ и по-

садить на нихъ нашихъ обозныхъ въ помощь казакамъ. Нечаянно-негаданно образовалась цѣлая облава и часа два бились, пока заарканили всѣхъ купленныхъ нами. Платили по три золотыхъ за штуку, а каждая штука даетъ не менѣе десяти пудовъ чистой говядины. Благодаря этой непредвидѣнной остановкѣ, въ Рыбну мы пріѣхали предъ вечеромъ, хотя могли бы пріѣхать вскорѣ послѣ полудня.

Рыбна, 23-го октября.

Вчера только я отправилъ въ Никополь мое обширное письмо-дневникъ, а сегодня опять принимаюсь писать... Пока впечатлѣнія еще свѣжи и хорошо сохраняются въ памяти, тутъ только и можно ихъ записывать; пройдетъ недѣля, двѣ, и они могутъ исчезнуть безслѣдно, или потеряютъ свою остроту, какъ небрежно залежавшійся швейцарскій сыръ, о которомъ у насъ осталось только одно пріятное воспоминаніе... Ну, какъ не записать, напримѣръ, подобное впечатлѣніе: вчера утромъ мы провожали нашу бригаду на позицію подъ Плевну. Никогда не забуду горячихъ рукопожатій моихъ добрыхъ товарищей-Сибирцевъ. Всѣ они пошли видимо бодро, весело, съ увѣренностію въ себѣ, съ полнымъ сознаніемъ высокаго долга на нихъ лежащаго; но уже одно то что многіе изъ нихъ сдѣлали мнѣ предъ выступленіемъ много весьма грустныхъ порученій и завѣщаній можетъ свидѣтельствовать о ихъ внутреннемъ, душевномъ настроеніи: одинъ передалъ мнѣ завѣтный медальйонъ для передачи по назначенію, другой карточку; тотъ просилъ, если его убьютъ, передать отцу родовую, завѣтную саблю, если она останется цѣла; другой просилъ, когда я буду хоронить его, снять съ его груди золотой образокъ и отослать старушкѣ матери; а сколько надавали мнѣ золотыхъ вещей и адресовъ, и сколько мнѣ придется написать печальныхъ писемъ, если случится какая-нибудь, подобная прежнимъ, катастрофа... Но далъ бы Богъ чтобы мнѣ никогда не писать такихъ горькихъ писемъ!... Гдѣ эта позиція, куда пошли наши Сибирцы, насколько она опасна, мы ничего не знаемъ, пока не получимъ отъ нихъ первой вѣсточки. Рыбна стоитъ на правомъ берегу рѣки Вида, а они пошли на лѣвый и должны

занять мѣста и позиціи, гдѣ стояла до сего времени гвардія. Съ уходомъ нашей бригады стало какъ-то особенно тоскливо; какъ ни стараешься развлечь себя чѣмъ-нибудь, ничего не выходитъ. Неотвязная грусть-тоска преслѣдуетъ тебя повсюду; предчувствіе ли это чего-нибудь недобраго или такъ просто хандра, не умѣю объяснить, только на душѣ ужасно скверно... Тосковать я люблю всегда въ одиночку и потому стараюсь уйти куда-нибудь подальше, чтобъ я никого не видалъ, чтобъ и другіе меня не видѣли. Такъ хотѣлъ поступить и на этотъ разъ: пошелъ съ бивуака по берегу Вида и задумывалъ взобраться на близь лежащія высокія прибрежныя горы. Видъ рѣчонка горная, быстрая, но мелководная, какъ большинство подобныхъ рѣчекъ; вездѣ ее можно перейти въ бродъ не выше колѣна. Когда я проходилъ около полуразрушеннаго моста (почему его не поправляютъ—не знаю), въ это самое время переѣзжалъ черезъ рѣчку какой-то Болгаринъ верхомъ на ослѣ: какъ разъ на срединѣ рѣчки оселъ остановился; Болгаринъ началъ толкать его ногами,—оселъ стоитъ; онъ хворостинкой, оселъ ни гу-гу, какъ будто и не его бьютъ; на бѣду тонкая хворостинка послѣ нѣсколькихъ ударовъ переломилась; оселъ стоитъ неподвижно, уставясь по-крыловски только не въ землю, а въ воду лбомъ; Болгаринъ кричитъ что́ есть мочи, колотитъ его и руками и ногами,—ничто не помогаетъ, упрямое животное ни съ мѣста. Сбѣжались наши солдаты посмотрѣть „камедь", начали хохотать, отпускать разныя остроты насчетъ осла и его хозяина. Оселъ стоитъ какъ камень. Бѣдный Болгаринъ вынужденъ былъ слѣзть въ воду, и только что онъ опустилъ туда ноги какъ оселъ быстро мелкою рысцой побѣжалъ на берегъ, постоялъ минуту, вернулся и началъ пить воду съ берега. Солдаты захохотали ужасно, и дѣйствительно картина была очень смѣшная. И этотъ пустякъ развлекъ меня совершенно, такъ что вмѣсто задуманнаго похода въ горы я вернулся на бивуакъ. Скоро наступилъ обѣдъ; а знаешь ли на какихъ дровахъ варится нашъ обѣдъ и готовится горячая пища солдатамъ? Для этого наши кухмистеры и кашевары немилосердно рубятъ фруктовыя деревья въ ближайшихъ садахъ брошенныхъ Турками; жаль смотрѣть какъ валятся подъ

топоромъ роскошныя грушевыя, орѣховыя и яблонныя деревья. А что прикажешь дѣлать когда вся окрестность голая, безлѣсная пустыня и только по берегамъ Вида кое-гдѣ растетъ тонкій ивнякъ.

Трестеникъ-Семеретъ, 26-го октября.

Опять наши предположенія не сбылись: мы разчитывали стоять въ Рыбной долго, а простояли всего три дня. Оказалось что лазаретъ нашъ, находясь въ Рыбной, слишкомъ удаленъ отъ полковъ дивизіи; поэтому насъ передвинули на лѣвый берегъ Вида въ болгарское селеніе Трестеникъ-Семеретъ, лежащее всего въ пяти верстахъ отъ селенія Горный Нетрополь, гдѣ бивуакируетъ вся наша дивизія. Селеніе Трестеникъ большое, въ немъ каменная полуразрушенная церковь, приходская школа въ каменномъ одноэтажномъ домѣ и нѣсколько домиковъ и полудомиковъ, построенныхъ изъ земляныхъ кирпичей съ черепичною кровлей; всѣ остальныя зданія — землянки, въ которыхъ помѣщаются Болгары вмѣстѣ со своимъ домашнимъ скотомъ, буйволами, коровами, лошадьми и пр. Я еще не успѣлъ побывать ни въ одномъ изъ этихъ подземныхъ жилищъ, а потому ничего и не могу сказать о нихъ. Надворныхъ строеній никакихъ; дворы вмѣсто плетня или забора огораживаются глубокими канавами съ высокими насыпями въ родѣ крѣпостныхъ валовъ. Воротъ не имѣется, запоровъ никакихъ, а вмѣсто нихъ въ каждомъ дворѣ множество злѣйшихъ собакъ, которыя своимъ неистовымъ лаемъ извѣщаютъ хозяевъ о приближеніи чужаго человѣка. Не успѣли мы пріѣхать въ Трестеникъ и поставить свои палатки какъ изо всѣхъ полковъ начали подвозить больныхъ, такъ что на другой же день (то-есть вчера 25 октября) у насъ было 88 больныхъ, а сегодня ожидаемъ еще значительнаго подвоза: сейчасъ пріѣхавшій старшій врачъ Фанагорійскаго полка говоритъ что онъ обогналъ на дорогѣ порядочный транспортъ съ больными Сибирцами, которыхъ будетъ человѣкъ 40 если не больше. Куда же мы ихъ помѣщать будемъ? Подвижные дивизіонные лазареты подобные нашему устраиваются всего только на 83 человѣка; на это количество разчитаны и всѣ

лазаретныя принадлежности, аптечныя, перевязочныя, постельныя и продовольственныя. Слава Богу что вчера вечеромъ пріѣхалъ нашъ дивизіонный интендантъ и привезъ сухарей, крупы, чаю, сахару; а нашъ коммиссаръ привезъ изъ Турнъ-Мугурелли пшеничнаго хлѣба, вина, соли, а для насъ колбасы, сыру и разныхъ разностей, такъ что у насъ теперь полное изобиліе плодовъ земныхъ; но на позиціи въ полкахъ лишенія и недостатки уже очень чувствительны. По словамъ фанагорійскаго врача, солдатамъ выдаютъ сухари гнилые и тѣ въ уменьшенной пропорціи: прежде давали по два фунта, а теперь по фунту съ четвертью; говядины много, а соли ни кусочка; въ палаткахъ ни здоровымъ, ни больнымъ нѣтъ соломы для подстилки: люди валяются прямо на сырой и холодной землѣ, ѣдятъ мало и безвкусно, пьютъ отвратительную воду изъ ручья, въ которомъ сами же полоскаютъ свое бѣлье и портянки; колодцевъ на бивуакѣ нѣтъ: отъ этой печальной обстановки появилась уже дизентерія и съ каждымъ днемъ развивается, принимая злокачественный эпидемическій характеръ... И все это чрезъ нѣсколько дней по приходѣ на позицію, а что̀ же будетъ чрезъ нѣсколько недѣль, мѣсяцевъ, зимой? Грустно... Не смѣю голословно осуждать или винить кого-нибудь, самъ поѣду въ полки, осмотрю, заверну въ штабъ дивизіи, разспрошу хорошенько и тогда можетъ-быть выясню и себѣ отчего это. Вчера при закатѣ солнца, въ тишинѣ прелестнаго вечера, я хоронилъ уже первую жертву дизентеріи, рядоваго Малороссійскаго полка Макара Ситниченко. Положили несчастный трупъ въ могилу прямо безъ гроба, въ грязнѣйшемъ бѣльѣ, въ изорванной одеждѣ, ничѣмъ не покрывъ... О, какъ тяжело было бросать первую лопату сырой земли на свѣжій человѣческій трупъ и прямо въ открытое лицо!... Ты знаешь мою глупую натуру: не выдержалъ и горько заплакалъ; да при этомъ вырвалось изъ сердца нѣсколько жаркихъ, но горькихъ словъ, и мои пѣвчіе и солдаты-носильщики, принесшіе своего товарища не на носилкахъ, а въ рогожѣ и собравшіеся посмотрѣть первые похороны, всѣ мы невольно расплакались и хоть этимъ почтили „вѣчную память“ бѣднаго товарища. Тяжело видѣть первый разъ въ жизни такую по-

хоронную обстановку; но измѣнить подобнаго положенія вещей ни я и никто изъ моихъ сослуживцевъ положительно не можемъ: стоимъ мы среди голой безлѣсной пустыни; на десятки верстъ кругомъ ни единаго деревца или кустика; окрестные жители Болгары живутъ въ землянкахъ, отапливая ихъ кизякомъ или кукурузными стеблями; дерево продается тутъ чуть не на вѣсъ золота. Съ большими хлопотами и послѣ долгихъ разыскиваній намъ удалось купить нѣсколько старыхъ тонкихъ досокъ для перваго гроба; но по общему совѣщанію и соглашенію признано болѣе полезнымъ и болѣе *человѣчнымъ* оставить эти доски для общей *квашни* для печенія хлѣба больнымъ, такъ какъ кормить ихъ тѣми же сухарями отъ которыхъ они заболѣли или доставать хлѣбъ за 45 верстъ изъ Турнъ-Мугурелли, особенно въ дождливое время, совершенно немыслимо; поэтому приходится самимъ заняться хлѣбопеченіемъ и можетъ-быть изъ кукурузной муки. Подобные кукурузные хлѣбы въ мягкомъ видѣ, только что испеченые, еще удобоваримы для здороваго желудка; но чуть зачерствѣли— это настоящая желтая глина, засохшая на солнцѣ. И такими-то хлѣбами придется кормить больныхъ. А больные прибываютъ со всѣхъ сторонъ; къ настоящему вечеру, по словамъ А. Ив—ча, у насъ уже болѣе 170 человѣкъ. А тутъ со дня на день ожидаютъ *дѣла* и дѣла, конечно, серіознаго; лазаретъ нашъ долженъ будетъ перекочевать поближе къ самымъ позиціямъ, чтобъ успѣшнѣе подавать первоначальную помощь раненымъ, а эти раненые могутъ явиться завтра. Я уже и не пишу о томъ что пушечные выстрѣлы слышны здѣсь и днемъ и ночью; къ этому гулу бомбардировки мы уже нѣсколько привыкли и не обращаемъ на него особеннаго вниманія, развѣ ужь раздастся такой оглушительный залпъ что наши деньщики невольно загогочутъ и при сей вѣрной оказіи непремѣнно обмѣняются нѣсколькими остротами все насчетъ Османъ-паши,—ужь и достается же ему отъ нашихъ деньщиковъ,— ужь они его и такъ и сякъ, и на всѣ бока... Кстати объ Османѣ: теперь, по мнѣнію военныхъ людей, онъ окруженъ со всѣхъ сторонъ и прорваться ему куда бы то ни было очень трудно. Единственнымъ путемъ его сообщеній служила Софій-

ская шоссейная дорога, но и этотъ путь теперь отрѣзанъ ему совершенно: на самомъ шоссе, у деревни Дольный Дубнякъ стоитъ пока гвардія, на смѣну которой придетъ 2-я Гренадерская дивизія; на дорогѣ въ Виддинъ у деревни Горный Нетрополь бивуакируетъ наша дивизія; на пути въ Рахово у Трестеника стоитъ нашъ подвижной лазаретъ, на который Османъ не посмѣетъ напасть, боясь заразиться дизентеріей... Кромѣ шутокъ, около насъ въ окрестностяхъ Трестеника бивуакируетъ много войскъ, особенно кавалеріи: на той сторонѣ деревни за оврагомъ стоитъ 11-й летучій артиллерійскій паркъ и вся 4-я кавалерійская дивизія, которая больно притѣсняетъ насъ и по милости которой мы еще долго простоимъ въ палаткахъ, такъ какъ ея штабъ и генералы заняли всѣ земляные домики въ деревнѣ; а на этой сторонѣ, пониже деревни, стоитъ также цѣлая румынская кавалерійская дивизія и также заняла всякій уголокъ въ которомъ можетъ помѣститься человѣческая фигура; еще пониже, къ самому Виду, у деревни Дольній Нетрополь стоитъ бригада многострадальной 5-й дивизіи и румынская артиллерія. Словомъ, лазаретъ нашъ прикрытъ почтеннымъ отрядомъ и потому находится въ полнѣйшей безопасности насчетъ Османа. Не хочется мнѣ передавать все то что̀ я здѣсь слыхалъ отъ нашихъ офицеровъ и врачей посѣщавшихъ румынскій лагерь и лазаретъ. Румыны новички и младенцы въ военномъ дѣлѣ: они въ первый разъ участвуютъ въ серіозной войнѣ, а что про нихъ разказываютъ: и палатки ихъ лучше нашихъ, и подстилка вездѣ есть, и кормятъ солдатъ не ржаными сухарями, подъ часъ зеленаго цвѣта, а бѣлыми пшеничными *галетами*, даютъ солдатамъ кофе, рисовый супъ; а въ ихъ лазаретѣ есть сѣнники, матрацы, подушки, одѣяла, бѣлье, хорошая пища...

Сейчасъ (за полночь) прискакалъ казакъ съ приказомъ по дивизіи: немедленно приступить къ рытью землянокъ, имѣя въ виду зимнюю кампанію... Вотъ тебѣ и новость!... А мы-то мечтали: придемъ, разобьемъ и назадъ. Какъ бы не такъ! Не угодно ли зимовать въ полѣ. Грустно. А впрочемъ что̀ жь? Закопаемся въ землю и попробуемъ какъ живутъ болгарскія полевыя мыши и кроты.

Трестеникъ, 29-го октября.

Сегодня съ ранняго утра въ нашемъ лазаретѣ величайшая суета: приготовляютъ больныхъ къ отправкѣ въ дальнѣйшіе военно-временные госпитали; поѣдутъ въ транспортѣ всего 219 человѣкъ, а у насъ останется только 59. Значитъ не прошло еще одной недѣли какъ лазаретъ открылъ свои дѣйствія въ Трестеникѣ, а въ немъ уже было 278 больныхъ и почти всѣ дизентерики. Отправка больныхъ изъ лазарета хотя и облегчающее, но не легкое дѣло: нужно осмотрѣть и провѣрить у всѣхъ санитарныя книжки; нужно составить передаточные списки, осмотрѣть одежду, обувь, чтобы не замерзли въ дорогѣ, осмотрѣть всѣ повозки, есть ли въ нихъ подстилка: взять на дорогу говядины и рису, чтобы въ дорогѣ, на привалѣ, сварить горячую пищу, а для этого нужна посуда; взять чаю, разныхъ лѣкарствъ, чтобы не останавливать лѣченія и въ дорогѣ. Съ транспортомъ отправляется врачъ, нѣсколько фельдшеровъ, санитаровъ и лазаретной прислуги,—всѣхъ ихъ нужно обезпечить продовольствіемъ на нѣсколько сутокъ. Вотъ когда я воочію убѣдился что за хорошая, высоко-честная, истинно-христіанская душа нашъ дорогой Ал. Ив—чъ! Все и вездѣ самъ: и повозки осмотрѣлъ, и всѣхъ до единаго больныхъ, и говядину, и чай, и котелки; словомъ, ни единая телѣга не тронулась съ мѣста безъ его самаго тщательнаго осмотра. Что еслибъ о каждомъ транспортѣ больныхъ и раненыхъ такъ гуманно, такъ добросовѣстно заботились? Навѣрно не было бы нигдѣ того что мы видѣли и слышали въ Альтернацци.

Пользуясь общею суетой въ лазаретѣ и отсутствіемъ съ бивуака всѣхъ „господъ“, мой угрюмый Елисей Ив—чъ заблагоразсудилъ заняться стиркой моего и своего бѣлья въ желѣзномъ ведрѣ. Что еслибы вы могли хоть однимъ глазкомъ посмотрѣть на эту преуморительную стирку? Да что стирку, поглядѣли бы вы и на все наше бивуачное житье-бытье: и смѣхъ и горе! Теперь десять часовъ ночи; я сижу въ своей палаткѣ на опустѣлой коробочкѣ, когда-то наполнявшейся пирожками и цыплятами, о которыхъ теперь одно печальное вос-

поминаніе, пишу на чемоданѣ, на мнѣ полушубокъ, на ногахъ валенки, а ноги какъ ледъ, потому что ночь холоднѣйшая и земля въ палаткѣ настыла ужасно. Удивительная здѣсь природа: днемъ до того тепло, даже жарко, что ходимъ въ однѣхъ сорочкахъ, а вечеромъ всѣ въ шубахъ, полушубкахъ, у кого они есть, и только отогрѣваемся чаемъ и коньякомъ: ужь слишкомъ жестоко зябнемъ мы по ночамъ, никакіе полушубки не спасаютъ. Ложиться въ постель — чистое наказаніе; раздѣться нельзя, въ палаткѣ ужасно продуваетъ; такъ въ чемъ ходишь вечеромъ, въ томъ и въ постель.... Посуди же, каково въ солдатской палаткѣ, прямо на мерзлой землѣ безъ подстилки... Но не ахай впередъ, не волнуйся напрасно: третій день пять повозокъ четверками безостановочно возятъ у насъ пшеничные и ячменные снопы и солдатики наши зарываются отъ холода въ солому какъ въ пуховики. Удивительную и отчасти смѣшную картину представляютъ всѣ окрестности, гдѣ стоятъ наши и румынскія войска: и днемъ и ночью безъ остановки по всѣмъ направленіямъ тянутся почти безъ перерыва огромные обозы съ сѣномъ и снопами, — точно послѣ рабочей поры въ деревняхъ. Около бивуаковъ нагромоздили цѣлые скирды, завели даже молотьбу хлѣба, какъ будто у себя дома, какъ будто сельскіе жители готовятся къ зимѣ. Турки, полагаясь на своего Османа, увѣрены были что мы никоимъ образомъ не попадемъ на эту сторону Вида; поэтому на всемъ огромномъ пространствѣ отъ Вида до Искера, а оттуда до самой границы Сербіи, они не подумали даже объ уничтоженіи своего хлѣба и сѣна, собраннаго здѣсь прошлымъ лѣтомъ въ громаднѣйшемъ количествѣ. Вдругъ грянулъ гвардейскій громъ подъ Дубнякомъ: ни одно сраженіе въ мірѣ не производило, кажется, такого оглушающаго, ошеломляющаго впечатлѣнія какъ этотъ знаменитый бой нашей знаменитой гвардіи. Все турецкое населеніе отъ Дуная до Балканъ, отъ береговъ Вида чуть не до самой Сербіи, въ страшной паникѣ пустилось бѣжать куда глаза глядятъ, не имѣя времени и способности что-либо соображать, о чемъ-нибудь подумать. И вотъ вся эта обширная мѣстность, вся эта богатѣйшая придунайская житница со всѣми своими растительными сокровищами

досталась въ наши руки: по лугамъ одного Искера стоятъ тысячи стоговъ отличнѣйшаго сѣна; на всѣхъ поляхъ, по всѣмъ деревнямъ, оставлены Турками огромные скирды пшеницы и ячменя въ снопахъ; намъ остается только перевозить все это къ нашимъ бивуакамъ; а чтобъ и на это не морить напрасно лошадей, сдѣлано уже распоряженіе о переводѣ всей кавалеріи на Искеръ. Такъ вотъ откуда у насъ появились скирды сѣна и соломы. Это величайшее благодѣяніе Божіе, безъ котораго вся наша кавалерія и артиллерія скоро обратились бы въ пѣхоту. Какъ наглядно, какъ неотразимо сбываются здѣсь многознаменательныя слова молитвы: „посѣтивъ насъ краткимъ бывшія печали посѣщеніемъ, се изобильно изліялъ еси на насъ...“ А что̀ было бы съ нами, съ нашею арміей, еслибъ этого не случилось?

Вчера къ намъ въ лазаретъ пріѣзжалъ начальникъ дивизіи провѣдать *перваго раненаго* изъ нашей дивизіи. На долю Малороссійскаго полка выпало принести первыя двѣ жертвы войны: и перваго дизентерика, котораго я похоронилъ безъ гроба, и перваго раненаго. Съ 27-го на 28-е число предъ разсвѣтомъ конный турецкій патруль, пользуясь густымъ туманомъ, подъѣхалъ къ нашей аванпостной цѣпи и въ отвѣтъ на обычный вопросъ часоваго: кто идетъ? выстрѣлилъ почти въ упоръ. Пуля попала въ правую грудь, скользнула по ребру, прошла подъ мышкой и засѣла подъ правою лопаткой. Нашъ хирургъ Ал—скій скоро досталъ ее оттуда; во время операціи раненый сидѣлъ на стулѣ и тихо стоналъ, а когда я показалъ ему вынутую пулю, онъ немного успокоился. Быстро сдѣлали перевязку, уложили на солому, напоили чаемъ, покормили, и онъ скоро заснулъ. Рана совершенно не опасна. Сегодня даже этого раненаго отправили уже въ транспортѣ въ Россію.

Трестеникъ, 1-го ноября.

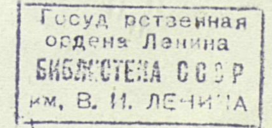
Наконецъ-то мнѣ удалось провѣдать моихъ дорогихъ товарищей - Сибирцевъ на ихъ бивуакѣ около селенія Горній Нетрополь. Третьяго дня, въ воскресенье 30 октября, Ал. Ив—чъ пригласилъ меня поѣхать вмѣстѣ съ нимъ въ штабъ дивизіи и на бивуаки всѣхъ полковъ; я съ радостію согласился. От-

служивъ обѣдницу и молебенъ подъ открытымъ небомъ, предъ нашими лазаретными шатрами, мы отправились въ недалекое путешествіе: отъ Трестеника до Нетрополя всего только пять верстъ; дорога идетъ параллельно теченію рѣки Вида, за которымъ весьма ясно виднѣются Плевнинскія высоты изрытыя турецкими редутами. Ближайшій и самый грозный изъ этихъ редутовъ называется Опанецъ; въ хорошую, ясную погоду его можно разсматривать простымъ глазомъ, иногда видны бываютъ даже двигающіяся фигуры турецкихъ солдатъ; а въ хорошій бинокль можно разсмотрѣть самыя насыпи и амбразуры, изъ которыхъ выглядываютъ крупповскія пушки. Всѣ эти грозные редуты въ настоящее время хранятъ гробовое молчаніе: на всѣ наши выстрѣлы и ожесточенные залпы Османъ какъ будто не обращаетъ ни малѣйшаго вниманія, — окапывается себѣ день и ночь и знать никого не хочетъ. Если у Османа хватитъ продовольствія на цѣлую зиму, на цѣлый годъ, то мы навѣрно простоимъ подъ Плевной и цѣлую зиму и цѣлый годъ, потому что позиціи его со стороны Вида совершенно неприступны: это отвѣсныя скалы, съ вершинъ которыхъ выглядываютъ пушки,—подходи кому жизнь не мила....

Версты полторы не доѣзжая до Нетрополя начинается бивуакъ Астраханскаго полка. Наружный видъ бивуака очень непригляденъ: повсюду какой-то хаосъ и полнѣйшій безпорядокъ, точно собралась въ полѣ какая-нибудь ярмарка: тутъ и люди и волы, буйволы, ослы, землянки, палатки, повозки, скирды сѣна и соломы; солдаты бродятъ то кучками, то въ одиночку и по лагерю и по всему полю за какими-то надобностями... Направо, противъ Астраханскаго бивуака, расположился недавно прибывшій вольнонаемный интендантскій транспортъ со своими черными, грязными будками, между которыми меланхолически бродятъ не менѣе черные и грязные погонцы—хохлы Подольской губерніи... Занесла же нелегкая этихъ мирныхъ обывателей въ такую страшную даль. Говорятъ что это погоня за наживой, а мнѣ кажется и еще что-то другое... Отчего не пускается сюда никто изъ Великоруссовъ? вѣдь и у нихъ не меньшая, если даже не бо́льшая погоня за наживой. Страсть къ чумакованью, къ далекимъ странствованіямъ,

присуща малорусской натурѣ; желѣзныя дороги парализовали эту народную страсть; настоящая война открыла ей широкій просторъ — и пошелъ нашъ хохолъ чумаковать, только не на волахъ, а на коняхъ....

Самое селеніе Нетрополь не больше нашего Трестеника и смотритъ точно также. Мѣстная небольшая каменная церковь сохранилась неразрушенною, хотя и ограблена Турками дочиста. Начальникъ дивизіи и командиръ 2-й бригады Л. К. Квитницкій помѣщаются въ домикахъ не много лучше любаго сарая, амбара или клѣтушки; адъютанты живутъ въ землянкахъ въ сосѣдствѣ съ буйволами; а начальникъ штаба, нашъ энергичный огневой М. П. Чайковскій, пріютился въ какой-то каморочкѣ, точно въ кельѣ затворника. Штабъ дивизіи помѣщается въ домикѣ мѣстнаго болгарскаго священника, семейство котораго живетъ рядомъ въ землянкѣ. Г—тъ повелъ меня и показалъ обстановку этой несчастной семьи; при входѣ мы застали слѣдующую картину: жена священника, женщина пожилая уже, въ длинной, толстой холщевой рубахѣ, въ доморощенно-суконной короткой свиткѣ, расшитой шнурками, съ закутаннымъ въ бѣлую чадру лицомъ, босая, сидѣла по-турецки на землѣ у очага, окруженная тремя босыми, полунагими ребятишками. Она жарила для нихъ кусокъ баранины, держа его одною рукой надъ угольями и поворачивая за реберную косточку, а другою поминутно отстраняла то одного, то другаго ребенка, которые съ крикомъ и жадностью порывались вырвать у нея изъ рукъ лакомый для нихъ кусокъ... Обстановка землянки ужасна. До слезъ больно было смотрѣть на это положеніе истинно безотрадное, на эту нищету безвыходную... Зашли въ церковь,—слѣды грабежа, варварства, богохульства на каждомъ шагу... Опытный, пожилой священникъ заранѣе убралъ изъ церкви и скрылъ въ землѣ всѣ иконы и утварь, какая была, но остались иконы написанныя на стѣнахъ и въ нишахъ алтаря, ихъ-то и не пощадилъ дикій турецкій фанатизмъ: у Христа Спасителя и у Божіей Матери штыками избодены пречистыя очи. По словамъ почтеннаго священника, Турки послѣ іюльскихъ событій съ какимъ-то дикимъ опьяненіемъ бросились неистовствовать въ болгарскихъ селеніяхъ

на этой сторонѣ Вида и, между прочимъ, безчинствуя и богохульствуя во святыхъ храмахъ, старались обращать ихъ въ самыя нечистыя, непотребныя мѣста! Доколѣ же Господи?...

Сибирцы наши стоятъ еще въ палаткахъ; начали было рыть землянки, но послѣдовало распоряженіе остановиться, въ виду того что бивуакъ можетъ передвинуться на другое мѣсто ближе къ позиціямъ нашей артиллеріи, около которой вырыты уже траншеи для караульныхъ частей пѣхоты. Бо́льшую часть пѣхоты мы застали около повозокъ маркитанта, конечно Жида. Всѣ шумятъ, кричатъ, всѣ со стаканами, рюмками, буттербродами, несмотря на послѣобѣденное время. Да что̀ такое у васъ случилось? Производство, батинька, производство. И начали мы обмывать новые чины, новые эполеты, погоны, звѣздочки, зашумѣлъ настоящій бивуачный пиръ. Славные, отличные ребята наши милые Сибирцы! Что за духъ, какая у всѣхъ энергія, отвага! На дняхъ трое изъ нашихъ офицеровъ среди бѣла дня промчались вихремъ за передовую турецкую цѣпь, погарцовали между турецкими часовыми и налѣво кругомъ маршъ, только ихъ и видѣли; поднялась тревога, посыпались пули въ догонку, а нашихъ молодцовъ поминай какъ звали! Недавно артиллеристы тоже выкинули штуку, только въ бо́льшихъ размѣрахъ: взяли по два орудія съ двухъ батарей, въ одно мгновеніе вылетѣли больше нежели на версту впередъ къ турецкимъ аванпостамъ, дали по два залпа, разогнали турецкихъ рабочихъ въ укрѣпленіяхъ, и маршъ назадъ на свои позиціи. Набѣгъ былъ сдѣланъ такъ ловко, съ такою поразительною быстротой или, какъ говорятъ здѣсь, съ такою чистотой въ отдѣлкѣ, что Турки не успѣли и глазомъ моргнуть, не успѣли сдѣлать ни одного выстрѣла въ отвѣтъ. Такихъ одиночныхъ молодецкихъ выходокъ много, настроеніе и духъ офицерства удивительные! Отъ того-то должно-быть такъ много и гибнетъ ихъ въ большихъ сраженіяхъ. Да что, даже у насъ въ нашемъ мирномъ безоружномъ лазаретѣ свирѣпствуетъ сильное воинственное настроеніе: нашъ бухгалтеръ и одинъ молодой врачъ ежедневно безпощадно стрѣляютъ изъ револьверовъ, только не по Туркамъ, а по турецкимъ одичалымъ собакамъ, которыя цѣлыми стаями бродятъ около на-

шихъ палатокъ. Грустную картину представляютъ разрушенныя турецкія деревни: на пепелищахъ остались только однѣ осиротѣлыя собаки; такихъ бездомныхъ собакъ здѣсь цѣлая пропасть, на двѣсти шаговъ отъ бивуака отойти нельзя; а по болгарской деревнѣ и днемъ и съ палкой ходить одному опасно. Часть сѣверной Болгаріи пройденная нами, это богатѣйшая житница съ превосходными полями и пастбищами; но разрушительный ураганъ войны пронесся по ней.

И въ поляхъ сиротой
Хлѣбъ не кошенъ стоитъ...
Вѣтеръ точитъ зерно,
Птица клюетъ его...

Обширныя поля съ кукурузой, подобно тому какъ и нескошенная травушка на степяхъ, такъ и стоятъ до сихъ поръ нетронутыя, застарѣлыя до того, что кукурузу нельзя уварить, хоть вари ее цѣлую недѣлю, словно окаменѣлая; впрочемъ наши солдатики ухитряются ее жарить на кострахъ: воткнутъ длинную кукурузину прямо въ огонь, подержатъ такъ съ полчаса, дадутъ ей только обгорѣть, почернѣть сверху, потомъ, оскобливъ ножомъ, начинаютъ грызть съ полною увѣренностью что она *почти* поспѣла. Результатъ одинъ: чрезъ два дня дизентерія и къ намъ въ лазаретъ. Эта окаменѣлая кукуруза много содѣйствуетъ быстрому развитію эпидеміи; а какъ ее запретишь ѣсть голоднымъ солдатамъ? Да и не голодные кушаютъ ее какъ лакомство, все же лучше зеленыхъ сухарей.

Трестеникъ, 5 ноября.

На дняхъ случились у насъ важныя перемѣны: вопервыхъ, перемѣнилось высшее начальство въ нашемъ западномъ отрядѣ,—герой Дубняка и Телиша, Гурко, отправился съ двумя дивизіями гвардіи впередъ по Софійскому шоссе, чтобъ очистить поле дѣйствій до самыхъ Балканъ, а если представится возможность, то перешагнуть и за Балканы. На мѣсто его назначенъ начальникомъ отряда нашъ корпусный командиръ. Вовторыхъ, наше житье перемѣнилось къ лучшему: послѣ двухнедѣльнаго промерзанія на бивуакѣ, мы перебрались подъ кровлю болѣе прочную нежели бивуачная палатка. За гвардіей

выступила и 4-я кавалерійская дивизія, штабъ которой занималъ всѣ домики въ нашемъ Трестеникѣ. Ал. Ив—чъ предложилъ мнѣ помѣститься вмѣстѣ съ нимъ и занять квартиру, въ которой жилъ бригадный кавалерійскій генералъ; отправляюсь я осмотрѣть это генеральское жилище и нахожу слѣдующее: земляной домикъ съ черепичною крышей и тремя окнами, съ крыльцомъ на столбикахъ,—хорошо, наружный видъ довольно представителенъ въ сравненіи съ землянками, въ которыхъ живутъ Болгары со своими буйволами и отвратительно ревущими ослами. Вхожу въ сѣнцы, меня обдаетъ навознымъ запахомъ, смотрю—обширныя сѣни всѣ сплошь завалены конскимъ навозомъ.—Чтó же это такое? спрашиваю дневальнаго.—Генеральская конюшня, отвѣчаетъ.—А гдѣ же самая квартира въ которой жилъ генералъ?—Вотъ здѣсь, отвѣчаетъ солдатикъ и отворяетъ дверь направо. Вхожу: небольшая комната, полъ земляной, по угламъ и вдоль стѣнъ проѣденный кротами и крысами, а въ срединѣ изрытый кавалерійскими шпорами и ножнами; вмѣсто обоевъ закоптѣлыя отъ дыма стѣны, почти такія какъ въ нашихъ русскихъ курныхъ избахъ; влѣво отъ двери желѣзная печка безъ заслонки для удержанія тепла; далѣе очагъ или деревенскій каминъ, устроенный прямо на полу, съ трубой которая не можетъ закрываться, имѣя полтора аршина въ діаметрѣ; тяга въ эту трубу страшная, какъ на заводахъ или на *поповкѣ*, о которой я писалъ изъ Одессы въ заключеніе всей прелести три окна, въ которыхъ ни одного цѣлаго стекла, а вмѣсто стеколъ вставлены русскія газеты. Послѣ сырой, низенькой, бивуачной палатки, въ которой осенній зефиръ съ морозомъ гуляютъ какъ у себя дома! эта генеральская квартира рядомъ съ конюшней показалась мнѣ очаровательнѣе всякаго палаццо... „Отлично, кричу я въ восторгѣ, Елисей Ив—чъ, поскорѣй тащите сюда наши вещи“! и чрезъ какихъ-нибудь полчаса я былъ уже полнымъ хозяиномъ генеральской квартиры.

Новое начальство, новыя распоряженія: пріостановленное на время рытье землянокъ приказано произвесть немедленно, и наша лазаретная прислуга и рота носильщиковъ уже закопались въ землю; а бивуакъ Сибирцевъ чрезъ нѣсколько дней

я почти не узналъ: ни единой палатки, весь полкъ уже въ землѣ... Торчитъ только одинокая, черная будка бригаднаго командира, который не согласился жить въ деревнѣ, а промерзаетъ себѣ на бивуакѣ наряду со всѣми офицерами и солдатами. Такъ какъ форма землянокъ не утверждена никакимъ лагернымъ уставомъ, то въ устройствѣ ихъ дозволяется полное личное благоусмотрѣніе, и нѣкоторые изъ нашихъ Сибирцевъ устроили себѣ землянки въ два-три отдѣленія, мечтали вырыть подземный полковой клубъ. Третьяго дня подъѣзжаю я къ сибирскому бивуаку и вижу: стоитъ кучка офицеровъ и между ними одинъ, нагнувшись, ворочается около землянки; издали я не могъ разобрать что̀ такое у нихъ творится; подъѣзжаю поближе и предо мной уморительная картина: нашъ полковой адъютантъ, нашъ изящный Л. А. П—въ, въ мундирномъ сюртукѣ съ засученными обшлагами собственноручно обмазываетъ глиной дымовую трубу, выводимую имъ изъ собственной его землянки. Собравшаяся на зрѣлище публика громкимъ смѣхомъ и аплодисментами поощряетъ молодаго художника... Землянка начинающаго архитектора-печника оригинальна: она безъ оконъ: безъ дверей и съ овсяною драпировкой,—и это кромѣ шутокъ вмѣсто дверей связанъ щитокъ изъ овсяной соломы; подымешь это соломенное драпри и влѣзешь въ какую-то темную, глубокую могилу... Хозяинъ полѣзъ туда первый, зажегъ свѣчу, потомъ спустились туда и всѣ прочіе посѣтители; сейчасъ угощеніе: коньякъ, сардинки и малиновое варенье... Преоригинальна бивуачная жизнь,—то хлѣба ни куска, а то вдругъ сардинки, варенье... У насъ въ лазаретѣ недостатка ни въ чемъ нѣтъ, но очень скучно, монотонно, все больные, больные и больные... Опять набралось у насъ болѣе 250 человѣкъ; докторамъ работы много, а у меня почти ежедневная печальная практика—хоронить безъ гробовъ. Но въ полку, гдѣ нерѣдко приходится сидѣть на пищѣ св. Антонія или мерзнуть цѣлую ночь безъ сна въ цѣпи на аванпостахъ, несмотря на эти лишенія, вездѣ раздаются залихватскія пѣсни, гремитъ полковая музыка, свирѣпствуетъ отчаянный штоссъ, кипитъ по своему безпардонная бивуачная жизнь... Пробудешь въ полку часа два, три—ѣхать назадъ не хочется. Въ прошлое воскресенье, какъ я уже пи-

салъ, обмывали *производство*, но, увы, производство это оказалось такимъ же пуфомъ какъ взятіе Плевны или разбитіе Турокъ въ несмѣтномъ количествѣ. Огорченные непроизведенные ухватились теперь за другой удобный случай: начали поздравлять другъ друга съ новосельемъ и обмывать новыя землянки, съ утра до вечера ходятъ гурьбой отъ одной до другой. Вчера до поздней ночи обмывали раскошный отель адъютанта,—вдругъ въ 2 часа ночи прилетаетъ записка: „Быть всѣмъ нáготовѣ“, ожидается вылазка со стороны Османа; въ ту же почти минуту раздается страшнѣйшая канонада на нашемъ правомъ флангѣ у Скобелева... Впрочемъ до настоящаго дѣла не дошло, простояли подъ ружьемъ до утра—и только. Подобныя фальшивыя тревоги случаются здѣсь чуть не каждую ночь и надоѣли всѣмъ ужасно; онѣ утомляютъ только бѣдныхъ солдатъ; впрочемъ, говоря правду, и безъ нихъ обойтись нельзя: война дѣло хитрое, тутъ держи ухо востро!...

Трестеникъ, 10-го ноября.

Въ прошлое воскресенье (6-го числа) я служилъ по обычаю обѣдницу и молебенъ; по окончаніи богослуженія я обходилъ со св. крестомъ всѣ наши лазаретные шатры и всѣ землянки, гдѣ помѣщаются наши больные, которыхъ у насъ было въ то время 298 чел. Это посѣщеніе благотворно дѣйствуетъ на болящихъ; многіе со слезами радости и горячей молитвы прикладываются ко кресту, слабые подползаютъ на колѣнахъ, а къ самымъ слабымъ, не могущимъ повернуться, самъ я подползаю... Посмотрѣли бы вы съ какою невыразимою отрадой встрѣчаютъ меня эти недугующіе, страждущіе! Мнѣ самому это хожденіе доставляетъ много утѣшенія: на душѣ становится какъ-то легче, отраднѣе... Но Болгары, бѣдные, несчастные Болгары, они совсѣмъ, кажется, утратили сознаніе того что они христіане. Когда я перехожу изъ одной землянки въ другую со св. крестомъ въ рукахъ, въ полномъ облаченіи, съ торжественнымъ пѣніемъ: *Спаси, Господи, люди Твоя,*—Болгары, даже старики, ни шапокъ не скидаютъ, ни ко кресту не прикладываются, да и перекреститься правильно не умѣютъ; о молодыхъ и малыхъ дѣтяхъ подросткахъ и говорить нечего: эти совсѣмъ не имѣютъ

никакого понятія даже о внѣшней сторонѣ христіанства. При входѣ во дворъ одной землянки намъ повстрѣчались три человѣка: старикъ, старуха и молодой парень, у котораго на рукахъ лежалъ ребенокъ завернутый въ бѣлый холстъ; судя по тому что этотъ парень держалъ въ лѣвой рукѣ зажженную тоненькую, желтую свѣчу, мы подумали что они несутъ умершаго младенца, оказалось совсѣмъ наоборотъ: они несли новокрещенаго; старуха — повивальная бабка, старикъ — священникъ, молодой парень — воспріемникъ, кумъ. По внѣшнему виду этого священника ничѣмъ нельзя было отличить отъ простолюдина: такое же убогое рубище, свитка, одинаковы и шапка и обувь. Поравнявшись съ нашею процессіей, даже старичокъ-священникъ не счелъ приличнымъ снять съ головы шапку, перекреститься, приложиться. Я остановилъ ихъ, сталъ разспрашивать (нѣсколько болгарскихъ словъ и фразъ я уже знаю). Оказалось что крещеніе совершено въ землянкѣ у священника.—„А есть у васъ Требникъ“? спросилъ я старичка. „Есть“, торопливо отвѣтилъ онъ.—„А епитрахиль“? „Имамъ, братушко, имамъ“, сказалъ онъ скороговоркой, видимо желая поскорѣе отъ меня отдѣлаться. Я заставилъ ихъ снять шапки, перекреститься и приложиться ко кресту и затѣмъ пошелъ дальше. Трустныя думы наводятъ на меня эти несчастные братушки и ихъ религіозное состояніе. Недавно я узналъ что они своихъ дѣтей-дѣвочекъ не крестятъ до 14 и 15 лѣтъ въ томъ предположеніи что дѣвочка, достигнувъ совершеннолѣтія, можетъ выйти замужъ за Турка, тогда ей не нужно будетъ перемѣнять вѣру...

Окончивъ хожденіе со крестомъ, я зашелъ въ убогое жилище старичка-священника. Вотъ нищета поразительная, душу раздирающая! Въ переднемъ углу землянки грызъ кукурузные стебли привязанный на веревкѣ барашекъ, а изъ глубины задней части выглядывали двѣ безсмысленныя головы бѣлоглазыхъ буйволовъ. Желая оказать мнѣ особенное почтеніе, добрый старикъ поспѣшно разостлалъ на земляномъ полу дырявую цыновку и пригласилъ меня *сѣсти*.

— Азъ пришелъ есьма, да видѣлъ быхъ книгу ту, *Требникъ* жь, сказалъ я, обратившись почтительно къ старичку.

— Добре, добре, отвѣчалъ онъ радушно и пошелъ въ отдѣленіе буйволовъ, гдѣ у него была библіотека и кабинетъ. Чрезъ нѣсколько минутъ онъ вынесъ оттуда и подалъ мнѣ нашъ русскій *Великій Требникъ*, московской печати, довольно еще новый.

— А мóга, братушко, чести книгу ту? опять спросилъ я.

— Мóга, мóга, охотно отвѣтилъ онъ и, развернувъ Требникъ, началъ читать. Читаетъ онъ почти правильно, но прочитаннаго видимо не разумѣетъ. Вообще всѣ Болгары понимаютъ древне-славянскій языкъ, отъ котораго сохранилось много словъ и грамматическихъ формъ въ ихъ современномъ народномъ языкѣ. Знаніе церковно-славянскаго языка не разъ облегчало для меня трудныя объясненія съ Болгарами.

— А епитрахилосъ има, братушко? снова полюбопытствовалъ я.

— Имамъ, имамъ, съ этими словами онъ обратился къ тутъ же стоявшей босоногой и оборванной дѣвочкѣ, его внучкѣ и сказалъ ей что-то по-болгарски; дѣвочка бросилась къ тѣмъ же буйволамъ и черезъ минуту принесла оттуда какой-то грязный-прегрязный свертокъ. Старичокъ взялъ его, развернулъ бережно и показалъ мнѣ. Слезы подступили мнѣ къ горлу при видѣ этой епитрахили, этой священной богослужебной одежды. Добрый старичокъ замѣтилъ впечатлѣніе произведенное на меня его епитрахилью и, съ грустью качая своею сѣдою головой, пояснилъ: „Всичко Турекъ забиралъ". При этихъ словахъ изъ сосѣдняго отдѣленія землянки вышла пожилая женщина съ деревянною чашкой въ одной рукѣ и съ ломтями хлѣба въ другой, а за нею та же дѣвочка тащила круглый, низенькій столикъ, вышиной не болѣе четверти аршина. Меня стали угощать какъ дорогаго гостя; въ чашкѣ была горячая *мамалыга*, полужидкая кукурузная кашица-размазня, заправленная бараньимъ жиромъ и съ такимъ количествомъ стручковаго перца что вся поверхность кашицы окрашена была темнокраснымъ цвѣтомъ. Зная что Болгары-простолюдины не имѣютъ понятія о ложкахъ, я отломилъ кусочекъ хлѣба, обмакнулъ его въ мамалыгу и проглотилъ. Въ одну секунду запылала у меня вся врутренность рта, горла, желудка; я сильно

закашлялъ; но, собравшись съ духомъ, проглотилъ и другой кусокъ. Гостепріимные хозяева при этомъ добродушно мнѣ кланялись, улыбались и нѣсколько разъ повторяли: „Благодарымъ, благодарымъ, братушко, Русь-попъ, карошъ, карошъ...“ Выходя изъ землянки, я подарилъ хозяйкѣ серебряный рубль, а внучкѣ двухфранковую румынскую монету; долго онѣ по установленному этикету не соглашались принять и только послѣ моего слова „на память то“ стыдливо приняли. Старикъ проводилъ меня до квартиры. Имя его Стефанъ, а по-болгарски попъ Стоянъ.

7-го числа мы праздновали взятіе Карса. Сказать ли правду: не знаемъ какъ у васъ, а у насъ это событіе не произвело особенно сильнаго впечатлѣнія; порадовались тому, что дѣла наши на Кавказѣ такъ блистательно поправились, что армія Мухтара разбита въ прахъ; но особеннаго значенія, какого-либо рѣшающаго вліянія на исходъ войны событіямъ этимъ вовсе не придаютъ. Здѣсь всѣ убѣждены, что центръ тяжести настоящей войны не тамъ, не на Кавказѣ, а здѣсь, у насъ за Дунаемъ, около Плевны... Вотъ еслибы мы ухитрились забрать Плевну, да еще вмѣстѣ съ Гази-Османомъ, это событіе было бы рѣшающее, событіе, которое сразу намѣтило бы и опредѣлило дальнѣйшій и несомнѣнно блистательный исходъ всей войны. Но когда это сбудется и какъ это сбудется — одинъ Всевѣдущій вѣдаетъ...

8-го числа, въ день Св. Архистратига Михаила, я отслужилъ обѣдницу и молебенъ, сначала у себя въ лазаретѣ, потомъ въ 11-мъ летучемъ артиллерійскомъ паркѣ, наконецъ на самой позиціи, во 2-й батареѣ нашей же артиллерійской бригады. Здѣсь къ молебну собралось все наше высшее начальство и отпраздновали на славу: благодаря ясной погодѣ, среди поля, подъ открытымъ небомъ, накрыли обѣденный столъ, пригласили нашу Сибирскую полковую музыку и въ виду турецкихъ редутовъ и аванпостовъ задали пиръ горой.

9-го числа погода измѣнилась; съ полуночи пошелъ дождь и хлесталъ цѣлый день. А тутъ какъ на бѣду въ этотъ именно день назначена отправка новаго транспорта съ больными, которыхъ у насъ на вчерашнее число состояло 354. Мой

дорогой сожитель Ал. Ив—чъ, проработавъ ночью до трехъ часовъ, съ разсвѣтомъ уже полетѣлъ въ лазаретъ и чаю не сталъ дожидаться. Весь день онъ пробылъ въ лазаретѣ, пока не осмотрѣлъ и самолично не отправилъ всѣ до единой, до послѣдней телѣги-будки... И чай и обѣдъ носили ему въ лазаретъ. Вечеромъ наступила и моя очередь, и я также отправлялъ троихъ въ тотъ безвременно-постоянный госпиталь, котораго никто изъ насъ не минетъ и никто изъ него не возвратится... По распоряженію начальства стали мы хоронить теперь не только безъ гробовъ, но и безо всякой казенной одежды, въ одномъ бѣльѣ. Тяжелое впечатлѣніе производитъ на душу такая форма погребенія, особенно еще подъ проливнымъ дождемъ. Бѣдному солдату приходится мокнуть не только въ походѣ, на бивуакахъ, въ траншеяхъ, но и при самомъ опусканіи на послѣднюю позицію, въ послѣднюю траншею-могилу... Впрочемъ не спѣшите осуждать такое повидимому негуманное распоряженіе, оно вызвано крайнею необходимостью и сдѣлано съ истинно-гуманною цѣлью: когда наступили порядочные утренніе морозы, оказалось что у многихъ солдатъ въ полкахъ не имѣется шинелей,—растеряли ли они ихъ, или промотали во время похода,—теперь трудно да и безполезно доискиваться, нужно немедленно помочь бѣдѣ, и вотъ стали мы раздѣвать мёртвыхъ, чтобы спасти отъ холода живыхъ... Трудную, тяжелую службу несетъ нашъ солдатъ, особенно на позиціи, въ цѣпи, на аванпостахъ. Позиція отъ полковаго бивуака верстахъ въ двухъ, если не болѣе; для занятія карауловъ на ней ежедневно отправляется очередной баталіонъ, который и выставляетъ отъ себя передовую цѣпь, днемъ довольно рѣдкую, а ночью весьма густую, часовой отъ часоваго шаговъ 30—50, и стоятъ они тутъ цѣлую ночь, не смыкая очей, дрожа отъ холода, промокая до костей отъ осеннихъ ливней; а чуть зазѣвался,—турецкая пуля тутъ какъ тутъ... У насъ уже были три случая раненія неосторожныхъ часовыхъ... На полковыхъ бивуакахъ выкопаны землянки, натаскано много соломы, кукурузы и сырыхъ дровъ, можно развести костры и обогрѣться, обсушиться; на позиціи ничего этого нѣтъ: открытое поле, изрытое ровиками, траншеями, въ которыхъ сидятъ

на корточкахъ караульныя роты; пойдетъ дождь, набѣжитъ вода въ ровики, а ты сиди, не смѣй тронуться съ мѣста; наступитъ къ утру морозъ, замерзнетъ подъ ногами вода и грязь въ ровикахъ, обледенитъ сапоги, а ты сиди себѣ или стой на часахъ до новой смѣны, новой очереди; каково же должно быть положеніе тѣхъ солдатъ, у которыхъ на такое время и шинелишки не оказалось? Поневолѣ станешь раздѣвать мертвыхъ, чтобы прикрыть живыхъ... Слава Богу что продовольствія еще хватаетъ: говядины вдоволь, хлѣбъ начали печь сами; всѣ полки нашей дивизіи устроили у насъ въ Трестеникѣ земляныя печи и денно-нощно выпекаютъ хлѣбъ; мука до сего времени подвозилась исправно. Но вотъ настаютъ дожди, подвозъ навѣрно замедлится, если вовсе не прекратится; поговариваютъ что напоромъ льда можетъ снести наши мосты на Дунаѣ, что̀ тогда?... Грустно и страшно!...

Трестеникъ, 15-то ноября.

Совсѣмъ забылъ, писалъ ли я о послѣдней операціи, которую сдѣлалъ нашъ почтенный хирургъ Ал—скій одному раненому солдату Астраханскаго полка? Операція была продолжительная, тяжелая, но, благодаря Бога, совершенно удачная. Пуля ударила въ лѣвую руку, ниже локтя, разбила составной конецъ локтевой кости и засѣла гдѣ-то между обломками. Пока раненому сдѣлали перевязку въ полку, пока его привезли къ намъ, раненая рука успѣла сильно распухнуть, такъ что ощупать мѣсто, гдѣ именно засѣла пуля, было уже очень трудно; порѣшили употребить хлороформъ, и когда больной, подъ вліяніемъ этого сильнаго наркоза, безчувственно заснулъ, начали доискиваться пули: хирургъ запустилъ свой мизинецъ въ рану и сталъ ощупывать каналъ, по которому прошла пуля: оказалось сильное раздробленіе костей, а пули нѣтъ; сдѣлалъ разрѣзъ ниже входнаго отверстія раны, запустилъ туда палецъ,—нѣтъ пули, сдѣлалъ другой разрѣзъ съ другой стороны—опять нѣтъ; а крови-то, крови—страсть!.. Опять полѣзъ по каналу и въ то же время другіе два врача вложили свои пальцы въ разрѣзы и такимъ образомъ охватили всю руку около костей, стали вытаскивать изъ разрѣзовъ осколки и

когда вытащили разрушенный составной конецъ локтевой кости, подъ нимъ-то оказалась засѣвшею пуля. Сдѣлавъ частичную резекцію, тотчасъ же наложили гипсовую повязку и привели несчастнаго страдальца въ чувство... На вопросъ: что̀ онъ чувствуетъ? мой бѣдный Ковбаса (Кіевской губерніи) тихо отвѣтилъ: „нічого, только рука моя что-то *не ворушитця*...“ Ему дали теплаго чаю съ нѣсколькими каплями бѣлаго вина и онъ скоро подкрѣпился, несмотря на то что вся операція продолжалась болѣе получаса и съ большою потерей крови... По его желанію, я показалъ ему пулю, разбившую его кости и разбившуюся о его кости, онъ осмотрѣлъ ее, тяжело вздохнулъ и просилъ меня сохранить ее до полнаго его выздоровленія. Теперь у насъ на очереди еще болѣе тяжкая операція: предполагаютъ, что придется перевязывать глубоко лежащую сонную артерію. Одному бѣдному солдату Фанагорійскаго полка; пуля угораздила въ верхушку лѣвой нижней челюсти, раздробила ее съ зубами, прошла подъ языкомъ и выскочила въ концѣ нижней губы съ правой стороны, выбивъ ему и передніе зубы. Языкъ до того опухъ, что только посредствомъ зонда можно вводить ему нѣсколько капель бульйона для питанія. На несчастнаго раненаго и смотрѣть страшно, такъ онъ изуродованъ... Третій уже день ожидаютъ, откроется или нѣтъ артеріальное кровотеченіе? Если откроется, тогда неизбѣжна будетъ перевязка сонной артеріи выше того мѣста, гдѣ отъ нея исходятъ развѣтвленія, проникающія подъ языкъ. Операція, по словамъ нашихъ врачей, одна изъ труднѣйшихъ и за исходъ ея нельзя ручаться... Есть и еще у насъ раненые: одному казаку пуля проборороздила всю спину поперекъ; другому конно-артиллеристу, въ то время когда онъ поднялъ ногу въ стремя пуля, оторвала большой палецъ на поднятой ногѣ, но все это считается пустяками... Всѣ эти раненые чисто случайные: кто въ цѣпи на аванпостахъ, кто на фуражировкѣ; настоящаго болѣе или менѣе крупнаго дѣла еще, слава Богу, не было; за то больныхъ у насъ не мало: дизентерія свирѣпствуетъ уже очень сильно, унося каждый день по нѣскольку человѣкъ въ могилу. Вчера отправили третій транспортъ съ больными въ ближайшій военно-временный госпиталь, недавно

открывшій свои дѣйствія въ деревнѣ Медованъ, южнѣе Дольняго Дубняка, вверхъ по теченію Вида. Возьми карту и посмотри; а пока ты будешь отыскивать на картѣ, я немножко отогрѣю руки—страсть какъ озябли... Наша горница съ Богомъ не спорница, на дворѣ тепло и въ ней жить можно; а чуть морозъ или холодный вѣтеръ, такъ въ ней и зубовъ не соберешь... А все же лучше нежели въ бивуачной палаткѣ... Вчера, напримѣръ, цѣлый день хлесталъ дождь и бушевалъ сильный вѣтеръ, такъ что наши лазаретные шатры еле-еле выдержали; сегодня дождя нѣтъ, но вѣтеръ такой же и ходитъ онъ по нашей горницѣ другія сутки, какъ хозяинъ-большакъ, и ничего съ нимъ не можемъ подѣлать; заклеили полокна бумагой, а онъ ее рветъ, позаткнули щели въ дверяхъ, въ оконныхъ рамахъ, а онъ въ трубу очага, которую и заткнуть нельзя, такая она большая, широкая; затопилъ бы желѣзную печку, да дровишекъ жаль,—топимъ только на ночь, чтобы разогрѣть ужинъ и чтобы теплѣе было ложиться въ постель. Не знаемъ, будемъ ли мы зимовать въ этой хаткѣ или еще придется куда-нибудь двигаться. Недавно здѣсь разнесся слухъ что на наше мѣсто придутъ изъ Россіи свѣжія войска 1-го и 10-го корпуса, а мы двинемся за гвардіей по Софійскому шоссе за Балканы. Если это правда, то новый походъ будетъ несравненно труднѣе перваго; въ зимнее время, по мѣстности гористой, въ Балканахъ путешествовать слишкомъ несподручно... Балканы теперь отъ насъ не болѣе пятидесяти верстъ и при ясной погодѣ ихъ отчетливо видно со всѣми ихъ причудливыми вершинами; но для насъ гораздо лучше было бы еслибы мы ихъ никогда не видали: всякій разъ какъ они покажутся во всей своей дикой красѣ, обрисуются со всѣми подробностями, даже съ лежащимъ на нихъ снѣгомъ,—такъ и жди на завтра перемѣны погоды къ худшему. Къ этому явленію мы уже привыкли: третьяго дня, при закатѣ солнца, мы любовались дѣйствительно величественными очертаніями балканскихъ конусовъ,—точь въ точь нашъ далекій, незабвенный Алтай,—а вчера цѣлый день хлесталъ дождь и бушевалъ холодный вѣтеръ.

Досадно что газеты мы получаемъ удивительно неисправно:

вчера получили отъ 25 октября. Вы получаете на третій, а мы на двадцатый день, и то о чемъ вы уже забыли, то служитъ для насъ животрепещущею новостью; а между тѣмъ отъ мѣста происшествій вы живете за тысячу верстъ, а мы — въ десяти верстахъ. День и ночь мы слышимъ жестокую канонаду, такъ что наши бумажныя окна и самая гипюрная хатка наша поминутно вздрагиваютъ,—а гдѣ эта канонада и какіе отъ нея результаты—мы ничего не знаемъ. Прежде шли походомъ *ощупью*, а теперь живемъ *ощупью*, не зная чему вѣрить, за что́ ухватиться... Поутру пронесется одинъ слухъ, къ обѣду—другой, на ужинъ третій... Безплоднымъ догадкамъ и безтолковымъ толкамъ конца нѣтъ, такъ что дѣлается досадно и тоска начинаетъ подступать сильнѣйшимъ образомъ. Поѣдешь на бивуакъ къ Сибирцамъ, завернешь въ штабъ дивизіи, и тамъ знаютъ не больше нашего. Одни говорятъ что на дняхъ Османъ попытается прорваться изъ Плевны, другіе утверждаютъ что онъ объ этомъ и думать не смѣетъ, а просто вынужденъ будетъ сдаться на капитуляцію... Со дня на день всѣ *чего-то* ожидаютъ; *что-то* непремѣнно должно произойти, случиться; а что́ именно, гдѣ, какъ и когда — это и служитъ для всѣхъ неистощимою темой къ безконечнымъ толкамъ, спорамъ, предположеніямъ, или вѣрнѣе: переливанію изъ пустаго въ порожнее... Тоска!...

Трестеникъ, 19 ноября.

Слава Богу! Обложеніе Плевны попало наконецъ въ твердыя и надежныя руки: номинальнымъ начальникомъ обложенія считается румынскій князь Карлъ, а дѣйствительнымъ—его помощникъ нашъ знаменитый герой и защитникъ Севастополя, Тотлебенъ. Это назначеніе принято во всей арміи съ восторгомъ и надеждами: начинаютъ вѣрить, что исходъ обложенія Плевны можетъ быть блестящій. На дняхъ онъ осматривалъ *самолично* (а это имѣетъ здѣсь громадное значеніе) укрѣпленія нашей позиціи и признавъ ихъ никуда негодными... Орлинымъ взглядомъ онъ указалъ важнѣйшіе пункты и приказалъ сейчасъ же приступить къ возведенію новыхъ укрѣпленій. Закипѣла работа: каждый день на позицію высылается не 300,

а 1.500 человѣкъ рабочихъ съ шанцевымъ инструментомъ, а вмѣсто одного баталіона въ караулъ на позицію выходитъ теперь ежедневно цѣлый полкъ. Замѣчательно что для рытья землянокъ не доставало лопатъ, ломовъ, кирокъ, вообще шанцеваго инструмента, а тутъ неизвѣстно откуда онъ взялся, хоть на 10.000 человѣкъ. Какъ много значитъ сильная воля и власть!.. Эти энергическія распоряженія пробудили задремавшую было бивуачную жизнь, а къ намъ въ лазаретъ прибавили порядочное количество больныхъ. Почти вся прошлая недѣля и на бивуакахъ и у насъ въ лазаретѣ прошла особенно какъ-то скучно и монотонно: погода во все время была отвратительная; а въ такую погоду какія можно придумать развлеченія? И сидимъ мы невылазно, каждый въ своей конуркѣ, съ утра идемъ въ лазаретъ, всякій по своимъ прямымъ обязанностямъ, обходимъ землянки съ больными, а это составляетъ не маловажный и не легкій трудъ, и къ обѣду возвращаемся домой порядочно усталые и всегда до колѣнъ грязные. Послѣ обѣда никогда не спимъ: мой дорогой сожитель, мой неусыпный труженикъ Ал. Ив. садится за свою нескончаемую письменную работу, а я за дневникъ или за письма. Вечерній чай пьемъ въ 6 часовъ, ужинаемъ въ 10, я ложусь спать въ 12, а сожитель еженощно просиживаетъ до 2—3 часовъ. Всѣ почти бумаги ему приходится писать собственною рукой, потому что помощники его по письменной части люди совершенно не подготовленные къ этому дѣлу и къ тому же малограмотные; а писанья страсть. Корпусный врачъ требуетъ свѣдѣній, начальникъ дивизіи требуетъ того же, какой-то отрядный врачъ, полевое военно-медицинское управленіе, главное военно-медицинское управленіе, главный штабъ—всѣ требуютъ свѣдѣній ежедневныхъ, семидневныхъ, десятидневныхъ, полумѣсячныхъ, ежемѣсячныхъ, ну, просто страсть,—настоящая египетская работа, для исполненія которой нужна цѣлая канцелярія, какъ въ любомъ присутственномъ мѣстѣ; а у насъ всего три писаря, и тѣ, когда стояли мы на бивуакѣ, помѣщались въ одной солдатской палаткѣ и гнулись въ ней, какъ говорится, въ три погибели, согрѣвая по ночамъ замерзавшія чернила и собственныя коченѣющія руки своимъ дыханіемъ, какая же тутъ могла

быть работа? И сидитъ поэтому мой бѣдный сожитель и работаетъ за десятерыхъ. Посмотрѣли бы вы на него въ такія минуты: въ дубленомъ полушубкѣ, въ мѣховой шапкѣ, въ валенкахъ, съ согнутой спиной, съ измученнымъ лицомъ, заваленный кипами бумагъ, онъ представляетъ изъ себя въ это время поучительный и вмѣстѣ высокій образецъ честнаго труженика. О, еслибы такъ работали всѣ наши должностныя лица!..

Началъ это письмо до обѣда, продолжаю послѣ ужина, а кончу либо завтра, либо Богъ вѣсть когда... Дѣло въ томъ, что во время нашего обѣда прискакалъ изъ штаба дивизіи казакъ съ приказаніемъ: „Быть особенно осторожными въ ночь съ 19 на 20 (то-есть сегодня), потому что отъ братушекъ, бѣжавшихъ изъ Плевны, получено свѣдѣніе, что Османъ въ эту ночь рѣшается прорваться чрезъ наши позиціи на Виддинскую дорогу, которая идетъ на Нетрополь, а кратчайшая на нашъ Трестеникъ. Хотя подобныя фальшивыя тревоги порядочно уже всѣмъ намъ надоѣли, а все же поднялась суета, кутерма, сборы на всякій случай; а на дворѣ дождь какъ изъ ведра льетъ... Ал. Ив. до самаго ужина не приходилъ домой, все распоряжался по лазарету; а я, собравъ всѣ свои пожитки, не выдержалъ характера и присѣлъ было дописывать это письмо; но только что я усѣлся какъ вбѣгаютъ два нашихъ врача и, заставъ меня на мѣстѣ преступленія, преехидно подтрунили, что Османъ захватитъ меня въ Трестеникѣ, какъ Архимеда въ Сиракузахъ, и непремѣнно за письмомъ, какъ того за чертежами... Смѣйтесь, друзья, говорю имъ, а у самихъ, небось, на душѣ кошки скребутъ... Вообще мои частыя письма служатъ здѣсь мишенью для всяческихъ остротъ: одни увѣряютъ, что сдѣлано уже распоряженіе объ открытіи особаго полеваго почтоваго отдѣленія для пріема однихъ только моихъ писемъ, а другіе говорятъ, что нанимается особый вольнонаемный транспортъ для ихъ перевозки... А пусть ихъ смѣются!.. Не для людей, и не для славы:

Мережані та кучеряви
Оці вірши віршую я,—
Для себе, братія моя...

Предъ ужиномъ былъ у насъ лазаретный консиліумъ, но не медицинскій, а политико-стратегическій, на которомъ по общему убѣжденію всѣхъ присутствовавшихъ признано несомнѣннымъ, что въ такую пакостную погоду никакой Османъ не въ состояніи будетъ двигаться съ цѣлою арміей, съ артиллеріей и еще по такой отвратительной дорогѣ какая теперь у насъ въ Трестеникѣ; поэтому мы можемъ провести нынѣшнюю ночь совершенно безмятежно, благодаря только нашей новой союзницѣ-погодѣ. Однако, несмотря на такіе убѣдительные доводы, у многихъ не сходило съ ума; ну, а если?... Встревоженное чувство не скоро вѣдь урезонишь... Вотъ она настоящая-то жизнь военная, постоянно тревожная, поминутно опасная... Нарочно не дописываю этого письма до завтра. Что-то будетъ? Навѣрно ничего не выйдетъ, а все-таки на душѣ скверно...

P. S. 20 ноября. Спали-ночевали преотмѣнно... Союзница сдѣлала свое дѣло: Османа не пустила изъ Плевны, а намъ дала возможность провести ночь спокойно. Сегодня утро великолѣпное, теплое, ясное, на голубомъ небѣ ни единаго облачка... и на душѣ такъ хорошо, ясно, пока не явится еще какой-нибудь казакъ... До свиданья.

Трестеникъ, 23-го ноября.

Кажется я уже писалъ о томъ какую тяжелую службу несутъ наши бѣдные солдаты, въ особенности на позиціи, на аванпостахъ; то же самое наряду съ ними переносятъ и всѣ офицеры, особенно тѣ, которые вовремя не запаслись полушубками. Не подумай что это послѣднее обстоятельство произошло отъ ихъ небрежности, нерадѣнія о себѣ,—нѣтъ, многіе и доселѣ со дня на день все ожидаютъ присылки полушубковъ, заказанныхъ ими въ Москвѣ или обѣщанныхъ родными; многіе даже получили уже давно письма съ увѣдомленіемъ, что полушубки высланы, а ихъ все-таки нѣтъ какъ нѣтъ. Наше полевое почтовое управленіе такъ хитро-мудро организовало здѣсь почтовыя сообщенія, что отъ самаго начала кампаніи и до сего дня еще никто, кажется, во всей дѣйствующей арміи (исключая сильныхъ міра сего) не получалъ ни единой посылки; письма и газеты еще кое-какъ доплываютъ

сюда, хотя чуть не черезъ мѣсяцъ, но посылки никакъ не могутъ добраться... Говорятъ что онѣ цѣлыми горами навалены на всѣхъ главныхъ этапахъ военной дороги отъ границъ Россіи до самаго Дуная: въ Унгенахъ, Яссахъ, Букурештѣ, Фратештахъ, Зимницѣ и Систовѣ; но отъ этого намъ нисколько не легче. Мы знаемъ, напримѣръ, что въ Румыніи есть отличный бѣлый пшеничный хлѣбъ, который выдавали намъ въ Яссахъ; знаемъ что у румынскихъ солдатъ отличныя пшеничныя галеты, но опять-таки отъ этого намъ ничуть не легче, и наши любезные соотечественники—ржаные сухари, сплошь и рядомъ покрытые зеленою плѣсенью, отъ всего этого не дѣлаются вкуснѣе... Вчера я долго сидѣлъ у больныхъ офицеровъ въ землянкѣ и много мы тутъ толковали. И всѣ разговоры, и всѣ горячія, откровенныя рѣчи сводятся къ одному знаменателю: армія наша стоитъ здѣсь подъ Плевной не первый мѣсяцъ,—28 іюля и 30 августа осязательно убѣдили всѣхъ и каждаго, что лбомъ стѣны не прошибешь, какъ бы ни былъ крѣпокъ лобъ, что приходится повести правильное обложеніе, которое можетъ затянуться и еще на нѣсколько мѣсяцевъ, на цѣлую зиму, а можетъ-быть на цѣлый годъ; что̀ же сдѣлано для обезпеченія арміи всѣмъ необходимымъ для такого обложенія и на такое время? Въ продолженіе прошлыхъ мѣсяцевъ, ворчатъ пессимисты, можно бы кажется было придвинуть сюда чуть не полъ-Россіи со всѣми ея питательными и одѣвательными запасами, а мы надвигаемъ только новыя тысячи солдатъ съ ихъ неугомонными желудками, и выходитъ что спросъ громадный, а предложеніе ничтожно. За все про все отдувается у насъ одна бумага,—„все, дескать, обстоитъ благополучно", но изъ бумаги полушубка не сошьешь и супа не сваришь... Случается говорить и съ солдатами; зайду въ землянку, присяду, разговорюсь о томъ, о семъ, а въ концѣ-концовъ выйдетъ по пословицѣ: у кого что̀ болитъ, тотъ о томъ и говоритъ. „Все бы это ничего, разсуждаютъ солдаты, говоря о невзгодахъ бивуачной жизни,—можно бы какъ-нибудь, да сухари насъ больно допекаютъ... Будь сухарь настоящій, да кабы ежели полушубки, валенки,—и горя бы мало, а то..." Какъ наслушаешься этихъ горькихъ словъ, какъ посмотришь

что̀ вокругъ тутъ дѣлается, такъ на душѣ у тебя станетъ куда какъ не хорошо... Впрочемъ у насъ собственно, въ нашемъ лазаретѣ, относительно еще слава Богу... Ты не можешь себѣ представить какое величайшее благодѣяніе составляетъ здѣсь *солома!* Она и подушка, и тюфякъ, и одѣяло, а для больнаго человѣка — тепло, покой важнѣе самой пищи. Но это благодѣяніе оказали намъ глупые Турки, а безъ этого Богъ знаетъ что̀ бы было!... Прощай.

P. S. Все забываю написать тебѣ объ одномъ болгарскомъ обычаѣ, который мнѣ очень нравится. Каждый разъ какъ я побываю на нашемъ грустномъ кладбищѣ (а я бываю тамъ буквально каждый день) все собираюсь непремѣнно написать и, мнѣ кажется, все еще и доселѣ не писалъ. У Болгаръ есть обычай часто посѣщать особенно свѣжія могилы, чьи бы онѣ ни были, и *поливать* ихъ водой, непремѣнно въ томъ мѣстѣ гдѣ голова умершаго... Можетъ-быть въ основаніи этого обычая лежитъ какое-нибудь суевѣріе, а можетъ-быть это остатокъ старины глубокой; но мнѣ этотъ обычай нравится не по суевѣрію своему, а по тому хорошему чувству, которое не позволяетъ забывать усопшихъ, кто бы они ни были, которое побуждаетъ такъ или иначе выражать къ нимъ свое сочувствіе, свою духовную съ ними связь... Почти въ продолженіе цѣлаго мѣсяца я ежедневно встрѣчаю на кладбищѣ какую-нибудь старушку-Болгарку съ большимъ кувшиномъ свѣжей воды, и когда осмотрю вчерашнія и прежнія могилы нашихъ бѣдныхъ солдатиковъ, непремѣнно нахожу что всѣ онѣ политы и на нихъ положены сухіе васильки или чернобривцi-бархатки. До слезъ меня трогаетъ этотъ обычай... Прощай.

Трестеникъ, 27-го ноября.

Что̀ же бы написать тебѣ отраднаго хорошаго?... Да ни того ни другаго у насъ не имѣется; жизнь тянется какая-то неладная, тревожная: съ часу на часъ ожидаемъ вылазки Османа, Полевой телеграфъ работаетъ день и ночь, передавая изъ отряда въ отрядъ мельчайшія примѣты и наблюденія. Вчера, по неизвѣстной намъ причинѣ, вся артиллерія нашей дивизіи

производила усиленную канонаду противъ редутовъ и предмостныхъ укрѣпленій на турецкомъ берегу Вида.

Погода у насъ стоитъ перемѣнная—то дождь, то ведро; по утрамъ бываютъ туманы; но два-три дня ясныхъ, не дождливыхъ не въ состояніи просушить здѣшней черноземно-глинистой грязи; поэтому на бивуакѣ у своихъ Сибирцевъ я почти цѣлую недѣлю не былъ,—жаль лошадокъ мучить, а дѣла туда никакого нѣтъ. Сообщеніе между нами идетъ посредствомъ конныхъ вѣстовыхъ, которые ежедневно мѣряютъ пространство между Нетрополемъ и Трестеникомъ. Затрудненія въ сообщеніяхъ особенно отражаются на нашемъ лазаретѣ: транспортовъ нѣтъ, больныхъ отправить не на чѣмъ, а они прибываютъ, ежедневно и теперь у насъ опять накопилось болѣе 250 человѣтъ. Лежатъ они въ землянкахъ, потому что въ нихъ все же теплѣе нежели въ нашихъ лазаретныхъ шатрахъ, стоящихъ на горѣ и продуваемыхъ холоднымъ вѣтромъ. Чтобы разъяснить хоть сколько-нибудь значеніе вчерашней канонады, Ал. Ив. сегодня ѣздилъ верхомъ въ штабъ дивизіи и ничего новаго не привезъ оттуда; хорошо хоть то, что онъ узналъ о прибытіи туда транспорта съ сухарями, значитъ дня черезъ два-три у насъ въ лазаретѣ сдѣлается просторнѣе. А на позиціяхъ все та же старая пѣсня, ежедневно повторяемая: „быть осторожнѣе, быть наготовѣ...“ Скучно и какъ-то на душѣ не спокойно... Прощай.

ГЛАВА III.

Подъ Плевною.

30-го ноября.

Что̀ мы пережили!... Плевна пала! Сибирцы и Малороссы на своихъ плечахъ вынесли всю тяжесть жестокой битвы. Не могу писать; сейчасъ ѣду хоронить нашихъ убитыхъ; сколько ихъ, не знаю; но поле на пять верстъ усѣяно трупами... Что̀ я видѣлъ! что̀ я видѣлъ! Уже третій день, а я безъ ужаса не могу вспомнить что̀ я видѣлъ!...

Утѣшь кого можешь; успокой кого знаешь; начинаю скорбный листъ: убиты,—молитесь, горячо молитесь за этихъ страдальцевъ,—Сибирцы: Лихачевъ, Мѣшковскій, Кантеровъ, Горшковъ, Пашкевичъ, Малороссы: Манассеинъ, Тараткевичъ, Кутузовъ, Тимашевъ, больше не знаю. Контужены опасно: Баневичъ, Щитъ-Немировичъ; ранены тяжело: Стерлинговъ, Гиршфельдъ, Нестеровъ, Бзовскій, Катинъ, Новгородскій, Буцковскій, Шпицбартъ, Геннушъ, Масловъ, Краснодембскій, Бекаревичъ, другихъ не знаю. Прощай, молись...

2-го декабря.

Работы свыше силъ человѣческихъ! Врачей благословляю; у насъ 700 раненыхъ и ни одной сестры милосердія... Тяжело мнѣ ужасно: день и ночь въ лазаретѣ, оторваться нельзя. Вѣрю, ты молишься... Бога ради, не преставай моляся!... Здоровья, силъ физическихъ мнѣ проси! Устаю, изнемогаю, а дѣла впереди конца не видно... Сегодня отправили 200 ране-

ныхъ, завтра еще 200 и т. д. Станетъ просторнѣе, будетъ свободнѣе, напишу больше... Молись...

4-го декабря 1877 года.

Только вчера пріѣхалъ Красный Крестъ, а сестры опять ни одной. Навалили на меня все; бѣлье, полушубки, шапки, фуфайки, одѣяла, табакъ, вино и проч. Работы пропасть.... но теперь работаемъ съ удовольствіемъ: польза есть, раненые довольны. Мой Елисей трудится за пятерыхъ. Врачи наши—-друзья человѣчества,—Работаютъ съ восьми утра до трехъ часовъ ночи.... А сколько я уже похоронилъ!... Боже, какъ это грустно, тяжело!... Еще дня два, три, и мы отправимъ всѣхъ раненыхъ. Погода отвратительная: мокрый снѣгъ хлопьями, а мы цѣлый день на открытомъ воздухѣ, укладываемъ, провожаемъ.... Прощай.

Трестеникъ, 7-го декабря.

Вчера утромъ, при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ, мы отправили послѣдній транспортъ съ одними только больными; раненые уже всѣ отправлены.... Погода совсѣмъ испортилась: всю ночь и цѣлый вчерашній день и сегодня тоже валитъ густой, мокрый снѣгъ, залѣпляя глаза, увеличивая и безъ того невылазную грязь. Отправивъ транспортъ и возвратившись въ свою хатку, мы задали себѣ полный отдыхъ. Насколько физическія силы наши требовали возстановленія и укрѣпленія, можешь заключить изъ того что, завалившись въ постель около 12 часовъ дня, мы проснулись только въ 10 часу ночи, напились чаю, крѣпко поужинали и опять на боковую; а сегодня проснулись въ 7 часовъ,—значитъ проспали около 15 часовъ.... Чтò случилось съ нами, то самое было, безъ сомнѣнія, и въ квартирахъ всѣхъ прочихъ врачей, потому что работа была для всѣхъ одинаково тяжелая и неустанная.... Итакъ, цѣлыхъ восемь дней мы заняты были такъ, что о письмахъ и думать было нѣкогда; урывками, на клочкахъ бумаги, я все-таки послалъ тебѣ двѣ, три записочки, и то благодаря тому обстоятельству, что какъ-то отъ нечего дѣлать, еще дня за три до Плевны, я написалъ адресы на нѣсколькихъ конвертахъ, какъ

будто предчувствуя, что наступитъ такое время когда и адреса нѣкогда будетъ написать.... Не знаю съ кѣмъ и какъ я послалъ эти записочки, не помню и того что̀ написалъ въ нихъ; получишь—хорошо, не получишь—потери не много. Теперь, отдохнувъ совершенно, начинаю приводить свою голову въ порядокъ и припоминать все что̀ случилось, что̀ я видѣлъ, слышалъ, дѣлалъ: постараюсь быть послѣдовательнымъ. Но куй желѣзо пока оно горячо, пиши письма, описывай событія, предметы, явленія, пока все это непосредственно дѣйствуетъ на твое воображеніе, волнуетъ тебѣ кровь; пропустишь эти неповторяемые моменты, и многое пропадетъ. Въ подогрѣтомъ супѣ далеко не тотъ вкусъ что̀ въ свѣжемъ. Теперь уже другіе предметы, другія явленія выступили на сцену, и прежнихъ думъ, и прежнихъ чувствъ никто не въ силахъ воскресить.... Вѣришь ли, мой другъ, до слезъ мнѣ жаль, что не было у меня ни малѣйшей возможности написать тебѣ нѣсколько строкъ въ то горячее время какое мы пережили послѣ плевнинскаго боя; эти строки, я увѣренъ, дышали бы истиннымъ человѣческимъ чувствомъ, свѣтились чистою, святою слезой.... Теперь, повторяю, не то.... многое успѣло исчезнуть изъ моей слабой памяти, иное поблекло, потускнѣло; другое совсѣмъ иначе представляется теперь нежели тогда, а жаль.... Пережитое мною, перечувствованное такъ грандіозно, такъ поразительно, что я теперь нахожусь въ положеніи человѣка, котораго ослѣпила яркая молнія и оглушилъ трескучій, страшный громъ.... А все же попытаюсь возстановить въ памяти все что̀ могу припомнить и болѣе или менѣе живо себѣ представить....

Въ понедѣльникъ, 28 ноября. Съ ранняго утра, на самомъ разсвѣтѣ, послышалась у насъ въ Трестеникѣ сильная артиллерійская канонада и потомъ вскорѣ же учащенная ружейная перестрѣлка и съ той именно стороны, гдѣ бивуакируетъ наша дивизія. Вошедшій деньщикъ доложилъ намъ свое соображеніе, что должно-быть и до нашей дивизіи дошла очередь. — „А что̀ такое“? въ одинъ голосъ спросили мы съ сожителемъ. — „Да Турки начали палить въ нашихъ“, отвѣтилъ онъ. — „А почемъ ты это знаешь“? — „Да видно съ нашего

крыльца и со двора“. Мы бросились на дворъ. Дѣйствительно, всѣ высоты, усѣянныя турецкими редутами и до сего дня упорно молчавшія, теперь всѣ дымились, и сквозь этотъ дымъ ежеминутно сверкали огоньки, а чрезъ нѣкоторое время доносились къ намъ очень сильные удары пушечныхъ выстрѣловъ. Очевидно было, что эта пальба открыта и направлена противъ нашей позиціи. Я накинулъ на себя кожанъ и побѣжалъ къ лазарету, такъ какъ оттуда виднѣе была вся мѣстность. Около лазарета собрались уже всѣ наши фельдшера, санитары и служители, всѣ они съ напряженнымъ вниманіемъ смотрѣли туда, гдѣ мелькали частые огоньки среди густыхъ клубовъ бѣлаго дыма.—„А что, кажется, это у нашихъ завязалось дѣло“? спросилъ я, подходя къ наблюдавшимъ.—„И то, кажись, у нашихъ, батюшка“, отвѣчали они въ одинъ голосъ. Тутъ начались обычныя у русскихъ солдатъ разсужденія, предположенія, посыпались остроты на счетъ Османа....

Я выбралъ самую возвышенную точку за нашимъ лазаретомъ и сталъ наблюдать: огонь изрѣдка сверкалъ съ Опанецкаго редута, сверкалъ съ противоположной горы, но поминутно блестѣлъ внизу, съ той ли стороны Вида или съ этой, за густымъ дымомъ трудно было разобрать. Огня нашихъ батарей не видно было, но что съ нихъ производилась пальба, это можно было замѣтить по густымъ клубамъ дыма, ежеминутно подымавшагося въ томъ направленіи, гдѣ стояли наши батареи. Ружейная перестрѣлка все болѣе и болѣе усиливалась, застилая дымомъ все пространство надъ нашими позиціями. Не было никакого сомнѣнія, что сраженіе началось у нашихъ, въ нашей дивизіи. Еще со вчерашняго вечера намъ извѣстно было, что дежурнымъ на позиціи былъ нашъ Сибирскій полкъ; поэтому тревожно-мучительное чувство невольно усиливалось по мѣрѣ того какъ усиливался батальный огонь разгоравшагося сраженія. Не умѣю выразить того тяжелаго чувства тоски, невыносимо-непріятной душевной тревоги, съ какими я слѣдилъ за направленіемъ огоньковъ, за клубами дыма, за движеніемъ ружейныхъ выстрѣловъ, которые къ 9 часамъ сдѣлались такъ часты, такъ сильны, что звукъ ихъ походилъ на дребезжаніе мелкой дроби, если ее перекатывать

на желѣзномъ листѣ, Вернувшись къ своимъ санитарамъ, я спросилъ ихъ: „А что у васъ все готово на случай тревоги“? „Все, батюшка, лошади въ хомутахъ, вещи всѣ уложены, мы будемъ готовы въ пять минутъ“.... Пришедши домой, я не засталъ уже Ал. Ив. Онъ ушелъ на операцію, которую предположено было сдѣлать въ это утро. На душѣ у меня было такъ тяжело, что я не зналъ куда дѣваться. Поѣхать туда одному, но у меня нѣтъ отдѣльной повозки, у насъ одна со смотрителемъ; если мнѣ поѣхать, какъ же онъ будетъ, куда же положатъ его вещи, если вдругъ прикажутъ трогаться, а еще хуже—отступать?... Верховой лошади у меня нѣтъ; взялъ бы изъ обоза, да теперь не дадутъ, да я и не мастеръ ѣздить верхомъ.... Сообразивъ все это, я снова побрелъ на горку къ лазарету: пальба не прекращалась, ружейные выстрѣлы сдѣлались какъ будто еще ожесточеннѣе; на часахъ было ровно 10. Подхожу къ горѣ, стоящіе на ней солдаты показываютъ мнѣ рукой за рѣку Видъ и говорятъ: „Посмотрите-ка, батюшка, какъ Румынцы-то полѣзли“. Я обернулся въ ту сторону, куда мнѣ показывали, и дѣйствительно увидѣлъ цѣлыя колонны Румынъ, быстро поднимавшіяся по косогору, лежащему сзади Опанецкаго редута; передняя ихъ колонна уже огибала вершину Опанецкой горы и вскорѣ скрылась за нею; не прошло и десяти минутъ какъ за этою горой затрещалъ сильный ружейный огонь и въ ту же секунду поднялись густые клубы бѣлаго дыма: началась канонада, загремѣли полновѣсные пушечные удары.... Значитъ на Плевну, начинаю соображать я, дѣлается еще одна общая атака.... Господи, помоги имъ! невольно вырвалось у меня изъ груди...

— А молодцы эти Румынцы, замѣтилъ какой-то солдатикъ,— вишь лѣзутъ, что твои кошки....

Вдругъ раздался сильный залпъ ружейный и пушечный и вовсе не далеко отъ насъ, именно за Дольнимъ Нетрополемъ, гдѣ стояла 1-я бригада 5-й дивизіи,—это отъ насъ версты три не болѣе....

— Одначе это ужь и къ намъ близко, тревожно сказалъ какой-то солдатикъ.

— Что жь, коли придетъ сюда Турка, такъ и мы его тоже на штыки возьмемъ, весело проговорилъ другой.

— Въ какіе такіе штыки, гдѣ они у тебя?

— А носилки-то на что? Мы, братъ, носилками угостимъ такъ, что своихъ не соберетъ....

Между солдатами поднялся споръ о томъ что̀ имъ дѣлать, если Турка придетъ въ Трестеникъ. Среди этого спора вдругъ раздался сигнальный рожокъ нашего горниста. Я невольно вздрогнулъ: „что̀ это такое“? спрашиваю съ безпокойствомъ. „На обѣдъ зовутъ“, отвѣтилъ мнѣ ближайшій санитаръ. Этотъ спокойный отвѣтъ такъ пристыдилъ меня, что я покраснѣлъ и отвернулся; и было отъ чего покраснѣть: сигналъ „на обѣдъ“ я ежедневно слышалъ въ теченіе двухъ мѣсяцевъ и, кажется, сонный могу различить среди другихъ сигналовъ, а тутъ чуть не принялъ его за тревогу.... Сконфуженный этимъ пустякомъ, я тихо поплелся въ свою хатку, а солдаты—на обѣдъ. Пальба все еще гремѣла, но она не производила уже того остраго впечатлѣнія какъ въ началѣ; чувства стали понемногу притупляться и наступало уже то состояніе апатіи, одеревенѣлости, какое всегда бываетъ послѣ сильныхъ возбужденій. Пришелъ я домой въ самомъ непріятномъ расположеніи духа. Ровно въ 12 часовъ *пришелъ пѣшкомъ* вѣстовой казакъ (лошадь онъ едва тащилъ въ поводу) и принесъ лаконическую записку начальника штаба, написанную карандашомъ на клочкѣ бумаги и посланную къ намъ еще въ 9 часовъ утра. Въ одну минуту поднялась тревога, бѣготня, суета; пока запрягали лошадей, мы стали разспрашивать казака, что̀ дѣлается на позиціи? „Турки, сказалъ онъ, ранымъ-рано навалили видимо-невидимо, разбили Сибирскій полкъ, разбили другой съ синими околышками * и пошли на Нетрополь; въ это самое время меня услали....“

Можете себѣ представить какъ подѣйствовали на насъ эти глупыя ро́сказни Донца. Ал. Ив. поскакалъ верхомъ къ лазарету посмотрѣть какъ двинутся линейки, а я, какъ только сказали, что повозка готова, бросился изъ комнаты на крыль-

* 10-й гренадерскій Малороссійскій фельдмаршала графа Румянцева-Задунайскаго полкъ.

цо; выхожу или вѣрнѣе выбѣгаю садиться, но какъ разъ предъ моими глазами показались у насъ на дворѣ, еле-еле передвигая ноги, Новгородскій, * Бзовскій ** и Ордановскій, *** блѣдные, какъ полотно, съ подвязанными руками; а по улицѣ мимо насъ тяжело подымалась въ гору лазаретная линейка. Бросаюсь къ нимъ:

— Бога ради, что̀ съ вами, что̀ съ полками, кого повезли въ линейкѣ?

— Дайте намъ отдохнуть, покормите, мы вамъ все разскажемъ...

Я ввелъ ихъ въ свою хату, приказалъ принести горячаго супу, досталъ водки, коньяку, вина, далъ закусить, а самъ стремглавъ бросился къ лазарету; подбѣгаю—на встрѣчу мнѣ несутъ на носилкахъ Буцковскаго, а за нимъ Шпицбарта...

— Милые мои, голубчики, что̀ съ вами?

— Въ ногу, ниже колѣна, говоритъ первый.

— Въ обѣ ноги, грустно отвѣчаетъ другой.

— А кости цѣлы? торопливо допрашиваю ихъ.

— Кажется цѣлы, неувѣренно отвѣчаютъ они.

— Ребята, кричу носильщикамъ, — несите ихъ къ коммиссару...

Между тѣмъ лазаретъ ускакалъ и съ нимъ весь нашъ служебный персоналъ; сгоряча не сообразили, что нужно же будетъ кому-нибудь распоряжаться и здѣсь. Кричу, чтобы ко мнѣ позвали *чорбаджи* (сельскій староста), а тутъ на встрѣчу новыя двѣ линейки.—Сколько? спрашиваю.—24 человѣка.—Какого полка?—Сибирцы.—Офицеры есть?—Никакъ нѣтъ-съ.—Везите въ большія палатки, тамъ дежурный фельдшеръ... Прибѣгаю снова въ свою хатку.

— Ну, разскажите же что̀ съ полками? раненыхъ много?

— Страсть... отвѣчаютъ мои калѣки. — Дѣло началось съ разсвѣтомъ, началъ Новгородскій.—Турки, прикрытые тума-

* Штабсъ-капитанъ 9-го гренадерскаго Сибирскаго полка, командиръ 2-й стрѣлковой роты.

** Майоръ 10-го гренадерскаго Малороссійскаго полка, начальникъ стрѣлковъ.

*** Охотникъ вольно-опредѣляющійся 9-го Сибирскаго полка.

5*

номъ, густою массой бросились на наши стрѣлковыя роты; пока у насъ забили тревогу, открыли пальбу, а они уже почти на носу: огонь ужасный; въ десять минутъ ротные командиры наши ранены, субалтерны побиты на поваль; роты стали отступать; Турки взяли вторую батарею; смяли Шпицбарта съ пятою ротой и бросились къ Копаной Могилѣ (ключъ нашей позиціи); но тутъ подошли Малороссійцы и завязался ужасный бой!... Въ это время мы всѣ ранены, и что̀ дальше — не знаемъ; но когда насъ перевязывали въ Нетрополѣ, тамъ уже говорили, что наша вторая бригада взяла Турокъ во флангъ: больше не знаемъ. Убиты при насъ еще Лихачевъ, * Манассеинъ, ** Кутузовъ... ***

Приходитъ чорбаджи. Я принимаю тонъ начальства и приказываю сейчасъ же очистить еще 20 землянокъ, наносить въ нихъ соломы, поставить воды, а если можно, то хлѣба, молока,—собрать всѣхъ Болгаръ, чтобы помогали выносить и укладывать раненыхъ. Предоставивъ нашу хату въ полное распоряженіе моихъ бѣдныхъ гостей, бросаюсь въ повозку и спѣшу въ Нетрополь. Отъѣхалъ версты двѣ, — везутъ Стерлингова. **** —Что̀ съ вами? — Въ ногу выше колѣна. — Предлагаю коньяку и кусочекъ сыра. Ѣду дальше: на встрѣчу линейка съ офицерами Астраханскаго полка, — страшно изуродованы лица; даю по глотку водки, коньяку, по кусочку хлѣба съ сыромъ (пока я ходилъ въ лазаретъ и распоряжался, пока разспрашивалъ, Елисей нарѣзалъ ломтей хлѣба цѣлый мой сакъвояжъ, нарѣзалъ сыру, положилъ баночку икры, нарѣзанной ломтиками, уставилъ двѣ бутылки коньяку, столько же водки, краснаго вина; наложилъ въ повозку нѣсколько фляжекъ съ водой; завернулъ въ бумагу большіе куски мяса, приготовленнаго намъ на обѣдъ. (Какъ все это пригодилось!...) Подъѣзжаю къ Нетрополю — перевязочный пунктъ: масса раненыхъ. Док-

* Майоръ Сибирскаго полка, начальникъ стрѣлковъ.

** Подполковникъ Малороссійскаго полка, командиръ 1-го баталіона.

*** Ротный командиръ того же баталіона.

**** Майоръ 11-го гренадерскаго Фанагорійскаго, князя Суворова полка, начальникъ стрѣлковъ.

торъ Косинскій кричитъ мнѣ: „Батюшка, возьмите съ собою раненаго офицера". Смотрю, къ моей повозкѣ бредетъ Катинъ, * весь залитый кровью, узнать его нельзя. — Куда васъ? спрашиваю. — Въ лицо, еле-еле слышно проговорилъ онъ, карабкаясь въ повозку. Осколокъ гранаты раздробилъ ему нижнюю челюсть, лицо распухло страшно, глазъ не видно, губы какъ толстыя бревна... Что у васъ тутъ дѣлается, гдѣ наши? — Въ Плевнѣ, глухо отвѣчаетъ онъ.—Неужели? вскрикнулъ я, мгновенно невыразимо обрадованный.—Вѣрно: Османъ и вся армія сдались, съ трудомъ выговорилъ обезображенный страдалецъ. Я чуть не бросился цѣловать его окровавленныя губы. Объ исходѣ битвы я еще ничего не зналъ; а когда явились первые раненые, я пересталъ слѣдить за пальбой и не слыхалъ даже когда она прекратилась. Можете же представить мою радость, мой восторгъ!—Голубчикъ мой, да неужели это правда?—Правда, вѣрно, чуть слышно проговорилъ раненый. Эту радостную вѣсть подтвердилъ мнѣ и нашъ старшій полковой врачъ С—ій, работавшій на перевязочномъ пунктѣ въ самомъ Нетрополѣ, около церкви. Отъ Нетрополя до самой Копаной Могилы почти на каждомъ шагу, почти непрерывною цѣпью тянулись легко раненые, имѣвшіе возможность идти безъ помощи; другихъ вели подъ руки, несли на носилкахъ—и вездѣ кровь, кровь и кровь.... У Копаной Могилы я засталъ наши лазаретныя линейки уже наполненныя ранеными; но врачи мнѣ сказали, что не могли подобрать еще очень много, особенно раненыхъ Турокъ. Взобравшись на самую вершину Копаной Могилы, я оглянулъ кругомъ страшную картину поля битвы и положительно на нѣсколько минутъ оцѣпенѣлъ отъ ужаса Что̀ я видѣлъ, что̀ я видѣлъ, другъ мой! Это неописуемо никакими человѣческими словами. Точно сжатое поле, покрытое густо разбросанными снопами.... Косцы и жницы не успѣли снести ихъ и сложить въ копны, а только мѣстами свалили въ кучи.... Такая куча, цѣлый длинный валъ наваленныхъ труповъ въ ужаснѣйшихъ положеніяхъ виднѣлся какъ разъ на томъ мѣстѣ около артиллерійскихъ землянокъ, гдѣ

* **Офицеръ Малороссійскаго полка.**

мы еще такъ недавно, 8-го ноября, такъ весело и шумно пировали на батарейномъ праздникѣ... Другая еще бо́льшая куча лежала около 2-й батареи, гдѣ кипѣлъ ужасный рукопашный бой... Пораженный, подавленный, схожу съ Копаной Могилы внизъ. Что̀ вокругъ дѣлается — невозможно разсказать, сообразить: врачи, санитары, офицеры, простые солдаты, Болгары ведутъ, несутъ, тащатъ, -- кругомъ стонъ, вопль, одинъ какой-то гулъ, душу раздирающій гулъ, среди котораго какъ отдѣльные аккорды какой-то адской музыки пронесутся то сильный вопль, то скрежетъ, то предсмертное хрипѣнье, прерывчатое, клокочущее.... Ужасъ! Неизобразимая картина!... Что̀ же мнѣ дѣлать? И можно ли тутъ что-нибудь дѣлать?—Идите дальше, говоритъ мнѣ одинъ врачъ,—можетъ-быть кому поможете... Эти слова какъ будто разбудили меня, привели въ сознаніе; беру изъ повозки сакъ-вояжъ съ припасами, кто-то взялся нести его, идемъ прямо къ артиллерійскимъ землянкамъ: какъ разъ на дорогѣ лежатъ нѣсколько труповъ, прикрытые однимъ офицерскимъ пальто; приподымаю, взглянулъ и какъ будто застылъ на мѣстѣ: страшно обезображенный и донага обобранный нашъ величавый, нашъ красавецъ Манассеинъ, возлѣ него Кутузовъ, Тимашевъ, Горшковъ — убитыхъ офицеровъ сложили въ особую кучку.... Иду дальше: Турокъ съ оторванною ногой подымаетъ ко мнѣ руки, — черный какъ уголь страшный Арабъ, весь окрававленный, но еще живой, движеніемъ головы о чемъ-то умоляетъ, — даю тому и другому глотокъ коньяку; солдатикъ нашъ, залитый кровью, вопитъ, завидѣвъ меня: — „Батюшка, кормилецъ, подберите меня, третій разъ обошли санитары,—тяжко мнѣ, родимый мой“... Со всѣхъ сторонъ вопли, стоны, мольбы:

— Прикройте меня, озябнулъ я....

— Други мои, стерпѣть не могу, ноженьки мои....

— Жарко, душно, разстегните, вопитъ въ предсмертной агоніи какой-то солдатикъ, прижимая руки къ разбитой груди...

— Хоть кусочекъ хлѣбца, другой день не ѣмши, проситъ одинъ....

— Водочки мнѣ, али водицы!.. Утроба моя горитъ, все нутро, не своимъ голосомъ вопитъ другой.

Одинъ въ предсмертныхъ мукахъ лепечетъ какія-то невнятныя слова, полуимена; а вотъ узнавшій меня Сибирецъ со слезами проситъ: Батюшка,—отпишите въ Курску губернію моей Аринушкѣ, что я вонъ какъ!.. и показываетъ здоровою рукой на другую или вѣрнѣе на половину другой оторванной гранатой.—Не желаешь ли причаститься? спрашиваю его.—Охъ, батюшка, да развѣ тутъ можно?—Можно, говорю, и становлюсь на колѣна, разстегиваю кожанъ,—подъ нимъ у меня короткая епитрахиль и на груди дароносица.—Говори за мною: вѣрую Господи! Онъ повторилъ и я причастилъ его... Гдѣ же тутъ читать молитвы? Господь ихъ слышитъ, Господь ихъ видитъ!..

Подошли санитары, стали подбирать тяжело раненыхъ,—на дворѣ совсѣмъ вечерѣетъ; а мы не прошли и сотой части роковаго поля, въ траншеяхъ около 2-й батареи масса убитыхъ, есть еще и тяжело раненые; сначала собирали и сносили ихъ съ самыхъ отдаленныхъ окраинъ поля битвы, почти отъ самаго Вида, а къ вечеру стали подбирать съ ближайшихъ мѣстъ. Иду дальше, постоянно переступаю черезъ трупы, нога тонетъ въ кровавой грязи, — вижу: Турокъ манитъ меня рукой; наклоняюсь,—блѣдное красивое лицо съ маленькими заостренными русыми усиками; тихо, хрипло, по чистымъ русскимъ языкомъ онъ говоритъ мнѣ:—„Кто бы вы ни были, Бога ради, передайте въ Варшаву Пржеславскимъ“, —тутъ онъ на минуту смолкъ, потомъ, собравшись съ духомъ, добавилъ,—„что Владиславъ погибъ... у меня сквозная рана въ груди.... Я озябъ“... Онъ закрылъ глаза, на нихъ проступали слезы... Я предложилъ ему глотокъ коньяку и увѣрилъ, что непремѣнно исполню его предсмертную просьбу, и сейчасъ же записалъ карандашомъ фамилію *, онъ проглянулъ, съ жадностію проглотилъ коньяку и безмолвно протянулъ мнѣ руку. До слезъ тронула меня эта сцена; я попросилъ сопровождавшихъ меня двухъ солдатъ скинуть съ ближайшаго убитаго шинель и прикрыть ею несчастнаго страдальца; затѣмъ подошли еще нѣсколько

---

* Что сталось съ нимъ — не знаю; его предсмертное завѣщаніе я старался исполнить: былъ въ Варшавѣ, разспрашивалъ, наводилъ справки въ полиціи, въ адресномъ столѣ: фамиліи Пржеславскихъ не оказалось въ городѣ.

нашихъ солдатъ; я упросилъ ихъ перенести бѣднаго молодаго Привислянца въ землянку около траншей, гдѣ была солома и гдѣ все же теплѣе нежели въ открытомъ полѣ, въ кровавой грязи, въ холодную осеннюю ночь... Стало совсѣмъ темнѣть; я возвратился къ Копаной Могилѣ: наши линейки уже отправились. Когда я доплелся до этого сборнаго мѣста, наступила совершенная темнота; присѣвъ у подножія Копаной Могилы, я зажегъ спичку и посмотрѣлъ на часы, была половина седьмаго; усталъ я порядочно, измучился душой невыразимо... Тутъ нахлынули на меня такія горькія, тяжкія чувства, что я не выдержалъ и зарыдалъ.... Но что̀ я могу сдѣлать? Чѣмъ могу облегчить горькую участь страдальцевъ? Тѣмъ что сниму шинель съ убитаго и прикрою окостенѣлыя ноги раненаго, что дамъ глотокъ вина или кусокъ хлѣба,—развѣ это помощь? Развѣ то бы нужно было, должно было сдѣлать для нихъ?.. И ни малѣйшей возможности, ни малѣйшей!.. Видѣть все что̀ я видѣлъ и не имѣть ни силъ, ни средствъ облегчить ужасное положеніе несчастныхъ страдальцевъ, слышать ихъ стоны, ихъ вопли и мольбы и проходить мимо съ однимъ пустымъ соболѣзнованіемъ,—это такая душевная пытка, такое терзаніе сердца, что я умѣю только все это чувствовать, но пересказать не могу, не умѣю... Картина свѣжаго поля битвы ужасна, неизобразима!...

Отъ подошвы Копаной Могилы я побрелъ по направленію къ бивуакамъ; впереди далеко свѣтились огоньки отъ фонарей нашихъ линеекъ; поэтому сбиться съ дороги я не могъ, несмотря на непроглядную темноту. Когда я шелъ здѣсь днемъ, то еще можно было обходить рытвины и глубокія колеи, прорѣзанныя нашею артиллеріей и наполненныя жидкою грязью; но теперь въ темнотѣ нужно было держаться этихъ самыхъ колей, чтобы попасть на бивуакъ. Я и поплелся; впрочемъ опасенія мои были напрасны: спутниковъ бредущихъ въ томъ же направленіи было довольно. Около артиллерійскаго бивуака я догналъ двѣ наши линейки съ ранеными: лошади стали и не могутъ тащить по грязи этихъ неуклюжихъ колесницъ... Когда я подошелъ и заговорилъ, нашъ смотритель и обозный офицеръ стали просить меня зайти къ артиллеристамъ, которые

всѣ мнѣ знакомы, и попросить у нихъ двѣ пары уносовъ, чтобы дотащить линейки до Трестеника. Дежурный ночной довелъ меня до землянки бригаднаго командира Н. П. С—ва, у котораго я засталъ цѣлую компанію; но раздѣлить ихъ оживленную бесѣду я не могъ, чувствуя сильную усталость и желая поскорѣе добраться на бивуакъ къ своимъ Сибирцамъ, изъ которыхъ я еще никого не видалъ, даже не зналъ кто изъ нихъ живъ, кто убитъ, кто раненъ. Попросивъ выносныхъ лошадей, я взялъ проводника съ фонаремъ и побрелъ къ Сибирцамъ. Съ потерею всякой способности о чемъ-нибудь думать, съ однимъ только хорошо ощущаемымъ чувствомъ совершеннаго изнеможенія, я еле-еле доплелся до землянки П—ва и М—ва; былъ уже десятый часъ... Хозяева землянки, равно какъ и всѣ Сибирцы, возвратились съ поля битвы и побѣды около четырехъ часовъ вечера и успѣли уже немножко отдохнуть; но я былъ измученъ до послѣдней степени. Деньщикъ П—ва, знаменитый Акимъ, очищалъ грязь съ моего кожана и сапогъ ножомъ.... Вдругъ прилетаетъ казакъ изъ штаба дивизіи съ приказаніемъ Сибирскому и Малороссійскому полкамъ немедленно выступить къ рѣкѣ Виду для оцѣпленія сдавшейся въ плѣнъ турецкой арміи. Надѣялись отдохнуть, выспаться, подкрѣпиться, — ужь имъ ли не досталось за эти полторы сутки!... Но не тутъ-то было: отправляйтесь Турокъ караулить.... А ночь тюрьмы чернѣй; грязь невылазная и до Вида добрыхъ четыре версты... Отдохнувъ съ полчаса, мы пошли въ землянку полковника *, чтобы поздравить его со славною побѣдой, но застали героя въ постели, блѣднаго какъ полотно, измученнаго до крайности; фельдшеръ растиралъ ему ногу, причемъ онъ морщился и вздрагивалъ отъ боли... Оказалось, что онъ получилъ порядочную контузію и не чувствовалъ ея до самаго вечера, когда, возвратившись въ землянку и успокоившись немного отъ пережитыхъ въ этотъ день потрясеній, сталъ раздѣваться, чтобы лечь въ постель, и тутъ

---

* Бывшій командиръ 9-го гренадерскаго Сибирскаго полка, полковникъ Василій Карловичъ Водаръ, нынѣ умершій въ чинѣ генералъ-маіора.

только, скидая сапогъ, почувствовалъ боль; осмотрѣли ногу, на ней синякъ отъ колѣна до ступни, стали растирать спиртомъ, и боль сдѣлалась очень острою... Но удивительный человѣкъ, настоящій военный: когда узналъ, что полкъ выступаетъ въ караулъ, онъ хотѣлъ снова одѣваться, чтобы вести полкъ.... Насилу мы съ докторомъ урезонили его остаться въ постели. Возвратившись отъ полковника въ ту же землянку М—ва, я повалился на разостланную кошму, какъ былъ въ сапогахъ и кожанѣ, накрылся другимъ концомъ войлока и заснулъ, какъ на самомъ лучшемъ пружинномъ матрацѣ...

На другой день, 29 ноября, я остался на бивуакѣ въ томъ предположеніи, что будетъ назначено молебствіе за дарованную славную побѣду. Но молебствія не послѣдовало. Прождавъ до обѣда, я выпросилъ себѣ лошадей и отправился въ свой Трестеникъ, куда фура за фурой, линейка за линейкой, все еще перевозили несчастныхъ раненыхъ. Проѣзжая чрезъ Нетрополь, я зашелъ въ штабъ дивизіи и засталъ самую спѣшную работу: изъ полученныхъ отъ полковъ донесеній составляли первую реляцію о нашихъ потеряхъ въ день славной Плевненской битвы; я выпросилъ себѣ эти роковыя цифры, хотя меня предупредили, что эти цифры могутъ оказаться неточными, когда будутъ собраны болѣе вѣрныя свѣдѣнія:

Сибирцы —	убито:	110	ранено:	276
Малороссійцы	„	137	„	414
Суворовцы	„	54	„	148
Астраханцы	„	90	„	310
		391		1.148
		1.539 чел.		

Этими кровавыми жертвами мы одолѣли Плевну — эту бездонную пропасть, въ которую свалилось прежде насъ столько десятковъ тысячъ людей... Жертвы наши съ военной точки зрѣнія считаются совершенно ничтожными въ сравненіи съ достигнутымъ результатомъ. Этимъ величайшимъ подвигомъ обезсмертила себя наша 3-я Гренадерская дивизія: она не только удержала отчаянный натискъ цѣлой турецкой арміи, предводимой Османомъ (Сибирцы и Малороссы), но разбила ее, обратила въ бѣгство, приперла къ Виду (Астраханцы и Суво-

ровцы) и съ помощію 2-й Гренадерской дивизіи и 1-й бригады 5-й дивизіи заставила положить оружіе и сдаться военноплѣнною. Вѣчная слава несокрушимой доблести 3-й Гренадерской дивизіи! Вѣчная память павшимъ героямъ! Восторгъ здѣсь неописанный....

Въ Нетрополѣ я не засталъ ни начальника дивизіи, ни начальника штаба; они съ ранняго утра хлопочутъ около плѣнныхъ Турокъ, которыхъ оказалось болѣе 35 тысячъ: нужно распорядиться и продовольствіемъ такой массы голодныхъ оборванцевъ, и отправкой ихъ за Дунай, а это не легко.... Одна пріемка и сортировка оружія, положеннаго турецкою арміей къ ногамъ непобѣдимыхъ гренадеръ, потребуетъ нѣсколько дней.... Проѣзжая мимо небольшой площадки около Нетропольской церкви, я засталъ тутъ самую кипучую работу врачей Краснаго Креста: здѣсь были сосредоточены главные перевязочные пункты для поданія первоначальной помощи, куда прямо съ поля битвы сносили несчастныхъ раненыхъ и нашихъ и турецкихъ и уже отсюда отправляли въ подвижные лазареты и военно-временные госпитали для дальнѣйшаго, болѣе основательнаго лѣченія. Тутъ я познакомился съ докторомъ В. Н. Поповымъ и уполномоченнымъ Краснаго Креста княземъ И. А. Накашидзе: перваго я засталъ на площади въ одной сорочкѣ, въ окровавленномъ фартукѣ, съ запачканными въ гипсѣ руками,—онъ быстро накладывалъ какому-то раненому гипсовую повязку; а князь неутомимо раздавалъ бѣлье, фуфайки, шапки, одѣяла, спѣшилъ отправкой перваго транспорта въ Боготъ. Тутъ же я засталъ за работой нашего неутомимаго А. Д. Снисаревскаго, бывшаго вчерашній день подъ градомъ картечь и гранатъ, которому многія сотни нашихъ раненыхъ обязаны своимъ спасеніемъ. При выѣздѣ изъ Нетрополя еще обширный перевязочный пунктъ 2-й нашей бригады; тутъ работалъ достойнѣйшій врачъ Суворовскаго полка Арцышевскій со своими помощниками — младшими врачами. Всѣ они надавали мнѣ кучу порученій и соображеній, которыя я долженъ былъ передать моему сожителю, какъ главному врачу дивизіи. За этими остановками я добрался до нашего Трестеника уже поздно вечеромъ. Въ своей хаткѣ я засталъ одного только

Ордановскаго, который сильно стоналъ отъ жгучей боли въ раздробленной рукѣ.... Сейчасъ же я побѣжалъ провѣдать сослуживцевъ Шпицбарта, Буцковскаго, Катина, Геннуша и другихъ. Оказалось что въ теченіе этого дня въ нашъ лазаретъ привезли много тяжело раненыхъ офицеровъ, между прочими: командира нашей 3-й батареи подполковника Квантена, ранена̀го въ животъ, капитана Смоленскаго—въ ключицу, Молчанова—въ грудь, съ перебитою еще ногой, и многихъ другихъ.... Узнавъ въ чемъ они особенно нуждаются, я поспѣшилъ въ лазаретъ и засталъ тамъ всѣхъ нашихъ врачей, работающихъ съ полнымъ самоотверженіемъ. Дежурный фельдшеръ доложилъ мнѣ, что уже есть 17 покойниковъ, а за ночь навѣрное еще будутъ.... Осмотрѣвъ мѣсто, гдѣ они сложены, я пошелъ обходить палаты; при мнѣ неотлучно епитрахиль и дароносица. Двоихъ особенно трудныхъ пріобщилъ, многіе заявили желаніе пріобщиться завтра утромъ пораньше.

Со всѣхъ сторонъ несутся ко мнѣ многоразличныя просьбы:

— Батюшка, нельзя ли мнѣ рюмочку водочки, иззябъ я совсѣмъ, проситъ одинъ...

— Нѣтъ ли чѣмъ, батюшка, накрыть мнѣ стрѣленную ногу, совсѣмъ окоченѣла, умоляетъ другой.

— Батюшка, нельзя ли горяченькаго чайку, намъ не достало....

— А мнѣ бы фуфаечку; мою совсѣмъ разорвали на перевязкѣ....

Къ докторамъ и фельдшерамъ съ такими просьбами не обращаются—сами раненые видятъ, что имъ не до того, и вотъ только завидѣли меня—просьбамъ нѣтъ конца.... А что̀ я могу сдѣлать? Дѣлалъ, видитъ Богъ, дѣлалъ что̀ могъ и какъ умѣлъ... Прежде всего снялъ съ безотвѣтныхъ мертвецовъ шинели, фуфайки, сапоги... О, какъ тяжела эта жестокая обязанность! И еще ночью—какъ будто воры-гробокопатели.... Отыскалъ нашего добрѣйшаго коммиссара П. А. Койленскаго, выпросилъ у него два штофа водки и пошелъ разносить на сонъ грядущій коченѣющимъ отъ холода страдальцамъ.... Мой добрый Елисей не отстаетъ отъ меня ни на шагъ: безмолвно, серіозно но съ полнѣйшимъ усердіемъ онъ готовъ работать день и ночь....

30 ноября. Укрѣпившись сномъ, подкрѣпившись чаемъ, мы опять вышли на дѣло свое и на дѣланіе даже до вечера.... Я пріобщилъ многихъ и потомъ похоронилъ 17 скончавшихся героевъ Плевны.... Затѣмъ, обойдя палаты и удовлетворивъ, насколько возможно было, многочисленныя просьбы несчастныхъ страдальцевъ, я отправился къ раненымъ офицерамъ, которые размѣщены по всѣмъ квартирамъ нашихъ врачей и въ нѣсколькихъ землянкахъ. Не успѣлъ я обойти и половины какъ за мной прибѣжалъ вѣстовой.—Что̀ случилось? торопливо спрашиваю его. — Казакъ изъ дивизіи пріѣхалъ за вами, батюшка. Вернувшись домой, я получилъ записку штаба съ приглашеніемъ немедленно прибыть въ Нетрополь для погребенія убитыхъ и отъ ранъ скончавшихся офицеровъ и нижнихъ чиновъ. Я поспѣшилъ. Проѣзжая чрезъ Нетрополь, на той же самой площадкѣ около церкви я опять увидалъ такую же горячую работу Краснаго Креста какъ и наканунѣ. Указавъ мѣсто для могилы убитымъ офицерамъ на сѣверной сторонѣ алтаря болгарской церкви, я отправился на кровавое поле недавней битвы, гдѣ цѣлыя команды (по 150 человѣкъ) ото всѣхъ полковъ дивизіи съ ранняго утра сносили въ одно мѣсто (Копаная Могила) всѣхъ убитыхъ и отъ ранъ умершихъ; но къ моему пріѣзду онѣ не успѣли подобрать и половины: поле обширное, въ нѣсколько верстъ, убитые разсѣяны по всему этому пространству и собрать ихъ въ одинъ день оказалось невозможнымъ; поневолѣ пришлось отложить погребеніе еще до слѣдующаго дня... А между тѣмъ голодныя турецкія собаки по ночамъ стали уже терзать неприбранные трупы... На большой полукруглой площадкѣ обширнаго редута, названнаго „Копаною Могилой", вырыты четыре огромныя могилы, по числу полковъ дивизіи; пятую, поменьше, недавно начали копать артиллеристы; каждый полкъ сноситъ свои жертвы, своихъ героевъ къ одной „своей" братской могилѣ... Страшны эти могилы, еще страшнѣе самыя жертвы, застывшія въ разныхъ положеніяхъ: есть трупы совсѣмъ безъ головы, есть съ оторванными ногами, съ разорваннымъ животомъ, изъ котораго вывалились всѣ внутренности... Ужасно!.. Картина приводящая въ содроганіе!... Обозрѣвая съ Копаной Могилы (день ясный,

солнечный) обширное поле битвы, усѣянное трупами, брошенными орудіями, разбитыми патронными ящиками, я замѣтилъ множество бродящихъ туда и сюда Болгаръ съ ихъ неизмѣнными спутниками—буйволами и ослами.—Чтò они тутъ дѣлаютъ? спросилъ я офицера, распоряжавшагося собираніемъ мертвыхъ.—Они собираютъ Турокъ, отвѣтилъ онъ,—и стаскиваютъ ихъ въ наши траншеи по всей позиціи, гдѣ и зарываютъ въ землю; другой уже день какъ жители окрестныхъ деревень, по распоряженію начальства, занимаются этимъ дѣломъ и едва ли еще въ два дня успѣютъ покончить... турецкихъ труповъ масса... Говорятъ, что въ этотъ злополучный для турецкой арміи день она потеряла одними убитыми до четырехъ тысячъ. Такая огромная потеря обусловливается самою мѣстностью сраженія, совершенно открытою со всѣхъ сторонъ, на которой массы турецкихъ войскъ, припертыя къ Виду, въ теченіе почти цѣлаго часа были поражаемы сосредоточеннымъ огнемъ всѣхъ нашихъ батарей, дѣйствовавшихъ и съ фронта (наша бригада), и съ обоихъ фланговъ (съ одного—бригада 2-й гренадерской дивизіи, съ другаго—5-й дивизіи).

Возвратившись отъ Копаной Могилы въ Нетрополь, я приступилъ къ печальному обряду погребенія павшихъ героевъ, офицеровъ нашей дивизіи. По тѣснотѣ болгарской церкви обрядъ совершался на площадкѣ около церкви: наступалъ вечеръ, тихій, ясный, безоблачный... Съ каждаго бивуака тронулись къ церкви печальныя процессіи; каждый полкъ несъ своихъ героевъ - мучениковъ... Грустно - торжественные звуки погребальныхъ маршей въ одно и то же время раздались съ разныхъ сторонъ и огласили всю окрестность... Къ хору нашихъ пѣвчихъ присоединилось много любителей офицеровъ, пѣніе вышло звучное, торжественно-печальное; всѣ стояли съ зажженными свѣчами въ рукахъ: наступала уже ночь, ясная, звѣздная. Картина была необыкновенно грустная и вмѣстѣ торжественная! И среди всего этого вдругъ раздается поражающій душу церковный гимнъ: „Плачу и рыдаю, егда помышляю смерть и вижду во гробѣхъ лежащую, по образу Божію созданную, нашу красоту, безобразну, безславну, не иму-

щую вида...“ а тутъ предъ вашими глазами лежатъ распростертыми на землѣ десять труповъ молодыхъ юношей, за три дня назадъ полныхъ жизни и силы, а теперь бездыханныхъ, страшно обезображенныхъ, съ лицами дѣйствительно неимущими вида. Впечатлѣніе было потрясающее! Слезы и рыданія сдѣлались общими!... То плакали герои, оставшіеся въ живыхъ, надъ трупами героевъ-друзей безвременно погибшихъ въ битвѣ.... Четверо положены въ гробахъ, сколоченныхъ изъ теса, а остальные прямо на землѣ, покрытые только простынями...

По окончаніи печальнаго обряда, несмотря на поздній вечеръ, я все-таки зашелъ на перевязочный пунктъ Краснаго Креста и спросилъ князя Накашидзе, пріѣдутъ ли они къ намъ въ Трестеникъ.—Непремѣнно, непремѣнно, отвѣчалъ онъ, какъ только здѣсь немного управимся, тотчасъ же и къ вамъ; а въ чемъ вы особенно нуждаетесь? спросилъ онъ.—Да почти во всемъ: наши врачи жалуются, что у нихъ гипсъ не хорошъ, перевязочныхъ средствъ и шинъ недостаетъ; а раненые нуждаются рѣшительно во всемъ, отъ шапки до сапога. — Хорошо, дня черезъ два мы непремѣнно пріѣдемъ. Возвратившись въ Трестеникъ, я засталъ въ своей хаткѣ четыре кровати, теснѣе нежели во всякомъ лазаретѣ. — Что это значитъ, кто у насъ? спрашиваю деньщика.—Пріѣхали два доктора, одинъ изъ главной квартиры, отвѣчалъ онъ. Я сбѣгалъ провѣдать товарищей и потомъ отправился въ лазаретъ; тутъ я засталъ то же самое что и вчера: врачи усердно работали, раненые засыпали меня просьбами, а дежурный фельдшеръ доложилъ, что на завтра есть 15 покойниковъ. Въ операціонной палатѣ я познакомился съ хирургомъ Назаровымъ, пріѣхавшимъ изъ главной квартиры; онъ вмѣстѣ съ нашимъ операторомъ Александровскимъ, окончивъ осмотръ тяжело раненыхъ и намѣтивъ порядокъ работъ въ операціонной палатѣ, наблюдали теперь за тѣмъ какъ фельдшера разставляли и приготовляли на завтра все необходимое для ампутацій и гипсовыхъ повязокъ... Предположено: на одномъ столѣ производить операціи, на другомъ въ то же время гипсовыя повязки. Вернулся домой во второмъ часу ночи.

1-го декабря, рано утромъ, явились къ моему сожителю, какъ главному врачу, командированные въ нашъ лазаретъ три врача: 2-й гренадерской дивизіи хирургъ Рибо и Худяковъ и 16-й пѣхотной дивизіи Хлопицкій. Познакомившись и потолковавъ между собой о порядкѣ занятій на этотъ день, всѣ они собрались идти вмѣстѣ въ лазаретъ, а я имѣлъ причину остаться дома.

— А вы, батюшка, что же не собираетесь съ нами? спросили они.

— Я сегодня поѣду на позицію хоронить убитыхъ, отвѣчалъ я.

— А развѣ безъ васъ тамъ нѣкому этого сдѣлать?

— Конечно есть кому, тамъ три полковые священника, но все же и я долженъ тамъ быть...

— А мнѣ кажется, замѣтилъ довольно серіозно мой добрый сожитель,—что ваше присутствіе здѣсь будетъ гораздо полезнѣе нежели тамъ, вы намъ нужны здѣсь; вы должны помогать намъ, и особенно теперь...

— Да чѣмъ же я могу помогать вамъ? спросилъ я въ недоумѣніи.

— А вотъ пойдемте съ нами въ лазаретъ, отвѣтилъ мнѣ за всѣхъ энергичный Назаровъ,—тамъ мы вамъ покажемъ, на что̀ вы тутъ нужны; я ужь это испыталъ не разъ, знаю, пойдемте непремѣнно...

— Но какъ же мнѣ быть, обратился я къ Ал. Ив—чу,—тамъ меня будутъ ждать, я вчера обѣщался пріѣхать?...

— А вы напишите записку, что не можете быть, и пошлите въ штабъ дивизіи съ коннымъ вѣстовымъ; если хотите, прибавилъ онъ съ улыбкой,—напишите, что я васъ удержалъ по дѣламъ службы...

Я такъ и сдѣлалъ. Приходимъ въ лазаретъ: врачи-хирурги раздѣлились на очереди: первая операція досталась Назарову, первая гипсовая повязка—Рибо. Принесли раненыхъ: первымъ былъ рядовой Астраханскаго полка Каленникъ Коваленко съ огнестрѣльною раной лѣвой руки выше локтя съ раздробленіемъ костей. Когда его положили на столъ, Назаровъ обратился ко мнѣ и сказалъ:—батюшка, благословите его, успокойте,

уговорите... Я подошелъ къ несчастному страдальцу,—блѣденъ какъ смерть и весь дрожитъ не столько отъ холода, сколько отъ волненія и боязни за свою жизнь... Я благословилъ его и братски сталъ убѣждать, что рука его (черная отъ гангрены) никуда уже не годится, что ее нужно отнять, что онъ будетъ живъ, Богъ дастъ выздоровѣетъ и скоро возвратится на родину къ своей семьѣ... Жадно слушалъ меня страдалецъ, остановивъ на мнѣ свои большіе, открытые глаза, и когда я кончилъ, онъ тихо, умоляюще, сказалъ мнѣ: „батюшка, не отходите отъ меня"... Стали хлороформировать, потомъ изслѣдовать рану, а въ это время на другомъ столѣ раненый, которому стали немного выпрямлять ногу для наложенія гипсовой повязки, поднялъ страшный крикъ. „Батюшка, закричалъ мнѣ Рибо, да уговорите хоть вы этого горлана, чтобъ онъ не оралъ,—чистая баба, а не гренадеръ." Сталъ я уговаривать; мало-по-малу онъ угомонился и пересталъ ревѣть... По тщательному осмотру раны Коваленки и по состоянію всей руки, пораженной гангреной до самаго плечеваго сустава, порѣшили единогласно произвесть *вылущеніе* плечевой головки... Эту тяжелую операцію Назаровъ сдѣлалъ блистательно... Когда привели бѣднаго Коваленку въ чувство, онъ прямо взглянулъ на меня и тихо спросилъ: „вы тутъ, батюшка? — Тутъ, тутъ, мой дорогой, и я поцѣловалъ его, подалъ ему глотокъ бѣлаго вина; онъ видимо сталъ приходить въ полное сознаніе... Стали снимать со стола, уложили на носилки, а онъ поворачиваетъ ко мнѣ голову и такъ-то жалостно молвитъ: „батюшка"!...—Съ тобою, съ тобою, мой милый, я самъ тебя уложу въ постель... Проводили мы его вмѣстѣ съ Назаровымъ, который, послѣ того какъ уложили больнаго, шепнулъ мнѣ на ухо: „дайте ему еще полрюмки вина, онъ васъ послушаетъ"... Я предложилъ, больной принялъ и сталъ закрывать глаза, засыпая. На обратномъ пути въ операціонную Назаровъ спросилъ меня: „Ну, батюшка, теперь вы поняли, какую именно помощь вы намъ можете здѣсь оказывать"? И съ этой минуты на мнѣ лежала обязанность уговаривать кричащихъ, успокоивать стонущихъ, ободрять приготовляемыхъ къ ампутаціямъ, давать вино послѣ тяжелыхъ операцій, кормить молокомъ и

яйцами безрукихъ, безногихъ, а въ свое время напоить чаемъ и весь наличный персоналъ врачей. Чай пили, обѣдали и ужинали здѣсь же между палатками, подъ открытымъ небомъ, и не всѣ вдругъ, а по очереди, кто свободенъ, чтобы не прерывать работы...

Въ то время какъ хирурги работали въ операціонной, въ другихъ палаткахъ трудились врачи-терапевты. Онѣ также подѣлили между собой работы: одинъ перевязывалъ и ухаживалъ исключительно за ранеными офицерами; другой навѣщалъ больныхъ, которыхъ нельзя же было покинуть безо всякаго призрѣнія: остальные съ утра до глубокой полуночи занимались перевязками, производя въ то же время небольшія операціи въ родѣ извлеченія пуль изъ мягкихъ частей, отнятія пальцевъ на рукахъ и ногахъ; нерѣдко къ нимъ на помощь заходили и хирурги, если у кого-нибудь изъ нихъ выпадала свободная минутка. Помню одинъ такой случай: мы вдвоемъ съ Рибо вышли изъ операціонной, чтобы дохнуть свѣжимъ воздухомъ; вдругъ въ палатѣ врача Цвирбута раздается страшный, отчаянный крикъ. Пойдемте, посмотримъ, сказалъ Рибо, и мы вошли въ палату: ревѣлъ благимъ матомъ казакъ, которому Цвирбутъ отнялъ мизинецъ, державшійся на одной кожицѣ. Такъ какъ въ этой палатѣ оказалось много такихъ паціентовъ, которымъ нужно было немедленно дѣлать операціи, хотя и малыя, то Рибо предложилъ свои услуги на нѣсколько минутъ. Цвирбутъ указалъ рукой на одного раненаго и сказалъ: „потрудитесь пожалуста извлечь пулю у него въ спинѣ“. Раненаго обнажили; это былъ фельдфебель Астраханскаго полка Тараненко. Рибо предложилъ ему сѣсть на табуретъ; раненый не согласился. „Позвольте мнѣ, ваше высокородіе, стоять; ужь коли предъ поганымъ Туркомъ стояли, такъ предъ вашимъ высокородіемъ и Богъ повелѣлъ,“ твердо, безъ самохвальства, но совершенно увѣренно сказалъ Тараненко. Рибо улыбнулся и не счелъ нужнымъ противорѣчить. Ощупавъ пулю въ мягкой части подъ правою плечевою лопаткой, операторъ взялъ въ руки инструментъ и сказалъ фельдшеру и санитару:— Подержите его за плечи, чтобы не пошатнулся. Тараненко какъ будто даже обидѣлся: „Зачѣмъ, ваше высокородіе, держать не

надо, я не пьяный, шататься не буду.“—А кричать будешь? шутливо спросилъ хирургъ. „Когда я былъ маленькимъ, мать говорила, что я шибко ревѣлъ; ну, а съ тѣхъ поръ нѣтъ, ни разу“, опять твердо проговорилъ герой фельдфебель. Видя съ кѣмъ мы имѣемъ дѣло, я сталъ предъ Тараненкомъ и началъ его разспрашивать, въ какое именно время и на какомъ мѣстѣ онъ былъ раненъ. Во время его весьма оживленнаго разсказа операторъ сдѣлалъ мгновенный разрѣзъ, по лицу Тараненка пробѣжало легкое конвульсивное движенiе, передернулись лицевые мускулѣ, на глазахъ навернулись слезы, но ни стона, ни испуга, ни единаго слова не проронилъ онъ во всѣ тѣ секунды, когда ловкiй хирургъ доставалъ изъ разрѣза пулю; все ужасное ощущенiе отъ операцiи у него выразилось тѣмъ, что онъ прервалъ свой разсказъ мнѣ и видимо стиснулъ зубы. Окончивъ перевязку, Рибо съ глубокимъ уваженiемъ протянулъ руку Тараненкѣ, а я обнялъ и поцѣловалъ его. По выходѣ изъ палаты Рибо долго не могъ придти въ себя отъ удивленiя:

— Удивительный экземпляръ, восклицалъ онъ не разъ останавливаясь:—вѣдь разрѣзъ нужно было сдѣлать большой, вершка въ два и глубиною почти въ вершокъ; пуля Снайдеровская, большая; и не дрогнулъ, ни пикнулъ: удивительный экземпляръ!...

Мимоходомъ мы зашли провѣдать Коваленку: онъ еще глубоко спалъ; Рибо пощупалъ его пульсъ и нашелъ очень хорошимъ. За вечернимъ чаемъ и за ужиномъ много говорили о Тараненкѣ. Закончили работу очень поздно, въ три часа ночи, благодаря неугомонной энергiи Назарова, который всѣхъ подтягивалъ, возбуждалъ и готовъ былъ трудиться до утра, надѣясь на свои желѣзныя силы (онъ высокаго роста, плотный здоровый); но прочiе врачи, и въ особенности бѣдные фельдшера устали до изнеможенiя.

Возвратившись домой мы застали Ал. Ив—ча за бумагами, онъ составлялъ и провѣрялъ списки легко раненымъ, которые завтра должны отправляться съ транспортомъ въ ближайшiй военно-временный госпиталь. Стали ему разказывать о главнѣйшихъ событiяхъ дня, случившихся въ его отсутствiе, въ

особенности о Таранснкѣ, и проговорили еще болѣе часа; а завтра нужно вставать опять рано...

2-го декабря. Утромъ пріобщилъ всѣхъ вчера ампутированныхъ, а потомъ вмѣстѣ съ Елисеемъ мы кормили и поили этихъ несчастныхъ безрукихъ и безногихъ. Моего милаго паціента Каленика я кормлю изъ своихъ рукъ: накрошу булки въ горячее молоко и даю ему чайною ложечкой, точь въ точь какъ кормятъ малыхъ дѣтей. Окончивъ утреннее кормленіе нашихъ *убогихъ*, я отправился на кладбище и похоронилъ 15 умершихъ, а также руки и ноги вчера отрѣзанныя въ операціонной палаткѣ. Не умѣю передать тебѣ испытаннаго мною ощущенія, когда изъ рогожки вывалили въ могилу нѣсколько почернѣлыхъ и окровавленныхъ рукъ и ногъ. Человѣкъ еще живъ, а часть его уже въ могилѣ... Послѣ погребенія я обошелъ всѣ землянки и домики, въ которыхъ помѣщаются раненые офицеры: есть раны тяжелыя, мучительныя, напримѣръ: у Квантена въ животъ, страдаетъ онъ ужасно; есть и безобразныя: у одного офицера пуля оторвала носъ до самаго основанія, а онъ человѣкъ еще молодой и былъ, кажется, очень красивый; теперь же лицо его представляетъ одну распухшую массу...

Посѣтивъ товарищей, я возвратился въ лазаретъ, гдѣ производилось довольно трудное дѣло: размѣщеніе и усаживаніе легко раненыхъ, отправляемыхъ въ госпиталь № 71, въ деревню Сгалевицу. Съ этимъ же транспортомъ, только въ нашихъ лазаретныхъ линейкахъ, отправляются въ Плевну 45 человѣкъ Турокъ, бывшихъ въ нашемъ лазаретѣ,—всѣ они тяжело раненые, по двѣ, по три раны у каждаго. Красивый народъ, здоровые, плотные; все гвардейцы; между ними были три или четыре Негра, черные какъ уголь... Замѣчательно терпѣливый народъ эти Турки, а особенно Негры; я видѣлъ разъ какъ одному изъ нихъ дѣлали перевязку разбитой нижней челюсти: въ густой бородѣ его запеклась кровь: нужно было отпаривать горячею водой, чтобы добраться до раны; а онъ самъ своею рукой обдираетъ запекшіеся колтуны крови, страшно при этомъ морщась и стиснувъ зубы; боль была, должно-быть, ужасна, потому что у него брызнули слезы изъ глазъ; но ни крика, ни стона не вырвалось у него при этомъ... Отправка раненыхъ,

даже легко раненыхъ, дѣло дѣйствительно не легкое: всякому изъ нихъ хочется попасть въ число отправляемыхъ, всякій думаетъ что разъ онъ попадетъ въ транспортъ, то ужъ непремѣнно его повезутъ въ Россію; поэтому вокругъ телѣгъ настоящая давка: не дожидаясь переклички, не получивъ санитарныхъ книжекъ, раненые безтолково лѣзутъ на телѣги, толкаются, бередятъ другъ другу пораненыя руки, наступаютъ на раненыя ноги, кричатъ, стонутъ и вопятъ отъ боли, а сами все-таки лѣзутъ... Съ самаго ранняго утра и до обѣда все возились съ ними, пока разсортировали и усадили. Съ отъѣздомъ транспорта (отправились 243 чел.) у насъ сдѣлалось и просторнѣе, и какъ-то всѣмъ легче отъ того именно, что мы сбыли съ рукъ массу легко раненыхъ, между которыми было не мало безпокойныхъ; своими просьбами и претензіями они намъ постоянно докучали: то имъ хлѣба мало, говядины мало, супъ или чай не горячій, подстилки въ землянкахъ нѣтъ, накрыться имъ отъ холода нечѣмъ и т. п. Толковать каждому изъ нихъ, что нашъ лазаретъ устроенъ только на 80 человѣкъ, тогда какъ въ немъ въ настоящее время около 1.000 человѣкъ, что такая масса раненыхъ поступила почти разомъ и притомъ неожиданно, что ничего нельзя было напередъ заготовить, да и взять негдѣ,—толковать имъ все это значило терять только время. Накормить, напоить чаемъ два раза въ день около тысячи человѣкъ, поступившихъ въ теченіе двухъ дней, когда штатъ лазарета всего на 83 человѣка, это было не легкое дѣло. Какъ и откуда все бралось у нашего достойнѣйшаго коммиссара П. А. Койленскаго, объ этомъ знаетъ только его высоко-честная добрая душа!...

3-го декабря. На разсвѣтѣ, во время чаепитія, къ намъ прибылъ представитель Краснаго Креста князь Накашидзе. Всѣ мы обрадовались его пріѣзду какъ нельзя болѣе, и въ особенности еще потому что у насъ въ этотъ день готовился къ отправкѣ второй транспортъ съ болѣе тяжело ранеными, которые очень нуждались въ теплой одеждѣ, такъ какъ погода все болѣе и болѣе дѣлалась холодною и вмѣстѣ съ мелкимъ дождемъ сталъ перепадать уже снѣжокъ. Князь заявилъ, ме-

жду прочимъ, что пріѣхалъ всего на одинъ день; такъ какъ предположено уже выступленіе нѣкоторыхъ дивизій изъ-подъ Плевны по Софійскому шоссе на подкрѣпленіе отряда Гурко, то съ этими дивизіями долженъ выступить и летучій отрядъ Краснаго Креста. По единогласному заявленію врачей меня избрали на должность „сестры милосердія“ и назвали членомъ Краснаго Креста. Съ глубокою радостью принялъ я это назначеніе... Отправились въ лазаретъ и началась обычная работа; но чтобы въ нашей собственно работѣ былъ надлежащій порядокъ, мы условились съ почтеннымъ княземъ такъ: онъ обойдетъ землянки, гдѣ помѣщаются офицеры, особенно назначенные въ нынѣшній день къ отправкѣ, и узнаетъ кто изъ нихъ и въ чемъ именно нуждается, и станетъ надѣлять ихъ; а я прежде всего займусь раздачей всѣмъ раненымъ и больнымъ бѣлья, фуфаекъ, шапокъ, чулокъ; а когда будетъ готовъ транспортъ, я раздамъ особенно нуждающимся полушубки и байковыя одѣяла. Такъ и сдѣлали: онъ пошелъ къ офицерамъ, а я остался въ лазаретѣ и принялъ тюки съ разными вещами. Между палатками, около лазаретной аптеки, я разостлалъ нѣсколько рогожекъ и разложилъ свой матеріалъ. Считаю нужнымъ описать тебѣ мой рабочій костюмъ: на мнѣ мой дубленый полушубокъ, подпоясанный ремнемъ, черная барашковая шапка и длинные походные сапоги на четверть въ грязи; въ такомъ нарядѣ трудно признать во мнѣ священника, и многіе солдаты чужихъ полковъ дѣйствительно принимали меня за торговца, безденежно раздающаго свои товары: подходя съ приподнятою шапкой, они пренаивно обращались ко мнѣ съ такими словами: „господинъ купецъ, пожалуйте мнѣ табачку или—одолжите фуфаечку“... Даже нашъ корпусный командиръ, посѣтившій въ этотъ день нашъ лазаретъ и заставшій меня въ одной палатѣ за раздачей бѣлья, долго не могъ узнать, кто это... Когда транспортъ былъ готовъ, я разбилъ тюки съ полушубками и одѣялами и, по указанію врача, назначеннаго сопровождать транспортъ, началъ раздавать это величайшее благодѣяніе для нашихъ несчастныхъ раненыхъ. Среди этой работы за мною прислали въ операціонную, я отказался за спѣшнымъ недосугомъ; фельдшеръ прибѣжалъ въ

другой разъ и говоритъ: непремѣнно нужно, батюшка, и тамъ спѣшная работа. Прихожу.—Что̀ вамъ нужно? спрашиваю Назарова.—„А вотъ гг. офицеры просятъ васъ“... Смотрю—въ палату принесены два тяжело раненые офицера: штабсъ-капитанъ Молчановъ и прапорщикъ Каневцевъ; у перваго перебита голень и сквозная рана въ груди, у другаго пуля засѣла въ колѣнномъ суставѣ; ихъ принесли сюда для того, чтобы произвести окончательный діагнозъ ихъ ранъ и опредѣлить нужно ли произвесть немедленно ампутаціи или отправить съ однѣми перевязками въ Боготъ. Объ этомъ я зналъ еще съ утра, когда за чаемъ распредѣляли, какія работы нужно произвести въ этотъ день. Завидѣвъ меня, Каневцевъ, уже положенный на операціонный столъ, почти закричалъ мнѣ: „батюшка, подите сюда“. Я подошелъ; „станьте пожалуйста, вотъ тутъ возлѣ меня“, умоляющимъ голосомъ проговорилъ онъ. Бѣдный молодой человѣкъ былъ въ страшно возбужденномъ, почти истерическомъ состояніи. „Что̀ они хотятъ со мною дѣлать“? испуганно-растерянно спросилъ онъ, смотря какими-то пронзительно-устремленными на меня глазами. Тихо, спокойно я разсказалъ ему, зачѣмъ принесли его сюда, что̀ и для чего хотятъ сдѣлать и завѣрилъ священническою совѣстью, что ни въ какомъ случаѣ ему не будутъ теперь же дѣлать операціи. Онъ немного успокоился; но только что наложили хлороформъ, какъ съ нимъ сдѣлался сильнѣйшій нервный припадокъ, онъ чуть не соскочилъ со стола. Опять нѣсколько минутъ я долженъ былъ урезонивать его пока онъ снова успокоился. Когда хлороформъ подѣйствовалъ и онъ безчувственно заснулъ, Назаровъ и другіе врачи разказали мнѣ, что то же самое, что̀ я ему говорилъ, они повторяли десять разъ, увѣряли его честнымъ словомъ, но онъ ничего слушать не хотѣлъ, твердя настойчиво: позовите ко мнѣ батюшку... Діагнозъ Молчанова не требовалъ хлороформа; судя по тому что гангрена въ теченіе трехъ дней не только не распространилась, а даже отступила отъ намѣченныхъ, демаркаціонныхъ линій, признали возможнымъ отправить его въ такомъ положеніи въ Боготъ на усмотрѣніе знаменитаго Пирогова. То же самое порѣшили и о

Каневцевѣ, которому предстояло одно изъ двухъ: или ампутація бедра, или резекція колѣннаго состава.

Укладка тяжело раненыхъ затянулась до самаго вечера, хотя этотъ транспортъ и не такъ великъ какъ прежніе—всего 168 человѣкъ. Особенно долго возились съ укладкой тяжело раненыхъ офицеровъ: нужно было выбрать телѣги попросторнѣе, подстилки побольше и пр. Грустно и радостно было прощаніе съ товарищами... радостно за нихъ, грустно за себя.. Какъ дѣти они рады, что отправляются домой въ Россію. А мы-то когда вернемся, да и вернемся ли?... Совсѣмъ уже стемнѣло, когда транспортъ тронулся съ мѣста... Далеко, далеко, пока было видно, я провожалъ его и глазами и сердцемъ...

4-го декабря (воскресенье). Послѣ краткаго богослуженія я пріобщалъ всѣхъ оставшихся въ живыхъ ампутированныхъ и гипсованныхъ, которые въ тотъ день отправлялись въ госпиталь, и хоронилъ умершихъ. Укладка несчастныхъ страдальцевъ продолжалась цѣлый день и при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ: послѣ обѣда пошелъ густой, мокрый снѣгъ; не дай Богъ, хватитъ ночью морозъ,—что будетъ съ нашими безрукими и безногими, которые должны проѣхать болѣе 30 верстъ до Богота?... Укладка эта показала мнѣ еще одну прекрасную сторону характера нашихъ почтенныхъ врачей: дай Богъ чтобы родныя сестры и матери съ такою любовью и мягкостью ухаживали за своими больными братьями и дѣтьми, какъ ухаживали наши врачи за несчастными страдальцами ранеными: каждаго ампутированнаго или гипсованнаго уложили въ отдѣльную телѣгу, наклали чуть не полвоза подстилки, обложили полушубками, накрыли байковыми одѣялами, а сверху шинелями. На дорогу положили бѣлаго хлѣба, яицъ, нѣсколько бутылокъ молока, вина, чаю и пр. и пр. Отрадно было видѣть такое истинно христіанское попеченіе о больныхъ и раненыхъ...

По отъѣздѣ транспорта началась уборка и приведеніе въ надлежащій порядокъ всего нашего лазарета, въ которомъ остались теперь пять-шесть человѣкъ совершенно безнадежныхъ: у одного—столбнякъ, у другаго—піэмія, у третьяго—тифъ... да

человѣкъ 150 изъ прежнихъ еще больныхъ, но и тѣ будутъ отправлены послѣ завтра... Покончивъ и убравъ все въ лазаретѣ, мы рано вернулись домой. Назаровъ, скинувъ съ себя свой ужасный операціонный костюмъ и преобразившись въ обыкновеннаго смертнаго, обратился къ моему дорогому сожителю съ краткимъ поздравленіемъ:—„Теперь я считаю себя въ правѣ, сказалъ онъ,—поздравить васъ, Ал. Ив—чъ, съ окончаніемъ славнаго Плевненскаго дѣла"... Начались самыя искреннія рукопожатія, поздравленія; подошли еще кое-кто изъ врачей и у насъ составилась очень одушевленная, горячая бесѣда...

5-го декабря. По приказанію Ал. Ив—ча, всѣхъ больныхъ, лежавшихъ по болгарскимъ землянкамъ, перевели и перенесли въ наши лазаретные шатры для болѣе удобнаго приготовленія ихъ къ отправкѣ. Я осмотрѣлъ ихъ въ качествѣ члена отъ Краснаго Креста и снабдилъ всѣмъ, въ чемъ они нуждались, особенно бѣльемъ, фуфайками, суконными чулками и теплыми шапками. Какъ они довольны, какъ благодарны! Запасъ вещей, оставленныхъ мнѣ княземъ Накашидзе, такъ великъ, что за удовлетвореніемъ всѣхъ нуждающихся у меня еще осталось шесть полушубковъ, пятнадцать одѣялъ и довольно разныхъ мелкихъ вещей; ко всему этому Ал. Ив. сдѣлалъ замѣчательно мудрое и предусмотрительное распоряженіе: каждому врачу, отправляющемуся съ транспортомъ, поручено было, по пріѣздѣ въ госпиталь, снимать съ нѣкоторыхъ раненыхъ менѣе нуждающихся какъ одѣяла, такъ и полушубки, имѣя въ виду то, что шатры военно-временныхъ госпиталей отапливаются желѣзными печками и въ нихъ бываетъ не только тепло, но даже жарко; между тѣмъ какъ въ наши холодныя палаты станутъ поступать новыя серіи больныхъ, и теплыя вещи потребуются непремѣнно, особенно въ виду наступающей настоящей зимы. Такимъ образомъ въ нашемъ лазаретѣ имѣется порядочный запасъ теплыхъ вещей, и все отъ Краснаго Креста... Мы и представить себѣ не можемъ того ужаснаго положенія, въ какое мы были бы поставлены, еслибы не явился къ намъ на помощь благодѣтельный Красный Крестъ!...

Покончивъ свои дѣла въ лазаретѣ, я возвратился въ свою хату, гдѣ засталъ всѣхъ нашихъ врачей, собравшихся прово-

жать дорогихъ гостей—Назарова, Рибо, Худякова и Хлопицкаго. Проводы и прощанье были самые задушевные, дружескіе...

По отъѣздѣ врачей, мой бѣдный Ал. Ив. опять усѣлся за трудную письменную работу: повѣрять списки отправленныхъ транспортовъ раненыхъ, заготовлять донесенія начальнику дивизіи, корпусному врачу, полевому военно-медицинскому управленію и т. д.

Вечеромъ я служилъ всенощную; наступалъ день Святителя Николая... Сколько дорогихъ воспоминаній!... Послали телеграмму въ Одессу, а на бивуакъ къ Н. П. С—ву послали коннаго вѣстоваго съ поздравленіемъ. Намъ самимъ все еще нельзя было вырваться изъ Трестеника; въ этотъ день назначена отправка послѣдняго транспорта съ одними почти больными...

6-го декабря. За ночь навалило снѣгу чуть не по колѣно, такъ что я едва-едва дотащился въ лазаретъ, чтобъ отслужить обѣдницу и молебенъ. Послѣ богослуженія стали усаживать на телѣги послѣднихъ нашихъ больныхъ, въ количествѣ 166 человѣкъ. Наступившій и съ каждымъ часомъ возраставшій холодъ заставилъ насъ еще прибавить и увеличить количество теплыхъ вещей, выданныхъ больнымъ. Итакъ, это послѣдній транспортъ! Слава Богу!

Теперь подведемъ итоги, чтобъ хотя приблизительно можно было судить о дѣятельности нашего лазарета за эту тяжелую недѣлю; отправлено четыре транспорта:

2-го числа	243	человѣка.
3-го „	168	„
4-го „	237	„
6-го „	166	„
Выздоровѣло за эти дни.	58	„
Умерло	49	„
Итого	921	человѣкъ.

Большихъ, тяжелыхъ операцій произведено 6, малыхъ 12, гипсовыхъ повязокъ наложено 40, большею частью на перебитыя голени и бедра; пуль и осколковъ извлечено болѣе 100.

9-го декабря. Благодари погоду: третій день у насъ свирѣпствуетъ буря, мятель, свѣту Божьяго не видно, никуда носа показать нельзя, и сидимъ мы съ дорогимъ сожителемъ и третій день пишемъ: онъ—офиціальный отчетъ по начальству, а я—неофиціальное донесеніе тебѣ. Такъ какъ сегодня буря начинаетъ стихать, то Ал. Ив. собирается завтра и къ начальнику дивизіи, и къ корпусному врачу; если онъ поѣдетъ не верхомъ, то и я съ нимъ отправлюсь и лично сдамъ это длиннѣйшее письмо-дневникъ на почту.

Трестеникъ, 13 декабря.

Послѣ страшной вьюги, свирѣпствовавшей цѣлыхъ два дня, 7 и 8 декабря, наступили морозы, которые постепенно усиливаются отъ 10 до 15°. А во время этой вьюги наши сосѣди-Румыны выступали въ походъ подъ Виддинъ. Солдатская одежда у нихъ далеко легче нашей; шинели и мундиры изъ тонкаго сукна, на ногахъ не сапоги, а *опанки;* башлыковъ почти ни у кого,—а тутъ походъ; выступали они, какъ долгъ велитъ, съ пѣснями, съ музыкой, но смотрѣть на нихъ было жалко... Несчастный обозъ ихъ цѣлый день мучился, выбиваясь на нашу Трестеникскую гору, а ихъ обозъ несравненно легче нашего; глубокія колеи, прорѣзанныя обозными колесами по взбудораженной ими грязи, такъ и замерзли, закостенѣли, и теперь у насъ дорога, какъ говорится, ни туда, ни сюда, ни саньми, ни возомъ; на саняхъ-то еще можно бы ѣздить—снѣгу навалило почти въ колѣно; но Болгары, избалованные своимъ теплымъ климатомъ, почти не имѣютъ саней, а мы, выступая изъ Россіи, не захватили съ собой нашихъ *розвальней* и теперь не имѣемъ возможности двинуться съ мѣста, особенно въ нашихъ неуклюжихъ линейкахъ и артелкахъ, между тѣмъ походъ и у насъ на носу. Кромѣ румынскихъ дивизій и всѣ наши войска, стоявшія подъ Плевной, также выступили въ походъ,—кто на Шипку, кто въ отрядъ Гурко по Софійскому шоссе; только мы, гренадеры, продолжаемъ стоять и прозябать на бивуакахъ неизвѣстно почему и для чего... Носятся слухи, что нашъ корпусъ будетъ составлять такъ-называемый глубокій резервъ дѣйствующей арміи и двинется въ походъ

только въ рѣшительныя минуты кампаніи; но какъ бы тамъ ни было, а настоящее наше положеніе больно не завидно: во время тяжелой, *страдной* недѣли, когда всѣ мы поглощены были заботами о раненыхъ, не до того было, чтобы думать и заботиться о фуражѣ для нашихъ лошадей, а скирды сѣна и ячменя, заготовленные заранѣе, всѣ пошли на подстилку раненымъ, такъ что когда наступило полное бездорожье, у насъ фуража оказалось какъ есть ни соломенки; то же самое случилось и съ сухарями и другими продуктами, и мы, почти не замѣчая того, очутились въ самомъ плачевномъ положеніи: подвоза никакого и ни откуда ждать нельзя,—прошелъ даже слухъ, что на Дунаѣ мосты наши сорвало ледоходомъ и что всякое сообщеніе прекратилось; запасы сухарей, привезенные тѣми транспортами, на которыхъ мы отправляли нашихъ раненыхъ, всѣ пошли на кормежку плѣнныхъ Турокъ, которыхъ пока разобрали, раздѣлили на эшелоны, да пока отправили, нужно же было кормить, нужно было выдать имъ и на дорогу, а ихъ оказалось болѣе 30 тысячъ. Говорятъ что на пути отъ Плевны до Никополя, на протяженіи какихъ-нибудь 45 верстъ, Турокъ померзло около *пяти* тысячъ... Бѣдствіе въ несчастной Османовской арміи страшное!.. Но немногимъ лучше и настоящее наше положеніе: замерзшихъ у насъ, слава Богу, еще нѣтъ, но съ обмороженными руками и ногами уже довольно, а больныхъ опять дѣвать некуда: въ теченіе какихъ-нибудь четырехъ, пяти дней къ намъ поступило болѣе 200 человѣкъ. За невозможностью класть ихъ на голой, промерзлой землѣ въ нашихъ лазаретныхъ шатрахъ, размѣщаемъ ихъ по болгарскимъ землянкамъ, гдѣ близкое сосѣдство буйволовъ даетъ порядочное количество тепла; но какой воздухъ въ этихъ землянкахъ—ужасъ! Буйволы и дизентерики... Опять тысячу разъ спасибо Красному Кресту: безъ его полушубковъ, одѣялъ, фуфаекъ я не знаю что̀ бы это было? На дняхъ пріѣзжалъ къ намъ изъ Нетрополя А. Д. Снисаревскій и передавалъ грустное извѣстіе, что на бивуакахъ полнѣйшее бѣдствіе!.. За дровами стали посылать цѣлыми баталіонами верстъ за 15—20, и солдаты на себѣ волокутъ сырыя, только что ихъ же тесаками нарубленныя дрова, которыя потомъ не

горятъ безъ подтопки, безъ щепокъ,—и бѣдные солдаты дуютъ, дуютъ, раздуваютъ, густой дымъ глаза имъ ѣстъ, а толку никакого,—тепла нѣтъ, одна только мука... Не лучшее житье выпало на долю и нашимъ офицерамъ: мерзнутъ бѣдные!.. Вчера пріѣзжалъ ко мнѣ Б—скій депутатомъ отъ товарищей и я послалъ съ нимъ нѣсколько паръ шерстяныхъ чулокъ, шапокъ, шейныхъ шарфиковъ, два одѣяла и даже одну перемѣну бѣлья. Впрочемъ и мы съ сожителемъ недавно испытали также что̀ значитъ нашъ русскій морозъ, забравшійся въ теплыя страны Болгаріи: два дня у насъ (10 и 11) не было ни полѣна дровъ и мы сидѣли въ своей хатѣ въ полномъ походномъ облаченіи—въ полушубкахъ, рукавичкахъ и валенкахъ...

Но несмотря ни на что, нравственное вліяніе Плевненской побѣды необычайно велико: отъ Государя до послѣдняго солдата всѣ какъ будто изъ мертвыхъ воскресли; а о нашихъ гренадерахъ и толковать нечего: они на седьмомъ небѣ... Самыя лишенія, недостатки, даже бѣдствія переносятся ими съ большимъ мужествомъ и совершенно безропотно...

— Теперь можетъ и въ Расею скорѣй попадемъ, коли Плевну забрали, мечтаютъ наши голодные и мерзнущіе гренадеры;—ежели самого Османа полонили и все у него войско забрали, такъ намъ теперь и воевать-то больше не съ кѣмъ...

И нужно слышать въ какомъ тонѣ ведутся подобные разговоры, съ какимъ духомъ, съ какою самоувѣренностью, какъ будто послѣ Османа у нашихъ гренадеръ нѣтъ болѣе достойнаго противника; почти всѣ солдаты увѣрены въ томъ (да и одни ли солдаты?) что коли мы съ Плевной управились, такъ теперь конецъ войнѣ, замиренье и—въ Россію... О, еслибы не обманула ихъ искренняя и твердая увѣренность!... Впрочемъ Снисаревскій передавалъ слухъ, распространившійся изъ Главной Квартиры, что будто бы какъ только получены были телеграммы о паденіи Плевны, тотчасъ же всѣ европейскіе кабинеты взяли на себя посредничество и предложили воюющимъ сторонамъ заключить предварительное перемиріе и потомъ при ихъ участіи окончательный миръ. Но все это одни только разсказы, слухи, предположенія... Газетъ мы еще не читали и даже не знаемъ содержанія тѣхъ офиціальныхъ теле-

граммъ, которыми извѣщалась Россія о знаменитомъ гренадерскомъ побоищѣ, о взятіи Плевны, о плѣненіи Османа. Наши офицеры настроены тоже на очень высокій ладъ и между прочимъ отъ того еще, что теперь они не считаютъ себя въ долгу предъ гвардіей; Дубнякъ и Плевна стоятъ другъ за друга.... Прощай....

Трестеникъ, 15 декабря.

Сейчасъ вернулся изъ путешествія по землянкамъ, провѣдалъ всѣхъ, усталъ порядочно.... Да, другія уже явленія, новыя заботы.... Суровая зима даетъ себя чувствовать, особенно на бивуакахъ, среди открытыхъ снѣжныхъ полей.... Молись, мой другъ, не уставай стучать въ широкія двери небеснаго милосердія! Объ одномъ пока молись: здоровья мнѣ проси, укрѣпленія моихъ изнемогающихъ силъ проси мнѣ у Царицы небесной!... Опять трудное время подошло: морозы крѣпнутъ, обмороженныхъ много, помощи ни откуда, дороги—ужасъ что такое; подвоза нѣтъ, голодъ за спиной; лошади въ полкахъ и у насъ валятся десятками; люди коченѣютъ отъ холода; больные прибываютъ къ намъ чуть не ежеминутно.... Положеніе становится критическимъ.... У кого есть здоровье, силы, энергія, тѣмъ работы много.... Вотъ она настоящая жизнь военная: побѣдили, разбили, несокрушимую Плевну взяли, 40 тысячъ плѣнныхъ захватили, а сами зубъ на зубъ не попадемъ.... И что это за чудное созданіе—нашъ русскій солдатъ! Холоденъ, голоденъ, у самого еле душа въ тѣлѣ, а онъ пѣсни распѣваетъ и голоднаго Турку послѣднимъ сухаремъ кормитъ....

„Намъ-то подвезутъ, а *ему* неоткуда взять", разсуждаютъ наши солдаты, даже не сознавая своего удивительнаго великодушія, самоотверженія.... Недавно мнѣ сообщили слѣдующій фактъ: въ день знаменитой битвы, 28 ноября, въ полковомъ околоткѣ нашего Сибирскаго полка лежало человѣкъ *сорокъ* больныхъ лихорадкой и дизентеріей; всѣ они вечеромъ того же дня предназначались къ отправкѣ въ нашъ лазаретъ для дальнѣйшаго лѣченія. Начинается бой, приходитъ съ позиціи на бивуакъ извѣстіе, что Турки *навалили—страсть!* что

наши стрѣлки уже бросили первую линію ложементовъ и отступаютъ. Прилетаетъ другое извѣстіе: обозу приказано отступать, денежный полковой ящикъ увезти подальше за Нетрополь.... Между больными въ околоткѣ былъ фельдфебель Антипинъ. Услыхавъ такія нерадостныя вѣсти съ поля битвы, онъ обращается къ своимъ соболѣзникамъ и говоритъ:

— Братцы, нашихъ Сибирцевъ поганые Турки бьютъ, силою ломятъ, а мы-то чего тутъ лежимъ? Пойдемте, голубчики, на выручку; авось и мы уколотимъ хоть по одному нехристю....

Сказано, сдѣлано: въ пять минутъ изъ болящихъ составился цѣлый взводъ; мигомъ похватали ружья, патронныя сумки, рысью побѣжали на позицію, гдѣ кипѣлъ настоящій адъ, и сдѣлали свое дѣло, да какъ? По приговору ротъ и начальства герой Антипинъ и трое изъ болящихъ получили георгіевскіе кресты; два убиты, четверо ранены, а у остальныхъ—замѣчательный случай: ни лихорадка, ни дизентерія не повторялись болѣе....

— Какъ рукой сняло, разсказываютъ про себя бывшіе больные....

Такихъ эпизодовъ, такихъ геройскихъ подвиговъ случилось въ этотъ день много: спроси у Шпицбарта, кто ему спасъ жизнь? Спроси у Геннуша о томъ же; даже одинъ деньщикъ получилъ Георгія!...

Трестеникъ, 17 декабря.

Цѣлыхъ два дня не могъ продолжать письма и по самымъ резоннымъ причинамъ: со вчерашняго утра у насъ неожиданная перемѣна декорацій: всеобщая радость, неописанный восторгъ!... И сухарей привезли, и корму лошадямъ достали, за полушубками въ Систово поѣхали, даже морозы поменьшали,—словомъ всѣ спасены, отъ голодной смерти избавлены: ну, понятно, сейчасъ же повсюду пѣсни, ликованье во всю широкую русскую натуру!... Въ этихъ неожиданностяхъ, въ этихъ быстрыхъ переходахъ изъ одного душевнаго состоянія въ другое, совершенно противоположное, заключается невыразимая прелесть военно-походной жизни.... Поутру горе, бѣда, отчаяніе;

а къ вечеру--восторгъ, экстазъ... Сегодня—голодъ, нужда, перекусить нечего; на завтра—индѣйки, ликеры, шампанское рѣкой.... Вотъ, напримѣръ, какъ мы вчера обѣдали: на дняхъ наши обозные, отправившись за фуражомъ и топливомъ, нечаянно наѣхали на одну усадьбу (чифтликъ), брошенную Турками. Въ усадьбѣ хозяйничалъ уже какой-то Болгаринъ со своимъ семействомъ; у него наши фуражиры набрали пять возовъ сѣна, три воза дровъ (разобрали сарай) и нѣсколько штукъ живыхъ куръ и индѣекъ. Сейчасъ же мы ихъ зажарили и начали роскошничать, но, увы, хлѣба у насъ ни кусочка, одни сухари, и вотъ за обѣдомъ куснешь индѣйки, грызнешь сухарика—и превкусно выходитъ....

Вечеромъ, посѣтивъ всѣхъ больныхъ офицеровъ (представь себѣ: Квантенъ поправляется, у него рана въ животъ, смертельная рана, такъ что его и не отправляли въ ожиданіи смерти, а онъ теперь поправляется и по комнатѣ уже ходитъ), я зашелъ къ Г—ту: сидимъ, разговариваемъ, вдругъ является мой Елисей и докладываетъ:

— Пожалуйте, батюшка, домой...

— Что̀ такое случилось?

— Походъ, лаконически отвѣчаетъ онъ невозмутимо.

— Какъ, неужели?

— Главный врачъ получилъ сейчасъ бумагу изъ Нетрополя...

Прибѣгаю домой и нахожу суматоху: весь наличный персоналъ лазарета столпился въ нашей хаткѣ, всѣ говорятъ, спорятъ, горячатся...

— Походъ, батенька! въ одно слово завопили всѣ при моемъ появленіи.

— Ну что̀ жь? Походъ такъ походъ; да куда?

— А вотъ прочитайте.

Подаютъ мнѣ бумагу. Читаю слѣдующее: „По случаю скораго выступленія въ походъ, предписываю (корпусный врачъ) немедленно закрыть лазаретъ, больныхъ отправить въ Плевну и болѣе изъ полковъ не принимать“... Кратко, но не ясно...

Составили консиліумъ и порѣшили: просить Ал: Ив—ча отправиться въ штабъ дивизіи и разузнать все толкомъ. Такъ и сдѣлали.

Ал. Ив—чъ привезъ изъ штаба дивизіи любопытныя новости, между прочимъ—что изъ главной квартиры присланы 400 знаковъ отличія Военнаго Ордена для раздачи нижнимъ чинамъ, особо отличившимся 28-го ноября. Неизвѣстно почему все это количество раздѣлено *поровну* между всѣми полками двухъ дивизій, по 45 знаковъ на полкъ и по 20 на артиллерійскія бригады. Это распредѣленіе насъ озадачило; въ сраженіи 28-го ноября участвовала наша дивизія—это фактъ неоспоримый, а награды между тѣмъ назначаются и такимъ полкамъ, которые въ этой битвѣ даже не участвовали... Какъ станутъ они дѣлить между собою эти награды? кто у нихъ *особенно* отличился? Но вторая новость идетъ въ совершенный разрѣзъ съ первою: Великій Князь Главнокомандующій прислалъ еще отъ себя 200 крестовъ для раздачи раненымъ по количеству таковыхъ въ каждой части, въ каждомъ полку. Распредѣленіе этихъ орденовъ сдѣлано совершенно справедливо: въ Самогитскій полкъ 2-й гренадерской дивизіи, по количеству въ немъ раненыхъ, назначено *три* креста, въ нашъ Сибирскій — 40, Малороссійскій — 72, Фанагорійскій — 27, Астраханскій—51, артиллеристамъ 2-й дивизіи—1 и нашимъ 6. Три полка 2-й дивизіи: Кіевскій, Таврическій и Московскій, не получили изъ этихъ орденовъ *ни одного,* такъ какъ раненыхъ у нихъ не было. Непремѣнно завтра же поѣду въ Нетрополь, а то и въ Дубнякъ, можетъ-быть недоумѣнія разъяснятся.

Трестеникъ, 19 декабря.

Былъ, а лучше бы сдѣлалъ еслибы вовсе не былъ... Разузналъ, а лучше бы никогда не узнавалъ... Повѣришь ли, мой другъ, всѣ мы въ данную минуту въ такомъ возбужденномъ состояніи, котораго ни коимъ образомъ описать нельзя... Тебѣ, конечно, непонятно то о чемъ я говорю; вы прочитали телеграммы, порадовались какъ могли и какъ умѣли—и только; для всѣхъ васъ, для цѣлой Россіи, важенъ самый фактъ: „Плевна пала, Плевну взяли“, а какъ, кто, что̀, васъ это всего меньше интересуетъ, —Сибирцы ли и Астраханцы, или Бутырцы съ Угличанами забрали Плевну—для васъ это безразлично; важенъ фактъ: Плевна пала, а все прочее для васъ вещь

второстепенная... Для насъ же совершенно иное; кто разбилъ Османа, кто заставилъ его армію положить оружіе,—это для насъ самый первый, главнѣйшій, существеннѣйшій фактъ!... А что Плевна пала,—это второстепенное дѣло, это только необходимое послѣдствіе, неизбѣжный результатъ перваго; не будь этого перваго—не было бы и послѣдняго!... Вчера утромъ я отправился въ Дубнякъ, въ нашъ корпусный штабъ. Штабные приняли меня очень радушно; живутъ они въ одной комнатѣ, кажется, еще тѣснѣе нашего: у двухъ есть складныя походныя кровати, а Спартанецъ Мецгеръ помѣщается прямо на полу, на своей кавказской буркѣ. Засталъ всѣхъ въ самомъ оживленномъ разговорѣ. Рѣчь шла о Плевненской битвѣ и объ участии въ ней разныхъ полковъ; изъ недоговоренныхъ фразъ и полунамековъ я могъ только догадываться, что разговоръ касается нашей дивизіи, но вмѣшиваться въ этотъ разговоръ, разспрашивать, я счелъ для себя неудобнымъ, и хотя штабные обращались и ко мнѣ съ такими же полунамеками, я упорно молчалъ; когда же они стали и на меня насѣдать, я отвѣчалъ что положительно ничего не знаю.

— Да развѣ вы еще не читали? въ одинъ голосъ спросили меня штабные.

— Ничего не читалъ, у насъ газетъ никакихъ нѣтъ.

— А-а, многозначительно протянули они и отстали отъ меня, прибавивъ:—ну, все равно, не сегодня такъ завтра всѣ узнаютъ, это теперь не секретъ, шила въ мѣшкѣ не утаишь...

Это шило меня очень занимало, но разспрашивать было както неудобно. Отдохнувъ у милыхъ штабниковъ, я сталъ собираться домой.

— Вы чрезъ Нетрополь? спросилъ меня Мецгеръ.

— Да, отвѣчалъ я.

— А на бивуакъ къ своимъ заѣдете?

— Непремѣнно заѣду...

— Ну, такъ возьмите меня съ собой, мнѣ нужно повидаться съ Водаромъ.

Мы усѣлись и покатили. Только что мы выѣхали за Дубнякъ, Мецгеръ досталъ изъ кармана нумеръ *Голоса* и прочелъ мнѣ первую телеграмму о Плевненской битвѣ...

— Да не можетъ быть, закричалъ я.—А мои Малороссійцы, вѣдь я самъ служилъ въ этомъ полку, что̀ же объ нихъ? Ничего?

— Ничего, грустно отвѣтилъ мнѣ мой спутникъ,—и теперь это непоправимо; но будетъ время, когда все это всплыветъ на чистую воду...

Пріѣхали мы на бивуакъ и застали у Водара нашего бригаднаго П. Н. Сорокина и нѣсколько офицеровъ. Первыя минуты свиданія вышли очень натянуты: появленіе члена корпуснаго штаба видимо смутило всѣхъ; несмотря на самыя задушевныя товарищескія отношенія В. К—ча съ Мецгеромъ и между ними промелькнула минутка какая-то нехорошая, неискренняя, натянутая...

— Читали, конечно? спросилъ совершенно спокойно и развязно Мецгеръ, обращаясь ко всѣмъ присутствовавшимъ.

— Читали, угрюмо и даже сурово отвѣтилъ за всѣхъ В. К—ичъ...

И пошли, и пошли... Болѣе возбужденной бесѣды я кажется никогда не слыхалъ... Особенно кипятились наши молодые офицеры.

— Да вы загляните что̀ дѣлается у нашихъ сосѣдей—въ Малороссійскомъ полку, кричали возбужденные герои Плевны.

Далеко за полночь вернулся я въ свой Трестеникъ и, несмотря на поздній часъ, засталъ въ нашей хаткѣ весь нашъ лазаретный персоналъ,—и тутъ также возбужденіе очень сильное... Въ мое отсутствіе у насъ получены газеты и всѣ ихъ успѣли прочитать... Что̀ тутъ говорилось—я положительно не въ состояніи передать, потому что и самъ былъ въ такомъ же возбужденномъ состояніи; толковали, горячились почти до утра...

Трестеникъ, 21 декабря.

Есть вещи, о которыхъ можно вести бесѣду только лицомъ къ лицу; къ этой категоріи относятся и многія подробности, касающіяся Плевненской битвы... Всѣ разсужденія, разговоры, сообщенія передавать въ письмѣ положительно неудобно, особенно послѣ того какъ сдѣлались у насъ извѣстными офиці-

альныя и частныя телеграммы, извѣщавшія Россію о великомъ событіи... Подъ вліяніемъ сильнаго возбужденія, огорченные разкащики высказываютъ сужденія слишкомъ рѣзкія, выставляютъ факты и подробности совсѣмъ невѣроятные; но тѣмъ не менѣе во всѣхъ этихъ сужденіяхъ, фактахъ и подробностяхъ, помимо понятныхъ въ такомъ состояніи прикрасъ и преувеличеній, есть не малая доля настоящей правды, только черезчуръ ярко освѣщенной... Могу сказать тебѣ одно: возбужденіе во всей нашей дивизіи очень сильное, а въ Малороссійскомъ и Фанагорійскомъ полкахъ и того болѣе. Дѣйствительно, полки эти, и въ особенности Малороссійскій, пострадавшій болѣе всѣхъ полковъ дивизіи, чувствуютъ себя обиженными какъ нельзя болѣе. Въ день плевненскаго боя Малороссійцы явились на поле сраженія въ самую критическую минуту: центръ нашей позиціи былъ уже прорванъ Турками; стрѣлковыя роты и весь второй баталіонъ нашихъ Сибирцевъ вынуждены были стремительною атакой двадцати четырехъ турецкихъ таборовъ отступить на вторую линію нашихъ траншей между Копаною Могилой и „Лѣвымъ“ люнетомъ; начальникъ стрѣлковъ Лихачевъ убитъ, всѣ ротные командиры и субалтерные офицеры перебиты и переранены; вторая наша батарея и часть третьей взяты уже Турками; первая батарея едва успѣла сняться со своей позиціи и отойти назадъ, и то благодаря необыкновенной стойкости 1-й стрѣлковой роты Гиршфельда. Ободренные первымъ успѣхомъ, Турки запальчиво устремились уже на вторую нашу линію къ Копаной Могилѣ и Лѣвому люнету,—минута была отчаянная, въ полномъ смыслѣ критическая!... Въ эти-то страшныя минуты боя явились Малороссы: два баталіона ихъ, построенные поротно въ двѣ линіи, были двинуты въ промежутокъ между двумя названными люнетами. Наступая по совершенно открытой, ничѣмъ не защищенной мѣстности, прямо съ фронта, подъ убійственнымъ огнемъ Турокъ, баталіоны быстро двинулись впередъ въ указанное * имъ пространство; но только что они

* Указывалъ и направлялъ ихъ самъ начальникъ дивизіи—невозмутимый герой этого дня,—среди пуль и гранатъ онъ распоряжался этимъ кровавымъ дѣломъ съ истинно-ледянымъ хладнокровіемъ.

вступили въ линію огня какъ въ одно мгновеніе выбыли изъ строя оба баталіонные и почти всѣ ротные командиры, шедшіе впереди своихъ частей; солдаты валились какъ подкошенная трава, потери были ужасны; но ничто не могло остановить этихъ безсмертныхъ героевъ!... Они добѣжали до первыхъ прикрытій, до тѣхъ траншей между Копаною Могилой и Лѣвымъ люнетомъ, которыя имъ были указаны какъ цѣль ихъ наступленія и въ которыхъ держались еще упорно отступившія части нашихъ Сибирцевъ. Занявъ эти траншеи и соединившись со своими не менѣе пострадавшими товарищами-Сибирцами, они вмѣстѣ съ ними открыли по Туркамъ жесточайшій, какой только можно вообразить себѣ, ружейный батальный огонь. Турки остановились, не выдержали и попятились назадъ въ занятыя ими траншеи нашей первой линіи; прошло какихъ-нибудь десять минутъ, четверть часа,—ошеломленные огнемъ Малороссійцевъ Турки опомнились, устроились подъ прикрытіемъ траншей и батарейныхъ насыпей и снова съ отчаянною яростью выскочили изъ-за окоповъ и бросились въ направленіи къ Лѣвому люнету,—минута была опять страшная, критическая,—не удержись—и все бы пропало... Но изъ-за Лѣваго люнета, какъ будто изъ-подъ земли, вдругъ явились стройные ряды двухъ Астраханскихъ баталіоновъ, со своимъ отважнымъ командиромъ бригады во главѣ; за ними уступомъ виднѣлись грозныя колонны Суворовцевъ. Съ громкимъ *ура*, съ необыкновенною быстротой и энергіей удалые Астраханцы повели свою знаменитую, образцовую атаку, имѣвшую рѣшительное вліяніе на весь ходъ боя. Завидя ихъ, заслыша родное могучее *ура*, Малороссійцы и Сибирцы выскочили изъ траншей и бросились въ отчаянную, ужасную атаку!... Турки, пораженные, изумленные этимъ дружнымъ, общимъ наступленіемъ всей нашей боевой линіи, бросились въ безпорядочномъ бѣгствѣ назадъ опять къ траншеямъ нашей первой линіи, думая укрыться и удержаться тамъ; но по пятамъ ихъ наши гренадеры ворвались въ тѣ же самыя траншеи, и тутъ закипѣлъ никакимъ перомъ неизобразимый, отчаянный рукопашный бой... Прибѣжали артиллеристы (геройскій подвигъ Миловидова), затрещала картечь, посыпались гранаты, шрапнели—и пораженіе Турокъ

сдѣлалось ужаснымъ, неотразимымъ!.. Завидѣвъ около своихъ траншей и въ самыхъ траншеяхъ несчастные трупы своихъ героевъ-офицеровъ, обезображенные и обобранные уже догола неистовыми Турками, Сибирцы и Малороссы пришли въ неописанную ярость. „Нѣтъ болѣе пардону проклятымъ нехристямъ“, загремѣли наши богатыри и начали косить Турокъ цѣлыми рядами, словно густую траву на сѣнокосѣ... Дѣйствительно, на другой день битвы, когда я ходилъ и осматривалъ страшное поле этого сѣнокоса, около второй нашей батареи и въ траншеяхъ и за траншеями нашей 5-й линейной и 2-й стрѣлковой роты турецкіе трупы лежали огромными кучами, настоящими копнами!...

Между тѣмъ о Малороссійцахъ даже не упомянуто въ первыхъ телеграммахъ; а вѣдь эти телеграммы облетѣли всю Россію, всю Европу.

Трестеникъ, 23-го декабря.

Кажется изъ Трестеника не придется уже болѣе писать, мы выступаемъ въ походъ на Шипку и получили уже маршрутъ до Габрова. Нашимъ Сибирцамъ приходится выступать въ первый день праздника Рождества Христова, а намъ на другой день,—вотъ вамъ и праздники... Впрочемъ о нашемъ походѣ вы скорѣе узнаете изъ газетъ нежели изъ моего письма; да и вообще о ходѣ военныхъ операцій и о всѣхъ событіяхъ на театрѣ войны вы получаете свѣдѣнія гораздо раньше нежели мы; такъ, напримѣръ, вы давнымъ давно отпраздновали нашу побѣду и, пожалуй, уже забыли о Плевнѣ, а мы только теперь начинаемъ получать газеты и изъ нихъ узнаемъ *яко бы* подробности о нашемъ собственномъ дѣлѣ... Какъ исковеркано въ газетахъ это блестящее, славное дѣло! Истинные герои дня, на своихъ плечахъ вынесшіе всю тяжесть боя, оставлены въ тѣни,—неужели изъ-за того чтобы показать что не одна наша дивизія совершила великій подвигъ, а *весь* гренадерскій корпусъ, значитъ и 2-я гренадерская дивизія. Изъ прежнихъ моихъ писемъ ты уже знаешь какіе именно полки участвовали въ битвѣ 28-го ноября, знаешь и скорбную цифру потерь, которыя понесли эти доблестные полки, и вдругъ о нихъ въ

телеграммахъ и газетахъ ни слова... Ужь одно то что Малороссійскому полку назначено *семьдесятъ два* Георгія, а Самогитскому—*три*... За что же такая награда, такое предпочтеніе Малороссійскому полку, неужели за то о чемъ не стоило и упоминать въ телеграммахъ?... А вѣдь эти телеграммы облетѣли всю Россію...

Но случившагося не воротишь...

У насъ уже начались походные сборы: на мѣсто павшихъ лошадей покупаютъ воловъ; вмѣсто изношенныхъ сапогъ шьютъ болгарскіе *опанки* изъ сырыхъ воловьихъ шкуръ шерстью вверхъ; прилаживаютъ башлыки изъ старыхъ порванныхъ шинелей и мундировъ. Приказомъ по корпусу велѣно еще каждому солдату взять на себя по нѣскольку полѣнъ дровъ, такъ какъ до самыхъ Балканъ страна безлѣсная и можетъ-быть придется разбивать палатки и становиться бивуакомъ среди открытаго поля прямо на снѣгу.

Итакъ съ Богомъ въ походъ, и какой походъ! страшно подумать... Но не мы первые, не мы и послѣдніе... Гвардія, говорятъ, уже перевалила Балканы, отчего же и гренадерамъ не перешагнуть ихъ? На дорогу мы купили семь курицъ и поросенка, все это зажаримъ, заморозимъ и въ походъ... Вообще въ мясной пищѣ у насъ нѣтъ и не было недостатка, только бѣда въ томъ что хлѣба нѣтъ... Вотъ когда кстати бы пришлась твоя посылка со съѣстными припасами; но объ ней пока ни слуху, ни духу... Пускай догоняетъ меня гдѣ нибудь за Балканами, тамъ, пожалуй, она будетъ еще болѣе кстати... А полушубковъ и валенокъ изъ Систова не привезли, почему? Богъ вѣсть... Прощайте, молитесь и не забывайте вашего задунайскаго, а чрезъ нѣсколько дней можетъ быть и забалканскаго странника...

Трестеникъ, 26-го декабря.

Маршрутъ перемѣнили: мы выступаемъ послѣ завтра, 28-го декабря, какъ разъ день въ день чрезъ мѣсяцъ послѣ Плевны... Уже нѣсколько дней какъ мы совершенно готовы къ походу и даже боимся чтобъ опять не отложили; ужь что нибудь одно: походъ такъ походъ, а то дѣлается какъ-то скучно и тоскливо;

работы никакой, и слоняемся мы изъ угла въ уголъ, переливая изъ пустаго въ порожнее... Вчера, въ первый день праздника Рождества Христова, мы задали здѣсь пиръ горой: обѣдъ съ пирогомъ!... Накупили въ Плевнѣ всякой всячины, даже крупичатой муки, и *состряпали* пирогъ, якобы нашъ русскій, родной пирогъ... Посмотрѣли бы вы на эту жалкую пародію пирога: пекли его, за неимѣніемъ печей, на очагѣ, на угольяхъ, и онъ снизу подгорѣлъ въ уголь, но ничего, всѣ были въ восторгѣ и запивали пирогъ шампанскимъ.

Наканунѣ сочельника, въ ночь на 24-е, у нашихъ хозяевъ Болгаръ случилось великое семейное горе: умеръ старшій, семнадцатилѣтній сынъ Мико (Михаилъ). Часовъ въ пять утра, какъ разъ у оконъ нашей хатки, раздался рѣзкій, пронзительный женскій крикъ, произносившій одно имя: Мико, Мико, мой Мико! То кричала пораженная горемъ несчастная мать умершаго. Крикъ продолжался не менѣе четверти часа. Ночь была свѣтлая, лунная, морозная; слышимъ, мимо нашей хатки скрипятъ по снѣгу чьи-то шаги, и только что эти шаги повернули за уголъ хозяйской землянки какъ раздался новый, пронзительный крикъ; спать было невозможно, и я, усѣвшись у окна, началъ наблюдать: на крикъ несчастной матери начали сходиться родные и сосѣдки-женщины; каждая приходящая, приближаясь ко кричащей матери, бросалась ей на шею и обѣ нѣсколько минутъ кричали вмѣстѣ, затѣмъ пришедшая уходила въ землянку, гдѣ былъ умершій, а мать продолжала стоять среди двора и истерично кричать. Оказалось потомъ что этотъ крикъ замѣняетъ у Болгаръ колокольный звонъ, который въ нашихъ русскихъ деревняхъ употребляется какъ грустная повѣстка о какомъ-либо умершемъ. Прокричавъ почти цѣлый часъ и собравъ своимъ крикомъ чуть не всѣхъ женщинъ Трестеника, бѣдная мать ушла къ себѣ въ землянку, но не болѣе какъ чрезъ полчаса она снова вышла на дворъ и снова продолжительно кричала. Этотъ крикъ матери періодически продолжался до самаго утра. Когда разсвѣло, мы увидѣли наверху хозяйской землянки большой воткнутый шестъ съ повѣшеннымъ на немъ полотенцемъ; оказалось что этотъ флагъ означаетъ умершаго неженатаго... Часовъ въ девять я

созвалъ своихъ пѣвчихъ и пошелъ отслужить панихиду,—и хозяева наши, и собравшіеся къ нимъ сосѣди и родные, и удивлены, и обрадованы, и невыразимо были мнѣ благодарны за это,—у нихъ нѣтъ обычая служить панихиды въ домахъ. Умершій лежалъ прямо на землѣ на разостланной рогожкѣ; всѣ собравшіяся женщины сидѣли около него также на землѣ, по-турецки, и кричали до хрипоты; въ правой рукѣ умершаго былъ пучекъ зажженныхъ тоненькихъ восковыхъ свѣчъ, а въ лѣвой—книжка папиросной бумаги; на ногахъ турецкія желтыя сафьянныя туфли; около головы сухіе цвѣты и листья... Послѣ обѣда пришелъ хозяинъ и усердно просилъ меня совершить погребеніе по-русски; явился старичокъ отецъ Стоянъ со своею убогою епитрахилью и большимъ *Требникомъ* — единственною богослужебною книгой. Нужно тебѣ сказать что у Болгаръ по деревнямъ при всѣхъ богослуженіяхъ не употребляется церковное пѣніе,—священникъ читаетъ ектенію и самъ же себѣ отвѣчаетъ на всѣ возгласы; поэтому Болгары не говорятъ даже: служилъ, отправлялъ, совершалъ богослуженіе, а просто: попъ читалъ обѣдню, вечерню, молебенъ или какое-либо другое молитвословіе. Такъ какъ и сами священники весьма слабо понимаютъ нашъ церковно-славянскій богослужебный языкъ, а о простыхъ Болгарахъ и говорить нечего, то ты можешь себѣ представить какое впечатлѣніе производитъ на слушающихъ и предстоящихъ такая форма читаннаго богослуженія... Своею невыносимо скучною монотонностью, своею непонятностью она не привлекаетъ, а скорѣе отталкиваетъ отъ себя. И дѣйствительно, Болгары посѣщаютъ свои храмы очень рѣдко, не охотно и на самое короткое время, для того только чтобы поставить свѣчу и затѣмъ поскорѣе уйти домой, такъ какъ въ церкви ничто ихъ не привлекаетъ и не интересуетъ... Поэтому стройное, звучное пѣніе нашихъ пѣвчихъ, мое громкое, раздѣльное, понятное произношеніе возгласовъ, молитвъ, Евангелія, мое облаченіе, блестящій крестъ въ рукахъ, серебряное кадило,—все это вмѣстѣ производило на Болгаръ сильное впечатлѣніе и видимо имъ нравилось. Къ погребенію собрались почти всѣ жители Трестеника: русскій священникъ хоронилъ Болгарина, — событіе для нихъ невиданное и неслыханное... Когда умершаго положили во гробъ, мать насыпала ему въ

правую руку пшеницы и мелкихъ турецкихъ денегъ—галагановъ, я не сталъ противорѣчить этому народному обычаю, смыслъ котораго никто не могъ мнѣ объяснить. По возвращеніи съ кладбища на нашемъ дворѣ разведенъ былъ большой пылающій костеръ, вокругъ котораго всѣ возвратившіеся умывали себѣ руки, — опять народный обычай, который не умѣли мнѣ объяснить. Жалѣю очень что не могъ быть на обѣдѣ, на который меня приглашали—нужно было служить всенощную; навѣрно и за похороннымъ столомъ соблюдаются какіе-нибудь народные обычаи.

Всенощную служилъ я въ бывшей болгарской школѣ, въ которой до сего помѣщались наши больные. Мѣстные священники, отцы Нико (Николай) и Стоянъ (Стефанъ), не служили со мной, они остались на обѣдѣ... Не смѣю осуждать ихъ: безысходная нищета и голодъ многое извиняютъ имъ... Вечеръ наканунѣ Рождества Христова провели мы очень грустно, воспоминанія душили до слезъ... Именно въ праздники бываетъ какъ-то особенно тоскливо...

Обѣдницу и молебенъ въ самый праздникъ служили мы вмѣстѣ, втроемъ, то-есть служилъ-то собственно я, а отцы Нико и Стоянъ только присутствовали, стоя рядомъ со мной въ своихъ убогихъ епитрахиляхъ, — болѣе у нихъ никакихъ облаченій не имѣется,—и въ праздникъ, и въ будни все одна и та же епитрахиль... Болгаръ и Болгарокъ было очень много, но, бѣдные, они и креститься почти не умѣютъ... По окончаніи обѣдницы я объяснилъ значеніе молебна, который совершается русскою церковью въ первый день праздника Рождества Христова въ память избавленія Россіи отъ нашествія Французовъ въ 1812 году. Болгары слушали мою рѣчь съ большимъ вниманіемъ и любопытствомъ; почти всѣ они понимаютъ по-русски, а нѣкоторые даже говорятъ, хотя конечно съ грѣхомъ пополамъ. Въ концѣ молебна, послѣ вѣчной памяти императору Александру I, я произнесъ многолѣтіе всероссійскому, румынскому, сербскому, черногорскому христолюбивому воинству и защитникамъ своего многострадальнаго отечества—болгарскимъ дружинамъ. Это многолѣтіе произвело на Болгаръ сильнѣйшее впечатлѣніе; они не знали какъ и чѣмъ выразить свой восторгъ, заговорили громко, зашумѣли

и, подходя ко кресту, цѣловали меня со слезами радости, а по выходѣ изъ школы они устроили мнѣ цѣлую овацію—проводили до самой квартиры съ восторженными криками: „Да живѣй Русскій Царъ, да живѣй русскій попъ на многа лѣта!...“ Эта неожиданная овація сильно меня тронула. Нѣтъ, несправедливы тѣ кто укоряютъ Болгаръ въ недружелюбіи къ намъ,—это совершенная неправда; нужно только умѣть говорить и обращаться съ народомъ, нужно умѣть затронуть и вызвать его истинныя чувства; а высокомѣрнымъ отношеніемъ, несправедливыми укоризнами, грубостью не вызовешь конечно этихъ истинныхъ народныхъ чувствъ. И многимъ нашимъ неразборчивымъ укорителямъ и поносителямъ Болгаръ мнѣ хотѣлось бы напомнить изреченіе: врачу, исцѣлися самъ... Я не бывалъ еще въ болгарскихъ городахъ, не знаю какъ ведутъ себя горожане; но сельскими жителями не могъ довольно нахвалиться: Болгаринъ прежде всего и, что важнѣе всего, постоянно трезвый человѣкъ; отсутствіе кабаковъ—это величайшее счастіе для Болгарина и неизлѣчимая общественная и семейная язва для нашего русскаго простолюдина!. . Отъ этого одного Болгаринъ постоянно скроменъ, сдержанъ, разсудителенъ, миролюбивъ съ сосѣдями, а въ своей семьѣ—это типъ доброты, мягкости, самаго гуманнаго отношенія ко всѣмъ членамъ семьи и вмѣстѣ съ тѣмъ это неизмѣнно-вѣрный супругъ, всецѣло преданный своему домашнему очагу. Я часто заходилъ въ семью нашихъ хозяевъ, подолгу бесѣдовалъ съ ними, разспрашивалъ до мелочей, заходилъ въ семейства, гдѣ квартировали наши врачи и офицеры, просилъ всѣхъ наблюдать семейную жизнь и взаимныя отношенія въ ней,—въ результатѣ оказывалось вездѣ что всѣ мы такъ называемые образованные русскіе люди должны были только восхищаться прекраснымъ строемъ болгарской семейной жизни. Но письмо — слишкомъ узкая рамка. Объ этомъ нужно бы написать цѣлую монографію, а для этого необходимо прожить въ Болгаріи не два мѣсяца, а два года, задавшись спеціальною задачей—изученіемъ Болгарскаго народа; мы же пришли сюда далеко не съ такими задачами и цѣлями. Прощай, жди писемъ изъ похода...

ГЛАВА IV.

Отъ Плевны до Балканъ.

Ловча, 1-го января 1878 года.

Какъ дивны пути провидѣнія Божія! Могъ ли я когда-нибудь думать что мнѣ придется встрѣчать Новый Годъ и гдѣ же? за Дунаемъ, въ Болгаріи, въ Балканскихъ предгорьяхъ, въ Ловчѣ? Какъ ни хорошо я зналъ когда-то всеобщую географію, но, признаюсь откровенно, о существованіи на земномъ шарѣ какой-нибудь Плевны, Ловчи я и понятія не имѣлъ; а теперь Господь благословилъ все это видѣть, вездѣ побывать... Мы уже въ походѣ и сдѣлали три порядочные перехода; будь это лѣтомъ, тутъ бы, кажется, увидалъ настоящій рай земной: чтò за мѣстоположенія, чтò за чудные виды во всѣ стороны, куда ни глянь... Но подъ снѣжнымъ пологомъ все это сурово, дико, безжизненно, какъ-то досадно-непріятно...

Выступили мы изъ Трестеника-Семерета раннимъ утромъ, 28-го декабря, какъ назначено было по маршруту. Наканунѣ выступленія морозъ держался еще порядочный, но въ ночь на 28-е число сдѣлалась оттепель и сталъ моросить дождь-не дождь съ гололедицей,—значитъ и тутъ дѣйствуетъ примѣта что какъ только войска въ походъ, такъ и дождь... Нахлобучилъ я свой кожанъ, надѣлъ башлыкъ, длинные сапоги, взялъ неизмѣнную спутницу, люблинскую палку, и маршъ впередъ... Не знаю чтò неудобнѣе: идти ли по гололедицѣ, постоянно скользя во всѣ стороны съ опасностію упасть и сломать себѣ руку или ногу, чему у насъ бывали уже примѣры, или описы-

вать подобнаго рода путешествіе? Какъ ни старайся, а тѣхъ ощущеній, которыя приходилось испытывать, не передашь. Не дай тебѣ Богъ никогда въ жизни испытать на себѣ что̀ значитъ идти пѣшкомъ нѣсколько верстъ по страшной гололедицѣ, подъ мелкимъ дождикомъ, капли котораго сейчасъ же застываютъ у тебя и на одеждѣ, и на лицѣ, образуя тонкую ледяную кожицу, когда съ нависшихъ краевъ кожанаго башлыка предъ самыми глазами твоими образуются ледяныя сосульки, какъ бываетъ съ крыши около оконъ или надъ окнами... А я подъ такимъ дождикомъ, съ такими сосульками, шагалъ себѣ цѣлыхъ пять верстъ отъ Трестеника до Нетрополя, да еще пѣлъ дорогой... У меня есть какое-то непреодолимое, желаніе уходить впередъ совершенно одному. Среди безмолвія, подъ широкими окраинами горизонта мнѣ какъ-то дышется шире, свободнѣе. Я испытываю невыразимое спокойствіе, наслажденіе, и пою себѣ, пою *Богови моему, дондеже есмь...* Какъ только наши собираются въ путь, я ухожу впередъ и, пока они меня догонятъ, успѣю пройти нѣсколько верстъ; спутники мнѣ непріятны; тутъ вся сила именно въ безлюдіи, въ непосредственномъ общеніи съ природою и Богомъ!...

Въ Нетрополѣ я зашелъ на могилу Лихачева, Манассеина, Тараткевича и другихъ товарищей, поклонился, помолился, прочиталъ: *со святыми упокой*, и съ невыразимо грустными чувствами побрелъ дальше... Прощайте товарищи-страдальцы! Никогда уже моя нога не посѣтитъ болѣе вашей братской могилы, и только душою я буду часто прилетать къ вамъ, гостить у васъ, молиться за васъ... На вашей скорбной могилѣ даю завѣтъ предъ Богомъ никогда не забывать васъ предъ престоломъ Божіимъ! Побрелъ дальше. Вотъ мѣсто, гдѣ былъ перевязочный пунктъ, гдѣ работали Снисаревскій и Красный Крестъ, вотъ мѣсто бивуаковъ нашей бригады: сколько воспоминаній, сколько пережито здѣсь и радостей, и горя, и удовольствій, и огорченій, а теперь голый пустырь, обломки землянокъ, какой-то странный хаосъ...

И отъ Копаной Могилы
Бивуакъ до половины
Пустыннымъ снѣгомъ замело...

А вотъ и она страшная „Копаная Могила"... Прощайте братскія могилы героевъ, павшихъ на полѣ кровавой битвы!... Земля Русская не забудетъ вашихъ подвиговъ, вашей кровавой жертвы, принесенной отечеству...

Къ полудню небо прояснилось, выглянуло даже солнышко и сдѣлалось такъ тепло что на дорогѣ показались проталинки... Замѣчательно: видъ поля битвы даже чрезъ мѣсяцъ все еще представлялъ много грустныхъ останковъ... Софійское шоссе около моста черезъ Видъ по сю и по ту сторону, благодаря оттепели, оттаяло и буквально вымощено пулями и гильзами патроновъ, шагу нельзя ступить безъ того чтобы не попасть ногой на свинцовую подстилку. На другой сторонѣ Вида, около шоссе, и теперь еще валяются цѣлые скирды цинковыхъ ящиковъ съ турецкими патронами; и откуда только они ихъ брали? неимовѣрно сколько у нихъ было боевыхъ снарядовъ!...

Плевна—небольшой и невзрачный полу турецкій, полу болгарскій городишко; улицы тѣсны, кривы, грязны.. Хозяева-Болгары приняли насъ чрезвычайно радушно; они знаютъ что наша именно дивизія билась въ послѣдній разъ съ Османомъ и сломила его силу; поэтому всѣ проходящія части нашей дивизіи они принимали и принимаютъ весьма привѣтливо. Хозяинъ нашей квартиры, очень умный и образованный по-своему Болгаринъ, хорошо владѣющій русскимъ языкомъ, просидѣлъ съ нами цѣлый вечеръ и много разказывалъ о своемъ положеніи во время пятимѣсячной осады... Разказывалъ, что Османъ на все время осады поставилъ около Плевны густую цѣпь карауловъ и не дозволялъ своимъ солдатамъ входить въ городъ и обижать жителей; вообще Болгары отзываются о немъ какъ о человѣкѣ добромъ и великодушномъ... Между разговорами, хозяинъ сообщилъ намъ что Болгары еще со временъ императрицы Екатерины Великой не переставали вѣрить, что Россія рано или поздно непремѣнно освободитъ ихъ отъ турецкаго ига, это обратилось у нихъ въ народное повѣрье, и послѣ всякой нашей войны съ Турціей, даже послѣ несчастной осады Силистріи въ 1854 году, они не теряли никогда своей завѣтной надежды на братьевъ-Русскихъ; теперь,

въ настоящую войну, несмотря на первыя наши неудачи подъ Плевной, они твердо убѣждены и несомнѣнно вѣрятъ, что часъ ихъ освобожденія скоро пробьетъ...

На другой день (29 декабря) въ Плевнѣ съ ранняго утра сдѣлалось необыкновенное народное движеніе: Болгары, и мущины, и женщины, и дѣти, въ праздничныхъ одеждахъ высыпали на улицы и что-то громко, восторженно сообщаютъ другъ другу; чрезъ нѣсколько минутъ послѣ того на церковной колокольнѣ заколотили въ церковное било (чугунная доска вмѣсто колоколовъ, которыхъ Турки не позволяли Болгарамъ употреблять для церковнаго благовѣста). Что̀ такое случилось? Вдругъ вбѣгаетъ къ намъ нашъ хозяинъ до того взволнованный что на глазахъ у него слезы. Что̀ съ вами? спрашиваемъ.—„Шипку, Шипку взяли, армія турецкая въ плѣну", кричитъ онъ восторженно и бросается обнимать и цѣловать насъ. „Комендантъ получилъ телеграмму и сейчасъ въ нашей церкви будетъ молебенъ." Я не медля ни минуты побѣжалъ къ коменданту, генералу Столыпину, и онъ былъ настолько любезенъ что прочиталъ мнѣ подлинную телеграмму, извѣщавшую что шипкинская турецкая армія 28-го декабря совершенно разбита и остатки ея въ числѣ 24 тысячъ положили оружіе. Радость и ликованье здѣсь неописанныя! Несмотря на то, что у насъ все уже готово было къ выступленію, мы пошли въ церковь. Плевненская церковь одна изъ древнѣйшихъ въ Болгаріи, и мнѣ чрезвычайно понравился величественный рѣзной иконостасъ изъ орѣховаго дерева съ позолотой. По окончаніи торжественнаго молебна, при всеобщемъ народномъ ликованьи, мы выступили изъ Плевны, провожаемые задушевными пожеланіями ликующихъ Болгаръ. 28 ноября и 28 декабря 1877 года составятъ свѣтлыя страницы въ русской военной исторіи!

Переходъ отъ Плевны до деревни Сѣтово былъ очень трудный, что̀ называется съ горки на горку. Отъ вчерашней оттепели снѣгъ пропитался водою, а его въ глубокихъ оврагахъ навалило много, такъ что наши тяжелыя линейки рѣзали дорогу до грунта; спустимся въ оврагъ, въ долину—тепло, проталины, даже ручьи; подымемся на гору - холодный, рѣзкій

вѣтеръ и морозъ, подъ ногами шуршитъ. Всѣ вершины окрестныхъ горъ на нѣсколько верстъ усѣяны турецкими и нашими редутами и траншеями, когда-то грозными и страшными. Сколько здѣсь положено труда, чтобы все это выкопать, нагромоздить; а сколько здѣсь полегло турецкой и русской силы?...

Какъ жаль что мы путешествуемъ зимою, — весь эффектъ пропадаетъ; а должно-быть лѣтомъ тутъ истинное очарованіе: съ каждымъ переходомъ окрестные виды и ландшафты становятся все прелестнѣе, грандіознѣе. Деревушка Сѣтово пріютилась на склонѣ большой горы, покрытой лѣсомъ, и бѣленькіе домики ея разбросаны между садами и виноградниками какъ будто дачи; землянки здѣсь ни одной, лѣсу много, поля превосходныя и довольство замѣтно во всемъ. Удивительно, какъ богата эта благословенная Богомъ страна, вотъ ужь истинная житница .. Я уже писалъ тебѣ что цѣлыхъ два мѣсяца проведенныхъ нами около Плевны мы не имѣли недостатка въ фуражѣ, и если въ концѣ этого времени намъ угрожало почти бѣдствіе, то это вовсе не потому что страна истощилась въ своихъ средствахъ, что негдѣ было достать, а совершенно по другимъ причинамъ, отъ богатства страны ни мало независящимъ. Цѣлая трехсоттысячная армія съ многочисленною кавалеріей, артиллеріей, со своими обозами, парками и всяческими транспортами, въ теченіе семи мѣсяцевъ находила себѣ продовольствіе исключительно въ мѣстныхъ средствахъ и запасахъ страны. Изъ-за Дуная не доставлено ни одного вола, ни одного клочка сѣна, такъ какъ въ этомъ не представлялось никакой надобности, и будь наша администрація хоть немножко предусмотрительнѣе, повѣрьте, ни одна часть нашей арміи не испытала бы здѣсь никакихъ лишеній и недостатковъ въ продовольствіи. Доказательствомъ можетъ служить эта самая деревушка Сѣтово и ближайшая къ ней Ново-Село, лежащія около шоссейной дороги изъ Плевны въ Ловчу. Несмотря на то что со времени взятія нами Ловчи (22 августа) по этому шоссе въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ постоянно передвигались разныя части нашей арміи, безъ сомнѣнія нуждавшіяся въ продовольствіи, въ этой деревушкѣ мы еще въ концѣ декабря застали нетронутыми цѣлые стоги ячменя и

пшеницы, а также достаточное количество рогатаго скота; а деревни лежащія вглубь страны, въ Балканахъ, имѣютъ еще большіе запасы продовольствія... Многіе укоряютъ Болгаръ въ томъ, что они припрятали отъ насъ свои продовольственные запасы. Укоризны эти совершенно несправедливы: если съ Болгарами обходиться ласково, исправно выплачивать стоимость забираемыхъ продуктовъ звонкою монетой, а не бумажными квитанціями, съ которыми они не знаютъ что дѣлать, то у нихъ всегда можно было достать по крайней мѣрѣ самые важные продукты продовольствія—муку и мясо.

Въ Ловчу мы пришли рано, къ обѣду 30 декабря. Городокъ очень хорошенькій, есть даже настоящіе европейскіе каменные дома и оригинальный крытый мостъ черезъ рѣчку Осму. При входѣ въ городъ, въ предмѣстьи, поставлены тріумфальныя ворота обвитыя дубовыми и миртовыми листьями съ разноцвѣтными флагами и надписью: *Да живѣй Царъ Александръ II Освободителъ Болгаріи.* Это очень эффектно и пріятно для нашего патріотическаго чувства. Проѣхавъ съ полверсты по первой городской улицѣ, мы повернули налѣво и очутились подъ высокою, длинною, досчатою крышей въ какой-то полусвѣтлой галлереѣ; по обѣимъ сторонамъ тянутся сплошныя лавочки съ разложенными и развѣшенными товарами,— это мѣстный гостиный дворъ. Засмотрѣвшись на разныя лавочныя диковинки и медленно подвигаясь впередъ, мы незамѣтно переѣхали черезъ мостъ, по сторонамъ котораго непрерывно тянутся такія же лавки и та же высокая досчатая крыша; каждая лавочка имѣетъ свое оконце, выходящее на рѣку, и этими оконцами освѣщается вся галлерея, идущая черезъ мостъ,—все это очень оригинально. Ховлева-Болгары приняли насъ такъ же радушно какъ и въ Плевнѣ, предложили намъ обѣдъ, вино, отличную постель, а на другой день приготовили для насъ домашнюю баню. Замѣчательно удобны эти бани: онѣ устраиваются въ каждомъ почти домѣ въ комнатахъ. Нужно тебѣ знать что устройство домовъ и расположеніе комнатъ у Болгаръ совсѣмъ не такое какъ у насъ; въ большинствѣ случаевъ болгарскіе дома располагаются такъ: прямо съ лѣстницы входишь въ большія, свѣтлыя сѣни

замѣняющія собой наши залы; изъ этихъ сѣней, судя по обширности дома, идутъ нѣсколько дверей въ жилыя комнаты, а гостиная устраивается нѣсколько повыше этихъ комнатъ, такъ что изъ сѣней или залы при входѣ въ нее нужно подняться на одну или двѣ ступеньки. Въ одной изъ жилыхъ комнатъ, по преимуществу въ спальнѣ, устраивается домашняя баня: отдѣляется маленькая каморка, аршина два съ половиной въ квадратѣ, съ особою въ нее дверью; здѣсь располагаются всѣ принадлежности настоящей бани: въ стѣну вдѣланы два небольшіе котелка для теплой и холодной воды, сдѣлана ступенька для сидѣнья и на ней тазы и ковшики для черпанія воды; нагрѣваются эти баньки снизу или изъ кухни, или, если домъ одноэтажный, то изъ очага устроеннаго въ сѣняхъ; тутъ двѣ выгоды: одною топкой приготовляется и обѣдъ, и нагрѣвается баня, въ которой поэтому можно мыться хоть каждый день; вода изъ бани стекаетъ по трубѣ внизъ въ кухню, въ особый чанъ и, какъ мыльная и горячая, употребляется для стирки грязнаго бѣлья, мытья половъ и проч. Отъ этого въ болгарскихъ домахъ необыкновенная чистота, — полы какъ стеклышко; бѣлье на Болгарахъ постоянно свѣжее, чистое, любо поглядѣть, и всѣ эти житейскія удобства даетъ баня, устроенная, такъ-сказать, подъ бокомъ; не правда ли какъ это практично, удобно и вмѣстѣ оригинально.

Цѣлый день (31 дек.) мы бродили по городскимъ закоулкамъ; очень долго пробыли въ висячемъ гостиномъ ряду, разсматривали и любовались турецкими товарами, особенно дамскими нарядами, очень дорогими и роскошными. Нужно тебѣ сказать что по маршруту мы должны были встрѣчать Новый Годъ не въ Ловчѣ, а въ деревушкѣ Кокрино, между Ловчей и Сельви; но благодаря тому обстоятельству что наша артиллерія (три батареи) не въ состояніи была въ одинъ день подняться на громадную Ловчинскую гору, мы остановились здѣсь на цѣлыхъ три дня, что̀ и даетъ мнѣ возможность наговориться съ тобой сколько моей душѣ угодно... Даже не знаемъ тронемся ли мы завтра, потому что артиллерія и сегодня едва ли успѣетъ вскарабкаться на верхушку горы. Замѣчательна эта гора: огромною скалой повисла она надъ городомъ и по

крутымъ ея ребрамъ изсѣчено шоссе, такъ что съ одной стороны дороги—глубокая пропасть, съ другой—нависшая скала. Видъ съ этой горы на далекія окрестности и на самый полуразрушенный городъ съ его четырнадцатью минаретами замѣчательно хорошъ и грандіозенъ...

Встрѣчали мы Новый Годъ очень тихо, одиноко и грустно... Мой дорогой А. Ив—чъ и въ походѣ коптитъ надъ своими бумагами... До одиннадцати часовъ мы оба сидѣли и писали: онъ свои донесенія и представленія, а я это письмо и завѣтный дневникъ, въ которомъ ты когда-нибудь прочтешь курiозныя сцены изъ внутренней жизни нашего лазарета... Когда сталъ приближаться урочный моментъ наступленія Новаго Года, я налилъ двѣ рюмки портвейну и, дождавшись этого момента, громко произнесъ: поздравляю васъ А. Ив—чъ съ наступившимъ Новымъ Годомъ!.. Онъ такъ былъ углубленъ въ свою работу что ничего не замѣтилъ, и когда услыхалъ мое поздравленіе, то минуты двѣ какъ будто ничего не могъ сообразить, потомъ безмолвно, тихо приподнялся со своего мѣста, взялъ рюмку, мы чокнулись, выпили, обнялись другъ друга у обоихъ на глазахъ слезы, и также безмолвно принялись каждый за свою работу...

Сегодня я былъ у обѣдни въ болгарской церкви: служилъ одинъ молодой священникъ и ужасно путалъ; между тѣмъ въ алтарѣ стояли, не участвуя въ службѣ, болѣе десяти священниковъ. Болгары и особенно Болгарки, по укоренившемуся у нихъ обычаю, на минуту входили въ церковь, ставили свою тоненькую желтую свѣчку и сейчасъ же удалялись изъ церкви; одни только наши солдаты стояли неподвижно, какъ слѣдуетъ. Замѣтивъ что въ церкви стоятъ всѣ наши пѣвчіе, я, переговоривъ сначала со священникомъ подвижнаго лазарета 3й пѣхотной дивизіи, приказалъ имъ стать на клиросъ и начать пѣніе съ Херувимской пѣсни. Наступила минута, раздался стройный аккордъ, зазвенѣлъ нашъ Тамберликъ, * и въ

* Рядовой 11 гренадерскаго Фанагорійскаго полка Шебеловъ—превосходный теноръ. Прозваніе Тамберлика получилъ отъ начальника дивизіи.

церкви мгновенно водворилась тишина; бродившіе по церкви Болгары и Болгарки какъ будто прикипѣли къ мѣсту, и нужно было видѣть съ какимъ удивленіемъ, а потомъ съ какимъ замѣтнымъ удовольствіемъ вслушивались они въ гармоническое пѣніе, какъ будто не вѣря своимъ ушамъ. Къ концу обѣдни церковь была полна до тѣсноты и всѣ стояли какъ вкопаные... Что̀ значитъ церковное пѣніе! Какое оно имѣетъ громадное значеніе въ религіозно-народной жизни!.. По окончаніи обѣдни священникъ 3й дивизіи отслужилъ обычный молебенъ съ многолѣтіемъ нашему Царствующему Дому и нашему побѣдоносному воинству. Въ продолженіе обѣдни и молебна я стоялъ въ алтарѣ и смотрѣлъ на братушекъ о Христѣ, болгарскихъ священниковъ... Вотъ и не желалъ бы осуждать, да невозможно; ихъ поведеніе во святомъ алтарѣ, у престола Божія, во время совершенія величайшаго таинства, было болѣе нежели предосудительно: мало того что они во все время совершенія литургіи бродили по алтарю, громко разговаривали, даже ссорились между собою, спорили о чемъ-то съ видимымъ азартомъ, не обращая ни малѣйшаго вниманія на то что̀ въ глазахъ ихъ совершалось на престолѣ Божіемъ, — одинъ изъ нихъ довольно уже пожилой, по окончаніи литургіи, въ то время какъ литургисавшій священникъ потреблялъ на жертвенникѣ Св. Дары, преспокойно тутъ же въ алтарѣ надѣлъ свою баранью шапку. Это окончательно возмутило насъ со священникомъ 3 дивизіи и мы, подойдя къ священнику, надѣвшему шапку не могли не замѣтить ему все неприличіе его поступка.... Но „со своимъ уставомъ въ чужой монастырь не ходятъ“. У Болгаръ все это допускается и потому никого не возмущаетъ... Оказалось что во время обѣдни нѣкоторые изъ Болгаръ стояли въ церкви, имѣя на головахъ турецкія фески, а по окончаніи богослуженія тутъ же въ церкви многіе понадѣвали шапки...

По возвращеніи изъ церкви, хозяева наши собрались въ нашу комнату цѣлою семьей съ гостями и родственниками, натащили разныхъ угощеній, мѣстнаго болгарскаго вина, и мы провели обѣдъ очень весело, даже можно сказать шумно. Взятіе Плевны, Шипки и Софіи приводитъ Болгаръ въ неописанный восторгъ; особенно восторгаются болгарскія

матроны, извѣстныя своимъ глубокимъ патріотическимъ чувствомъ; всѣ онѣ по большей части необыкновенно стройны, красивы, серіозны, даже строги; взглядъ у нихъ какой-то внушающій, повелительный; поступь неспѣшная, величавая. За обѣдомъ присутствовала дочь нашихъ хозяевъ, только предъ началомъ войны вышедшая замужъ,—это положительно красавица...

Послѣ обѣда ходили вмѣстѣ гулять, поднимались въ другой разъ на Ловчинскую гору и смотрѣли какъ втаскиваютъ на нее наши девяти-фунтовыя орудія: бѣда и конямъ и людямъ, чистая мука; а это еще не особенно большая гора въ сравненіи съ тѣми какія намъ придется переваливать за Габровымъ; по разказамъ нашихъ хозяевъ, хорошо знакомыхъ съ Балканами, на Шипкинскомъ перевалѣ есть два-три подъема втрое выше и круче здѣшней горы; что̀ же тамъ будетъ съ нашими батареями, съ нашими лазаретными линейками? А не дай Богъ настанутъ мятели, горные бураны, или польются дожди,—что̀ тогда? Въ данную минуту погода благопріятствуетъ нашему походу: по утрамъ легкій морозъ, отъ 6 до 10°, среди дня тепло, отлично, а къ вечеру опять морозитъ; еслибы не горы съ ихъ крутыми спусками и подъемами, то при такой погодѣ можно бы дѣлать очень большіе переходы. Такъ какъ во время нашей прогулки мы лично удостовѣрились, что къ вечеру всѣ артиллерійскія тяжести поднимутся на гору, то завтра предполагаемъ выступить очень рано, чтобы, не останавливаясь въ Кокрино, прямо сдѣлать переходъ до Сельви, откуда, если представится малѣйшая возможность, непремѣнно напишу, а теперь пока прощай.

Габрово, 8 января.

Никакая ярмарка въ мірѣ, даже наша Нижегородская, не можетъ дать и приблизительнаго понятія о томъ что̀ творится здѣсь въ этомъ укромномъ болгарскомъ городкѣ Габровѣ, куда мы прибыли еще 5 января утромъ; настоящее тутъ Вавилонское столпотвореніе и смѣшеніе языковъ: ничего не разберешь, никакого толку не добьешься,—чистѣйшій хаосъ, въ которомъ всѣ кружатся, толкутся какъ въ ступѣ, какъ въ

водоворотѣ. Дѣло въ томъ что послѣ взятія Шипки, 28 декабря, когда открылась возможность безопаснаго перехода черезъ Балканы, сюда устремилось все живое, все способное къ передвиженію, въ надеждѣ безпрепятственно перевалить за Балканы, по протоpенной Радецкимъ дорогѣ; отъ этого всеобщаго и, къ сожалѣнію, безтолковѣйшаго *устремленія* вышло то, что въ Габровѣ одновременно столпилась такая масса людей, лошадей, всевозможныхъ повозокъ, транспортовъ, ящиковъ, линеекъ и всяческихъ тяжестей и нетяжестей, что произошла невообразимая толкотня, давка, безурядица. Всѣ куда-то спѣшатъ, какъ на пожаръ, всѣ двигаются впередъ, обгоняютъ другъ друга, при этомъ неистово кричатъ, ругаются, дерутся, нещадно бичуютъ несчастныхъ лошадей и буйволовъ,—и вся эта безтолковѣйшая толкотня продолжается безостановочно, день и ночь, съ самаго Шипкинскаго погрома. Кто распоряжается всею этою безтолковщиной—разобрать трудно... Высшее начальство перебралось въ Казанлыкъ и оттуда шлетъ приказъ за приказомъ о немедленномъ движеніи за Балканы. Кромѣ нашего гренадерскаго корпуса, здѣсь въ Габровѣ сосредоточены были всѣ тяжести нѣсколькихъ пѣхотныхъ дивизій, стрѣлковыхъ и артиллерійскихъ бригадъ, всѣ дивизіонные лазареты, артиллерійскіе парки, вольнонаемные транспорты, и всѣ эти части одновременно получили приказаніе двигаться какъ можно скорѣй,—ну и двинулись, и загромоздили горный перевалъ. Безурядицу увеличила еще масса Болгаръ-бѣженцевъ, которые спѣшатъ теперь за Балканы,—кто въ Казанлыкъ, кто въ Ески-Загру или по деревнямъ,—одни съ желаніемъ поскорѣе возвратиться на свои родныя пепелища; другіе—съ надеждой поживиться чѣмъ-нибудь въ турецкихъ деревняхъ, покинутыхъ жителями. Этихъ бѣженцевъ-Болгаръ мы въ первый разъ увидали въ большомъ количествѣ на переходѣ отъ Сельви къ Габрову; встрѣчались группы очень красивыя, интересныя, но большинство представляетъ изъ себя печальную картину; многіе ѣдутъ на вьючныхъ лошадяхъ, нѣкоторые—въ уродливыхъ каруцахъ запряженныхъ буйволами, большинство же идетъ пѣшкомъ, и рѣдкое семейство имѣетъ одного - двухъ навьюченныхъ ословъ; между

вьюками виднѣются корзинки съ малыми дѣтьми, которыя по дорогѣ подымаютъ надрывающій душу крикъ.... Длинною, почти непрерывною вереницей тянутся эти бѣженцы по обѣимъ сторонамъ Ловчинскаго шоссе и увеличиваютъ собою и безъ того огромное количество желающихъ перебраться за Балканы. Такъ добрались мы до Габрова и были поражены представившимся зрѣлищемъ. Габрово лежитъ, совершенно такъ же какъ и Ловча, между огромными горами, окружающими его со всѣхъ сторонъ, и только на сѣверъ къ Тырнову разстилается довольно обширная и красивая долина. Отъ деревни Дрогайлицы, гдѣ мы имѣли послѣдній ночлегъ съ 4 на 5 января, дорога весьма замѣтно поднимается все выше и выше, среди причудливыхъ очертаній горныхъ кряжей, покрытыхъ густымъ лѣсомъ, и наконецъ скалистымъ обрывомъ, страшною крутизной спускается въ Габровскую долину. Когда мы взобрались на самую высшую точку дороги, надъ самымъ спускомъ, предъ нами открылась дѣйствительно необычайная картина, какой-то волшебный калейдоскопъ: направо виднѣется узкое ущелье, обрамленное и спертое громадными скалами; изъ этого ущелья бѣшено вырывается горная рѣчка Янтра и уступами, каскадами перерѣзываетъ пополамъ красивый городокъ, образуя какъ разъ въ его центрѣ великолѣпный водопадъ, шумъ котораго мы заслышали еще съ вершины Ловчинскаго спуска. И въ самомъ ущельѣ, насколько его видно было съ горы, и въ самомъ городѣ, и на всей обширной долинѣ необычайное движеніе, шумъ, гамъ, стукотня, пронзительный и отвратительный крикъословъ, глухое мычаніе буйволовъ, неясный говоръ нѣскольких тысячъ людей и надо всѣмъ этимъ заглушающіе все перекаты бурнаго водопада.... Мы долго стояли на вершинѣ спуска и не могли оторвать глазъ отъ этой чудной, поразительной картины, вдругъ совершенно неожиданно открывшейся предъ нами...

Благодаря только тому обстоятельству что Ал. Ивановичъ не остался съ нами ночевать въ Дрогайлицахъ, а уѣхалъ впередъ въ Габрово, мы имѣли возможность попасть со своими повозками въ городъ; онъ успѣлъ уже всѣмъ распорядиться, и намъ не только дали пропускъ на проѣздъ въ городъ, но

и всѣмъ намъ отвели очень удобныя квартиры; обозъ же нашъ и лазаретныя линейки остались въ долинѣ, верстахъ въ двухъ отъ города. Размѣстившись и отдохнувъ немного, мы пошли осматривать городъ и искать мѣсто, гдѣ бы можно было пообѣдать. Смотримъ движеніе по городу прекратилось; на мосту черезъ Янтру, ниже водопада, поставлены рогатки и вооруженные часовые; мѣстные жители, Болгары, всѣ отъ мала до велика высыпали на улицу и что-то между собою необыкновенно оживленно, восторженно трактуютъ, повторяя безпрестанно: Турекъ, Турекъ!.. Что̀ бы это значило? Завидѣвъ помощника габровскаго окружнаго начальника, который отводилъ намъ квартиры, обращаемся къ нему съ вопросомъ, и онъ намъ объяснилъ, что сейчасъ будетъ проходить чрезъ городъ огромная партія (6.000 чел.) турецкихъ солдатъ, взятыхъ въ плѣнъ 28 декабря подъ Шипкой. Дѣйствительно, скоро послышались веселые мотивы какой-то болгарской пѣсни, звуки какого-то неизвѣстнаго намъ инструмента, и изъ-за поворота большой улицы показались: впереди ѣдущій русскій офицеръ въ болгарской ополченской шапкѣ, за нимъ человѣкъ шесть конныхъ Болгаръ тоже въ ополченской одеждѣ, далѣе пѣшій конвой изъ болгарскихъ ратниковъ (юнаки), восторженно распѣвающихъ какую-то пѣсню, и наконецъ густыя массы плѣнныхъ Турокъ... Болгары ведутъ подъ конвоемъ Турокъ. Явленіе небывалое!... Можете себѣ представить восторгъ Болгаръ. Двѣ недѣли тому назадъ Турки были повелителями, господами, а теперь—плѣнники и еще подъ конвоемъ своихъ недавнихъ рабовъ...

Глубоко жалѣю что непредвидѣнныя обстоятельства, случившіяся во внутренней жизни нашего лазарета, помѣшали мнѣ пойти въ церковь въ такой великій праздникъ какъ Крещеніе Господне. Только изъ оконъ нашей квартиры я смотрѣлъ на крестный ходъ болгарскаго духовенства на Іорданъ (Янтру). Погода была отвратительная, падалъ мокрый снѣгъ пополамъ съ дождемъ. Въ крестномъ ходѣ ни порядка, ни благообразія; какой-то мальчишка въ шапкѣ выступалъ впереди всѣхъ съ большою книгой въ рукахъ и выкрикивалъ: *гласъ Господенъ на водахъ вопіетъ, глаголя,* за нимъ нѣсколько

священниковъ въ крайнемъ безпорядкѣ, а одинъ изъ нихъ, уже пожилой, въ ризахъ, съ Евангеліемъ въ рукахъ, далеко отсталъ отъ прочихъ и шелъ среди толпы женщинъ, съ которыми съ видимымъ увлеченіемъ о чемъ-то разговаривалъ....

Обѣдаемъ мы въ отвратительной *якобы* гостиницѣ подъ громкимъ титуломъ: „Шипка", открытой и содержимой, конечно, Евреями, которыхъ набилось сюда видимо-невидимо. Ни единаго русскаго торговаго человѣка, ни единаго Румына или Нѣмца. Въ Шибкѣ ежедневно мы встрѣчаемъ офицеровъ, пріѣзжающихъ съ перевала для обѣда и разныхъ покупокъ, и узнаемъ отъ нихъ, что̀ дѣлается на перевалѣ. Нужно тебѣ узнать, что отъ Габрова до деревни Шипки (на той сторонѣ перевала) всего только 22 версты: изъ нихъ восемь верстъ идутъ по ущелью Янтры, на девять верстъ подымается зигзагами самый перевалъ, съ пятью постепенными, громадными подъемами, и остальныя пять верстъ спускъ, который, по словамъ разкащиковъ, труднѣе самаго подъема. На всемъ этомъ 22-хъ-верстномъ протяженіи стоитъ непрерывная вереница повозокъ, батарей, патронныхъ ящиковъ и разныхъ военныхъ и невоенныхъ колесницъ, чающихъ движенія; въ ущельѣ до подъема эти посудины стоятъ въ нѣсколько рядовъ по обѣимъ сторонамъ Янтры; на самомъ же перевалѣ онѣ вытянулись гуськомъ, составляя изъ себя непрерывную нить до самаго спуска; а на спускѣ съѣзжаютъ или вѣрнѣе спускаютъ внизъ только по одной посудинѣ и то на разстояніи не менѣе ста шаговъ, изъ боязни, чтобы не налетѣла одна на другую, такъ какъ спускаютъ не на лошадяхъ, а на людяхъ, на лямкахъ. Операція эта очень медленна и опасна: не дай Богъ не удержать какую-нибудь 9-ти-фунтовую пушку или тяжелый патронный ящикъ, все это полетитъ въ пропасть, увлекая съ собою и людей; было уже нѣсколько несчастныхъ случаевъ... Такимъ образомъ, какъ только спустятъ одну повозку или пушку не менѣе какъ на сто шаговъ, на ея мѣсто становится слѣдующая, очередная, и вся девятиверстная сплошная нить подвинется на разстояніе одной повозки и опять стоитъ полчаса, ожидая слѣдующаго передвиженія на такое же разстояніе... Вслѣдствіе подобнаго способа передвиженія, наши Сибирцы,

выступивъ изъ Габрова еще 4-го числа, въ теченіе трехъ сутокъ успѣли пройти только ущелье и двѣ версты перевала; за ними на первомъ подъемѣ стоятъ Малороссійцы, а Суворовцы и Астраханцы еще въ ущельѣ, у подошвы перевала; въ этомъ ущельѣ, вслѣдствіе оттепели, масса людей и лошадей разбила невылазную грязь, съ глубокими ямами, въ которой по необходимости по нѣскольку часовъ, а то и сутокъ, стоятъ несчастные люди и кони; вдругъ наступаетъ морозъ, колеса тяжелыхъ повозокъ замерзаютъ въ глубокой грязи такъ, что ихъ приходится вырубать... Между тѣмъ на вершинахъ перевала морозы доходятъ до 15 — 17 и болѣе градусовъ и часто бушуютъ горныя бури; каждое налетающее облако сыплетъ изъ себя массу густаго снѣга и заметаетъ дорогу, засыпаетъ телѣги выше колесъ, и для расчистки всего этого посылаютъ за цѣлымъ баталіономъ Серпуховскаго полка, который для этой цѣли снабженъ лопатами и другими разгребательными орудіями...

Вчера, 7-го числа, на перевалѣ случилось огромное бѣдствіе, которое еще болѣе замедлитъ общее движеніе: въ праздникъ Крещенія Господня и въ ущельѣ, и на перевалѣ была оттепель, валилъ мокрый, густой снѣгъ пополамъ съ дождемъ, но къ вечеру стало сильно морозить. Обозныя и артиллерійскія лошади, простоявшія цѣлый день въ упряжкѣ, подъ дождемъ, двое сутокъ уже ничего не ѣвшія (по маршруту назначено было на переходъ Шипкинскаго перевала *два дня*, почему и фуража было взято каждою частью только на два дня), къ полночи, при усиливавшемся морозѣ съ пронзительнымъ вѣтромъ, стали обмерзать и, не будучи ничѣмъ прикрыты, стали покрываться тонкимъ слоемъ льда, а къ утру и совсѣмъ валиться, замерзать... Какъ великъ былъ холодъ можно судить по тому что въ одну эту злополучную ночь въ обозахъ нашей бригады и въ двухъ нашихъ батареяхъ замерзло 114 лошадей!... Буйволы, сколько ихъ было въ этихъ частяхъ, погибли всѣ до одного!... Благодареніе Богу, люди не пострадали особенно: замерзъ только одинъ обозный и человѣкъ сорокъ обморозились. Спасеніемъ послужили землянки, оставшіяся послѣ безсмертныхъ защитниковъ Шипки, героевъ 14-й пѣхотной

дивизіи и знаменитой 4-й стрѣлковой бригады. Этотъ страшный урокъ заставилъ командировъ частей прислать сюда въ Габрово всѣхъ остальныхъ лошадей для прокормленія и сбереженія ихъ въ закрытыхъ стойлахъ по дворамъ, такъ какъ движенія впередъ не предвидится еще въ теченіе нѣсколькихъ дней. Не знаю какъ прошла эта ужасная ночь во 2-й гренадерской дивизіи, полки которой стоятъ на самыхъ высшихъ точкахъ перевала; безъ сомнѣнія и тамъ не безъ потерь; слышалъ только что въ 6-й батареѣ 2-й гренадерской артиллерійской бригады нѣсколько орудій и зарядныхъ ящиковъ засыпаны снѣгомъ, такъ что изъ сугробовъ виднѣются одни только вверхъ поднятыя дышла, — ни колесъ, ни орудій, ни ящиковъ, ничего не видно, все занесено громаднымъ снѣжнымъ сугробомъ.

Между тѣмъ здѣсь получены достовѣрныя извѣстія что Гурко разбилъ армію Сулеймана, занялъ уже Филиппополь и двигается форсированнымъ маршемъ къ Адріанополю. Изъ Казанлыка извѣщаютъ что Скобелевъ полетѣлъ также къ Адріанополю, на перерѣзъ бѣгущимъ туда остаткамъ Сулеймановской арміи, — а ты помни что это послѣдняя турецкая армія, и пока мы переполземъ какъ черепахи черезъ Шипку, не останется, пожалуй, съ кѣмъ и воевать, не придется значитъ и участвовать въ дѣлахъ, чего всѣ пламенно желаютъ отъ генерала до послѣдняго солдата.

Габрово оказывается большой и красивый городокъ, есть дома весьма обширные и европейской архитектуры; таковъ домъ занятый нашимъ военно-временнымъ госпиталемъ, въ которомъ помѣщается множество раненыхъ шипкинскихъ героевъ; есть здѣсь значительный складъ Краснаго Креста, и старый нашъ знакомый князь Накашидзе работаетъ тутъ съ такою же неустанною энергіей какъ и у насъ въ Трестеникѣ послѣ Плевны. Кажется еще изъ Яссъ я писалъ тебѣ о томъ неблагопріятномъ впечатлѣніи какое произвели на меня встрѣченныя нами наши русскія сестры милосердія; теперь беру свое слово назадъ и готовъ предъ лицемъ всѣхъ сестеръ просить у нихъ публичнаго извиненія за неосторожно брошенное въ нихъ слово укоризны. И въ Плевнѣ, и въ Ловчѣ, и здѣсь

въ Габровѣ я познакомился со многими изъ нихъ, разспрашивалъ, наблюдалъ, слушалъ разказы нашихъ офицеровъ, возвратившихся въ полки по выздоровленіи отъ ранъ и болѣзней, — вездѣ и ото всѣхъ безъ исключенія я слышалъ самые лестные отзывы о ихъ высокомъ самоотверженіи; а солдаты, гдѣ только ни заговори съ ними о сестрахъ милосердія, положительно не могутъ произнести этого дорогаго для нихъ имени безъ самыхъ искреннихъ слезъ безпредѣльной благодарности! По словамъ солдатъ, ни жена, ни мать родная не сумѣли бы такъ ухаживать за своими какъ эти сестры за чужими. Былъ я въ здѣшнемъ женскомъ монастырѣ, гдѣ помѣщаются нѣсколько нашихъ сестеръ; монахини и ихъ достойная матушка игуменья точно также не могутъ говорить о нихъ безъ слезъ.

„Рустіи жéны, о!“ и при этихъ словахъ растроганныя Болгарки одною рукой утираютъ слезы, а другою показываютъ въ небо, какъ бы желая этимъ жестомъ указать гдѣ будетъ истинная оцѣнка и награда высокимъ подвигамъ русскихъ женщинъ, самоотверженно покинувшихъ отечество, семью, родныхъ,—и для чего, по какимъ побужденіямъ?... Да, русская женщина въ лицѣ сестеръ милосердія воздвигла себѣ на поляхъ Болгаріи несокрушимый памятникъ!...

P. S. Хотѣлось бы кончить, но не могу пересилить себя, не могу удержаться: все хотѣлъ бы передать тебѣ, все чтò видѣлъ, слышалъ, узналъ... Ну какъ, напримѣръ, промолчать о такомъ оригинальномъ обычаѣ у здѣшнихъ Болгаръ: у нихъ въ домахъ не имѣется кухонныхъ печей, а только камины, въ которыхъ можно еще сварить супъ или мамалыгу, но ничего нельзя изжарить, спечь, и вотъ для этого собственно они ухитрились устроить общественныя печи; одна изъ такихъ печей находится какъ разъ предъ окнами нашей квартиры, и каждое утро я наблюдаю какъ Болгарки съ разныхъ сторонъ приносятъ въ эту общую пекарню раздѣланные дòма пироги, хлѣбы въ видѣ большихъ лепешекъ, потомъ сырыхъ куръ, гусей, индѣекъ и прочее, и все это печется и жарится тутъ же при нихъ въ нѣсколько минутъ. Подъ большимъ навѣсомъ или крыльцомъ устроена громадная печь, устьями своими выходящая

прямо на улицу: въ одномъ углу ея постоянно пылаетъ огонь и распаляетъ внутренность такъ что на печеніе пирога, лепешки, на жареніе птицы употребляется дѣйствительно нѣсколько минутъ, — не правда ли что это очень оригинально? Ну, теперь ужь окончательно прощай....

Габрово, 10 го января.

Наконецъ-то и до насъ дошла очередь: сегодня предъ обѣдомъ (въ 11, много въ 12 ч.) мы получили телеграмму о немедленномъ прибытіи въ Казанлыкъ; приказано явиться туда одному личному составу врачей и половинѣ санитаровъ, взявъ съ собой на вьюкахъ хирургическія принадлежности и перевязочныя средства. Обозъ нашъ и всѣ линейки остаются здѣсь за невозможностію перетащить ихъ черезъ Балканы. Несмотря на то что подобнаго распоряженія мы ожидали съ часу на часъ, все-таки у насъ поднялась страшная суета: бросились прежде всего покупать вьюки, а ихъ во всемъ Габровѣ ни единаго; добрые и болѣе насъ смѣтливые люди закупили ихъ попрежде насъ и намъ не оставили ничего,—переваливай какъ знаешь.... Послали на перевалъ спросить генерала Лашкарева: не могутъ ли пройти наши легкія офицерскія повозки? Оказалось что генералъ въ свою очередь получилъ уже телеграмму о необходимости нашего передвиженія, и сегодня весь день хлопочетъ о томъ, чтобъ очистить намъ свободный проѣздъ насколько это будетъ возможно при столь затруднительномъ состояніи перевала, хотя въ то же время посовѣтовалъ взять фуража не менѣе какъ на три—четыре дня.... Итакъ, съ Богомъ за Балканы! Какъ тебѣ описать настоящее мое душевное настроеніе? Мнѣ кажется, оно такое же какъ и у всѣхъ, у всѣхъ насъ, Русскихъ: пока мы слушаемъ разказы о какихъ-нибудь ужасахъ, мы волнуемся, ропщемъ, даже какъ будто малодушествуемъ; но когда дѣло доходитъ до насъ самихъ, когда эти самые ужасы предстанутъ, такъ-сказать, предъ самымъ нашимъ носомъ, тогда съ нами повторяется малороссійская пословица: „не такъ страшенъ бісъ, якъ его малюютъ“. Въ самомъ дѣлѣ, о комъ ни послушаешь, всѣ уже за Балканами: и Гурко, и Скобелевъ, и Мирскій, и Карцевъ; значитъ

и мы перейдемъ, непремѣнно перейдемъ; благополучно или нѣтъ—этого мы не знаемъ, но что перейдемъ — въ этомъ мы совершенно увѣрены. Будутъ конечно лишенія, потребуются можетъ-быть жертвы, но „гдѣ лѣсъ рубятъ, тамъ и щепки летятъ“, а сдѣлаться этою щепкой, если на то будетъ воля Божія, велитъ каждому и долгъ, и совѣсть.... Итакъ прощай. Жди письма изъ-за Балканъ.

P. S Посылки твоей все еще не получилъ, да мы и ничего не получаемъ, хотя намъ обѣщали много... Ни полушубковъ, ни валянокъ, ни шанцеваго инструмента, ничего мы не получаемъ, кромѣ единой, незаслуженной нами, милости Божіей, сохраняющей насъ среди всяческихъ бѣдъ и напастей!....

ГЛАВА V.

Черезъ Балканы.

Казанлыкъ, 15-го января.

Какъ только откроешь это письмо, прежде всего исполни мою задушевную просьбу: стань предъ иконою Знаменія Божіей Матери, положи три глубокихъ, земныхъ поклона и горячо, отъ всего сердца, благодари Царицу Небесную,—я уже за Балканами, въ Казанлыкѣ... какъ все это совершилось, какъ Господь помогъ мнѣ въ одинъ день перевалить Балканы, этого я, кажется, не сумѣю тебѣ разказать, — четвертый день не могу придти въ себя, опомниться, собраться съ мыслями; чувствую только, что совершилось въ моей жизни что-то необыкновенное, небывалое... Памятенъ мнѣ Уральскій хребетъ около Златоуста; никогда не забуду величественнаго Бобыръ-Хана и Тугаи около Улалы въ Алтаѣ; но Шипкинскій перевалъ на Балканахъ—это совсѣмъ не то... Уралъ и Алтай я видѣлъ лѣтомъ, Балканы—зимой; тамъ путешествовалъ въ отличномъ экипажѣ или на привычной горной лошадкѣ,—здѣсь весь горный кряжъ перевалилъ пѣшкомъ; тамъ что ни шагъ, то новая прелесть, очарованіе,—тутъ на каждомъ шагу новый и новый ужасъ....

Тронулись мы изъ Габрова 11-го января и къ девяти часамъ утра прибыли къ подошвѣ перевала. Что творится на протяженіи этихъ восьми верстъ по извилистому ущелью Янтры, трудно себѣ представить: базаръ не базаръ, ярмарка не ярмарка, а какая-то невообразимая толкотня... Съ одной стороны

зеленѣетъ какой-то громаднѣйшій артиллерійскій паркъ, растянувшійся на цѣлую версту, если не болѣе; съ другой—чернѣетъ мрачный вольнонаемный транспортъ со своими черными будками и черномазыми погонцами. Удивительно, какъ попали сюда эти угрюмые сыны Малороссіи? Что̀ заставило ихъ покинуть свою благодатную родину и пуститься въ невѣдомыя дебри Балканскія? Неужели только погоня за наживой?... Утро было великолѣпное, тихое, солнечное, морозное; воздухъ такой что дышешь не надышешься; узкая долина ущелья на всемъ своемъ протяженіи дымилась, курилась, кое-гдѣ вспыхивали яркіе костры, люди варили себѣ обѣдъ. Дымъ отъ каждаго костра, при полной тишинѣ воздуха, подымался высоко вверхъ какими-то гигантскими столбами, точно тысячи Петергофскихъ „Самсоновъ“ собрались сюда въ ущелье. Окрестныя горы, покрытыя снѣгомъ, блистали на солнцѣ безчисленными алмазными искрами, и мелкія волны верхнихъ слоевъ дыма на мгновеніе покрывали ихъ тонкими, прозрачными облачками, какъ подвѣнечною фатой. И среди этой прелестной картины разыгрывалась тутъ же самая будничная, людская, житейская проза: гомонитъ и ругается народъ, мычатъ буйволы, ревутъ неистово ослы, ржутъ кони, скрыпятъ и стучатъ о камни сотни двигающихся повозокъ и,—что̀ особенно удивительно,—среди всего этого гама слышится собачій лай.... Представь себѣ, почти за каждою ротой въ полкахъ путешествуютъ и ротныя собаченки, эти неизмѣнно преданные, неразлучные друзья нашихъ солдатъ, добровольно переносящіе съ ними всѣ невзгоды и бѣдствія военнаго времени.... У подошвы перевала мы застали всю нашу вторую бригаду, стоящую тутъ уже пятый день и ожидающую своей очереди. Благодаря энергическимъ распоряженіямъ генерала Лашкарева, насъ пропустили безпрепятственно, и вотъ стали мы карабкаться на первый, относительно некрутой подъемъ. Солнышко пригрѣвало такъ что на дорогѣ показались проталинки и образовался тонкій слой жидкой, скользкой грязи; сгоряча мы пошли бойко, ходко и въ полчаса поднялись на вершину перваго подъема къ домику Радецкаго. Знаменитый, историческій теперь домикъ этотъ есть не иное что̀ какъ большая землянка, раздѣленная под-

земнымъ корридоромъ на двѣ половины: въ одной жилъ самъ Радецкій, въ другой—его штабъ; теперь же въ одной помѣщается генералъ Лашкаревъ, въ другой—нашъ генералъ Квитницкій со своимъ неизмѣннымъ спутникомъ М. П. Михинымъ. Тутъ я узналъ много разныхъ новостей и между прочимъ одну очень отрадную, пріятную, именно: въ Казанлыкъ, въ нашу главную квартиру, прибыли уже турецкіе уполномоченные для заключенія перемирія. Дай-то Богъ!... По совѣту М. П. Михина я купилъ себѣ у казака переломленное копье, такъ какъ на предстоящіе крутые подъемы нельзя подниматься безъ твердаго, остраго упора, и моя люблинская спутница палка оказывается здѣсь ненадежною. Скоро подъѣхали наши повозки и остановились тутъ для отдыха и обѣда. На площадкѣ между первымъ и вторымъ подъемомъ наши впередъ высланные кашевары успѣли уже сварить намъ неизмѣнный брандохлыстъ—супъ съ рисомъ, надоѣвшій всѣмъ хуже микстуры. Санитары стали обѣдать; въ это время подходитъ ко мнѣ нашъ докторъ Заленскій и предлагаетъ идти впередъ; я соглашаюсь съ удовольствіемъ, и мы пошли; но проходя мимо кипящихъ котловъ съ супомъ, не могли воздержаться отъ соблазна и выпросили себѣ у кашеваровъ по куску горячей говядины. Подкрѣпившись, мы тронулись въ путь. Ни у меня, ни у моего спутника въ началѣ этого путешествія не было никакихъ предположеній, никакой опредѣленной цѣли;—идти впередъ, вотъ и все тутъ. Пошли. Второй подъемъ сразу доказалъ мнѣ всю практичность совѣта М. П. Михина: безъ копья никоимъ образомъ нельзя было бы подняться: крутизна страшная, холодъ очень чувствительный, вѣтеръ рѣзкій, порывистый, а дорожка узкая, обледенѣлая, скользкая и лѣпится она по крутѣйшему косогору; слѣва громадная, отвѣсная скала; справа—бездонный обрывъ. Чтобъ улучшить эту дорожку и сдѣлать ее не такъ покатою въ оврагъ, наши саперы придумали оригинальный барьеръ или брустверъ: по самой окраинѣ къ оврагу наложили замерзлыхъ лошадей и буйволовъ,—ихъ замело снѣгомъ, закрѣпило морозомъ и образовался очень толстый и очень прочный валъ. Съ большими усиліями и частыми отдыхами взобрались мы на вершину этого труднѣйшаго изо всѣхъ подъ-

емовъ Шипкинскаго перевала; но за то какая же картина открылась предъ нашими глазами: словно ледяныя горы полярнаго моря высились къ небу безчисленные горные конусы, то облитые яркими лучами солнца, то затуманенные набѣгавшими на нихъ легкими облаками. Горизонтъ безпредѣльный,—внизу далеко, далеко, въ какой-то чудной синевѣ виднѣется Габрово, дымится загроможденное ущелье, тамъ и сямъ въ страшныхъ трущобахъ бѣлѣютъ деревеньки, монастыри; черною лентой по бѣлому фону извивается зигзагами наша горемычная путь-дороженька, вся отъ подошвы до вершины запруженная повозками; вокругъ этой змѣйки-дорожки чуть замѣтными точками шевелятся юркіе ослята болгарскихъ бѣженцевъ съ толстыми вьюками съ обѣихъ сторонъ, словно мухи съ растопыренными крыльями. Мы засмотрѣлись, залюбовались, и не замѣтили какъ набѣжало облачко и въ одно мгновеніе осыпало насъ густыми и въ то же время ослѣпительно блиставшими на солнцѣ звѣздочками-снѣжинками. Очнувшись среди облака, среди шуршанья и какого-то нѣжнаго завыванья горной тучки съ метелью, мы нѣсколько мгновеній не могли сообразить, гдѣ мы, что съ нами, въ какой-такой заколдованный кругъ попали,— а тучка уже прошла, пролетѣла, прошуршала и, какъ-будто улыбаясь нашему минутному недоумѣнію, побѣжала себѣ черезъ оврагъ на слѣдующую вершину, закрыла ее на минутку прозрачною вуалью, и понеслась, полетѣла дальше... Все это продолжалось не болѣе двухъ-трехъ минутъ, и опять яркое солнце, опять ослѣпительныя искры снѣжныхъ алмазовъ. На безбрежномъ горизонтѣ тамъ и сямъ виднѣется много этихъ чудныхъ отрывковъ-тучекъ и плаваютъ онѣ по горнымъ вершинамъ, какъ легкіе, воздушные ялики по бѣлымъ волнамъ.... Что за чудный видъ!... Но восторгаться этими чарующими картинами горной природы было не ко времени; мы поплелись дальше. Дорожка наша полукругомъ повернула еще на слѣдующую вершину вправо, гдѣ виднѣются землянки и копошится народъ. Мы поднялись; и тутъ я нечаянно встрѣтилъ знакомаго служителя...

— Ты зачѣмъ здѣсь?

— Съ батюшкой, съ отцомъ Евстафіемъ мы тутъ....

— А гдѣ же онъ?

— Вотъ здѣсь, въ землянкѣ, пожалуйте....

Я приподнялъ кукурузную дверь; изъ землянки вырвался огромный клубъ древеснаго, горькаго дыма, за которымъ не видно было что̀ творится въ этой подземной берлогѣ.

— Отецъ Евстафій, кричу я, нагнувшись къ берлогѣ,— гдѣ вы?

— Здѣсь, отвѣчаетъ мнѣ голосъ изъ глубины дымящагося подземелья.

— Какъ къ вамъ попасть?

— Спускайтесь сюда.

И изъ дыма показались двѣ протянутыя руки.

Я влѣзъ; за густыми слоями дыма нельзя было ничего разглядѣть; но по голосамъ я узналъ Смирнова, Петрова, Оріентова и отца Евстафія.

— Что вы тутъ дѣлаете, господа?

— Пятыя сутки коптимся, какъ сосиски....

Сейчасъ началось угощеніе: коньякъ, сыръ и черствѣйшій хлѣбъ; но мѣшкать мнѣ не приходилось, мой спутникъ оставался на юру, и я, выпросивъ себѣ кусокъ хлѣба и сыру, поспѣшилъ выбраться изъ этой коптильни. Чѣмъ выше мы подымались, тѣмъ замѣтно становилось холоднѣе, и набѣгавшія тучки съ метелью не производили уже на насъ того чарующаго впечатлѣнія, какъ первая.

До третьяго подъема дорога загибаетъ большимъ и длиннымъ полукругомъ; но болгарскіе ослы проложили себѣ прямую тропинку между громадными камнями, Богъ вѣсть кѣмъ и когда здѣсь навороченными. Что за смышленыя животныя оказываются эти ослята, всемірный, но несправедливый символъ глупости, тупости, какъ ихъ, не знаю за что, повсюду и всѣ величаютъ.... Здѣсь въ горахъ—это неоцѣненное животное: кромѣ того что оселъ идетъ очень ходко, семенитъ своими тонкими ножками быстро, онъ еще несетъ на себѣ порядочный вьюкъ пуда въ три, четыре и болѣе; но что всего важнѣе, онъ никогда не собьется съ той тропинки по которой прошелъ хоть одинъ разъ и удивительно умѣетъ выбирать кратчайшій путь, какъ бы ни былъ онъ труденъ и

опасенъ. По тѣмъ горнымъ тропамъ, по тѣмъ скаламъ и обрывамъ, по которымъ спокойно и бойко проходитъ оселъ, никогда не можетъ пройти никакая лошадь. Благодаря этимъ прямымъ, *ослинымъ* путямъ сообщеній и мы взобрались на третій подъемъ прямою тропой, хотя и очень трудною, но за то дѣйствительно прямою,—мы выгадали по крайней мѣрѣ около двухъ верстъ. На третьемъ подъемѣ стоитъ какое-то зданіе въ родѣ харчевни или кабачка, около котораго мы застали цѣлое общество нашихъ офицеровъ; отдохнувъ не болѣе десяти минутъ, мы пустились дальше. Холодъ сдѣлался очень чувствителенъ и рѣзкій вѣтеръ пронизывалъ насъ порядочно; но какая странность, какая причудливость горной природы: на вершинѣ обращенной къ сѣверу—холодъ, вѣтеръ; но только что мы обогнули самую маковку подъема и повернули лицомъ на югъ, на припекъ солнца,—на дорогѣ показались не только проталинки, но весь глубокій снѣгъ въ котловинѣ между этимъ и слѣдующимъ подъемомъ сплошь понялся водой, такъ что на каждомъ шагу мы стали проваливаться чуть не по колѣно и едва-едва перебрались черезъ это неожиданное, снѣговое болото. Тутъ-то наши обозы, полковыя и артиллерійскія тяжести встрѣтили почти непреодолимыя препятствія: лошади проваливаются и не могутъ взяться, телѣги и лафеты тонутъ, засычиваются выше ступицъ; ни лошадямъ, ни людямъ нѣтъ возможности подхватить, пособить другъ другу; а между тѣмъ чрезъ нѣсколько часовъ, при закатѣ солнца, непремѣнно станетъ крѣпко морозить и все это неизбѣжно замерзнетъ, вмерзнетъ, закостенѣетъ, такъ что каждую телѣгу, каждую посудину придется на завтра вырубать; а если хватитъ ураганъ и за ночь все это занесетъ сугробами, что не разъ уже и случалось?.. Въ такихъ дѣйствительно затруднительныхъ обстоятельствахъ единственнымъ спасеніемъ служатъ неимовѣрныя усилія, какіе-то циклопическіе труды нашихъ безпримѣрныхъ русскихъ солдатъ: нѣтъ такой тяжести, которой бы они не подняли, нѣтъ такой трясины, изъ которой бы они не вытащили и нѣтъ такой невзгоды, которой бы они не перенесли съ какимъ-то неимовѣрнымъ напряженіемъ и самоотверженіемъ!... Удивительные, чудные люди!... Въ этой тяжкой борьбѣ

съ природой, обмокшіе до костей, обмерзлые, оледенѣлые, въ своихъ худыхъ шинелишкахъ, они являются истинными героями!... Вотъ *когда*, и вотъ только *гдѣ* можно понять весь героизмъ нашихъ безсмертныхъ шипкинскихъ защитниковъ,— вѣчная имъ слава!...

За третьимъ переваломъ дорога раздѣляется: одна—колесная, идетъ полукругомъ по гребню горы, другая—вьючная, лѣпится подъ горой; мы пошли по вьючной и встрѣтили тутъ почти непрерывную вереницу конныхъ обозныхъ 14-й, 9-й и 16-й пѣхотныхъ дивизій, которые на вьючныхъ лошадяхъ перевозятъ патроны своихъ полковъ изъ Габрова въ Казанлыкъ. Вьюки кожаные, отлично устроенные и приспособленные, лошадки сытыя, бодрыя, какъ будто сейчасъ изъ Тамбовской губерніи приведенныя... Патронные ящики брошены въ Габровѣ, а патроны въ теченіе недѣли перевезены почти всѣ для цѣлыхъ трехъ дивизій,—и просто и умно....

— А какъ вы перевозили вашу артиллерію, пушки, лафеты, снаряды? спросили мы обозныхъ.

— На салазкахъ, батюшка, отвѣчали они,—разобрали все, и колеса и станки, навалили на сани и маршъ.... Въ два дня перемахнули....

— Да гдѣ же вы саней-то набрали?

— Въ Габровѣ и по деревнямъ заказывали, а то и сами мастерили....

Самый длинный, высокій и трудный подъемъ на Мароутку утомилъ насъ почти до изнеможенія; пройдемъ саженъ пять, десять, и сядемъ отдохнуть прямо на тропинкѣ, на снѣгу. Дорога вся заставлена повозками гдѣ въ одинъ рядъ, а гдѣ представляется хотя малѣйшая возможность, то и въ два-три ряда. На самую вершину Мароутки подымался при насъ вольнонаемный транспортъ съ сухарями, Богъ вѣсть какими судьбами попавшій между артиллеріей и полковыми обозами. Какое мученье, какую каторгу переносили при этомъ бѣдныя клячи-лошаденки и ихъ не менѣе несчастные погонцы-хохлы, этого описать никоимъ образомъ нельзя.... Страсть Божія—и только!... Перевалившись черезъ Мароутку, мы увидали съ правой стороны отъ насъ засыпанную снѣгомъ и доселѣ еще не отко-

панную 6-ю батарею 2-й гренадерской дивизіи; изъ-подъ сугроба виднѣются одни только концы дышелъ...

Отъ самаго кабачка или караулки на третьемъ подъемѣ и до самой горы Св. Николая стоитъ непрерывная цѣпь обозовъ, двигающихся чрезъ каждые два часа по столовой ложкѣ.... Проходили мы и мимо нашего Сибирскаго обоза, видѣли многихъ товарищей офицеровъ, заглядывали въ ихъ землянки, въ которыхъ они помѣщаются какъ сельди въ боченкѣ. Остаться у нихъ на ночь не представлялось ни малѣйшей возможности; дожидаться пока подъѣдутъ наши повозки тоже было неосновательно; судя по крутизнѣ пройденныхъ нами подъемовъ и въ виду массы телѣгъ запрудившихъ дорогу, нельзя было и думать чтобы наши повозки добрались сюда сегодня. Что̀ же оставалось намъ дѣлать? Послѣ минутнаго колебанія мы рѣшились идти дальше, впередъ, если успѣемъ, то въ Казанлыкъ, а не успѣемъ, то въ турецкій лагерь около Шипки, на Шейновскомъ полѣ, о которомъ намъ сообщили наши офицеры что тамъ въ этомъ лагерѣ проживавшіе долгое время Турки настроили много отличныхъ землянокъ, въ которыхъ и ночуютъ войска наши спускающіяся вечеромъ съ горы Св. Николая. Медлить было нельзя; солнышко уже было низко и до спуска оставалось версты полторы,—мы поспѣшили. Съ вершины послѣдняго (пятаго) перевала мы завидѣли наконецъ и знаменитую вершину Св. Николая—этотъ неприступный редутъ, устроенный самою природой, въ которомъ столько мѣсяцевъ сидѣли и отбивались шипкинскіе герои. За полверсты или того менѣе до этого самороднаго редута, на небольшой площадкѣ стоитъ турецкая казарма—караулка, устроенная тутъ и со стратегическою и съ человѣколюбивою цѣлію—для спасенія запоздавшихъ путниковъ во время горныхъ бурь и урагановъ. Около этой караулки съ немалымъ удивленіемъ мы узрѣли нашу русскую почтовую бричку, наполненную до верха кожаными мѣшками.—А, такъ вотъ гдѣ наши посылки, которыхъ мы такъ ждали подъ Плевной, въ Ловчѣ, въ Габровѣ,—онѣ забрались себѣ къ самой горѣ Св. Николая и преспокойно поджидаютъ тутъ насъ.... Зашли мы въ казарму напиться воды у единственнаго сторожа-солдата, охраняющаго и отапливающаго этотъ

огромный сарай; зашли, и пожалѣли что зашли.... Грустную картину встрѣтили мы въ этой казармѣ: у очага, на кучѣ конскаго навоза (въ казармѣ совмѣстно находятъ пріютъ и люди, и лошади, и буйволы съ ослами) лежалъ мальчикъ-Болгаринъ, лѣтъ четырнадцати, исхудалый, блѣдный какъ смерть, съ открытыми, но почти уже остановившимися глазами; у изголовья сидитъ его сестра, дѣвочка лѣтъ десяти, видимо не сознающая безнадежнаго положенія своего брата. Спутникъ мой сейчасъ же осмотрѣлъ больнаго, выслушалъ его грудь и съ грустію сказалъ мнѣ что у мальчика воспаленіе легкихъ въ послѣднемъ періодѣ и уже началась предсмертная агонія.... Сторожъ разказалъ намъ что дня четыре тому назадъ какіе-то Болгары-бѣженцы привезли на ослѣ этого мальчика и оставили тутъ на Божью волю. Изъ словъ дѣвочки можно было понять что они родомъ изъ Эски-Загры, что отца ихъ и мать „Ту́рекъ порѣзалъ“, что еще лѣтомъ они бѣжали въ Габрово вмѣстѣ съ другими несчастными жителями Эски-Загры послѣ перваго похода Гурко за Балканы. Бѣдный ребенокъ, несчастная дѣвочка!... Невыразимо тяжело было слышать ея дѣтскій лепетъ что вотъ только какъ поправится ея братишка, они и пойдутъ съ нимъ на Казанлыкъ въ Эски-Загру.... Еще больнѣе, еще невыносимѣе сознавать что ничѣмъ не можешь помочъ этому безвыходному горю, ничѣмъ не въ состояніи облегчить его!.... Дали мы дѣвочкѣ нѣсколько франковъ, дали и солдату-сторожу чтобъ онъ призрѣлъ его до того времени когда Отецъ сиротъ Всевышній пошлетъ какого-нибудь добраго человѣка.... Съ грустнымъ чувствомъ вышли мы изъ казармы и поспѣшили къ спуску; позднее время не позволяло намъ ни подняться на самый конусъ Св. Николая, ни осмотрѣть большой высокій крестъ, воздвигнутый неподалеку на братской могилѣ шипкинскихъ героевъ.

Обогнули мы гору Св. Николая и намъ представился дѣйствительно великолѣпный видъ: яркіе лучи почти заходящаго солнца, прорѣзываясь среди темныхъ тучъ, обливали ослѣпительнымъ желто-краснымъ цвѣтомъ вершины окрестныхъ горъ,—а подъ ногами, тамъ далеко внизу разстилалась предъ нами знаменитая Долина Розъ, долина Тунджи, покрытая какъ

дымкой легкимъ, прозрачнымъ вечернимъ туманомъ: направо едва-едва виднѣются среди садовъ какія-то двѣ деревушки, а лѣвѣе—въ туманной синевѣ чуть мрѣетъ Казанлыкъ и бѣлѣютъ надъ туманомъ острые минареты его турецкихъ мечетей. Отвѣсною скалой падаютъ Балканы въ эту очаровательную долину, и спускъ до того крутъ что смотря внизъ съ его окраины какъ будто смотришь въ какую-то бездонную морскую пучину,—земли внизу не видно, она уже закрыта сизосѣрою пеленой тумана, только мрѣютъ деревеньки и тамъ и сямъ разбросанныя рощи, словно пловучіе островки на морѣ, и надо всѣмъ этимъ легчайшій золотистый отблескъ заходящаго солнца.... Несмотря на страшную усталость, на позднее время, на сознаваемую необходимость спѣшить, мы все-таки не смогли отказать себѣ въ удовольствіи полюбоваться этою чудною картиной хоть нѣсколько минутъ; выбравъ сухую проталинку, мы усѣлись какъ разъ на краю обрыва и безмолвно съ какимъ-то благоговѣніемъ начали созерцать это чудное явленіе.... Что-то подобное я чувствовалъ и испытывалъ, любуясь когда-то съ вершины Улалинской Тугаи на освѣщенные вечернимъ солнцемъ далекіе Катунскіе Бѣлки на Алтаѣ.... Замѣчательно, въ пятидесяти шагахъ не болѣе, около самой скалы Св. Николая, лежитъ еще глубокій снѣгъ, а чуть вы повернули къ спуску, къ самому обрыву, снѣга уже ни единой пылинки; напротивъ, есть даже совершенно сухіе бугорки съ зеленѣющею на нихъ прошлогоднею травкой. Только что мы усѣлись на одномъ такомъ же бугоркѣ и предались созерцанію какъ къ намъ подошелъ унтеръ-офицеръ Брянскаго пѣхотнаго полка, оставленный съ небольшою командой для караула надъ нашими и турецкими мортирами, еще не свезенными съ батарей около горы Св. Николая. Словоохотливый унтеръ, подсѣвъ къ намъ, сейчасъ началъ объяснять намъ что онъ на этихъ горахъ какъ у себя дома, что онъ провелъ здѣсь нѣсколько мѣсяцевъ и пережилъ страшную эпоху Сулеймановскихъ атакъ въ началѣ прошлаго августа. Отлично охарактеризовалъ онъ упорство и бѣшеную настойчивость этихъ атакъ однимъ русскимъ словечкомъ: *прётъ*! „Глядимъ мы это, а онъ прётъ на насъ какъ шальной", и

при этомъ разкащикъ указалъ намъ рукой самыя траншеи, откуда выскакивали бѣшеные охотники Сулеймана, и показалъ мѣстечко, гдѣ именно кипѣлъ самый отчаянный бой.— „Мы ему, шельмецу, сейчасъ же въ рыло, а онъ знай свое: все прётъ... Съ ранней зари до вечера не давалъ намъ, окаянный, ни спокою, ни отдыха. Страсть, что̀ тутъ было! Совсѣмъ было доканалъ насъ; да стрѣлочки насъ выручили, дай имъ Богъ здоровья! Какъ подъѣхали, подбѣжали, ну, тутъ мы ему и дали сдачи... Будетъ помнить нашихъ Брянцевъ да стрѣлковъ“... Представь наше положеніе: и любоваться чудною картиной хочется, вѣдь не часто въ жизни приходится видѣть такіе виды и забираться на такую высоту (около 6.000 ф.), и хотѣлось бы послушать очевидца, участника славнаго боя, и еще на самомъ мѣстѣ боя,—и спѣшить надо, солнышко совсѣмъ садится, а въ этихъ мѣстахъ ночная темнота наступаетъ очень быстро. Спасибо мы обратили вниманіе на то что проходящіе тутъ же Болгары-бѣженцы видимо поспѣшали и усиленно подгоняли своихъ ословъ, оглядываясь часто назадъ и махая руками по направленію къ вершинѣ Св. Наколая. Мы невольно и сами оглянулись туда, и въ ту же секунду вскочили съ мѣста: изъ-за горы выползала черная, пречерная туча,— ну, быть бѣдѣ!... Стремглавъ бросились мы къ Болгарамъ и присоединились къ ихъ группѣ въ томъ убѣжденіи что они отлично знаютъ тутъ всѣ тропинки и скорѣе проведутъ насъ по страшному спуску. Мы не ошиблись въ своемъ разчетѣ Болгары дѣйствительно начали спускаться не по дорогѣ, а прямо по тропинкамъ между страшными, отвѣсными обрывами. Пустились за ними и мы. Какъ совершился этотъ оригинальный и вмѣстѣ ужасный спускъ, какъ мы не переломали себѣ рукъ и ногъ, знаю и всею душою моею вѣрую что только незримому руководительству Царицы Небесной обязаны мы тѣмъ что послѣ этого страшнаго спуска остались не только живы, но, что̀ всего удивительнѣе,—совершенно невредимы... Ну, положительно мы не спускались, а летѣли и летѣли съ кручи на кручу: упрешься въ поларшинную площадку среди страшнаго обрыва между двухъ стѣнокъ скалы, переведешь духъ и снова летишь въ слѣдующую кручу, въ слѣдующую темную

расѣлину въ отвѣсной скалѣ... Благодаря острымъ ослинымъ копытамъ и заостреннымъ длиннымъ палкамъ Болгаръ, и тропинкахъ между скалами отъ разрыхлѣвшихъ и вывѣтривающихся камней образовался толстый слой крупнаго песку и каменной мельчайшей пыли; сядешь на этотъ оригинальный матрацъ и сползешь перпендикулярно на двѣ, на три сажени, увлекая съ собою массу пыли и песку и обдавая этимъ мусоромъ голову и плечи твоего предшественника; а слѣдующій за тобою обдаетъ тебя самого тѣмъ же самымъ мусоромъ... Страшная пыль глаза рѣжетъ, и въ носъ и въ ротъ набивается, дышать совсѣмъ нечѣмъ,—а тутъ отъ сильныхъ напряженій требуется именно самое широкое вдыханіе... Въ иныхъ мѣстахъ между камнями въ глубокихъ разсѣлинахъ лежитъ еще подъ мусоромъ ледъ, образуя вокругъ себя порядочную и довольно глубокую грязь; спустишься въ подобную разсѣлину, и ноги почти по колѣно уйдутъ въ какое-то жидкое и липкое тѣсто, въ которомъ еще не скоро ощупаешь твердое мѣсто, чтобъ упереться и не полетѣть дальше. Болгары пантомимами научили насъ какъ нужно держать себя, свое туловище, чтобы не терять равновѣсія и не полетѣть черезъ голову; для этого они закидываютъ голову назадъ, а грудь и животъ выпячиваютъ впередъ. При другихъ обстоятельствахъ мы отъ души посмѣялись бы надъ этою самородною эквилибристикой, но тогда намъ было не до смѣха. Замѣчательно, а для меня и тебя это особенно знаменательно: ты знаешь какъ часто подвергался я прежде сильнымъ головокруженіямъ; я не могу влѣзать на крутую лѣстницу, на колокольню, не могу смотрѣть внизъ съ высокаго балкона, мнѣ при этомъ всегда дѣлалось дурно; а тутъ какъ ни въ чемъ не бывало, ни малѣйшаго головокруженія, а спускался я съ крутизны въ 6.000 футовъ. Ну, не явное ли это покровительство свыше? Не будь съ нами этой божественной благодати и силы, никогда не покидающей человѣка,—и мы легко могли бы сдѣлаться такими же трупами какихъ тутъ въ разныхъ трущобахъ и разсѣлинахъ очень много: все это убитые турецкіе солдаты, въ разное время скатившіеся съ горъ и застрявшіе между скалами. Не разъ приходилось и намъ упираться въ эти трупы или

ногами или копьемъ... Наступала совершенная темнота; внизу въ долинѣ, по всему обширному бывшему турецкому лагерю зажглись костры и своимъ отдаленнымъ, но яркимъ блескомъ еще болѣе увеличивали окружившую насъ непроглядную тьму. Слава Богу что нижняя часть этого ужаснаго спуска оказалась не каменистою, а глинистою и очень скользкою, такъ какъ въ долинѣ нѣсколько уже дней перепадали порядочные дожди и распустили достаточно глубокую и вязкую грязь. Крутизна все еще была страшная, и удержаться на ногахъ, несмотря на копье, было очень трудно; поэтому бо́льшую часть этого пространства мы съѣхали ползкомъ. Наконецъ остановились, упершись ногами въ какое-то зданіе или глиняную стѣну, какими огораживаются болгарскіе и турецкіе дворы; оказалось что это развалины знаменитой Шипки. Итакъ мы спустились, мы за Балканами,—слава Богу! Но что же дальше? что мы будемъ дѣлать и куда дѣнемся? Болгары спутники наши отправляются въ деревню Иметли, которая намъ не по дорогѣ; оставаться въ Шипкѣ и здѣсь же искать себѣ пріюта? но мы давно уже знаемъ что въ этой злополучной деревнѣ не осталось камня на камнѣ, все разрушено до основанія, все выжжено до тла; значитъ о пріютѣ и думать нечего; волей-неволей приходится идти въ лагерь, а какъ въ него попасть среди непроглядной темноты? Ко всему этому мы устали до полнѣйшаго изнеможенія и ноги совершенно отказывались служить,—въ нихъ чувствовалось то болѣзненное дрожаніе какое испытываешь послѣ подъема на крутую, высокую лѣстницу или колокольню; а мы цѣлый день подымались и болѣе часу летѣли стремглавъ со страшной крутизны... Поэтому мы порѣшили дать себѣ отдыхъ хотя на нѣсколько минутъ и легли на мягкой грязи, почти съ потерею сознанія; даже способность воспринимать впечатлѣнія извнѣ совершенно утратилась, такъ что еслибы меня въ это время обложили снѣгомъ или осыпали горячими угольями, я бы не въ состояніи былъ ощущать ни холода, ни жара... „Сплю“, въ какомъ-то полузабытьи проговорилъ я. —„Нельзя, этого никакъ нельзя, живо и энергично почти закричалъ мнѣ мой спутникъ,—пропадемъ, непремѣнно пропадемъ ни за копѣйку,—слышите?—„Слышу“, едва проговорилъ я.—

Но великое слово: „пропадемъ" мгновенно произвело свое дѣйствіе; чувство самосохраненія очнулось...

Поднялись мы, и зашатались, положительно зашатались, какъ пьяные, какъ разбитыя почтовыя лошади послѣ сильнаго перегону. Тутъ только я почувствовалъ что идетъ сильный дождь, шумитъ порывистый, холодный вѣтеръ и вотъ-вотъ закрутитъ Балканская горная вьюга... Пошли, направляясь прямо на огоньки, кое-гдѣ блиставшіе въ лагерѣ; тьма вокругъ непроглядная, а тутъ почти на каждомъ шагу непредвидѣнныя задержки, препятствія,—не скоро мы раскусили въ чемъ дѣло; между тѣмъ ларчикъ очень просто открывался: вся равнина направо отъ лагеря завалена трупами людей и лошадей убитыхъ 28 декабря. Съ настоящей дороги, ведущей изъ Шибки въ Казанлыкъ, подобные трупы кое-какъ убрали, стащили; но такъ какъ мы не знали направленія этой дороги, а шли напрямикъ, на огонь, то и наткнулись на эту ужасную падаль... Обойти какъ-нибудь, не знаемъ куда и какъ,—темнота страшная, грязь невылазная, дождь поливаетъ какъ изъ ведра,—гдѣ ужь тутъ разбирать... и начали мы волей-неволей шагать черезъ трупы... Спотыкаясь почти на каждомъ шагу, не разъ довелось полетѣть прямо лицомъ въ лужу; а мой спутникъ, зацѣпившись за ноги павшей лошади, упалъ лицомъ прямо на убитаго Турка... Ничего нѣтъ досаднѣе какъ обманъ нашего зрѣнія въ темнотѣ: огоньки кажутся такъ близко, такъ привѣтливо манятъ къ себѣ, а добраться до нихъ стоило намъ неимовѣрныхъ усилій... Сколько разъ мы для отдыха присаживались на раздутыхъ трупахъ лошадей... Наконецъ добрались мы до лагеря,—спасены, слава Богу!.. Пылающій костеръ освѣтилъ предъ нами два огромные кургана—это турецкіе редуты, внутри которыхъ находились землянки — единственная наша надежда и цѣль всѣхъ усилій и перенесенныхъ мученій... Подходимъ къ первой, просимъ пріюта; не тутъ-то было: отказъ, и самый грубый... Идемъ къ другой—то же самое; къ третьей—еще хуже... Начинаемъ упрашивать, умолять почти со слезами, насъ только обругали. Побрели мы дальше; отъ сильнаго ли душевнаго волненія, или отъ совершеннаго изнеможенія физическаго, но я ослабѣлъ до того что положительно

не могъ двигаться, ноги мои подкосились и, теряя сознаніе, я повалился на земь возлѣ какой-то землянки... Вдругъ надъ нами раздается очень внушительный возгласъ: „Какой тутъ чортъ ворочается, совсѣмъ обвалилъ землянку“,—и по выговору, и по костюму, освѣщенному падавшимъ изнутри землянки свѣтомъ, я могъ различить что имѣю дѣло съ офицеромъ.

— Я православный священникъ, проговорилъ я, едва переводя духъ;—кто бы вы ни были, сжальтесь, Бога ради, надъ моимъ положеніемъ; я не могу двигаться, меня никуда не пускаютъ...

И я совершенно неудержимо зарыдалъ истерически...

— Да кто же вы? снова переспросилъ видимо озадаченный этою сценой незнакомецъ, но уже совершенно мягкимъ, участливымъ голосомъ.

Я сказалъ ему свое имя и прибавилъ что со мною еще нашъ полковой докторъ; что мы съ нимъ вдвоемъ сегодня изъ Габрова, что устали ужасно.

— Ну, такъ бы вы давно сказали, прибавилъ привѣтливо хозяинъ землянки;—заходите, господа, отдохните, а тамъ что Богъ дастъ...

Едва-едва поднялся я съ земли; ноги опять дрожатъ какъ послѣ спуска; подошвы горятъ какъ на угольяхъ; кое-какъ добрался я до дверей землянки и ввалился въ нее вслѣдъ за хозяиномъ; за мною вошелъ и Заленскій. Осмотрѣвъ наши фигуры при свѣтѣ свѣчи, добродушный обитатель землянки не выдержалъ и расхохотался...

— Извините меня, господа, Бога ради извините; но я не могу удержаться смотря на васъ,—вѣдь это ужасно, вѣдь на васъ буквально образа человѣческаго не видно...

Онъ позвалъ своего деньщика и приказалъ ему сейчасъ подать намъ умыться, а кожаны наши оскоблить и вычистить; когда я скинулъ свой кожанъ, веселый хозяинъ опять расхохотался: на мнѣ была надѣта куртка Краснаго Креста изъ верблюжьяго, башлычнаго сукна въ родѣ фрака съ фалдами напередъ,—для больныхъ и раненыхъ такой фасонъ куртки очень удобенъ, она легка, тепла, а фалды закрываютъ весь животъ, замѣняя набрюшникъ; но на здоровомъ человѣкѣ

такой костюмъ дѣйствительно смѣшонъ, особенно для того кто въ первый разъ его видитъ. Осматривая меня кругомъ въ этой курткѣ, веселый хозяинъ, смѣясь, твердилъ: „Оригинально, очень оригинально: это, знаете, обратно пропорціонально настоящему фраку“... Подали чай съ бѣлымъ хлѣбомъ; съ невыразимою жадностію мы глотали его: вотъ когда чай неоцѣнимое, незамѣнимое питье, онъ необыкновенно оживляетъ, укрѣпляетъ, ободряетъ... Затѣмъ добрѣйшій нашъ хозяинъ приказалъ подогрѣть оставшіеся у него отъ обѣда битки и подать коньяку... Мы совершенно ожили, ободрились, даже начали шутить, разказывая нашему кормителю какимъ способомъ спускались мы съ Балканъ... Собрались офицеры-артиллеристы; оказалось что насъ пріютилъ и оживилъ командиръ *** батареи полковникъ С—цкій, дай Богъ ему здоровья!... Такъ какъ въ землянкѣ съ полковникомъ помѣщались еще три офицера и мы могли ихъ очень стѣснить, а между тѣмъ въ лагерѣ находился комендантъ, который обязанъ былъ размѣщать всѣхъ проходящихъ, то мы и рѣшились отправиться къ этому коменданту, а добрѣйшій полковникъ приказалъ какому-то фейерверкеру проводить насъ съ фонаремъ и указать помѣщеніе коменданта. Пошли, скоро отыскали этого всеобщаго размѣстителя и, къ удивленію нашему, комендантомъ Шейновскаго лагеря оказался хорошо мнѣ знакомый офицеръ нашего гренадерскаго Фанагорійскаго полка; однако при всемъ его желаніи дать намъ пріютъ онъ затруднился, гдѣ его найти: всѣ землянки биткомъ набиты и въ его хижинѣ спало уже болѣе десяти офицеровъ всевозможныхъ родовъ оружія. Сообразивъ, онъ приказалъ своему вѣстовому отвести насъ въ землянку къ казакамъ, съ такимъ притомъ внушительнымъ добавленіемъ что комендантъ приказалъ де непремѣнно пустить... Пошли мы къ казакамъ... Храбрые Донцы спали впокатъ по всей землянкѣ, но ихъ было тринадцать человѣкъ: землянку освѣщалъ ночникъ, но воздухъ въ ней былъ невыносимый, жарко, душно, усталые Донцы раздѣлись, разулись, натащили въ землянку сѣделъ, попонъ, всю конскую сбрую, все это распарилось, разопрѣло и пустило отъ себя *духъ*... Добрый урядникъ безъ возраженій согласился принять насъ, особенно когда

узналъ кто мы. Разбудивъ нѣсколькихъ товарищей, онъ попросилъ ихъ сдвинуться, потѣсниться, дать мѣсто „батюшкѣ“; Донцы сдвинулись, образовался между ними ровикъ, ложементъ; радушный урядникъ положилъ мнѣ въ головы сѣдло, накрылъ его попоной и прибавилъ, извиняясь: не взыщите, батюшка, постель у насъ походная, казацкая... Я повалился въ ровикъ, конечно, не раздѣваясь.

Казаки поднялись очень рано, но насъ не безпокоили до самаго разсвѣта. Оказалось что эти казаки состоятъ при комендантѣ и другую недѣлю занимаются собираніемъ Болгаръ изъ сосѣднихъ деревень для закапыванія человѣческихъ и конскихъ труповъ, валяющихся на протяженіи болѣе пяти верстъ вокругъ Шейновскаго лагеря. Особенно трудно, разказывалъ намъ урядникъ, доставать трупы падавшіе съ горныхъ вершинъ и повисшіе на скалахъ или застрявшіе въ трущобахъ и разсѣлинахъ. Съ наступленіемъ утра, поблагодаривъ добраго урядника, мы снова снарядились въ путь... Вышедъ изъ землянки, мы очутились на настоящей ярмаркѣ: такое движеніе, такая толкотня стояли въ знаменитомъ Шейновскомъ лагерѣ что этого и разказать нельзя. Тысячи людей галдѣли, перекликались, бранились и всѣ куда-то устремлялись, перекрещивая другъ другу путь. Оглядывая равнину Шейновскаго лагеря, мы, къ удивленію нашему, не видѣли нигдѣ труповъ, черезъ которые вчера ночью приходилось намъ такъ часто перелѣзать, мы сообщили наше удивленіе провожавшему насъ урядннку, и онъ разрѣшилъ наше недоумѣніе: трупы изъ лагеря давно уже свезены за черту лагеря, но далеко еще не всѣ закопаны въ землю; особенно много труповъ со стороны деревень Шейново и Иметли, откуда наступалъ Скобелевъ. „Станетъ еще недѣльки на двѣ убирать“, сказалъ урядникъ. Значитъ, вчера, спустившись съ горъ, мы направлялись въ Шейновскій лагерь съ запада, со стороны деревни Иметли, и какъ разъ попали на кучи труповъ свезенныхъ туда со всего лагеря. Провожая насъ, добрый урядникъ указалъ намъ направленіе одной вереницы идущаго народа и прибавилъ что они идутъ въ Казанлыкъ. Поплелись и мы. По дорогѣ къ намъ присоединился молодой офицеръ Углицкаго пѣхотнаго полка, фамиліи его не

помню, который, по заживленіи легкой раны въ Иметлійскомъ временномъ лазаретѣ, рѣшился догонять свой полкъ. Зная что Углицкій полкъ состоитъ въ знаменитой 16-й пѣхотной дивизіи, или какъ ее вездѣ называютъ—въ Скобелевской дивизіи, мы заговорили съ нашимъ спутникомъ о великомъ Шибкинскомъ побоищѣ 28 декабря, въ которомъ самъ онъ участвовалъ и былъ раненъ. Молодой человѣкъ одушевился и съ возрастающимъ энтузіазмомъ началъ разказывать намъ о подвигахъ своего полка и въ особенности о необыкновенной энергіи и несокрушимой храбрости ихъ полковаго командира Панютина, который былъ душою всего дѣла и истиннымъ героемъ дня. „Послѣ взятія съ боя деревни Шейново, когда Турки выбиты были изъ переднихъ ложементовъ своего лагеря, оставалось самое важное и самое трудное дѣло: штурмъ главнаго турецкаго редута, около котораго собрались всѣ части турецкой арміи, тѣснимой со всѣхъ сторонъ нашими войсками. Редутъ слалъ цѣлый ураганъ свинца, минута страшная, атака невозможная, сомнѣніе въ возможности взять этотъ адскій редутъ закрадывалось въ душу самыхъ отчаянныхъ храбрецовъ. Вдругъ явился Панютинъ, распоряжавшійся въ это время всею нашею передовою линіей. Подскакавъ къ своему полку, онъ приказалъ развернуть знамена, полковой музыкѣ играть маршъ „бѣгомъ", затѣмъ, снявъ фуражку предъ полкомъ, перекрестился и своимъ могучимъ голосомъ закричалъ: „Братцы, или смерть или побѣда!" Какъ разъяренные львы бросились наши Угличане на встрѣчу смерти!... Тутъ произошло что-то страшное, невообразимое,—такихъ минутъ боя ни разказать, ни описать нельзя... Въ какомъ душевномъ состояніи мы были, можете судить потому что я, напримѣръ, положительно не помню когда былъ раненъ, потомъ контуженъ; очувствовался я только когда прошелъ немного охватившій всѣхъ насъ неописанный восторгъ, когда Турки, не выдержавъ нашего натиска, подняли бѣлый флагъ и сдались; тутъ только мнѣ сказали что я раненъ, что у меня на рукавѣ кровь. Я мигомъ скинулъ съ себя пальто, мундиръ и осмотрѣлъ свою рану,—она была по названію легкая рана, а между тѣмъ проклятая пуля выхватила у меня порядочный кусокъ мяса пониже плеча,

но, благодаря Бога, костей не зацѣпила; другая хватила рикошетомъ въ козырекъ, обожгла околышъ кепи, но головы не тронула, а сколько попало въ пальто, сами можете освидѣтельствовать...“ Дѣйствительно офицерское пальто молодаго героя было пронизано пулями въ нѣсколькихъ мѣстахъ. Заслушавшись его разказовъ, мы незамѣтно прошли верстъ пять, проходили по какой-то небольшой деревушкѣ, расположенной въ прекрасной орѣховой рощѣ; въ этой рощѣ на протяженіи цѣлой почти версты лежали чуть не сплошною массой конскіе трупы и между ними убитые Черкесы и баши-бузуки. Нашъ спутникъ объяснилъ намъ что на этомъ самомъ мѣстѣ происходило страшное пораженіе турецкой кавалеріи, которая, не видя возможности удержаться въ лагерѣ, бросилась во весь карьеръ въ Казанлыкъ; но въ этой именно рощѣ ее поджидали наши спѣшившіеся казаки, кажется, Баклановцы, изъ отряда Святополкъ-Мирскаго, и съ ними цѣлый баталіонъ, не могу сказать вамъ навѣрное, а кажется едва ли не Ярославскаго пѣхотнаго полка. Давъ Черкесамъ вытянуться почти по всей рощѣ, наши Донцы и Ярославцы хватили ихъ залпами почти въ упоръ. Пораженіе было страшное! Немногимъ отчаяннымъ джигитамъ удалось проскользнуть въ Казанлыкъ,— большая часть ихъ полегла здѣсь...

Выбравшись на опушку рощи, мы стали чувствовать порядочную усталость и порѣшили дать себѣ отдыхъ, сдѣлать привалъ; но нашъ спутникъ не согласился съ нами, горя нетерпѣніемъ поскорѣе догнать свой геройскій полкъ. Попрощавшись съ нимъ и поблагодаривъ его за удовольствіе доставленное намъ его расказами, мы усѣлись около пня широковѣтвистаго орѣха и стали любоваться раскрывшеюся предъ нашими глазами картиной: впереди какъ на ладони виднѣлся Казанлыкъ съ его высокими минаретами и стройными остроконечными кипарисами; налѣво—громады Большихъ Балканъ, грозною стѣной окаймляющихъ глубокую долину Тунджи, направо—болѣе отлогія, но не менѣе громадныя выси Малыхъ Балканъ, а прямо предъ нами, отъ рощи до города, на протяженіи не менѣе пяти верстъ, разстилается замѣчательная луговая долина, въ буквальномъ смыслѣ гладкая какъ скатерть.

Жаль только что на этой скатерти вмѣсто цвѣтныхъ узоровъ и букетовъ виднѣются тамъ и сямъ разбросанные трупы, что̀ придаетъ картинѣ какой-то гнетущій душу видъ... Ужь какъ мы ни присмотрѣлись къ подобнымъ зрѣлищамъ, а все они производятъ на душу тяжелое, щемящее впечатлѣніе...

Отдохнувъ подъ орѣхомъ, мы тронулись дальше... Утро было ясное, теплое, солнечное; долина вся покрыта чуть не сплошными лужами отъ вчерашняго дождя, а пригрѣвшее солнышко растопило на горныхъ окраинахъ толстые снѣжные наносы и пустило въ долину звонкобѣгущіе ручьи. Съ каждымъ шагомъ наше движеніе затруднялось; на грязь довольно глубокую мы не обращали вниманія,—опасно только было забраться въ какую-нибудь канаву или яму наполненную водой; впрочемъ и грязь давала намъ себя знать,—на каждомъ шагу ноги вязли чуть не на четверть, а въ иныхъ мѣстахъ и больше; безпрестанное вытягиваніе изъ грязи то одной, то другой ноги утомляло насъ и сердило. Тутъ ужь и отдохнуть не представлялось никакой возможности, присѣсть не на что̀. Не доходя до города версты полторы, намъ перерѣзалъ дорогу широкій и быстрый ручей; мы невольно остановились и задумались: что̀ намъ дѣлать? Солдаты, которые шли съ нами по одной дорогѣ, пускались въ обходъ на шоссе изъ Шибки въ Казанлыкъ, гдѣ виднѣлся мостикъ; но этотъ обходъ удлинялъ нашу дорогу еще версты на полторы, а мы и безъ того устали опять почти до полнаго изнеможенія. Въ это время мимо насъ проѣхала коляска четверикомъ; какой-то интендантскій чиновникъ оглядѣлъ насъ съ головы до ногъ. Проѣхалъ подвижной лазаретъ 16-й дивизіи: половина на вьюкахъ, половина на какихъ-то легкихъ одноколкахъ,—у этого Скобелева все не такъ какъ у прочихъ смертныхъ,—непремѣнно есть что-нибудь оригинальное... Позади лазарета ѣхалъ на телѣжкѣ парой лазаретный батюшка и, по нашей просьбѣ, съ готовностію перевезъ насъ черезъ ручей. Дотащились мы до Казанлыка ровно въ двѣнадцать часовъ, въ полдень, употребивъ на переходъ десяти верстъ около пяти часовъ. Думали, сейчасъ же отдохнемъ, успокоимся,—какъ бы не такъ... Разыскали мы коменданта, жандармскаго полковника; но онъ и не вышелъ къ

намъ, а черезъ своего дежурнаго жандарма *приказали* отправиться въ магистратъ; пошли, отыскали; въ магистратѣ засѣдаютъ Болгары и стараются не понимать нашей просьбы,—посовѣтывали обратиться къ окружному военному начальнику; пошли, отыскали; оказался бывшій командиръ одного изъ гренадерскихъ полковъ,—ну, думаемъ, слава Богу, свой братъ гренадеръ. Просимъ доложить. Но и свой братъ гренадеръ черезъ писаря выслалъ намъ внушительное замѣчаніе, что онъ начальникъ военнаго округа отводомъ квартиръ не занимается, что на это есть магистратъ. Нечего дѣлать, скрѣпя сердце, поплелись опять въ магистратъ... Но на дорогѣ встрѣтили нашего Ѳ. Хр. К—ра и онъ указалъ намъ квартиру нашего милѣйшаго В. К—ча, котораго хотя мы и не застали дома, но неразлучный его сожитель А. Д. Сн—ій принялъ насъ какъ братъ родимый. Напились чаю, пообѣдали и легли отдохнуть,—постель свѣжая, чистая, настоящая человѣческая, и я не помню отдыхалъ ли я въ жизни когда-нибудь съ такимъ удовольствіемъ, съ такимъ наслажденіемъ какъ въ это время... Вечеромъ собралась цѣлая компанія, шумѣли, спорили, горячились; но о перенесенныхъ всѣми невзгодахъ, лишеніяхъ, трудахъ—ни единаго слова, какъ будто такъ и должно быть; не мы одни испытали ихъ,—значитъ объ этомъ и толковать нечего... Удивительное настроеніе!... Если бы вы были очевидцами, вы бы навѣрно сказали что мы совершаемъ что-то важное, что каждый нашъ шагъ есть *подвигъ*, а мы именно этого-то и не признаемъ,—такъ *нужно*—вотъ и весь отвѣтъ и всему дѣлу рѣшеніе... *Нужно* жить въ землянкахъ—живемъ; *нужно* терпѣть холодъ и голодъ—терпимъ; *нужно* во что бы то ни стало взять Плевну—взяли; *нужно* перевалить зимой Балканы—перевалили... Въ этомъ словѣ для насъ непреложный законъ, который всѣ мы нравственно обязаны исполнить, это нашъ долгъ—и всѣ отъ фурштата до генерала включительно глубоко проникнуты сознаніемъ этого долга, непремѣнною обязанностію исполнить его честно, добросовѣстно, по-русски. Какой же тутъ подвигъ? Мы убѣждены, что кого ни поставь на наше мѣсто, будь только онъ русскій человѣкъ, непремѣнно онъ сдѣлаетъ то же самое и поступитъ именно такъ, какъ мы

теперь. Значитъ и вся наша заслуга состоитъ только въ томъ, что изо всѣхъ русскихъ людей намъ выпало счастье показать и доказать на дѣлѣ какъ русскіе люди умѣютъ исполнять свой долгъ. Настроеніе арміи нашей превосходное! Не однѣ только одержанныя надъ врагомъ блестящія побѣды высоко подняли нравственный духъ войска, все что мы пережили, перенесли, выдержали и одолѣли—все это вмѣстѣ имѣетъ громадное нравственное вліяніе... Послѣ зимняго перехода черезъ Балканы что̀ еще остается сдѣлать русскому человѣку? Развѣ перейти еще бурную рѣку въ полномъ ея разливѣ, во время самаго ледохода? И перешли... Здѣсь уже извѣстны подробности трехдневной битвы подъ Филиппополемъ; извѣстно также что полки 2-й гвардейской дивизіи подъ непріятельскимъ огнемъ геройски перешли быструю Марицу во время ея разлива и ледохода, часть пѣхоты перевезена кавалеріей, а бо́льшая часть — въ бродъ по шею въ водѣ и съ ружьемъ въ рукахъ... Про нашу гвардію разказываютъ чудеса!

Вчера утромъ, на разсвѣтѣ, я проводилъ нашихъ Сибирцевъ въ походъ на Адріанополь. Выступили они въ ужаснѣйшую погоду: дождь и снѣгъ съ пронзительнымъ, холоднымъ вѣтромъ; а имъ придется переходить въ бродъ порядочную горную рѣчку въ десяти верстахъ за Казанлыкомъ; конечно, перейдутъ, въ этомъ нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, но каково это?... Помоги имъ Господи!...

Нашъ лазаретный персоналъ собрался въ Казанлыкъ 13 числа, промаявшись на перевалѣ только двое сутокъ. Теперь врачи наши заняты пріемомъ раненыхъ отъ подвижнаго лазарета 9-й пѣхотной дивизіи, а сколько ихъ? Всего 1,500 человѣкъ. Лазаретъ 2-й гренадерской дивизіи принялъ 720 человѣкъ, а нашъ 773 человѣка, да каждый день все еще подвозятъ изъ Шейнова и Иметли. Значитъ работы будетъ опять въ волю... Молись, мой другъ, чтобы Господь подкрѣпилъ мои слабыя силы!... Прощай.

ГЛАВА VI.

За Балканами.

Казанлыкъ, 21 января.

Опять мы живемъ вмѣстѣ съ Александромъ Ивановичемъ и живемъ по-старому: съ утра до ночи работаемъ, съ тою только разницей что онъ работаетъ за десятерыхъ, а я, какъ мнѣ все кажется, не дѣлаю и за одного путящаго работника... Что̀ же мы тутъ дѣлаемъ? Я уже писалъ тебѣ что на долю нашего лазарета досталось болѣе 700 раненыхъ, а теперь съ больными у насъ всего 987 человѣкъ. По взаимному соглашенію между врачами ежедневныя работы распредѣляются такъ: съ ранняго утра и до обѣда идутъ перевязки и такъ-называемыя визитаціи каждаго врача по ввѣренному ему отдѣленію; послѣ обѣда хирурги отправляются въ ампутаціонную, а прочіе опять по отдѣленіямъ за недоконченныя поутру визитаціи. Работы въ операціонной затягиваются иногда далеко за полночь; затѣмъ расходимся по домамъ, чтобы завтра повторять то же самое: такъ прошла первая рабочая недѣля; такъ пройдутъ должно-быть и многія слѣдующія недѣли, пока не выручитъ насъ какой-нибудь военно-временный госпиталь, ожидаемый изъ-за Балканъ. Что̀ же я-то дѣлаю? подожди, сначала я разскажу тебѣ что̀ дѣлаетъ мой сожитель, этотъ истинно удивительный человѣкъ. Встаемъ мы поутру въ семь часовъ; умываніе, одѣваніе и чаепитіе продолжается до восьми часовъ; за чаемъ начинаются дѣловые доклады, прочитываются и подписываются приготовленныя въ канцеляріи бумаги, сдаются

для переписки новыя, за вчерашнюю ночь собственноручно имъ написанныя, отдаются приказанія и распоряженія разнымъ чинамъ лазарета, съ подробнымъ и обстоятельнымъ указаніемъ кому что̀ дѣлать. Въ девятомъ часу начинается походъ: прежде всего Александръ Ивановичъ обходитъ всѣ дома гдѣ помѣщаются больные и раненые, и справляется объ ихъ нуждахъ и потребностяхъ; затѣмъ заходитъ въ болгарскія пекарни, въ которыхъ приготовляется хлѣбъ для лазарета, и отвѣдываетъ его; потомъ осматриваетъ кухни, справляется готовятся ли порціи для больныхъ и раненыхъ и какія именно; далѣе отправляется уже въ свое отдѣленіе для обычной визитаціи. На его долю достались лихорадочные и тифозные: здѣсь онъ работаетъ до двѣнадцати часовъ и болѣе и затѣмъ уже *ополчается на брань*, хотя и не кровопролитную, но тѣмъ не менѣе весьма жестокую и упорную... Райономъ этой безкровной войны служатъ: *конакъ* (дворецъ) окружнаго начальника, квартира коменданта и городской магистратъ. Ежедневно то въ той, то въ другой части этого района совершаются нерѣдко очень жаркія битвы, стычки, схватки... И бьется нашъ энергичный ратникъ, бьется за свой, родной ему лазаретъ, вопервыхъ, за *помѣщеніе*: раненые и больные размѣщены невообразимо тѣсно и неудобно. Въ городѣ есть много обширныхъ, пустыхъ домовъ съ выбитыми окнами и дверями, съ разрушенными печками или каминами,—нужно только поправить все это хоть какъ-нибудь, и помѣщеніе самое просторное и болѣе или менѣе удобное готово; недостаетъ только сочувствія мѣстной администраціи, и изъ-за этого сочувствія загарается битва... Отговариваются тѣмъ что *якобы* нѣтъ рабочихъ, нѣтъ матеріаловъ,—это совершенно неправда: и то и другое можно найти и здѣсь, а еще возможнѣе выписать изъ Габрова, изъ Сливно, изъ Чирпана, — эти города нисколько не пострадали и въ нихъ торговая и рабочая дѣятельность кипитъ ключомъ; было бы желаніе и средства, оттуда всего можно достать... Вовторыхъ, за *продовольствіе*: мѣстная администрація имѣетъ въ своихъ рукахъ огромные, оставленные Турками склады муки, галетъ, рису, кукурузы; въ ея рукахъ весь скотъ, сохранившійся въ цѣломъ обширномъ округѣ...

Будь малѣйшее сочувствіе, и продовольствіе готово; но этого сочувствія нѣтъ, и изъ-за него ведется ежедневная жестокая битва... Втретьихъ, *за котлы*: для приготовленія горячей пищи такому количеству раненыхъ не имѣется достаточнаго количества кухонной посуды, котловъ, кострюль, горшковъ; все это есть въ турецкихъ складахъ, но выдать согласились только съ боя и послѣ нѣсколькихъ стремительныхъ атакъ... Вчетвертыхъ, *за одѣяніе*: у всѣхъ почти раненыхъ нѣтъ бѣлья, нѣтъ одежды, нечѣмъ прикрыться отъ холода. Въ рукахъ администраціи опять огромные запасы всего этого въ тѣхъ же турецкихъ складахъ; но этимъ запасамъ якобы не успѣли еще сдѣлать надлежащихъ описей, хотя со времени занятія нашими войсками Казанлыка прошелъ уже почти цѣлый мѣсяцъ... Словомъ, что̀ ни шагъ, то препятствіе... Телеграммой въ Габрово намъ приказано было взять съ собою только хирургическіе инструменты и перевязочные матеріалы; о медикаментахъ не говорилось ни слова. Перебираясь черезъ Балканы налегкѣ, мы могли взять съ собою изъ своей и безъ того весьма скудной лазаретной аптеки только весьма немногое, самое необходимѣйшее; принявъ здѣсь огромную массу больныхъ и раненыхъ, врачи наши очутились въ большомъ затрудненіи—лѣчить *нечѣмъ*, лѣкарствъ не имѣется... Между тѣмъ въ рукахъ мѣстной администраціи находится огромная аптека, оставленная тѣми же благопопечительными о насъ Турками; изъ-за этой аптеки поднялась уже настоящая баталія... Оказывается опять что не успѣли еще сдѣлать надлежащихъ описей хранящимся въ этой аптекѣ медикаментамъ и аптечнымъ запасамъ... Ну, какъ же послѣ всего этого не воевать? Какъ не кипятиться?... И воюетъ нашъ доблестный ратникъ, и устно и письменно... За прошлую недѣлю ему удалось сбить непріятеля съ нѣкоторыхъ позицій, благодаря въ особенности энергическому подкрѣпленію явившемуся въ лицѣ нашего корпуснаго оберъ-контролера. Послѣ такого ежедневнаго болѣе или менѣе положительнаго побоища Ал. Ивановичъ возвращается домой къ тремъ часамъ пополудни, иногда и позднѣе, въ это время мы обѣдаемъ; за обѣдомъ являются писаря съ разными недоумѣніями касательно порученныхъ имъ для

переписки бумагъ; заходятъ и врачи со своими объясненіями и заявленіями о вновь встрѣченныхъ ими какихъ-либо случаяхъ, болѣе или менѣе серіозныхъ или сомнительныхъ. Обѣдъ нашъ проходитъ всегда весьма оживленно: кажется что однимъ намъ, т.-е. вдоемъ, безъ постороннихъ посѣтителей, еще ни разу не удавалось пообѣдать... А въ пять часовъ—въ операціонную, и до полуночи, а то и долѣе... А по полуночи—за письменную работу на завтрашній день... Неужели это не трудъ? Какъ же мнѣ не смотрѣть на этого человѣка съ глубочайшимъ уваженіемъ?... Да и не меня одного онъ возбуждаетъ и бодритъ, для всѣхъ, для всего лазарета онъ служитъ сильнѣйшимъ импульсомъ... Прощай. О себѣ и другихъ разкажу послѣ, когда улучу свободную минутку. Мы всѣ здоровы.

Казанлыкъ, 25 января.

Стыдно мнѣ спать когда мой неусыпный сожитель работаетъ, волей-неволей тянусь за нимъ и я, и сидимъ мы одинъ противъ другаго и строчимъ: онъ свои нескончаемыя бумаги, а я письма или дневникъ. Среди невозмутимой ничѣмъ полуночной тишины скрипятъ только наши перья, да порой послышится изъ другой комнаты внушительный храпъ или несвязный бредъ нашихъ деньщиковъ. Особенно отличается въ этомъ отношеніи мой неизмѣнный Елисей Ивановичъ,—какъ настоящій регентъ, нерѣдко во снѣ распѣваетъ разныя церковныя пѣсни. Хорошій онъ человѣкъ и помогаетъ мнѣ съ истиннымъ усердіемъ. Наши дѣйствія съ нимъ начались собственно съ 17 числа; утромъ въ этотъ день зашелъ ко мнѣ священникъ подвижнаго лазарета второй гренадерской дивизіи, отецъ Петръ Троицкій, и мы съ нимъ, въ сопровожденіи Елисея, отправились осматривать главнѣйшіе пункты нашихъ будущихъ дѣйствій: сначала отыскали двѣ болгарскія церкви; но при нихъ стоитъ вооруженный караулъ и насъ туда не пустили; оказалось что церкви завалены турецкими запасами продовольствія и огромнымъ количествомъ оружія отобраннаго у Турокъ послѣ погрома 28 декабря подъ Шипкой. Затѣмъ мы отправились въ болгарскій дѣвичій монастырь, но и тутъ довольно обширная соборная церковь и всѣ такъ-называемыя холостыя

надворныя постройки завалены тѣми же складами. Значитъ о церковномъ богослуженіи пока и думать нечего; придется избрать какое-нибудь болѣе обширное зданіе, гдѣ помѣщаются раненые, и тамъ служить! Тутъ въ монастырѣ мы нашли пять человѣкъ раненыхъ офицеровъ и болѣе 200 рядовыхъ, размѣщенныхъ по кельямъ, по корридорамъ, въ каждомъ уголкѣ. Тѣснота невообразимая, воздухъ убійственный... До чего тутъ тѣсно, можете судить по тому что одинъ умершій раненый другой день лежитъ на площадкѣ лѣстницы и черезъ него переступаютъ всѣ проходящіе по этой лѣстницѣ... Мы спросили дежурнаго фельдшера: отъ чего не убираютъ и не хоронятъ этого умершаго? — „Могилы еще нѣтъ", отвѣчалъ онъ.—Какъ могилы нѣтъ, снова переспросили мы, развѣ въ два дня нельзя было выкопать могилу?—„Да некому, батюшка, копать, всѣ люди заняты съ утра до вечера; да и нечѣмъ копать, струменту нѣтъ, а земля на здѣшнемъ кладбищѣ, говорятъ, голый камень". Зашли мы мимоходомъ и на кладбище: свѣжія могилы занимаютъ огромное пространство... Вѣчная вамъ память, доблестные сыны Россіи, сложившіе свои кости за Балканами!... Грунтъ земли дѣйствительно каменистый и рыть могилы можно только ломами и мотыгами. Отправились мы къ А., временно замѣняющему нашего смотрителя и коммиссара, оставшихся по болѣзни въ Габровѣ. —„Чтò мы будемъ дѣлать съ умершими, куда ихъ дѣвать"? Бѣдный А. замучился работой и почти потерялъ голову...—„Ходилъ я уже десять разъ, отвѣчалъ онъ намъ съ отчаяніемъ,—и къ коменданту, и къ окружному, и въ магистратъ, никакого толку, ни малѣйшей помощи; какъ хотите, говорятъ, такъ и справляйтесь, это не наше дѣло; а между тѣмъ здѣсь въ Казанлыкѣ оставленъ цѣлый баталіонъ Серпуховскаго пѣхотнаго полка, снабженный шанцевымъ инструментомъ спеціально для зарытія труповъ находящихся въ окрестностяхъ города. Пошли мы и къ командиру Серпуховскаго баталіона, стали настаивать, приводить резоны; онъ далъ слово послать людей для копанія общей могилы примѣрно человѣкъ на двадцать; но при этомъ прибавилъ что носильщиковъ или подводы иля перевозки умершихъ на кладбище онъ положительно не имѣетъ. Зашли мы

наконецъ въ такъ-называемую *трупярню,* куда стаскиваютъ въ одно мѣсто всѣхъ умершихъ... Боже мой, Боже мой, что̀ мы тутъ увидѣли!... Никакое перо въ мірѣ не въ состояніи изобразить того положенія, той ужасающей обстановки, среди которой мы нашли пять труповъ умершихъ раненыхъ!... Темный подвалъ со стекающими въ него нечистотами и со всевозможнымъ мусоромъ, сваленнымъ сюда со всего огромнаго дома, когда его очищали подъ лазаретъ,—вотъ помѣщеніе куда брошены эти умершіе... Въ своемъ окровавленномъ, заскорузло-грязномъ, разорванномъ бѣльѣ, полуобнаженные, съ необмытымъ отъ крови и грязи тѣломъ, несчастные лежатъ въ ужаснѣйшихъ положеніяхъ, брошенные сюда рукой своихъ же товарищей-носильщиковъ, брошенные зря, куда попало и какъ попало!... Возмущенный до глубины души, я кинулся въ лазаретъ расположенный въ верхнемъ этажѣ этого дома, надъ этимъ самымъ зловоннымъ подваломъ, схватилъ за руки двухъ врачей и почти насильно притащилъ ихъ въ трупярню... Съ видимымъ ужасомъ взглянули они на положеніе несчастныхъ умершихъ и сейчасъ отрядили двухъ лазаретныхъ служителей чтобы перенести этихъ умершихъ въ другое помѣщеніе... Возвратившись домой къ обѣду, я разказалъ все видѣнное Ал. Ив—чу. Слушая меня, онъ, бѣдный, болѣе всѣхъ насъ измученный душою, почти сквозь слезы отвѣчалъ мнѣ:—„Да, наше положеніе ужасно; но будемъ биться, будемъ дѣлать что̀ можно, что̀ только въ силахъ человѣческихъ"... Въ урочный часъ отправились вмѣстѣ въ операціонную. Здѣсь я познакомился съ дѣятелями Краснаго Креста, докторомъ Бубновымъ и съ двумя студентами, Витте и Маляревскимъ. Рекомендуя меня, Ал. Ив—чъ прибавилъ еще къ моему титулу: „исправляющій должность сестры милосердія".—„Вотъ и прекрасно, воскликнулъ съ радостію Dr. Бубновъ,—а мы сегодня только получили изъ Габрова порядочный транспортъ съ разными вещами, но распоряжаться этимъ положительно некому. Пожалуста, батюшка, примите на себя эту обузу; приходите къ намъ завтра пораньше утромъ, мы разсмотримъ вещи и потолкуемъ съ вами." Съ этой минуты я снова поступилъ на службу въ Красный Крестъ, въ это истинно-святое, истинно-

христіанское учрежденіе. Въ тотъ вечеръ произведены были три большія операціи: 1) у рядоваго изъ Евреевъ отняли руку въ плечевомъ суставѣ; 2) у другаго рядоваго отрѣзали ногу выше колѣна, и 3) у разжалованнаго штабсъ-капитана И—ва отпилили руку выше локтя. Послѣднюю операцію дѣлалъ Бубновъ по новому способу Листера, съ такъ-называемою листеровскою повязкой. Особенность этого способа заключается въ томъ что безпрерывнымъ прысканьемъ раствора карболовой кислоты изъ пульверизатора стараются парализовать вліяніе окружающаго воздуха на свѣжую рану. Такъ какъ въ воздухѣ незримо присутствуютъ миріады микроскопическихъ существъ и всяческихъ міазмовъ, могущихъ зловредно и даже заразительно вліять на рану во время самаго процесса операціи, то для уничтоженія этого вліянія и употребляется прысканье карболки; мельчайшею пылью этого раствора непрерывно осыпаются не только всѣ хирургическіе инструменты, всѣ принадлежности перевязки, но даже и руки всѣхъ участвующихъ въ операціи врачей и ассистентовъ. Я держалъ свѣчу у самой раны, для того чтобъ оперирующему виднѣе было хватать пинцетомъ кончики перерѣзанныхъ артерій и ихъ вѣтвей, такъ и мои руки пострадали при этомъ: отъ карболистой пыли онѣ сначала покраснѣли, какъ обваренныя кипяткомъ, а потомъ и распухли... Вернулись домой очень поздно. Рано утромъ я пріобщалъ Св. Таинъ, а Елисей поилъ чаемъ и кормилъ вчерашнихъ и прежнихъ ампутированныхъ. Изъ лазарета пошли къ Бубнову. Въ тюкахъ, привезенныхъ на шести вьючныхъ лошадяхъ и четырехъ осленкахъ, оказались разнообразные предметы первѣйшей необходимости для раненыхъ: бѣлье, фуфайки, чулки, шапки, набрюшники; затѣмъ: чай, сахаръ, вино, клюквенная эссенція, консервы говяжьи и куриные, сгущеное молоко; наконецъ величайшая отрада для нашихъ русскихъ солдатиковъ—махорка, чубуки, трубки, папиросы и проч. и проч... Такъ какъ транспорты эти, по словамъ Бубнова, будутъ приходить регулярно въ теченіе каждой недѣли, и даже по возможности чаще, то количествомъ раздаваемаго не нужно было стѣсняться, скупиться. Началась раздача. Радость несчастныхъ нашихъ страдальцевъ неописанна,

невыразима на бумагѣ. О, какъ бы я хотѣлъ, чтобы члены Краснаго креста, всѣ добрые русскіе люди, своими пожертвованіями участвующіе въ этомъ святомъ учрежденіи, хоть бы однимъ глазкомъ заглянули сюда и посмотрѣли что̀ тутъ у насъ творится! Вотъ гдѣ *они* увидали бы и оцѣнили плоды своихъ жертвъ, своихъ посильныхъ приношеній! Каждая слезинка, падающая изъ очей несчастныхъ страдальцевъ раненыхъ на *ихъ* бѣленькую рубашечку или тепленькую фуфаечку, шапочку,—это такая драгоцѣннѣйшая капля, такая благодарность, выше которой я ничего не знаю въ этомъ мірѣ!... И хорошо дѣлается у тебя на душѣ; работаешь, работаешь, и работать все хочется, и усталости не чувствуется,—что-то незримое, неосязаемое возбуждаетъ и окрыляетъ тебя... Такъ прошла цѣлая недѣля, а я ея какъ будто не видалъ; между тѣмъ въ эту недѣлю случилось много важнаго: прошелъ слухъ, что съ Турками заключено перемиріе и военныя дѣйствія будто бы уже прекратились на всѣхъ пунктахъ войны, что армія наша остановлена у самаго Константинополя, что Англичане угрожаютъ ввести свой флотъ въ Мраморное море и даже объявить намъ войну, если мы займемъ Константинополь. Слухи эти дали пищу и послужили горючимъ матеріаломъ для самыхъ горячихъ разговоровъ, пререканій, предположеній. Видимо мы переживаемъ интереснѣйшій эпизодъ настоящей войны, приближаемся къ ея развязкѣ... Но что̀ будетъ впереди, то единому Богу извѣстно... Между тѣмъ, пока что̀ будетъ, а у насъ, къ сожалѣнію, работы еще много, очень много, и хватитъ ея на долго... Вся бѣда наша въ томъ, что лазаретъ 9-й пѣхотной дивизіи, отъ котораго мы приняли настоящихъ нашихъ паціентовъ-раненыхъ, должно полагать, или не имѣлъ времени, или не имѣлъ подъ руками средствъ и возможности своевременно подать раненымъ надлежащую помощь, особенно хирургическую, отъ чего почти у всѣхъ раненыхъ съ переломами костей раны застарѣли, страшно нагноились и поражены уже гангреной на большое пространство отъ мѣста самаго раненія, такъ что многимъ можно было бы ограничиться отнятіемъ стопы или голени, еслибъ операція произведена была въ надлежащее время, вскорѣ послѣ раненія; но теперь, по истеченіи почти

цѣлаго мѣсяца, вслѣдствіе распространенія гангрены, приходится дѣлать уже тяжелую и сомнительную ампутацію бедра. Большинство тяжело раненыхъ отъ крайне плохаго первоначальнаго ухода за ними, отъ неподанія своевременной хирургической помощи, пришли въ такое ослабленіе и истощеніе физическихъ силъ, что въ настоящее время слишкомъ рисковано подвергать ихъ новому истощенію во время ампутированія. И сколько такихъ несчастныхъ уже погибло и сколько теперь ежедневно почти погибаетъ, и все это единственно оттого что имъ не была подана заблаговременно хирургическая помощь! Хотя, благодареніе Богу, у насъ не было еще ни одного случая чтобъ ампутируемый умеръ подъ ножомъ оператора, но, говоря вообще, исходъ производимыхъ операцій весьма неутѣшителенъ... Немногіе изъ нашихъ оперированныхъ возвратятся въ Россію, хотя бы калѣками; большинство ихъ останется здѣсь въ нѣдрахъ болгарскаго кладбища... Мы не имѣемъ права укорять или обвинять лазаретъ 9-й пѣхотной дивизіи,—безъ сомнѣнія, онъ дѣлалъ все что́ могъ и насколько хватало силъ и средствъ,—но не можемъ равнодушно относиться къ настоящему положенію несчастныхъ раненыхъ...

Въ прошлое воскресенье (22 января) Господь послалъ мнѣ великое утѣшеніе: я служилъ обѣдницу въ большомъ домѣ, гдѣ помѣщается болѣе 200 раненыхъ. Какъ они обрадовались, какъ они молились!.. Подъ вліяніемъ полученнаго нами вѣрнаго извѣстія о заключеніи перемирія, богослуженіе было торжественное, всерадостное: я позволилъ себѣ дерзость измѣнить нѣсколько положенный по уставу порядокъ обѣдницы; послѣ обычнаго начала и прочтенія: „Пріидите поклонимся и припадемъ ко Христу“, я велѣлъ читать псаломъ: „Господи, силою Твоею возвеселится Царь и о имени Твоемъ возрадуется зѣло!“ Среди этого чтенія мои пѣвчіе вдругъ грянули неожиданное для всѣхъ: *съ нами Богъ, разумѣйте языцы и покаряйтеся, яко съ нами Богъ!...* Впечатлѣніе было очень сильное, радостный восторгъ охватилъ всѣхъ, многіе плакали дѣйствительно слезами радости и умиленія... Послѣ обѣдницы я обхо-

дилъ со крестомъ всѣ дома гдѣ лежатъ наши больные и раненые; это посѣщеніе вездѣ и всѣмъ доставило великое духовное утѣшеніе и радость. Замѣчательно что здѣсь въ Казанлыкѣ и вообще, какъ говорятъ, за Балканами, Болгары гораздо религіознѣе и развитѣе нежели по ту сторону, около Дуная. Когда я переходилъ изъ дома въ домъ, Болгары, хозяева этихъ домовъ, вездѣ выходили мнѣ на встрѣчу за ворота и съ видимымъ благоговѣніемъ прикладывались ко Кресту; всѣ встрѣчавшіеся на улицѣ точно также снимали шапки и съ глубокимъ почтеніемъ подходили, крестились и прикладывались; а дѣти цѣлою толпой сопровождали насъ, слушая стройное пѣніе нашихъ пѣвчихъ. Говорятъ что турецкое вліяніе гораздо сильнѣе отразилось на жителяхъ по ту сторону Балканъ нежели здѣсь въ долинахъ Тунджи и Марицы, гдѣ и самое населеніе болгарское гораздо многочисленнѣе. Казанлыкъ— большой городъ, больше видѣнныхъ нами Габрова, Ловчи, — но Эски-Загра, Филиппополь и Софія, говорятъ, далеко больше и многолюднѣе Казанлыка. Значитъ здѣсь—собственно за Балканами—настоящій центръ Болгарскаго народа. Несмотря на двукратный разгромъ Турками, Казанлыкъ хотя и сильно пострадалъ, но многія зданія, лучшія въ городѣ, сохранились и доселѣ, — есть дома очень красивые и обширные. До разоренія здѣсь производилась весьма значительная торговля, особенно *розовымъ масломъ*, такъ какъ по всей почти долинѣ Тунджи по преимуществу разведены обширныя плантаціи розовыхъ кустовъ, отчего и самая долина получила свое спеціальное названіе—Долина Розъ. Жаль что намъ не придется провести здѣсь весну, подышать здѣшнимъ очаровательнымъ воздухомъ, когда зацвѣтутъ всѣ плантаціи, и цѣлая обширная долина на протяженіи нѣсколькихъ десятковъ верстъ превратится въ сплошное разовое море. Вмѣстѣ съ извѣстіемъ о перемиріи прошелъ слухъ что окончательный миръ будетъ заключенъ и ратификованъ съ обѣихъ сторонъ въ достославный день 19 февраля; а вслѣдъ затѣмъ начнется посадка гвардіи на суда и пароходы для отправки въ Одессу; за гвардіей двинутся гренадеры и, если все такъ сбудется, какъ разказываютъ, то въ

концѣ марта или въ началѣ апрѣля мы можемъ вернуться *восвояси.* Я уже и не говорю, боюсь даже говорить о томъ, какъ несказанно радуютъ насъ всѣхъ эти отрадныя извѣстія; они бодрятъ, возбуждаютъ всѣхъ къ самой напряженной дѣятельности; всякій изъ насъ спѣшитъ поскорѣе сдѣлать все что велитъ ему долгъ и совѣсть, спѣшитъ управиться со своею поденною работой. А тутъ, какъ на грѣхъ, начинаютъ появляться самыя зловѣщія предзнаменованія, могущія послужить немалымъ тормазомъ въ особенности для нашего лазаретнаго дѣла: начинается такъ-называемый *военный тифъ*, этотъ страшный бичъ военнаго времени, это неизбѣжное, ужасное послѣдствіе почти всякой войны. И представь себѣ наше несчастіе: первою почти жертвой сдѣлался нашъ общій любимецъ Dr. Бубновъ! Третій уже день какъ онъ въ постели съ явными признаками сыпнаго тифа. Наши доктора безотлучно при немъ и напрягаютъ всѣ усилія чтобы спасти этого молодаго, много обѣщающаго медика и прекраснѣйшаго человѣка. Заболѣло также нѣсколько нашихъ фельдшеровъ и санитаровъ, заболѣлъ одинъ изъ раненыхъ офицеровъ. Замѣчательно что большинство раненыхъ офицеровъ все люди молодые и все питомцы извѣстнаго періода *шестидесятыхъ* годовъ, выросшіе и въ семьѣ и въ школѣ подъ вліяніемъ свирѣпствовавшихъ тогда бредней Писарева, Чернышевскаго, Фейербаха, Бюхнера и tutti quanti.... Понятно что религіозное чувство парализовано было въ нихъ до послѣдней степени; но вотъ, благодаря шипѣнію турецкихъ пуль и ужасамъ кровавой битвы, это чувство проснулось, воскресло и заговорило въ нихъ такъ громко и сознательно, что теперь никакіе Фохты и Молешоты не ослабятъ его до конца жизни.... Говорятъ: кто въ морѣ не бывалъ, тотъ Богу не молился, а мы можемъ со своей стороны прибавить къ этому, только не въ отрицательной, а въ положительной формѣ: кто въ битвѣ побывалъ, тотъ вѣрѣ въ Бога научился!... Страшенъ этотъ урокъ, за то и памятенъ на всю жизнь. А сколько просьбъ и порученій дается мнѣ нашими добрыми солдатами-ранеными, сколько уже написалъ я посланій „на вѣки нерушимо“ къ разнымъ Аринушкамъ въ

Рязань, Матренушкамъ въ Калугу.... „Коли ежели я умру, батюшка“,—этими словами начинаются почти всѣ безъ исключенія солдатскія просьбы и, къ сожалѣнію, надъ. многими, очень надъ многими совершились уже эти роковыя слова — „коли ежели“.... Итакъ, среди всѣхъ этихъ недугующихъ, страдающихъ и умирающихъ, работы и у меня довольно; одного боюсь, ужасно боюсь: потери или разстройства здоровья; оно здѣсь такъ дорого, такъ нужно, какъ нигдѣ и никогда. Молись же за меня Царицѣ Небесной! Молитесь и за всѣхъ насъ, мои незабвенные друзья и знаемые, — *вамъ бо дадеся теперь благодать молитися за ны!...*

ГЛАВА VII.

Въ долинѣ Тунджи и Марицы.

Казанлыкъ, 7 февраля.

Побывалъ въ Адріанополѣ, объѣхалъ чуть не всю южную Забалканскую Болгарію, и ни откуда не могъ послать письма, потому что не было возможности писать; можетъ-быть это и къ лучшему: съ дороги я могъ написать тебѣ какую-нибудь записочку—не больше, а теперь могу дать подробный отчетъ о цѣлой поѣздкѣ.

Отправились мы съ Пашковскимъ утромъ 27 января. Погода стояла отличная, день былъ ясный, солнечный; артелка, запряженная четверкой лучшихъ лазаретныхъ лошадей, катилась очень ходко по прелестной долинѣ Тунджи; налѣво отъ насъ исполинская стѣна Большихъ Балканъ, вершины которыхъ еще покрыты снѣгомъ; направо—огромные, шатровидные конусы Малыхъ Балканъ, поросшіе густымъ, темнымъ лѣсомъ, а кругомъ по долинѣ—необозримыя плантаціи розовыхъ кустовъ, уже набирающихъ свои почки; по предгорьямъ съ обѣихъ сторонъ сплошные виноградники. Повсюду кишитъ народъ: Болгары и Турки со всѣми своими уцѣлѣвшими домочадцами роются въ землѣ какъ муравьи; вездѣ кипитъ горячая, спѣшная работа—очистка и пересадка розовыхъ и виноградныхъ кустовъ. У подножія тѣхъ и другихъ Балканъ, по всей обширной долинѣ, виднѣется множество деревушекъ и отдѣльныхъ чифтликовъ съ высокими минаретами, бѣлѣющимися изъ-за стѣнъ кипарисовъ и могучихъ орѣховыхъ деревьевъ

(грецкихъ). Временно разбѣжавшiеся жители, уцѣлѣвшiе отъ военнаго погрома, собрались уже на свои родныя пепелища и горячо принялись за обычныя работы. Удивительно какъ скоро мирный земледѣльческiй трудъ примиряетъ между собою людей! Прошелъ какой-нибудь мѣсяцъ какъ эти враждующiе сосѣди безпощадно рѣзали другъ друга, грабили и опустошали взаимно свои скудные пожитки; а теперь, съ заключенiемъ военнаго перемирiя, какъ будто вездѣ заключено и перемирiе сосѣдское, общественное... Недавнiе непримиримые враги теперь мирно копошатся каждый за своимъ дѣломъ и, безъ сомнѣнiя, оказываютъ при этомъ другъ другу тѣ или другiя услуги, необходимую помощь, взаимныя одолженiя... Это замѣчательное, чисто психическое явленiе мы съ удивленiемъ наблюдали и въ Казанлыкѣ, и въ Габровѣ, и на всемъ нашемъ маршевомъ пути отъ Плевны. Даже послѣ жесточайшей битвы 28 ноября наши солдаты и плѣнные Турки удивляли насъ своими взаимными отношенiями: за нѣсколько часовъ предъ тѣмъ это были не люди, а звѣри, жаждавшiе растерзать другъ друга; кончилась битва, улеглось мало-по-малу возбужденное звѣрское чувство и, чрезъ нѣсколько часовъ, эти звѣри опять сдѣлались людьми, какъ будто переродились. Откуда явились у нихъ взаимные интересы, нужды, и при этомъ чуть не дружескiя одолженiя? Солдатъ дѣлится съ голоднымъ Туркомъ своимъ родимымъ чернымъ сухаремъ, Турокъ одолжаетъ ему табачку. Въ особенности въ Казанлыкѣ насъ поражали взаимныя отношенiя Турокъ и Болгаръ: на улицахъ, на базарѣ они толпятся вмѣстѣ, торгуются, спорятъ, опять слаживаются, какъ будто между ними никогда ничего не бывало, и только грустныя развалины домовъ, да еще не вездѣ убранные трупы служатъ нѣмыми свидѣтелями той страшной, нечеловѣческой вражды которая такъ недавно еще свирѣпствовала здѣсь со всѣми своими разрушительными ужасами...

Прокативъ по долинѣ верстъ десять и переѣхавъ на этомъ пространствѣ десятки горныхъ ручейковъ, бурно и шумно бѣгущихъ съ горныхъ вершинъ въ полноводную Тунджу, мы круто, почти подъ прямымъ угломъ, повернули вправо къ Малымъ Балканамъ. Предъ нами виднѣлась деревушка

Карагачъ, вся потонувшая въ садахъ, на окраинахъ которыхъ гордо высятся въ небо сторожевые великаны-кипарисы, пирамидальные тополи, а по долинѣ, около самой Тунджи, раскинулись группами еще невиданные нами громадные платаны, развѣсистые орѣхи, кудрявыя ольхи, плакучія ивы, да кругомъ виноградники, розовые кусты. Вообрази только-что наступающую весну, представь себѣ что все это уже надулось, вспучилось, вотъ-вотъ готово прыснуть жизнью, зазеленѣть, зацвѣсти, разлить повсюду цѣлое море аромата и весенней прелести... Предвкушеніе этого аромата уже чувствуется во всемъ окружающемъ васъ воздухѣ; еще распустившаяся только-что земля и пробивающаяся повсюду зелень даютъ отъ себя свой особенный, такъ-сказать, земляной запахъ, но въ воздухѣ уже слышится что-то другое, еще болѣе пріятное, ароматичное: каждая почечка будущаго винограднаго, розоваго, орѣховаго и всяческаго цвѣтка спѣшитъ дать отъ себя свой собственный, не цвѣточный еще, а именно почечный ароматъ, и въ воздухѣ васъ окружающемъ чувствуется такая прелесть, такое что-то чудно-хорошее, мягкое, невыразимо пріятное, что дышешь—не надышешься, живешь—не нарадуешься... Что же тутъ будетъ во время самаго цвѣтенія?

Переѣхавъ на другую сторону Тунджи, мы сразу почувствовали не то... Другой берегъ представляетъ большую, ровную и совершенно открытую поляну; ни единаго кустика, ни деревца до самаго подножія Малыхъ Балканъ. На этой-то полянѣ привольно раскидывали свои бивуаки всѣ проходившія тутъ войска, и наши, и турецкія; здѣсь именно останавливались всѣ части на ночлегъ послѣ перваго перехода отъ Казанлыка или отъ Эски-Загры, изъ-за Малыхъ Балканъ; тутъ въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ бивуакировала турецкая кавалерія Шипкинской арміи. Остатки бивуачнаго расположенія виднѣются по всей этой обширной полянѣ, и при наступившей теплой, весенней погодѣ разительно даютъ себя чувствовать. На большое пространство воздухъ отравленъ невыносимымъ зловоніемъ.

Переѣхавъ какъ можно поспѣшнѣе эту своего рода *геенну*, мы вступили въ первое ущелье Малыхъ Балканъ и на

первомъ же пригорочкѣ сдѣлали привалъ, такъ какъ пробѣжали уже отъ Казанлыка болѣе пятнадцати верстъ. Солнышко припекало отлично; на пригоркѣ показались уже первые весенніе цвѣточки, какіе-то желто-лиловые одуванчики: выскочитъ изъ земли тончайшій стебелекъ ростомъ менѣе вершка и зацвѣтетъ себѣ безъ листочка, безъ зелени; самъ цвѣточекъ такъ нѣженъ, такъ эѳиренъ что чуть только къ нему прикоснешься какъ онъ уже мгновенно свертывается, вянетъ и тутъ же скоропостижно умираетъ.... Каждый такой цвѣтокъ въ отдѣльности не имѣетъ повидимому никакого запаха, но отъ цѣлой массы ихъ царитъ въ воздухѣ неуловимая свѣжесть, прелесть, которую такъ и хочется вдыхать полною грудью; а тутъ какъ разъ надъ тобою звенитъ въ безоблачной небесной синевѣ неумолкаемо-радостная трель вѣчно-веселаго жаворонка; почти у самыхъ ногъ журчитъ и кипятится пѣнистый горный ручей упорно вырывающійся изъ тѣснаго ущелья; на косогорѣ, подъ лѣскомъ, впереди разсыпавшагося стада, беззаботно рѣзвятся въ припрыжку молодые барашки и козлята, гдѣ-то неистово оретъ оселъ, тявкаетъ чуть слышно собаченка,—и во всѣхъ этихъ звукахъ, во всѣхъ этихъ разнороднѣйшихъ голосахъ слышится одна какая-то всеобъемлющая, всеобъединяющая нотка весенней радости, воскресшей жизни... Мать-природа, какъ же ты бываешь иногда чудно-хороша, невыразимо очаровательна! Лежа на пригоркѣ подъ теплыми лучами весенняго солнца, дыша этимъ чуднымъ горнымъ воздухомъ, я невольно припомнилъ слова незабвеннаго для меня дѣдушки Иринея. *)

„Какъ люблю тебя, весна, я!
Такъ бы все я и глядѣлъ,
Все бы нѣжился и млѣлъ,
На минутку не вставая.
Охъ, моя ты золотая!...“

---

*) У меня хранится рукопись, оставшаяся въ бумагахъ послѣ смерти моего родственника, извѣстнаго Андрея Порфирьевича Серебрянскаго, друга и наставника поэта Кольцова. Рукопись эта, едва ли бывшая въ печати, имѣетъ надпись: „Разказы дѣдушки Иринея“.

Не помню, когда бы еще такъ отрадно, такъ невыразимо пріятно дѣйствовала на меня мать-природа, какъ здѣсь въ этихъ чудныхъ предгоріяхъ Малыхъ Балканъ! А что-то теперь на нашемъ родномъ сѣверѣ, на нашей родимой сторонушкѣ?... Странно, а именно здѣсь, въ эти незабвенныя минуты, мнѣ какъ-то безотчетно, но ясно и вмѣстѣ грустно вспомнилась наша милая, дорогая родина.... Что ни говорите, какими ни обставляйте человѣка дивными картинами природы, сердце его невольно тяготѣетъ къ родинѣ, какъ бы она ни была сурова и бѣдна!...

Переваливъ какой-то огромный горный кряжъ, по сторонамъ котораго виднѣются повсюду деревушки, къ удивленію нашему не совсѣмъ разоренныя, мы начали спускаться въ знаменитое Эски-Загрское ущелье, о которомъ еще въ Габровѣ и потомъ въ Казанлыкѣ много говорили намъ Болгары. Ущелье дѣйствительно замѣчательное; жаль что для большей наглядности я не могу привести никакого сравненія въ подобномъ же родѣ; не бывалъ я на Кавказѣ и не видалъ знаменитаго Дарьяльскаго ущелья, столько разъ воспѣтаго нашими поэтами и туристами; ничего подобнаго не пришлось мнѣ видѣть ни въ Уралѣ, ни въ Алтаѣ, хотя конечно такія же ущелья навѣрно есть и во всѣхъ этихъ горныхъ кряжахъ; но Эски-Загрское ущелье поразило меня своею дикою красой: смотря на эти громадныя скалы, прорѣзанныя насквозь глубокимъ ущельемъ, невольно поражаешься мыслію что эти гигантскія разсѣлины земли образовались не вслѣдствіе какого-нибудь геологическаго переворота, землетрясенія, а самымъ простымъ, естественнымъ процессомъ, именно—дѣйствіемъ воды.... Какой-нибудь ничтожный горный ручеекъ совершилъ эту гигантскую работу, начавъ ее съ незапамятныхъ временъ и упорно и настойчиво продолжая ее до настоящей минуты.... Этотъ неустанный труженикъ, этотъ неугомонный борецъ и теперь шумливо бурлитъ по каменному ложу Эски-Загрскаго ущелья, продолжая свою вѣковѣчную работу. Неужели и тутъ пресловутая борьба за существованіе? Неужели вода борется съ землею за право бытія, за свободу движенія, за удобства жизни? Не знаю, какія ёще другія явленія природы способны

вызывать насъ на болѣе глубокія размышленія какъ эти громады горъ, эти, по выраженію поэта,

.... столпы созданья—
Нерукотворная краса,—
Земли могучія возстанья,
Побѣги праха въ небеса...

Я уже и не говорю о томъ какія возвышенныя, глубоко благоговѣйныя чувства способны возбуждать въ истинно-вѣрующей душѣ эти могучіе „столпы созданья"—горы, съ ихъ неисчислимо разнообразными явленіями, то восторгающими, то въ ужасъ приводящими. И только любуясь въ нѣмомъ восторгѣ дивными красотами горныхъ вершинъ, ярко освѣщенныхъ лучами солнца, или невольно приходя въ ужасъ при видѣ глубочайшихъ, какъ будто бездонныхъ разсѣлинъ и пропастей, начинаешь мало-по-малу понимать, почему первобытный человѣкъ для выраженія своего неодолимаго влеченія къ Творцу, для своихъ безыскуственныхъ жертвъ и моленій избиралъ по преимуществу вершины горъ. Эти величественные конусы представлялись его сознанію самыми естественными алтарями, и здѣсь только онъ могъ, всякое земное отложивъ попеченіе, возноситься своею душой къ Богу, здѣсь только онъ могъ чувствовать себя *ближе* къ своему Творцу.... Никогда не забуду впечатлѣнія произведеннаго на меня знаменитымъ Эски-Загрскимъ ущельемъ.

Долго, болѣе двухъ часовъ мы тянулись по этой страшной тѣснинѣ, и тянулись шагъ за шагомъ, какъ бы ощупывая каждую пядь земли подъ своими ногами. Дорожка лѣпится и вьется зигзагами по лѣвой сторонѣ ущелья, плотно прижимаясь къ отвѣсной скалѣ; она такъ тѣсна и узка что при встрѣчѣ съ какимъ бы то ни было экипажемъ во многихъ мѣстахъ нѣтъ ни малѣйшей возможности разминуться; почему при въѣздѣ въ ущелье всегда посылаютъ кого-либо впередъ чтобъ осмотрѣть, не ѣдетъ ли кто на встрѣчу. Такъ сдѣлали и мы, и только благодаря этой предосторожности благополучно разминулись съ нѣсколькими встрѣчными повозками; остановимся на болѣе широкомъ мѣстѣ, гдѣ можно разъѣхаться, и ждемъ пока проѣдутъ встрѣчные, — это очень замедляетъ движеніе.

Въ одномъ мѣстѣ, на самомъ высокомъ пунктѣ, до котораго подымается эта дорожка, мы съ ужасомъ увидѣли внизу, на самомъ днѣ пропасти, валяющіеся остатки пушечнаго лафета и зеленыхъ колесъ, скелеты несчастныхъ лошадей...Представь себѣ моментъ, когда все это полетѣло со страшной высоты въ неменѣе страшную бездну... Ужасъ!... А высота паденія, по самой меньшей мѣрѣ, саженъ пятьдесятъ, шестьдесятъ!.... Въ другомъ мѣстѣ, только гораздо пониже перваго, валяется въ кручѣ не совсѣмъ еще изгнившій остовъ навьюченнаго осла, дальше—обломки турецкаго лазаретнаго фургона съ полумѣсяцемъ на боку,—да всего и не перечтешь.... Сколько тутъ принесено совершенно напрасныхъ жертвъ людской неосторожности и непростительной безпечности!.... Неужели нельзя было огородить, обнести балясинами хотя бы самыя опасныя мѣста?.. А вѣдь здѣсь двигалась весьма значительная часть русской арміи, тутъ проѣзжала главная квартира, разные корпусные и дивизіонные штабы, тутъ же дѣйствовали наши саперы и инженеры...

Стало уже совсѣмъ вечерѣть когда мы выбрались изъ этой дикой трущобы, и въ Эски-Загру приплелись при свѣтѣ луны. Правду намъ говорили еще въ Габровѣ и потомъ въ Казанлыкѣ что изо всѣхъ болгарскихъ городовъ за Балканами ни одинъ не пострадалъ такъ ужасно какъ несчастная Эски-Загра, эта красавица между всѣми болгарскими городами. Дѣйствительно, въ Эски-Загрѣ не осталось кажется камня на камнѣ, особенно въ центрѣ города. Лунный свѣтъ придавалъ еще болѣе грустный и тяжелый видъ этому ужасному разрушенію, этимъ сплошнымъ развалинамъ. По указанію полицейскаго, мы переночевали въ какой-то пустой лачужкѣ, обгорѣлой и полуразрушенной; здѣсь же пріютились еще два семейства Болгаръ-бѣженцевъ, состоящія изъ однихъ женщинъ и дѣтей,—мущинъ же, по словамъ несчастныхъ, *Турекъ порѣзалъ...* На другой день (28), по утру, мы разспросили все знающихъ нашихъ казаковъ и оказалось что штабъ нашей дивизіи дѣйствительно находится въ городѣ Хаскіоѣ, что проѣхать туда всего удобнѣе на Чирпанъ, а изъ него пробраться черезъ Марицу на Филиппопольское шоссе, которое и приведетъ насъ въ

самый Хаскіой. Мы отправились. Утро великолѣпное, шоссейная дорога превосходная, и немного послѣ полудня мы прикатили въ Чирпанъ. На этомъ переѣздѣ мы въ первый разъ увидали табачныя плантаціи; табакъ сѣютъ здѣсь, также какъ кукурузу, на поляхъ, и на многихъ нивахъ торчатъ еще сухіе табачные стволы очень похожіе на наши подсолнухи; по предгоріямъ и склонамъ Малыхъ Балканъ, у подножія которыхъ проходитъ шоссе, виднѣются повсюду сплошные виноградники,— благодатная страна!... Между Чирпаномъ и Эски-Загрой огромная разница: послѣдняя вся въ развалинахъ, вся залита кровью, а Чирпанъ совершенно цѣлъ и невредимъ, хотя разстоянія между ними не болѣе тридцати верстъ. Весь секретъ этой разницы заключается въ томъ что до Чирпана не доходилъ нашъ Гурко въ первый свой походъ или вѣрнѣе въ первый набѣгъ за Балканы, и жители этого города не имѣли возможности такъ или иначе выразить свое сочувствіе къ Русскимъ, за что̀ и были пощажены свирѣпымъ Сулейманомъ, которому они кромѣ того добровольно выдали всѣ свои пожитки и запасы, когда онъ грозно наступалъ на Эски-Загру, мечтая захватить тамъ Гурко. Въ Чирпанѣ городское управленіе уже въ рукахъ Болгаръ, и предупредительные братушки оказали намъ самое радушное вниманіе и полную готовность содѣйствовать нашему дальнѣйшему путешествію; опи дали намъ коннаго проводника, который долженъ былъ сначала довести насъ до ближайшей деревушки Сюльмесли, въ ней заночевать съ нами и на слѣдующій день проводить насъ до самаго Филиппопольскаго шоссе. Такъ все и было исполнено. Ночевали мы въ Сюльмесли, а на другой день (29 января), переѣхавъ еще деревушку Чукарджи, переправились на паромѣ черезъ быструю и довольно широкую Марицу, перерѣзали полотно желѣзной дороги у станціи Эни-Магале и около полудня выбрались на искомое нами Филиппопольское шоссе. Еслибъ я не опасался утомить тебя длинными подробностями этого письма, я описалъ бы и это проселочное путешествіе наше въ свою очередь также не безынтересное. Во всѣхъ деревушкахъ густо раскинувшихся по долинѣ Марицы, чрезъ которыя мы проѣзжали и названій которыхъ я не припомню, вездѣ мы видѣли

множество павшаго скота, валяющагося по улицамъ и околицамъ. При станціи Эни-Магале мы встрѣтили нашего русскаго жандарма и стали его разспрашивать — откуда такое множество погибшаго скота по деревнямъ и отчего его доселѣ не убираютъ?

— Все это Турки наработали, отвѣчалъ онъ,—скотинка все болгарская, Туркамъ нельзя было захватить ее съ собою, такъ они взяли и перебили всю,—не доставайся, значитъ, ни намъ, ни вамъ.

— Да отчего же не употребили ее, какъ убитую, на говядину и даже не сняли ни съ одной кожу? спросили мы.

— А некому было, отвѣчалъ спокойно жандармъ:— братушки разбѣжались, а Туркамъ было не до того, дай Богъ самимъ-то ноги унести.

Переваливая черезъ одну довольно порядочную гору, между желѣзно-дорожною станціей и Филиппопольскимъ шоссе, мы не мало удивлены были множествомъ попадавшихся намъ по дорогѣ живыхъ и очень большихъ *черепахъ*; вездѣ по ту и по другую сторону дороги, особенно же на бывшихъ кукурузныхъ нивахъ, черепахи эти копошились въ огромномъ количествѣ. Что̀ за исторія? Откуда могли явиться въ полѣ, далеко отъ воды, живыя черепахи и такія огромныя, какихъ мы никогда и не видали? Подозвали мы нашего проводника и стали его разспрашивать; изъ словъ и пантомимъ его мы могли понять что черепахи эти водятся и въ самой Марицѣ, и по всѣмъ болотамъ и трясинамъ обширной низменной долины, по которой бѣжитъ эта болгарская Волга-матушка (конечно миніатюрная), что онѣ плодятся будто бы и въ самомъ грунтѣ земли и называются поэтому *земляныя черепахи*, что въ такіе теплые дни, какъ нынѣшній, черепахи отправляются въ поля и грызутъ тамъ оставшіеся въ землѣ прошлогодніе корни и кочни кукурузы. Что̀ за отвратительныя гадины когда онѣ высунутъ свои головы или протянутъ свои безобразныя лапы! Черепъ ихъ такъ твердъ и упругъ что можетъ выдерживать на себѣ давленіе огромной тяжести, по крайней мѣрѣ наша грузная артелка, переѣзжая черезъ нихъ своими грузными колесами, нисколько не вредила имъ; на мягкомъ грунтѣ она только

вдавливала ихъ въ землю, а на твердомъ — сама поднималась и перекатывалась черезъ нихъ какъ черезъ булыжникъ.

Наконецъ мы на Филиппопольскомъ шоссе, на этой знаменитой отнынѣ „via mortis“ (дорога смерти), по которой въ паническомъ страхѣ бѣжали Турки предъ грозно наступавшею на нихъ русскою гвардіей!... Какія окрестности, какія мѣста! На западъ отъ дороги грозною стѣной, упираясь въ небо, бѣлѣютъ снѣжныя вершины мрачнаго Деспото-Дага; на югъ глубокимъ амфитеатромъ потянулись Родопско-Македонскія горы; въ туманной синеватой дали едва виднѣется Филиппополь... Господи, да куда же это мы забрались?... Никакъ ужь на самую родину Александра Македонскаго?... А дальше что̀?... Неужели Господь удостоитъ лицемъ къ лицу узрѣть завѣтную Софію Цареградскую?... О, пробави милость Твою вѣдущимъ Тя!...

Описывать Филиппопольское шоссе между Филиппополемъ и Хаскіойемъ невозможно... Ужасъ и ужасъ на каждомъ шагу!... Прошло только всего три недѣли послѣ того какъ здѣсь разыгралась страшная, кровавая драма — рѣшительное пораженіе послѣдней турецкой, такъ-называемой Сулеймановской арміи, остатки которой сломя голову бѣжали по этому самому шоссе... За разбитыми Сулеймановцами бросились бѣжать и всѣ Турки проживавшіе въ болгарскихъ городахъ и селеніяхъ, бросилась бѣжать вся Забалканская Турція. Цѣлый народъ, со всѣмъ что̀ только можно было захватить съ собой въ попыхахъ, подъ вліяніемъ паническаго страха ринулся бѣжать въ страшномъ безпорядкѣ, въ какомъ-то отчаянномъ ужасѣ, ни на что̀ несмотря, ничего не щадя, ни о чемъ не соображая... Это было не переселеніе, не перекочевка съ мѣста на мѣсто, это было какое-то безумно-оторопѣлое бѣгство, во время котораго человѣкъ теряетъ всякое сознаніе, всякое человѣческое чувство, и бываетъ способенъ насиловать и рвать самымъ безчеловѣчнымъ образомъ священнѣйшія узы семьи, родства, дружбы, сосѣдства... Только въ такомъ безсознательно-отчаянномъ положеніи отецъ бросаетъ сына, сынъ — отца, мать—своего ребенка... И только такимъ именно паническимъ состояніемъ можно объяснить себѣ эту массу почернѣлыхъ и

разрушившихся труповъ, которая и теперь еще лежитъ пластомъ по обѣимъ сторонамъ несчастнаго Филиппопольскаго шоссе... Ужасный видъ!... душу раздирающая картина!... Сколько тутъ валяется сѣдыхъ стариковъ, старухъ, и, что̀ всего ужаснѣе видѣть, сколько грудныхъ дѣтей видимо брошенныхъ матерями!... И это на пространствѣ нѣсколькихъ верстъ, нѣсколькихъ десятковъ верстъ до самаго Хаскіойя и, говорятъ, почти до самаго Адріанополя!... Видѣлъ я страшное поле послѣдней Плевненской битвы; думалъ что ничего уже нѣтъ въ мірѣ ужаснѣе этого поля, а вотъ Богъ привелъ видѣть картины еще поразительнѣе, еще ужаснѣе!... Глубоко жалѣю что я поѣхалъ въ этотъ истинно прискорбный путь и вынужденъ былъ смотрѣть на все это; лучше остался бы дома, прочиталъ бы гдѣ-нибудь въ газетахъ объ ужасахъ на Филиппопольской дорогѣ, поволновался бы и — конецъ; но самому, своими глазами видѣть эти ужасы, самому смотрѣть съ телѣги какъ одичалая собака гложетъ брошеннаго ребенка или теребитъ сѣдую старуху, это невыносимо!... никакіе нервы не выдержатъ!...

По дорогѣ почти непрерывною вереницей тянутся наши солдаты, по преимуществу гвардейцы, вышедшіе изъ лазаретовъ или отставшіе отъ своихъ частей по какимъ-либо другимъ причинамъ; всѣ они спѣшатъ къ Адріанополю, въ окрестностяхъ котораго собралась теперь вся наша дѣйствующая армія. Чѣмъ все это кончится, что̀ послѣдуетъ за перемиріемъ, когда будетъ заключенъ и будетъ ли еще заключенъ окончательный міръ, про то Богъ одинъ вѣдаетъ... А между тѣмъ войска наши все стягиваются, и всѣмъ этимъ отсталымъ солдатамъ строго-на́-строго приказано поспѣшать къ своимъ частямъ. На привалѣ и по дорогѣ мы вступали съ гвардейцами въ разговоръ, и отъ нихъ, какъ очевидцевъ и участниковъ, много слышали преинтересныхъ разказовъ о переходѣ ихъ черезъ Балканы, о битвахъ при Ташкисенѣ, подъ Софіей и Филиппополемъ. Удивительный человѣкъ нашъ русскій солдатъ: изнуренъ, отягощенъ, еле ноги передвигаетъ, а заговори съ нимъ о Туркѣ, о битвахъ, о генералахъ, и откуда только у него прыть возьмется: сейчасъ одушевится, подниметъ голосъ въ мажорный тонъ — и пошелъ, и пошелъ... Съ особеннымъ восторгомъ

говорятъ гвардейцы о своемъ суровомъ Гурко, о Дандевилѣ, Раухѣ и въ особенности о Шуваловѣ. Шуваловъ для гвардейцевъ то же самое что̀ Скобелевъ для остальной арміи; о его подвигахъ въ горахъ, подъ Филиппополемъ, о его переходѣ черезъ Марицу во время ледохода и подъ огнемъ непріятеля они разказываютъ съ необыкновеннымъ увлеченіемъ. Да, за эту войну наша гвардія покрыла себя дѣйствительно безсмертною славой! Дубнякъ, Арабъ - Конакъ, Ташкисенъ, Филиппополь,—да всего и не перечтешь,—вотъ это подвиги, дѣла̀!...

Въ Хаскіой мы пріѣхали вечеромъ. Общій видъ города во многомъ напоминаетъ несчастную Эски-Загру: такія же развалины и опустошеніе. Остановился я, конечно, у В. К--ча и принятъ былъ истинно по-братски; живутъ они вмѣстѣ съ А. Д. Снисаревскимъ. Цѣлый вечеръ и чуть не цѣлую ночь проговорили мы тутъ,—да и было о чемъ поговорить,—матеріала накопилось довольно..... Какой же тяжелый походъ перенесли они пока добрались до Хаскіойя! Маршировали какъ разъ въ самую весеннюю распутицу подъ проливными дождями, при холодныхъ вѣтрахъ и метеляхъ; каждый ручеекъ, каждую горную рѣчонку нужно было переходить нерѣдко по самую шею въ водѣ. Набрались они му̀ки, а все-таки пришли какъ слѣдуетъ по маршруту.... Новостей ни политическихъ, ни военныхъ и они никакихъ не знаютъ; одинъ только слухъ тревожитъ всѣхъ: будто Англія мѣшаетъ заключенію мира и занятію нами Константинополя, обнадеживая злополучную Турцію своею активною помощью, своимъ вмѣшательствомъ не въ свои дѣла, — будто по милости Англіи наша армія остановилась у самыхъ стѣнъ Константинополя. Такъ ли все это, Богъ знаетъ; поѣду въ Адріанополь, тамъ навѣрно все узнаю. Штабъ нашей дивизіи на дняхъ переселяется въ городъ Мустафа-Паша, около Адріанополя, а нашъ Сибирскій полкъ остается еще на двѣ недѣли въ Хаскіойѣ, — для чего, какъ ты думаешь?... Для уборки труповъ какъ въ самомъ городѣ, такъ и его окрестностяхъ.... Каково количество этихъ труповъ, можешь судить по тому что оставляется цѣлый полкъ на цѣлыя двѣ недѣли, да предъ этимъ тоже цѣлыхъ двѣ недѣли онъ занимался этою же работой.... Ужасъ и ужасъ!... Вѣришь ли, я боюсь за

себя, боюсь одеревенѣть, окаменѣть, потерять всякую способность къ воспринятію живыхъ впечатлѣній.... Нервному человѣку тутъ чистая мука, безъ болѣзни болѣзнь.... Отъ однихъ на каждомъ шагу попадающихся ужасовъ смерти и истребленія поневолѣ измучишься и нравственно, и физически.

На другой день (30-го января) я отправился къ нашему почтенному начальнику дивизіи. Ты не можешь себѣ представить какъ высоко сталъ нашъ М. П—вичъ въ глазахъ всей дивизіи послѣ Плевненской битвы. Что тамъ ни пиши въ краснорѣчивыхъ разказахъ и реляціяхъ, а всѣ наши офицеры и солдаты единогласно утверждаютъ что во все продолженіе этой битвы никакого другаго начальства они не видали, ни чьихъ распоряженій не слыхали, а видѣли только какъ начальникъ дивизіи безстрашно леталъ по полю битвы и хладнокровнѣйшимъ образомъ распоряжался повсюду. Увѣряютъ что когда онъ вводилъ двѣ стрѣлковыя роты Малороссійскаго полка въ самый страшный огонь между Копаною Могилой и лѣвымъ люнетомъ, въ этотъ моментъ боя онъ былъ истиннымъ героемъ. А между тѣмъ и въ газетныхъ корреспонденціяхъ, и въ официальныхъ реляціяхъ о немъ упоминается весьма глухо.... Даже составленная имъ реляція не принята въ резонъ,—вотъ вамъ и правда!... Вечеръ провели мы у добрѣйшаго П. Н. С—на; собралось много офицеровъ, начали толковать, разсуждать, спорить; поднялась весьма оживленная бесѣда, — толковали главнымъ образомъ о настоящемъ положеніи нашей арміи, о перемиріи, которое уже всѣмъ порядочно надоѣло, о возможности чего - нибудь *неладнаго, нехорошаго*.... Настойчиво поддерживается слухъ будто англійскій флотъ уже вошелъ въ Дарданеллы съ цѣлію не дать намъ занять Галлиполи и Константинополь; а безъ этого занятія всѣ наши труды, всѣ неимовѣрныя усилія и подвиги, всѣ блестящія побѣды пропадутъ ни за грошъ,—вѣнцомъ и конечною цѣлью настоящей войны долженъ быть Константинополь; не взять его, значитъ ничего не сдѣлать... Такъ разсуждаетъ не одна только „вѣтреная младость“; въ этомъ убѣждены и болѣе серіозные и солидные люди... Понятно теперь какъ всѣ эти зловѣщіе слухи, можетъ быть совершенно неосновательные, тревожатъ, волнуютъ

всѣхъ и весьма замѣтно распространяютъ общее недовольство и ропотъ.—Но, кромѣ этого общаго недовольства, я не могъ не подмѣтить недовольства и частнаго, чисто-гренадерскаго. Офицерство наше крайне недовольно тѣмъ что намъ не пришлось участвовать ни въ одномъ дѣлѣ за Балканами; а здѣсь-то именно и были совершены, только не нами, а другими, самыя замѣчательныя, блестящія дѣла. Подвиги нашей славной гвардіи, безспорно знаменитые, великіе, возбуждаютъ въ нашемъ офицерствѣ весьма понятную зависть, поджигаютъ ревность; остается одна надежда—Константинополь; если и тутъ не придется отличиться, показать себя, не придется даже участвовать, тогда недовольство нашихъ гренадеръ можетъ дойти до отчаянія.

Покончивъ свои дѣла въ штабѣ дивизіи, мы на слѣдующій день (31 января) рано утромъ выѣхали изъ Хаскіойя, направляясь къ ближайшей желѣзнодорожной станціи, Кояджикъ. Комендантъ этой станціи, одинъ изъ офицеровъ нашей же дивизіи, принялъ насъ весьма любезно и между прочимъ заявилъ что поѣзды ходятъ здѣсь не въ опредѣленное время, а какъ случится, и что мы можемъ попасть въ вагоны или очень скоро, сейчасъ же, или послѣ обѣда, или даже вечеромъ. Вскорѣ подъѣхалъ сюда же и нашъ начальникъ дивизіи отправляющійся на новое мѣсто расположенія дивизіоннаго штаба въ городъ Мустафа-Паша. Долгіе часы ожиданія поѣзда мы провели съ нимъ въ расхаживаніи по всѣмъ уцѣлѣвшимъ постройкамъ станціи, между которыми важнѣе всего обширные сараи заваленные турецкимъ ячменемъ, кукурузой и разными продовольственными припасами. Снова и снова удивляемся—какимъ образомъ Турки нигдѣ не успѣли истребить своихъ запасовъ?... Вотъ ужь истинные благодѣтели наши!... Вокругъ амбаровъ со складами съ утра до вечера толпятся разные бѣдняки-бѣженцы: Турки, какіе-то Цыгане, Арнауты, Болгары. Добрый комендантъ всѣмъ имъ помогаетъ чѣмъ можетъ, а нѣкоторымъ жителямъ ближайшихъ деревень онъ отпускаетъ даже зерно на посѣвъ цѣлыми мѣшками. По какому-то счастливому случаю комендантъ этотъ принялъ въ свое завѣдываніе всѣ эти склады безо всякихъ описей и безо всякаго вмѣшательства со стороны всюду рыскающихъ полевыхъ интендантовъ.

Удивительно и непостижимо какимъ образомъ эти неусыпные аргусы, эти повсемѣстные охранители всяческихъ не только русскихъ, но и турецкихъ складовъ не успѣли еще прибрать къ своимъ рукамъ здѣшнихъ довольно обширныхъ житницъ?.. При насъ роздано комендантомъ не менѣе пятидесяти мѣшковъ зерна; пріѣзжали какіе-то наши казаки и взяли по мѣшку на хребты своихъ все выносящихъ донцовъ, приходилъ цѣлый ослиный караванъ и отправился обратно съ полными вьюками: никому нѣтъ отказа,—и всѣ довольны, всѣ благодарны, и на разныхъ языкахъ и всяческими жестами выражаютъ свои благословенія доброму русскому *капудану*!..

Только въ четыре часа пополудни пришелъ поѣздъ. Никакими словами нельзя выразить того удовольствія какое мы почувствовали, еще издали завидѣвъ локомотивъ. Въ теченіе пяти мѣсяцевъ мы испытали всевозможные способы человѣческаго передвиженія по землѣ: ходили пѣшкомъ, ѣздили на ослахъ и буйволахъ, сотрясались въ нашихъ знаменитыхъ артелкахъ и лазаретныхъ фургонахъ, и послѣ всѣхъ этихъ испытаній попасть въ вагонъ невыразимо отрадно и пріятно. Военный поѣздъ, на который мы попали, составленъ былъ оригинально: тутъ были и наши девятифунтовки съ зарядными ящиками на платформахъ, и товарные вагоны безъ крыши, биткомъ набитые солдатами, такъ что сверху, вмѣсто крыши, торчатъ только однѣ солдатскія головы; были товарные вагоны и съ крышею, на которой также примостились наши герои со своими ранцами и берданками; былъ въ поѣздѣ и единственный вагонъ III класса для офицеровъ: тѣснота и давка въ этомъ вагонѣ не хуже той какая и въ солдатскихъ; тутъ вмѣстѣ съ нами помѣстился и нашъ начальникъ дивизіи; тутъ же на грязной лавкѣ возсѣдали и командиръ лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка князь Оболенскій, и знаменитый комендантъ Плевны, нынѣ филиппопольскій губернаторъ Столыпинъ. Многіе офицеры, за неимѣніемъ мѣста на лавкахъ, стояли на ногахъ, чередуясь со своими товарищами и сосѣдями правомъ сидѣнья. Что̀ за смѣсь одеждъ и лицъ!.. Тутъ были представители всѣхъ родовъ оружія изо всѣхъ отрядовъ, корпусовъ и дивизій всей русской дѣйствующей арміи, и тутъ же въ углу, на

корточкахъ, примостился непремѣнный спутникъ военныхъ людей—маркитантъ-Жидъ, способный согнуться въ три погибели лишь бы удостоиться высокой чести ѣхать въ одномъ вагонѣ съ генералами..... Въ вагонѣ шумъ, говоръ, смѣхъ, разказы безъ конца. Можно было прослушать цѣлую серію разнообразнѣйшихъ эпизодовъ изъ нынѣшней войны; въ одномъ углу то и дѣло повторяются: Арабъ-Конакъ, Тишкисенъ,—въ другомъ: Бугарово, Базарджикъ, Марица; одни говорятъ о Гурко, другіе о Скобелевѣ, третьи о Карцевѣ, о Мирскомъ, и говорятъ громко, съ одушевленіемъ, такъ что въ вагонѣ просто стонъ стоитъ... А между тѣмъ поѣздъ мчится по замѣчательно-красивой мѣстности: слѣва, въ трехъ саженяхъ отъ рельсовъ, крутой обрывъ берега быстрой широкой Марицы, а за нею—необозримая равнина заливныхъ луговъ съ красивыми чифтликами и маленькими рощами; справа отвѣсныя скалы подступающихъ сюда какихъ-то предгорій; поѣздъ мчится такъ близко къ нимъ что изъ окна вагона можно достать ихъ рукой. Наконецъ, при самомъ закатѣ солнца заблистали въ туманной дали высокіе минареты адріанопольскихъ мечетей. „Адріанополь, Адріанополь“! восторженно раздалось по всему вагону, и вдругъ ни съ того ни съ сего загремѣло единодушное *ура!*.. Понятно чувство охватившее всѣхъ Русскихъ при видѣ второй столицы султана... что́ же будетъ когда мы?.. неужели это сбудется?...

Въ сумеркахъ поѣздъ остановился у вокзала, весьма впрочемъ невзрачнаго, тѣснаго, далеко не столичнаго; по неопытности, заглядѣвшись, мы прозѣвали извощиковъ и вынуждены были отправиться пѣшкомъ, а отъ вокзала до города цѣлыхъ четыре версты. Сталъ накрапывать дождь съ довольно холоднымъ вѣтромъ,—непріятная перемѣна. Около полуночи прибрели мы наконецъ въ городъ и стали отыскивать себѣ пристанище: постучали въ одну гостиницу—всѣ нумера заняты; въ другую—то же самое. Что́ намъ дѣлать? на улицахъ ни души, спросить не у кого, дома всѣ накрѣпко заперты; спасибо встрѣтившійся нечаянно военный патруль направилъ насъ въ полицію, гдѣ помѣщается комендантъ города. Пошли, отыскали; но благородный комендантъ, въ чинѣ полковника, не

ожидая конечно нашего посѣщенія, предался уже сладостному сну и будить себя не разрѣшилъ. Пошли мы въ полицейское управленіе; но единственный членъ этого управленія, Болгаръ, пренаивно посовѣтовалъ намъ придти завтра, когда соберется сюда въ управленіе городская квартирная коммиссія и когда мы отъ коменданта получимъ удостовѣреніе нашихъ личностей и требованіе на отводъ квартиры... „Да гдѣ же мы будемъ ночевать, когда всѣ гостиницы заняты и нигдѣ намъ нѣтъ пріюта?“ спросили мы любезнаго братушку. „А гдѣ вамъ будетъ угодно“, прелюбезно отвѣчалъ онъ... Что́ тутъ дѣлать, куда дѣваться? Спасибо одному офицеру Архангелогородскаго пѣхотнаго полка, который въ этотъ день былъ дежурнымъ при полиціи на случай пожара: видя наше безвыходное положеніе, онъ предложилъ намъ помѣститься въ общей арестантской комнатѣ, гдѣ между прочимъ помѣщался и онъ. Пробило два часа пополуночи, когда мы, *аки тати нощные*, вступили въ адріанопольскую полицейскую арестантскую... въ первый еще разъ въ жизни моей довелось мнѣ попасть въ такое казенное помѣщеніе,—что́ прикажете дѣлать съ нашими порядками? будешь радъ и этому, когда некуда голову приклонить... Такъ какъ въ этой комнатѣ не полагалось по штату никакой мебели, кромѣ ободраннаго дивана, предназначеннаго для помѣщенія дежурнаго офицера, то почтенная арестованная публика спала прямо на каменномъ полу... Великодушный нашъ покровитель уступилъ намъ одинъ конецъ своего дивана, и вотъ, послѣ пятичасоваго странствія на ногахъ, мы получили возможность присѣть и, если угодно, заснуть... Обоимъ часовымъ—и внутреннему и наружному—приказано и впускать и выпускать насъ безъ допроса и при смѣнѣ передавать объ этомъ новымъ часовымъ... Славно же принялъ насъ Адріанополь, вторая столица Турецкой имперіи!..

На другой день (1 го февраля), когда собрались всѣ члены квартирной коммиссіи, мы просили ихъ дать намъ адресъ корпуснаго штаба Гренадерскаго корпуса и дать проводника по городу для отысканія этого штаба. Секретарь коммиссіи, какой-то братушка, началъ перелистывать адресную книгу,—перекинулъ разъ съ начала до конца, перекинулъ въ другой,—

нѣтъ адреса; подозвалъ къ себѣ другаго Болгара, только шустраго, юркаго: пошептались съ нимъ, порылись въ другой книгѣ,—ничего не выходитъ... Тутъ юркій Болгаръ, немного подумавъ и что-то сообразивъ, вдругъ заявилъ намъ, что онъ знаетъ гдѣ нашъ корпусный штабъ и при этомъ самъ вызвался довести насъ. Пошли: ходили-ходили, бродили-бродили и пришли наконецъ къ какому-то великолѣпному конаку. „Тука, тука" (здѣсь), увѣренно проговорилъ нашъ чичероне и хотѣлъ было шмыгнуть отъ насъ назадъ; мы однако придержали его на всякій случай: у воротъ конака стоитъ часовой, мы спросили его, и оказалось что это квартира адріанопольскаго генералъ-губернатора (Свѣчина). Братушка нашъ и руками развелъ... Нечего дѣлать, пошли назадъ въ коммиссію,—а это разстояніе не менѣе двухъ верстъ,—опять перерыли всѣ книги—нѣтъ адреса... Обратились мы въ комендантское управленіе и тамъ никто не знаетъ, а помощникъ коменданта при сей вѣрной оказіи еще сдѣлалъ намъ внушеніе, что съ подобнаго рода просьбами должно обращаться въ полицію, въ адресный столъ, а не въ комендантское управленіе... Пошли опять въ коммиссію: пробило уже 12 часовъ дня. Въ коммиссіи мы застали нѣсколькихъ офицеровъ 5-й пѣхотной дивизіи, стали ихъ разспрашивать—ни одна душа не знаетъ, какъ будто штабъ цѣлаго корпуса—какая-нибудь непримѣтная булавка, упавшая въ щель... Тутъ одинъ смѣтливый офицеръ предложилъ намъ отправиться въ городской пассажъ,—въ родѣ нашихъ гостиныхъ дворовъ, куда собираются офицеры всевозможныхъ родовъ оружія и гдѣ даже удобнѣе, нежели въ полиціи, можно отыскать кого нужно; мы послушались добраго совѣта и не ошиблись: въ пассажѣ мы повстрѣчали нашего корпуснаго врача, и онъ-то указалъ намъ помѣщеніе корпуснаго штаба. Это помѣщеніе оказалось какъ разъ на другомъ концѣ города, совершенно противоположномъ тому куда насъ водилъ шустрый братушка, членъ квартирной коммиссіи. Помѣщеніе нашего корпуснаго штаба крайне не завидно; это какое-то разоренное турецкое аббатство, къ которому ведутъ три двора и нѣсколько переходовъ, такъ что человѣку незнакомому легко можно заблудиться въ этомъ лабиринтѣ. Корпусный командиръ зани-

маетъ одну громадную залу, въ которой удобнѣе волковъ морозить нежели человѣку жить,—ни печки, ни камина, а на дворѣ стало очень холодно, и я засталъ почтеннаго старика Г—го шагающимъ изъ угла въ уголъ въ фуражкѣ и тепломъ пальто. Послѣ обѣда я пошелъ осматривать городъ; но что увидишь въ какіе-нибудь два-три часа времени въ такомъ обширномъ и многолюдномъ городѣ? Главная улица—Адріанопольскій Невскій проспектъ—узкая, кривая и грязная. Лавочекъ со всевозможнымъ хламомъ, кофеенъ, ресторановъ безчисленное множество. Пассажъ—это длинная, чуть не съ версту, узкая, крытая и потому полутемная улица, по обѣимъ сторонамъ которой на прилавкахъ и по стѣнамъ разложены и развѣшены разнообразнѣйшіе товары, европейскіе и восточные,—пестрота страшная, толкотня невообразимая: масса народа двигается, глазѣетъ, прицѣняется; разнощики разныхъ мелочей—чубуковъ, трубокъ, тросточекъ—своими назойливыми предложеніями надоѣдаютъ ужасно. Я ничего не рѣшился купить и едва выбрался изъ этого омута. По условію я вернулся опять въ полицію, въ нашу арестантскую, и засталъ моего бѣднаго спутника Пашковскаго вполнѣ арестованнымъ: онъ получилъ въ корпусномъ казначействѣ болѣе двадцати тысячъ денегъ звонкою монетой и отъ тяжести этого груза никуда не могъ двинуться. Порѣшили мы и другую ночь провести въ арестантской, благо что есть готовый и надежный караулъ—значитъ и мы, и наши капиталы будутъ въ полной безопасности. Вечеръ провелъ я въ главной квартирѣ у Д. А. С—на; живетъ онъ рядомъ съ Великимъ Княземъ и, кажется, пользуется его довѣріемъ. Изъ новостей политическихъ я узналъ только одну и самую отрадную: „19-го февраля будетъ подписанъ мирный трактатъ, а съ первыхъ чиселъ марта начнется отправка гвардіи, а потомъ гренадеръ въ Россію. Войска находящіяся за Балканами будутъ перевозиться на пароходахъ въ три приморскіе пункта: въ Одессу, Николаевъ и Севастополь, а оттуда на свои прежнія мѣста. Ты не можешь себѣ представить какъ я обрадовался, услышавъ эту отраднѣйшую новость!.. И это не слухъ, не бабушкины розказни, это правда, достовѣрнѣйшее свѣдѣніе!.. Затѣмъ на дняхъ

наша главная квартира переходитъ въ Санъ-Стефано, въ десяти верстахъ отъ самаго Константинополя, который окруженъ теперь грознымъ кольцомъ нашей арміи какъ Плевна; по мирному трактату мы только временно займемъ его, какъ Нѣмцы Парижъ, а потомъ снова подаримъ Туркамъ на самыхъ выгодныхъ условіяхъ. Итакъ мы будемъ въ Константинополѣ, увидимъ Св. Софію, увидимъ Босфоръ! Господи, какая же это радость! А главное, къ Пасхѣ мы будемъ уже дома, въ Россіи,— у насъ просто голова кружится отъ радости, даже какъ будто не вѣрится такому счастью! Но все это несомнѣнно, неизмѣнно, нерушимо. Жаль что все это сообщено мнѣ подъ страшнымъ секретомъ, и я доселѣ ношу эту тайну въ своемъ сердцѣ и никому не довѣряю, это очень тяжело и мучительно: знать, ощущать въ себѣ отраднѣйшую вѣсть, величайшую радость, и ни съ кѣмъ не подѣлиться!...

Изъ Адріанополя мы выѣхали очень рано (2-го февраля); на душѣ у меня такъ свѣтло, такъ отрадно что я забылъ и про арестантскую, и всю дорогу восторженно пѣлъ въ вагонѣ: *радуйся благодатная Богородице Дѣво, изъ Тебе бо возсія Солнце правды—Христосъ Богъ нашъ, просвѣщаяй сущія во тьмѣ,—веселися и ты, старче праведный...* (троп. Срѣтенія). Въ Кояджикѣ милѣйшій комендантъ принялъ насъ по-братски, угостилъ ужиномъ, а на другой день (3-го февраля) на прощанье положилъ въ нашу артелку три огромные мѣшка турецкаго ячменю. Возвращались мы назадъ въ Эски-Загру не по старой дорогѣ, не на Чирпанъ, а проселкомъ, напрямикъ; этимъ мы избавились отъ Филиппопольскаго шоссе которое своими ужасами только отравило бы мою радость, мое отличное расположеніе духа. На переправѣ черезъ Марицу съ нами приключилась оказія: чуть было не потонула наша артелка. Противоположный берегъ, къ которому причаливаетъ паромъ, невысокъ, но очень крутъ, и прокопанная въ немъ дорожка очень узка, такъ что при съѣздѣ съ парома нельзя было запречь всю четверню, а пара дышловыхъ не въ силахъ была выхватить сразу, лошади попятились, артелка покатилась назадъ и такъ стукнула въ бортъ парома, что причалы (веревки) въ одно мгновеніе лопнули: одно заднее колесо успѣло попасть

на паромъ, а другое повисло въ воду; паромъ сталъ отходить отъ берега, таща за собой и артелку и лошадей въ воду. Минута была страшная, неожиданная.... Мы были уже на другомъ берегу, но представь себѣ положеніе Пашковскаго: мѣшки съ деньгами остались въ артелкѣ!... Опытные паромщики-Турки спасли насъ; въ одно мгновеніе они уперлись шестами,—глубина была около пяти аршинъ,—и удержали отходъ парома отъ берега, а другіе изъ нихъ выскочили на берегъ съ новыми причалами и снова подтянули паромъ. Бѣдныя наши дышловыя лошадки дрожали какъ въ лихорадкѣ, видимо сознавая угрожающую имъ опасность, но все-таки не въ силахъ были вытащить артелки, несмотря на свои непомѣрныя усилія. Когда паромъ былъ прикрѣпленъ основательно, наши возницы (два обозные солдата) сообразили подпречь пристяжныхъ, выведенныхъ прежде на берегъ, зацѣпивъ постромками за дышло, но дышло не выдержало и треснуло, что̀ тутъ дѣлать? Паромщики-Турки смекнули въ чемъ сила и начали указывать намъ на дорогу, крича по-болгарски: би́воли, би́воли (то-есть буйволы)! Сейчасъ же послали мы верховаго по дорогѣ впередъ, и черезъ полчаса онъ привелъ пару коренастыхъ буйволовъ съ Болгаромъ, и они безъ особыхъ усилій вытащили нашу артелку какъ перышко.

Въ Эски-Загру пріѣхали мы вечеромъ и ночевали въ той же самой лачужкѣ. На другой день (4-го февраля) выѣхали мы съ разсвѣтомъ и любовались первыми лучами восходящаго солнца при самомъ въѣздѣ въ знаменитое ущелье. Какъ были освѣщены окрестныя горы, деревья, первая весенняя зелень на пригоркахъ—не спрашивай, это такая прелесть, которой и описать невозможно.... Переѣздъ до Казанлыка совершился благополучно, безъ особыхъ приключеній; только на дорогѣ я не могъ не обратить вниманія на замѣчательную смѣтливость одного встрѣченнаго нами солдатика, который брелъ себѣ куда-то, должно полагать къ своему полку по направленію къ Эски-Загрѣ. Стоялъ полдень; солнышко припекало какъ у насъ въ іюнѣ. Солдатикъ въ первомъ попавшемся ему горномъ ручьѣ выстиралъ себѣ бѣлье и для просушки развѣсилъ его по собственной своей персонѣ: нижнее бѣлье продѣлъ на ружье, а

рубаху размѣстилъ сверхъ ранца по спинѣ, завязавъ рукава спереди вмѣсто галстука, около портупеи привѣсилъ портянки; вышло и просто и мило—и маршъ свой продолжаетъ, и бѣлье сушитъ.... Въ Казанлыкъ вернулись мы послѣ обѣда; но что я тутъ встрѣтилъ послѣ десятидневной отлучки, о томъ напишу въ слѣдующемъ письмѣ, а пока что—прощай, до свиданія!

Казанлыкъ, 10-го февраля.

Въ настоящее время въ моей душѣ, какъ и у каждаго изъ насъ здѣсь, совершается ежеминутно самая тяжелая борьба двухъ совершенно противоположныхъ чувствъ—надежды и отчаянія; борьба эта крайне мучительна.... Мы хотимъ вѣрить, мы принуждаемъ себя вѣрять, что наше возвращеніе къ вамъ съ каждымъ пережитымъ днемъ все болѣе и болѣе приближается, что пройдетъ какой-нибудь мѣсяцъ, много два, и мы дома, въ Россіи, среди васъ,—это отрадное чувство служитъ теперь для насъ единственною опорой, поддержкой, единственнымъ стимуломъ, заставляющимъ насъ вести отчаянную борьбу съ тѣми тяжелыми обстоятельствами, которыя *обышедше, обыдоша насъ*... Легко сказать—мѣсяцъ, два, а какъ посмотришь вокругъ что̀ тутъ дѣлается, такъ всякая надежда, всякая самая крѣпкая вѣра колеблется, смущается и въ тяжкія минуты человѣческаго малодушія почти исчезаетъ какъ дымъ, какъ свѣтлое облачко... Достаточно выговорить одно роковое слово: *военный тифъ*, чтобы понять, чтобы почувствовать всю горечь, всю тяготу нашего душевнаго состоянія... Этотъ истинный бичъ Божій начинаетъ принимать здѣсь ужасающіе размѣры!... Только и слышишь ежедневно: тотъ заболѣлъ, другой заболѣлъ; одинъ уже отправился, другой лежитъ въ агоніи... Работы намъ съ отцомъ Петромъ очень много. Прекрасный это молодой священникъ; не я въ немъ, а онъ во мнѣ поддерживаетъ бодрость духа и твердое упованіе на милость Божію.... Каждый почти день мы съ нимъ встрѣчаемся на кладбищѣ,—теперь мы раздѣлились: онъ носитъ своихъ, а я своихъ. Ты не можешь себѣ представить того какія невыносимо-тагостныя чувства охватываютъ всю душу, когда придешь на кладбище и

станешь среди десятка гробовъ надъ темною могилой.... Когда мы хоронили убитыхъ на полѣ сраженія или скончавшихся отъ тяжкихъ ранъ—тамъ было другое чувство, горькое, конечно, щемящее, но какое-то острое, скоропреходящее.... Вернешься бывало съ кладбища въ кружокъ людей живыхъ, веселыхъ, полныхъ надеждъ—и острое чувство тебя охватившее понемногу сглаживается, тупѣетъ и постепенно проходитъ. Теперь же не то, совсѣмъ не то... На кого ни посмотришь, всѣ сильно встревожены, обезкуражены; на всѣхъ лицахъ замѣтно уныніе, какая-то фатальная безнадежность, близкая къ полному отчаянію. „Нѣтъ исхода, нѣтъ спасенія", читаешь невольно въ глазахъ каждаго.... И подъ этими-то впечатлѣніями идешь въ лазаретъ напутствовать, идешь на кладбище хоронить, и всюду кругомъ тебя смерть или зрѣлище смерти наступающей, приближающейся, неизбѣжной, неминуемой. И это каждый Божій день съ утра до вечера. Пойми же теперь до чего невыразимо тягостно это неотступное, постоянно тебя томящее, ноющее, какое-то медлительно-тягучее, болѣзненно-тупое и притупляющее чувство тоски и тревоги не за другихъ уже, а за себя, за свою жизнь, за свою душу.

Я, кажется, писалъ тебѣ предъ отъѣздомъ въ Адріанополь что первою жертвой тифа сдѣлался нашъ общій любимецъ докторъ Бубновъ; теперь ему лучше и есть надежда на выздоровленіе; у него была самая легкая форма, тифоидъ; за то другой нашъ товарищъ, мой бѣдный спутникъ черезъ Балканы, Брониславъ Константиновичъ Заленскій лежитъ въ отчаянномъ положеніи: другой день у него температура $40^1/_2{}^0$ и при этомъ упадокъ силъ чрезвычайный,—вотъ будетъ жаль—прекрасная личность! Въ такомъ же почти состояніи находятся и доктора Вильнянскій, Голубевъ и Худяковъ. Фельдшера заболѣли почти на половину; санитары тоже; больныхъ масса, а лѣчить и ухаживать за ними положительно некому. И только благодаря несокрушимой энергіи и неотступнымъ настояніямъ Александра Ивановича къ намъ на дняхъ прибылъ военно-временный № 70 госпиталь и уже началъ принимать отъ насъ больныхъ, принявъ напередъ отъ лазарета 2й гренадерской дивизіи; значитъ есть надежда вырваться отсюда,

если впрочемъ будетъ на то воля Божія! Развитіе эпидеміи предвидѣли и предсказывали всѣ наши врачи еще съ самаго прихода нашего въ Казанлыкъ: кромѣ множества труповъ людскихъ и скотскихъ, которыми покрыта была почти вся долина Тунджи отъ Шейнова до Казанлыка, въ самомъ городѣ сосредоточились всѣ условія благопріятствующія развитію эпидеміи. Здѣсь, въ Казанлыкѣ, со времени занятія его Сулейманомъ еще въ іюлѣ прошлаго года и до 28-го декабря, значитъ въ теченіе цѣлаго полугодія, сосредоточены были всѣ склады и запасы Шипкинской арміи, всѣ обозы и транспорты всѣ лазареты и госпитали. По свойственной Туркамъ безпечности и неряшливости, всѣ нечистоты людей и животныхъ никогда не убирались и не закапывались; напротивъ, вся эта зловонная гниль огромными кучами вываливалась безъ разбора и по дворамъ, и среди улицъ, и въ особенности на городскихъ площадяхъ. Въ зимнее холодное время все это было еще терпимо, но съ открытіемъ весны, съ наступленіемъ теплыхъ дней, зловонные міазмы наполнили окрестный воздухъ и подготовили почву вполнѣ благопріятную для эпидеміи. Ни ежедневные самые энергическіе протесты и настоянія Ал. Ив—ча, ни усиленные, истинно самоотверженные труды студента Маляревскаго, добровольно взявшаго на себя самую ужасную работу очищенія отхожихъ мѣстъ и навозныхъ кучъ, ни что̀ не въ состояніи было разбудить и подвинуть здѣшнюю администрацію къ какой бы то ни было дѣятельности въ этомъ отношеніи; ни подводъ для отвоза нечистотъ, ни людей для копанія ямъ въ отдаленіи отъ города,—ничего нельзя было добиться отъ мѣстнаго окружнаго начальства. Въ распоряженіи бѣднаго Маляревскаго находилось какихъ-нибудь 50—100 рублей отъ Краснаго Креста; но этой ничтожной суммы на наемъ людей и подводъ не хватало и на нѣсколько дней. Какъ велики залежи и напластованія всяческаго навоза на здѣшнихъ дворахъ и улицахъ можешь приблизительно судить потому что̀ въ нѣкоторые дни, подъ руководствомъ Маляревскаго, работало по пятидесяти подводъ.... Что̀ тутъ было въ тѣ дни когда растревожили лазаретныя отхожія мѣста и уличныя навозныя кучи!...

Большую перемѣну нашелъ я въ нашемъ лазаретѣ по возвращеніи изъ Адріанополя: многихъ изъ моихъ прежнихъ паціентовъ не оказалось уже налицо—они въ могилѣ; много прибыло новыхъ безрукихъ и безногихъ калѣкъ. Какъ несказанно утѣшили меня мои бѣдные страдальцы своею непритворною радостью, съ которою они меня встрѣтили! Въ теченіе моей десятидневной отлучки они уже не надѣялись меня увидѣть снова. „Тутъ, батюшка, послѣ васъ разговоръ у насъ пошелъ, передавалъ мнѣ одинъ простодушный калѣка,—что коли ежели, молъ, нашего батюшку въ *Адріанополь* потребовали, значитъ тамъ ему и оставаться. Ну, теперь, слава Богу, воротились“. Многіе заявляли мнѣ о своей глубокой признательности къ моему доброму Елисею Ивановичу, который и въ мое отсутствіе неизмѣнно продолжалъ дѣлать то же что̀ дѣлалъ и при мнѣ: ежедневно съ ранняго утра онъ ходилъ поить молокомъ и кормить яйцами вновь ампутированныхъ, помогалъ обѣдать безрукимъ, разносилъ бѣлье, фуфайки и табакъ нуждающимся. И самъ А. И—чъ, и всѣ врачи по достоинству оцѣнили его безмолвную, самоотверженно-усердную работу и отзывались о немъ съ большою похвалой; среди стоновъ и страданій онъ попрежнему невозмутимо холоденъ, угрюмъ и какъ будто даже нелюдимъ; не спѣшно, не суетясь продолжаетъ онъ свою ежедневную работу, свою святую поденщину, какъ истый муравей, только съ добрымъ, сострадательнымъ сердцемъ. Великое спасибо этому простому, но честному и доброму человѣку!

За болѣзнію доктора Бубнова завѣдывать и распоряжаться складомъ Краснаго Креста прибылъ уполномоченный Попруженко, личность въ высшей степени симпатичная. На дняхъ онъ посѣтилъ насъ вечеромъ и просидѣлъ часа два. Среди общаго разговора о положеніи нашихъ больныхъ и раненыхъ, о дѣйствіяхъ мѣстной администраціи, онъ, несмотря на всегдашнюю свою скромность и сдержанность, разказалъ намъ какъ здѣшній окружный начальникъ, выдавая себя за раненаго или контуженнаго, просилъ у него ящикъ хорошихъ сигаръ изъ склада Краснаго Креста... Въ числѣ вещей привезенныхъ г. Попруженко изъ центральнаго Тырновскаго склада

особенное значеніе и великое нравственное вліяніе на раненыхъ имѣютъ *кисеты*, присланные отъ имени Государыни Императрицы и назначаемые по преимуществу тяжело раненымъ и ампутированнымъ. Кисеты эти сшиты изъ красиваго, разноцвѣтнаго и прочнаго *тика;* въ каждомъ такомъ кисетѣ находится или $^1/_4$ фунта чаю, 1 фунтъ сахару и ложка, или $^1/_4$ ф. табаку, пачка папиросъ и трубка съ чубукомъ. Нужно было видѣть съ какимъ благоговѣйнымъ чувствомъ любви и благодарности получали наши страдальцы эти завѣтные для нихъ кисеты, эти, по выраженію ихъ, Царицыны подарочки! Какія неподдѣльныя выраженія этихъ чувствъ приходилось мнѣ не разъ видѣть и слышать! Никогда не забуду какъ одинъ безногій солдатикъ, принимая отъ меня кисетъ, въ порывѣ благодарнаго чувства перекрестился и, цѣлуя кисетъ, со слезами на глазахъ какъ-то нервно, всею грудью почти закричалъ: „да, я, батюшка, этотъ кисетъ подъ образа повѣшу и день, и ночь молиться буду за...“ и онъ не договорилъ и заплакалъ... Хороши эти слезы! Отрадно ихъ видѣть,—такія чистыя, неподдѣльныя!...

Благодаря установившейся хорошей погодѣ, перетащился черезъ Балканы и нашъ бѣдный В. С. Гохфельтъ, оставленный нами за болѣзнію въ Габровѣ. Вотъ человѣкъ который и не раненъ, и не контуженъ, а перенесъ страданія едва ли не тяжелѣе всякаго раненія. Въ самый день нашей Плевненской битвы, по званію коменданта Горняго Нетрополя, онъ распоряжался первоначальнымъ размѣщеніемъ и продовольствіемъ раненыхъ,—занятіе повидимому не особенно трудное; но легко сказать, легко написать на бумагѣ эти два слова: размѣщеніе и продовольствіе, но исполнить ихъ на самомъ дѣлѣ и при тѣхъ обстоятельствахъ въ которыхъ мы находились въ этотъ день было не только не легко, а въ высшей степени затруднительно: исполненіе этихъ двухъ словъ требовало особенной энергіи, находчивости, распорядительности, но что всего важнѣе—требовало глубокаго человѣческаго чувства, истиннаго христіанскаго состраданія. Можно вѣдь оказать человѣку первоначальную помощь и въ такой формѣ что отъ этой помощи еще болѣе сожмется наболѣвшее сердце

бѣднаго страдальца, еще болѣе почувствуется имъ весь ужасъ его положенія. Гохфельтъ явился въ этотъ день истиннымъ другомъ, братомъ для несчастныхъ раненыхъ; съ самаго ранняго утра, какъ только показались первые раненые, онъ собралъ, убѣдилъ и подвинулъ нѣсколькихъ Болгарокъ взять кувшины и нести свѣжую воду поближе къ полю битвы для утоленія естественной жажды бѣдныхъ раненыхъ; собралъ и убѣдилъ нѣсколькихъ братушекъ идти туда же и помогать нашимъ санитарамъ выносить или отводить раненыхъ; собралъ сколько можно было воловыхъ и буйволовыхъ подводъ для перевозки тяжело раненыхъ, вся масса которыхъ до прибытія нашего лазарета была сосредоточена исключительно въ одномъ Нетрополѣ; убѣдилъ, а нѣкоторыхъ жителей и заставилъ уступить и очистить свои землянки для помѣщенія въ нихъ страдальцевъ—подѣлиться съ ними чѣмъ Богъ послалъ. За недостаткомъ санитаровъ и носильщиковъ, онъ собралъ изъ разныхъ полковъ музыкантовъ, обозныхъ и всяческихъ нестроевыхъ, и всѣхъ подвинулъ на помощь раненымъ. Все это требовало неутомимой энергіи, гдѣ нужно настойчивости, строгости, а гдѣ истинно-человѣческаго, сердечнаго слова, убѣжденія, просьбы. Двое сутокъ онъ работалъ не смыкая глазъ, подъ дождемъ, по колѣна въ грязи. Эта чрезмѣрно напряженная дѣятельность разстроила его здоровье; онъ получилъ жестокій ревматизмъ во всѣхъ членахъ и чрезъ недѣлю лежалъ уже въ нашемъ лазаретѣ совершенно разбитый, не имѣя силы повернуться на постели, чувствуя во всѣхъ членахъ острую, жгучую боль при малѣйшемъ движеніи. И я былъ почти ежедневнымъ очевидцемъ и этихъ болѣзненныхъ страданій, и того удивительнаго душевнаго спокойствія съ которымъ онъ переносилъ ихъ; ни единаго ропотнаго слова я не слыхалъ отъ него, и вполнѣ убѣжденъ что только высокое чувство честно исполненнаго долга умѣряло самую силу его страданій и давало ему бодрость переносить ихъ. Не разъ, смотря съ братскимъ участіемъ на этого истиннаго *героя любви къ ближнему*, я невольно перебиралъ и мысленно сравнивалъ между собой различные роды и виды такъ-называемыхъ у насъ *геройскихъ подвиговъ*, вдумывался въ самыя коренныя побужденія и

чувства подвигавшія героевъ къ совершенію тѣхъ или другихъ подвиговъ,—признаюсь, по моему искреннему убѣжденію, мирные подвиги человѣколюбія по своимъ внутреннимъ мотивамъ несравненно выше, нравственнѣе такъ-называемыхъ *бранныхъ* подвиговъ: не честолюбіе и эгоизмъ, не самосохраненіе и самозащита, а высокая святая любовь подвигаетъ истинныхъ друзей человѣчества къ совершенію многоразличныхъ дѣлъ христіанскаго милосердія... Извини что я такъ увлекся симпатичною личностью Гохфельта; право, не все же намъ писать и *сочинять* трескучія біографіи великихъ полководцевъ и знаменитыхъ людей, не мѣшало бы взяться и за *малыхъ*... И еслибы только собрать во едино правдивые, безпристрастные разказы очевидцевъ и свидѣтелей о *малыхъ великихъ дѣлахъ*, повѣрь, отъ этихъ разказовъ получилось бы едва ли не болѣе существенной пользы чѣмъ отъ многихъ пустословныхъ біографій. Нынѣшняя война для будущаго историка Россіи можетъ-быть тѣмъ и будетъ особенно интересна и поучительна что среди множества всяческихъ, быть-можетъ и неизбѣжныхъ безобразій и нестроеній, она выдвинула впередъ столько *малыхъ* свѣтлыхъ личностей, столько прекрасныхъ дѣяній что ими безъ хвастовства можетъ гордиться Россія... Если Богъ благословитъ вернуться домой благополучно, я постараюсь найти себѣ сотрудниковъ для составленія безпристрастной и подробной *Галлереи малыхъ великихъ русскихъ людей;* увѣренъ что подобное изданіе принесетъ несомнѣнную пользу нашему обществу. А пока что будетъ,—прощай!

Казанлыкъ, 12-го февраля.

На прощаньи съ Казанлыкомъ Господь послалъ мнѣ великую радость и утѣшеніе. Сегодня я служилъ въ большомъ домѣ послѣднюю прощальную обѣдницу, такъ какъ на этой недѣлѣ, въ среду или четвергъ, мы непремѣнно выступимъ отсюда. Не умѣю тебѣ объяснить какъ и почему, но всякое *прощанье*, гдѣ бы оно ни было, всегда наводитъ на меня невольную грусть... Несмотря на самую тяжелую обстановку, несмотря на ежедневную, почти ежеминутную опасность зараженія, которой я лично подвергаюсь, находясь въ постоян-

номъ, непосредственномъ соприкосновеніи съ тифозными, когда я ихъ исповѣдую или причащаю, мнѣ тяжело, мнѣ грустно было прощаться съ ними. Я на себѣ испыталъ уже какъ невыразимо-горько остающимся смотрѣть на отъѣзжающихъ; живо помню то гнетуще-тяжелое чувство съ которымъ я провожалъ изъ Трестеника товарищей-офицеровъ, отправлявшихся въ Россію,—то же самое должны теперь перечувствовать и всѣ остающіеся здѣсь больные и раненые. Подъ вліяніемъ этого сочувственнаго настроенія я служилъ обѣдницу не спокойно, съ замѣтнымъ волненіемъ въ голосѣ, которое самъ же слышалъ и котораго никакъ не могъ подавить въ себѣ. Настаетъ время чтенія Евангелія; беру въ руки божественную книгу живота и спасенія, раскрываю наугадъ гдѣ откроется, и что же ты думаешь? на какомъ мѣстѣ открылось? „*Пріидите ко Мнѣ вси труждающіеся и обремененные, и Азъ упокою вы!..*“ Чуть не зарыдалъ я, читая эти высоко-отрадныя слова небеснаго Утѣшителя!.. Такъ вотъ Кто остается съ моими недугующими и обремененными,—вотъ Кто Одинъ никогда не покидаетъ ихъ, никуда не уѣзжаетъ отъ нихъ!... На душѣ у меня сдѣлалось какъ-то легко, легко... И посмотрѣла бы ты какъ молились мои недужные, обремененные страдальцы: такой задушевной, такой простой, изъ самой глубины сердца вытекающей молитвы я ни разу еще не видалъ въ жизни!... Прикладываясь ко Кресту, многіе изъ нихъ цѣловали мою руку какимъ-то долгимъ лобызаніемъ, многіе цѣловали въ губы, въ щеку... Прощаніе вышло очень трогательное!... Я что-то говорилъ имъ въ утѣшеніе, чѣмъ-то выражалъ имъ чувства наполнявшія мою душу, но словъ не помню,—не въ словахъ тутъ была сила, тутъ царило чувство, одно чувство, такое хорошее, святое!....

Въ нашемъ народѣ есть повѣрье что одна бѣда ведетъ за собой другую; сегодня со мною случилось совершенно на оборотъ: за первою радостью Господь послалъ мнѣ и другую... Только-что я окончилъ хожденіе по домамъ и мое духовное прощаніе съ недугующими, какъ за мною прислали изъ той палаты гдѣ помѣщаются 16 раненыхъ офицеровъ разныхъ полковъ. Прихожу, меня просятъ отслужить молебенъ Божіей

Матери и Святителю Николаю съ водосвятіемъ. Служу, и вмѣсто обычнаго тропаря говорю пѣвчимъ пропѣть: „всѣхъ скорбящихъ Радосте“; они исполнили этотъ чудный гимнъ превосходно и онъ видимо произвелъ на молящихся сильное впечатлѣніе... Въ концѣ молебна я окропилъ св. водой не только гóловы, но и раны недугующихъ: это весьма утѣшило ихъ; а какъ все это меня утѣшаетъ,—одинъ Богъ знаетъ!..

Возвращаюсь домой и нахожу въ своей квартирѣ полное собраніе нашихъ врачей и офицеровъ.—„Мы только васъ и поджидаемъ“, говорятъ они мнѣ.—„Почему и для чего“? лаконически вопрошаю ихъ—„А вотъ видите: В. Н. Поповъ (докторъ Краснаго Креста, работавшій съ нами и въ Трестеникѣ послѣ Плевны и теперь помогающій намъ въ Казанлыкѣ) получилъ Высочайшую награду, орденъ Св. Владиміра съ мечами, такъ мы идемъ его поздравить, и вы, конечно, съ нами.“ Пошли, поздравили. Поповъ устроилъ пирогъ и цѣлый обѣдъ на дворѣ, подъ открытымъ небомъ, благодаря превосходной погодѣ. Сидя за столомъ, чувствуя на себѣ мягкую теплоту весенняго солнышка, мы не разъ вспоминали о нашей родимой сторонушкѣ, гдѣ теперь на открытомъ-то воздухѣ можно, пожалуй, и носъ отморозить... На радостяхъ что скоро оставляемъ этотъ убійственный Казанлыкъ, всѣ развеселись, и обѣдъ прошелъ очень оживленно; вмѣсто обычныхъ застольныхъ спичей были продекламированы наизусть неизвѣстно кѣмъ составленные стихи на нынѣшнюю войну, конечно саркастическіе, въ родѣ тѣхъ которые во множествѣ ходили по рукамъ во время Крымской кампаніи. Если удастся списать, я тебѣ пришлю; есть куплеты очень ѣдкіе и оригинальные; мы всѣ отъ души хохотали, слушая особенно задорныя мѣста. Говорятъ что и въ нашихъ гренадерскихъ полкахъ, и вообще почти во всѣхъ дивизіяхъ составлены уже самородными піитами различныя пѣсни, басни и всяческія стихотворныя шутки на разные случаи этой войны; если что добуду, спишу и пришлю. Отчего бы не собрать и не дозволить напечатать всѣ эти оригинальныя вещи? Вѣдь все это „голосъ“, хотя и закулисный, непосредственныхъ свидѣтелей и очевидцевъ событій; все это своего рода „описаніе войны“, подчасъ гораздо болѣе

достовѣрное нежели разныя газетныя корреспонденціи, во всякомъ же случаѣ это—матеріалъ для будущаго историка: тутъ вы найдете такія вещи, которыхъ нельзя отыскать ни въ какихъ официальныхъ или частныхъ реляціяхъ. Почти до самаго вечера мы прображничали у Попова, и такимъ образомъ въ одинъ и тотъ же день мнѣ довелось воздать и Божія Богови и Кесарева Кесареви. Что прикажешь дѣлать? Жизнь, время и люди, вездѣ люди...

Къ походу мы уже совершенно готовы; остановка только за нашими неуклюжими линейками, которыя приказано перетащить изъ Габрова черезъ Балканы и везти съ собою, должно-быть на выставку въ Константинополь... Чистое наказаніе для насъ эти линейки и грузныя артелки Во время моего путешествія въ Андріанополь перетащили изъ Габрова наши такъ называемыя облегченныя парныя линейки и, говорятъ, набрались съ ними мукъ вдоволь. Вся бѣда въ томъ что, судя по здѣшней погодѣ, нельзя выводить никакихъ заключеній о погодѣ на Балканахъ; здѣсь въ долинѣ совсѣмъ весна, а на высотѣ шести тысячъ футовъ стоитъ еще зима, лежитъ глубокій снѣгъ; здѣсь ведро, солнышко припекаетъ, а въ то же самое время на горахъ снѣгъ идетъ, буря съ метелью поднимается. Попадешь въ тихую, хорошую погоду—переѣдешь благополучно, не попадешь—намучишься порядочно. Наши облегченныя не попали и явились въ Казанлыкъ въ такомъ видѣ, что сейчасъ же потребовали капитальной починки; а это требуетъ времени, время же теперь для насъ всего дороже,—страсть какъ хочется всѣмъ поскорѣе убраться изъ этого зачумленнаго Казанлыка. Третій день какъ послали за большими линейками и не безъ тревоги ждемъ ихъ появленія: а ну какъ явятся въ такомъ видѣ, что съ ними не справишься потомъ въ цѣлую недѣлю?... Ужасно досадно изъ-за этихъ негодныхъ посудинъ сидѣть здѣсь лишніе дни, подвергая себя ежеминутной опасности *затифозиться*.

Красный Крестъ также собирается вмѣстѣ съ нами въ Адріанополь и торопится сбыть свои запасы чтобъ не тащить ихъ съ собой, такъ какъ у него нѣтъ перевозочныхъ средствъ;

поэтому раздача идетъ у меня теперь щедрою рукой. Ты спросишь: кому же я теперь раздаю, когда въ теченіе цѣлаго мѣсяца можно было обдѣлить всѣхъ нуждающихся? Дѣло въ томъ что контингентъ нашихъ недугующихъ постоянно мѣняется—то убываетъ, то прибавляется. На мѣсто выздоравливающихъ или умершихъ являются новые; къ намъ постоянно подвозятъ изъ разныхъ, даже очень отдаленныхъ мѣстъ, напримѣръ изъ Карлова, изъ Калофера; кромѣ того, всѣ проходящія части нашей арміи также оставляютъ намъ своихъ больныхъ; поэтому количество состоящихъ налицо въ нашемъ лазаретѣ больныхъ въ теченіе прошлаго мѣсяца колебалось постоянно среднимъ числомъ отъ 700 до 900, и теперь мы сдали въ военно-временный № 70 госпиталь всего 815 человѣкъ. Всѣ эти прибывающіе вновь больные являются въ лазаретъ въ самомъ плачевномъ видѣ и съ перваго же раза приходится обмундировывать ихъ съ головы до ногъ. Кромѣ того, за отсутствіемъ всякихъ дезинфицирующихъ средствъ, врачи наши признали необходимымъ уничтожать (сжигать) бѣлье съ умирающихъ тифозныхъ и такъ называемыхъ *піэмиковъ*—раненыхъ, умирающихъ отъ гнилостнаго зараженія крови, — изъ опасенія большаго развитія эпидеміи. Такимъ образомъ потребность была постоянная, и раздача вещей производилась у насъ ежедневно. Ты лучше спроси что́ бы мы дѣлали еслибы не было съ нами Краснаго Креста? Вотъ вопросъ надъ которымъ не мѣшало бы поломать голову всѣмъ кому о томъ вѣдать надлежитъ... Передвинемся мы къ штабу нашей дивизіи въ городъ Мустафа-Паша, куда уже и получили путевой маршрутъ; интересно только то, гдѣ и какъ мы тамъ помѣстимся? Когда мы ѣхали въ Адріанополь въ одномъ поѣздѣ съ начальникомъ нашей дивизіи, то при выходѣ его изъ вагона на станціи Мустафа-Паша встрѣтившій его квартирьеръ докладывалъ при мнѣ что городишка этотъ дрянной, въ прахъ разоренный, и что даже квартиры для начальника дивизіи отыскать въ немъ трудно. Затѣмъ прощай! Жди письма или изъ Мустафа-Паши, или изъ Адріанополя.

Казанлыкъ, 15-го февраля.

Печальное событіе! Вчера мы похоронили нашего дорогаго товарища, моего бѣднаго спутника черезъ Балканы, Бронислава Константиновича Заленскаго! Ты не можешь представить какъ поразила всѣхъ насъ его безвременная кончина. Мы всѣ искренно любили его какъ отличнаго товарища, а А. Ив—чъ видѣлъ въ немъ молодаго врача, которому предстояла широкая и быть можетъ блестящая карьера. Онъ былъ особенно аккуратнымъ исполнителемъ своего служебнаго долга, неустанно работалъ въ Трестеникѣ, и когда всѣ врачи заняты были исключительно одними ранеными послѣ Плевны, онъ одинъ призрѣвалъ оставленныхъ почти безъ вниманія нашихъ больныхъ, особенно дизентериковъ. Нѣсколько дней на однѣхъ его рукахъ состояло болѣе 250 больныхъ. Кромѣ усердной помощи этимъ несчастнымъ, у него хватало и времени и любознательности на то чтобъ посѣщать еще палатку ампутацій и помогать операторамъ; и самъ онъ былъ не дюжинный хирургъ, и сдѣлалъ здѣсь въ Казанлыкѣ нѣсколько довольно трудныхъ и сложныхъ операцій. Послѣдній транспортъ съ ранеными онъ сопровождалъ изъ Трестеника въ Боготъ во время сквернѣйшей погоды, и возвратился оттуда пѣшкомъ (около 30 верстъ) въ дождь, слякоть, по колѣно въ грязи—и ни малѣйшаго ропота!... Такъ онъ понималъ свой долгъ и такъ умѣлъ поспѣшать къ исполненію своихъ обязанностей. Здѣсь въ Казанлыкѣ онъ завѣдывалъ монастыремъ—самый отдаленный пунктъ и самое дурное помѣщеніе, гдѣ въ нѣсколькихъ тѣсныхъ келліяхъ скучено было болѣе 200 человѣкъ. Его неустанной заботливости, его доброму сердцу поручалъ главный врачъ это тяжелое отдѣленіе, вполнѣ на него полагаясь. Здѣсь-то онъ и заразился проклятымъ тифомъ. Ухаживали за нимъ всѣ товарищи-врачи и дѣлали все чтò отъ нихъ зависѣло, чтò можно было сдѣлать въ нашемъ незавидномъ положеніи. Рядомъ съ нимъ въ одномъ и томъ же домѣ лежатъ Бубновъ и Голубевъ и совсѣмъ выздоравливаютъ при совершенно одинаковыхъ условіяхъ ухода и лѣченія, а онъ—въ могилѣ!... Глубоко, искренно жаль этого молодаго

человѣка, эту прекрасную и такъ безвременно погибшую личность!... Мы всѣ знаемъ что у него на родинѣ большая и очень бѣдная семья: старики—отецъ и мать, и шесть или семь человѣкъ братьевъ и сестеръ; онъ одинъ былъ опорою и надеждою всего этого несчастнаго семейства.—Какъ же тутъ не пожалѣть о его безвременной кончинѣ!...

Похоронили мы его на мѣстѣ его подвиговъ—въ монастырѣ, у церкви, вмѣстѣ съ другими офицерами. Гробъ сдѣлали очень простой и едва нашли въ здѣшнихъ лавченкахъ чернаго коленкору, чтобъ его обить, чтобы хоть чѣмъ-нибудь отличить отъ простаго солдатскаго гроба. На звуки погребальнаго марша (играла полковая музыка Серпуховскаго пѣхотнаго полка) собралось множество народа, и печальная процессія грустно и медленно тянулась по большой улицѣ Казанлыка. Несмотря на то что покойный товарищъ былъ католикъ, я совершилъ надъ нимъ полное православное погребеніе: гдѣ тутъ намъ на войнѣ разбирать наши уставы и вѣроисповѣдныя разности? И какъ были довольны этимъ, какъ благоговѣйно молились и плакали всѣ присутствовавшіе при печальномъ обрядѣ католики, лютеране и всякіе другіе разновѣрцы-христіане. А сдѣлай-ка я это въ Россіи, и еще въ епархіальномъ вѣдомствѣ, да меня бы засудили въ конецъ за *якобы* нарушеніе существующихъ на сей предметъ церковныхъ правилъ и предписаній... Но на войнѣ, за Балканами, въ такія горькія минуты нами руководитъ здѣсь не бумажная регламентація, а глубокое христіанское чувство, которое одно способно соединить всѣхъ христіанъ во едино стадо единаго пастыреначальника, Христа!...

Смерть бѣднаго Заленскаго произвела на всѣхъ насъ глубокое, потрясающее впечатлѣніе. А тутъ еще почти въ одно съ нимъ время скончались два лучшіе наши фельдшера, Левшенко и Морозовъ, да на очереди въ могилу—Петровъ и Ладановъ. Бѣда, невольный ужасъ нападаетъ на всѣхъ... Вчера, послѣ погребенія Заленскаго, собрались къ намъ всѣ врачи и офицеры нашего лазарета и настойчиво начали просить А. Ив—ча ускорить наше отсюда выступленіе, хотя бы для этого и пришлось покинуть здѣсь часть нашего обоза. По долгомъ

совѣщаніи и разсужденіи порѣшили такъ: завтра, 16-го февраля, выѣхать всѣмъ врачамъ и мнѣ съ ними, а послѣ завтра, 17-го, выступить и обозу, при которомъ, конечно, остается нашъ А. Ив—чъ, какъ истый капитанъ корабля, послѣднимъ сходящій съ борта. Во время этого совѣщанія М. К. Мрайскій заявилъ что недавно прикомандированный къ нашему лазарету и уже успѣвшій заболѣть тифомъ молодой врачъ Салмановъ слезно умоляетъ насъ не покидать его въ семидесятомъ госпиталѣ, а взять съ собой, въ той надеждѣ, что перемѣна мѣста и климата можетъ благодѣтельно подѣйствовать на ходъ его болѣзни: порѣшили взять. Итакъ завтра мы неотложно выступаемъ. Сегодня поутру я обошелъ уже всѣ лазаретные дома и окончательно попрощался со всѣми болящими. Жаль мнѣ ихъ, ей-ей жаль! Между ними есть очень хорошіе, великодушные люди; представь себѣ, что нѣкоторые изъ нихъ, прощаясь со мной со слезами на глазахъ, вмѣстѣ съ тѣмъ простодушно высказывали свою радость за меня.—„Ужь намъ все едино, съ грустью говорили мнѣ нѣкоторые при прощаньи,— а что вы, батюшка, уѣзжаете отсюда такъ это слава Богу; можетъ Богъ дастъ и останетесь здоровы... Дай вамъ Богъ!...“ Хорошіе люди...

Вчера послѣ совѣщанія мы цѣлою группой отправились за городъ прокатиться, освѣжиться, душу отвести. На дорогѣ, верстахъ въ пяти отъ города, мы встрѣтили казенный транспортъ съ сапогами, возвращающійся изъ Эски-Загры. По маршруту онъ направленъ былъ изъ Никополя въ Адріанополь, но въ Эски-Загрѣ получена телеграмма съ приказаніемъ транспорту вернуться назадъ въ Никополь. Значитъ, въ сапогахъ не предстоитъ надобности для арміи, значитъ скоро въ Россію... Господи, унеси же Ты насъ отсюда цѣлыхъ и невредимыхъ!... Молитесь, горячо молитесь, чтобъ намъ не потонуть у самаго берега... Прощай!

Адріанополь, 26-го февраля.

Пятый уже день мы проживаемъ въ Адріанополѣ. Пока мы собирались и двигались изъ Казанлыка, дивизія наша успѣла уже передвинуться изъ Мустафа-Паши въ какой-то городокъ

Чорлу, лежащій на срединѣ желѣзнодорожнаго сообщенія между Адріанополемъ и Константинополемъ, куда и намъ приказано поспѣшать. Походъ отъ Казанлыка до Адріанополя совершился благополучно, безъ особыхъ приключеній. На переѣздѣ до Эски-Загры мы встрѣтили огромную будку биткомъ набитую Жидами.

— Куда, зачѣмъ и почему? осыпали мы ихъ вопросами.

— Назадъ, домой, въ Россію, отвѣчали они цѣлымъ кагаломъ.

— Что такъ скоро?

— Совсѣмъ *миръ*, кричатъ они, — на Адріанополѣ все дешевле стало, коньякъ, хлѣбъ, мясо,—все дешево стало.

Слово *миръ* и еще сказанное Жидами, которые вездѣ и обо всемъ имѣютъ вѣрнѣйшія свѣдѣнія, обрадовало насъ несказанно и еще болѣе подкрѣпило наши надежды на скорое возвращеніе въ Россію. Но не успѣли мы пріѣхать въ Эски-Загру, не успѣли еще отыскать себѣ квартиру, какъ случайно встрѣтившійся съ нами на улицѣ эскизагрскій окружный начальникъ съ перваго же слова разочаровалъ насъ совершенно, утверждая положительно и на основаніи самыхъ достовѣрныхъ свѣдѣній имъ полученныхъ что Англичане сдѣлали уже высадку въ Константинополѣ, что новое турецкое министерство и слышать не хочетъ о мирѣ, что султанъ развернулъ наконецъ „знамя пророка", и что война настоящая только теперь-то и начинается. Съ озлобленно-недовѣрчивымъ чувствомъ слушали мы этого зловѣщаго ворона, думая про себя: кто же изъ нихъ правъ—Жиды ли маркитанты, или эскизагрскій окружный начальникъ?

Въ Эски-Загрѣ мы простояли цѣлые три дня и имѣли возможность подробно осмотрѣть этотъ несчастный, варварски разрушенный городъ. Видѣли развалины великолѣпныхъ дворцовъ, принадлежавшихъ богачамъ Туркамъ и Болгарамъ; всюду мраморъ, фонтаны, бассейны воды, колонны, арки, обломки статуй и чудные сады съ кипарисами, миртами и оливами, и все это разрушено, разбито, обожжено и переломано... Видѣли остатки обширнаго гостинаго двора, заходили въ полуразрушенныя общественныя бани, настоящія „восточныя"—какая

роскошь, всюду мраморъ и фантастическое освѣщеніе стеклянными звѣздами съ потолка, устроеннаго конусообразно; были и въ арсеналѣ, куда Турки складывали оружіе, отобранное ими у Болгаръ еще въ самомъ началѣ нынѣшней войны; взлѣзали на минареты большой мечети, теперь уже обращенной болгарскими священниками въ церковь, и любовались великолѣпными окрестностями, видными на цѣлые десятки верстъ. Страшныя развалины несчастнаго города представляются еще поразительнѣе, когда смотришь на нихъ чуть не съ высоты птичьяго полета. Заходили и въ самую мечеть-церковь. Странное впечатлѣніе производитъ она: въ куполѣ и по стѣнамъ огромныя турецкія надписи изъ Корана, а въ одномъ углу ничѣмъ не покрытый столикъ и на немъ христіанская икона и деревянный крестъ съ Распятіемъ; на столикѣ славянскія богослужебныя книги московской печати, по которымъ совершается православное богослуженіе... Осматривая эту мечеть-церковь невольно подумаешь: „кое общеніе свѣта со тьмою“, Христа съ Магометомъ? Мы спросили одного священника, отчего они не уничтожаютъ турецкихъ надписей? Онъ сконфузился, видимо растерялся и какъ-то нерѣшительно отвѣчалъ что еще не успѣли этого сдѣлать... А на самомъ дѣлѣ они еще боятся Турокъ, еще не вѣрятъ въ благополучный для нихъ исходъ настоящей войны и оставляютъ турецкія надписи изъ опасенія, что Турки могутъ снова вернуться и тогда имъ, Болгарамъ, придется жестоко поплатиться за поруганіе магометанской святыни... Были мы въ этой же самой мечети-церкви во время общаго поминовенія усопшихъ въ субботу мясопустную: толкотня страшная и безпорядокъ возмутительный,— бабы-Болгарки шумятъ и толпятся со своими панихидами (коливо), мальчишки въ шапкахъ бѣгаютъ по церкви во время самаго богослуженія!... Вообще, судя по тѣмъ прискорбнымъ явленіямъ какія мнѣ привелось наблюдать во многихъ городахъ Болгаріи, думаю что церковная дисциплина и благочиніе въ болгарской церкви потребуютъ отъ ея представителей коренныхъ мѣръ; настоящіе же недостатки и нестроенія по этой части вполнѣ извиняются тяжкимъ многовѣковымъ положеніемъ и самой церкви, и ея паствы.

Переѣздъ нашего обоза по эски-загрскому ущелью не обошелся безъ приключенія: одна линейка полетѣла съ небольшой кручи со всѣми своими принадлежностями, съ людьми и лошадьми, но очень удачно, такъ что и кони и люди отдѣлались только ушибами и царапинами, и только сама линейка разбилась въ дребезги. Поэтому въ Эски-Загрѣ назначена дневка и обычная починка обоза. Ну ужь этотъ намъ обозъ, чистое наказаніе Божіе!.. И кто только выдумалъ эти безобразныя колымаги? Сколько несчастныхъ лошадей испортились, искалѣчились или совсѣмъ пропали отъ натуги при перætаскиваніи этихъ уродинъ черезъ Балканы... Любопытно было бы по окончаніи войны подвести хотя приблизительные итоги: сколько во всѣхъ нашихъ подвижныхъ дивизіонныхъ лазаретахъ искалѣчилось и погибло лошадей единственно по милости неуклюже-устроеннаго обоза?... А чего стоило все это нашей казнѣ?... Чего стоили и всѣ наши лазаретные обозы, которые по окончаніи войны *несомнѣнно* нужно будетъ *бросить* за совершенною ихъ непригодностью?...

А вотъ еще одинъ эпизодъ изъ нашей дневки въ Эски-Загрѣ. Проходя мимо какого-то разрушеннаго дома, мы увидали протянутую къ намъ изъ подвальнаго оконца костлявую женскую руку; мы остановились, заглянули въ оконце; въ темномъ подвалѣ едва замѣтно копошатся какія-то человѣческія фигуры; мы обошли кругомъ разрушеннаго дома и съ большимъ трудомъ попали въ подвалъ. Ужасную картину увидѣли мы тутъ; шесть старухъ-Турчанокъ, видимо брошенныхъ своими семействами на произволъ судьбы, заживо томились смертельнымъ голодомъ, или боясь мести Болгаръ, или не имѣя силы выползти на свѣтъ Божій изъ этого темнаго, сыраго и вонючаго подвала. Въ углу лежалъ скорченный трупъ седьмой старухи, умершей страшною голодною смертью... Мы помогли имъ чѣмъ могли, а придя на квартиру разказали объ этомъ другимъ нашимъ товарищамъ, и всѣ они, дай Богъ имъ здоровья, съ готовностію поспѣшили подать руку помощи несчастнымъ женщинамъ. Сказали коменданту, пригрозили Болгарамъ засѣдающимъ въ городскомъ управленіи, и судьба бѣдныхъ старухъ обезпечена.

Рано утромъ, 19-го февраля, мы выступили изъ Эски-Загры и около полудня пришли къ назначенному по маршруту мѣсту въ деревушку Айкіой. Сейчасъ же по приходѣ я отслужилъ подъ открытымъ небомъ торжественный молебенъ по случаю высокоторжественнаго дня восшествія на престолъ Государя Императора. Горсть уцѣлѣвшихъ жителей деревни Болгаръ, заслышавъ стройное пѣніе нашихъ пѣвчихъ, сбѣжались къ намъ на молебенъ и когда, по произнесеніи мною многолѣтія, они стали подходить ко кресту, то нѣкоторые изъ нихъ, цѣлуя крестъ, съ одушевленіемъ повторяли простодушно: „О, Цару Александру на многа лѣта-та!“ Какъ отрадно было намъ слышать имя нашего Монарха, произносимое полуодичалыми жителями пустынной болгарской деревушки!... Вотъ ужь истинно: *во всю землю изыде вѣщаніе о Немъ...*

На разсвѣтѣ, 20-го числа, мы тронулись дальше въ слѣдующую по маршруту деревню Алагачъ. На пути, въ одной лощинѣ, болотистый и топкій ручей оказался непереѣзднымъ для нашихъ грузныхъ линеекъ. Къ счастію, тутъ же наши русскіе саперы, оставленные въ этихъ мѣстахъ для исправленія дорогъ, *готовились уже приступить* къ постройкѣ моста и для этого навалили около ручья много толстыхъ балокъ и досокъ. Сообрази теперь: турецкая Шипкинская армія разбита Скобелевымъ и Мирскимъ еще 28-го декабря; вскорѣ послѣ этой знаменитой побѣды, въ первыхъ же числахъ января мѣсяца, всѣ наши войска форсированнымъ маршемъ двинулись по этой самой дорогѣ къ Адріанополю, за ними вслѣдъ тутъ же прошелъ потомъ весь нашъ гренадерскій корпусъ со всѣми тяжестями и артиллеріей; затѣмъ по этой же дорогѣ постоянно двигались всѣ батареи разныхъ артиллерійскихъ бригадъ, остававшіяся на время въ Сельви, Тырновѣ, Габровѣ и на Шипкинскомъ перевалѣ, а также и всѣ артиллерійскіе парки со всѣми своими тяжестями; вся эта масса людей, лошадей, обозовъ, лафетовъ, зарядныхъ ящиковъ, и пр. и пр., давнымъ-давно переправилась черезъ этотъ ручей, и вотъ въ концѣ почти февраля наши искусные саперы *готовятся только приступить* къ сооруженію надлежащаго моста... Не правда ли какъ это поучительно? Можно быть увѣреннымъ что этотъ

надлежащій мостъ готовъ будетъ именно тогда когда черезъ него *некому* уже будетъ переходить; и самый ручей навѣрно пересохнетъ къ тому времени... Для кого же и для чего строится этотъ мостъ стóющій не одной *златицы*?... Не долго думая, наша рота санитаровъ живо принялась за работу, притащила балки, положила ихъ черезъ ручей, настлала доски, и чрезъ часъ не болѣе весь нашъ обозъ благополучно переѣхалъ по этому импровизованному мосту. И это совершилось въ присутствіи нѣсколькихъ солдатъ-саперъ. Когда наши зубастые санитары начали надъ ними подтрунивать, саперы, нисколько не конфузясь и какъ бы не принимая санитарныхъ остротъ на свой счетъ, съ нѣкоторымъ достоинствомъ отвѣчали: „Да еслибы намъ *было приказано,* мы бы не такой мостъ отчеканили въ два дня, поди—почище вашего; небось переходили Дунай, видѣли наши мосты? Ну, а тутъ другое дѣло, все ждемъ не дождемся *приказанія*....“

Деревня Алагачъ оказалась совершенно разрушенною, ни единаго домика, ни одного сарайчика, голое пепелище и только... Подкрѣпившись супомъ изъ ротнаго котла съ солдатскими расейскими сухариками, мы пустились дальше до селенія Сейменлы на линіи желѣзной дороги изъ Ямболи въ Адріанополь, куда и прибыли поздно вечеромъ. Милѣйшій комендантъ офицеръ нашего Фанагорійскаго полка Мачульскій принялъ насъ какъ родныхъ и прежде всего обрадовалъ насъ желанною, долго жданною радостною вѣстью *о заключеніи міра*! Желѣзнодорожный телеграфъ принесъ эту вѣсть изъ Санъ-Стефано. Итакъ, въ знаменитый день освобожденія нашихъ крѣпостныхъ, въ вѣчнопамятный для Россіи день *девятнадцатаго февраля*, подписано освобожденіе цѣлаго Болгарскаго народа отъ четырехсотлѣтняго рабства турецкаго!... Какое знаменательное совпаденіе, какая страница въ русской исторіи!... Восторгъ неописанный! Цѣлую почти ночь мы не спали, шумѣли, восторгались... Значитъ, за Жидами осталась правда и дипломатія эскизагрійскаго окружнаго начальника потерпѣла фіаско... Значитъ теперь и въ Россію скоро... При одной этой мысли можно ли было заснуть?... Но гдѣ радость, тамъ и горе, или по крайней мѣрѣ непріятность: въ эту самую ночь заболѣлъ нашъ дорогой

Александръ Ивановичъ, у него открылось кровохарканіе съ жестокими спазмами въ груди и спинѣ... Такъ наши предчувствія и предсказанія сбылись, къ сожалѣнію; безсонныя ночи и непомѣрные труды взяли свое... Всѣ наши врачи горячо принялись за него, урезонили прежде всего дать дневку, уложили его въ постель и настойчиво потребовали чтобъ онъ не вставалъ, ничего не говорилъ и не думалъ (легко сказать!) о текущихъ дѣлахъ лазарета и далъ бы себѣ совершенный, невозмутимый отдыхъ.

Пользуясь дневкой, мы ходили на Тырновскую желѣзнодорожную станцію. Сейменлы стоитъ на одной сторонѣ рѣки Марицы, а селеніе Тырново—на другой; чрезъ Тырново проходитъ Филиппопольская желѣзная дорога, чрезъ Сейменлы—Ямбольская вѣтвь, и здѣсь обѣ дороги соединяются. Черезъ Марицу, широкую здѣсь и быструю, перекинутъ превосходный желѣзный мостъ новѣйшей конструкціи. Удивительно и непостижимо, почему Турки, отступая отъ Казанлыка послѣ шипкинскаго погрома, не сообразили разрушить этотъ мостъ!... Вѣдь они остановили бы этимъ цѣлую нашу армію и жестоко повредили бы ей... Но что значитъ паническій страхъ! Подъ вліяніемъ его, люди положительно теряютъ голову... Здѣсь въ Тырновѣ мы втроемъ, Мрайскій, Александровскій и я, составили заговоръ и отпросились у Александра Ивановича, которому къ вечеру стало гораздо лучше, въ Адріанополь прямо по желѣзной дорогѣ; онъ отпустилъ насъ, и вечеромъ 22-го февраля мы прикатили въ Эдирне. На этотъ разъ мы попали уже не въ полицію, не въ арестантскую, а въ очень хорошіе нумера гостиницы „Америка".

Что сказать тебѣ о самомъ Адріанополѣ? Прежде всего то что я не умѣю описывать большихъ городовъ. Четыре дня я все хожу, глазѣю, разсматриваю, и все ничего въ толкъ не возьму. Пестрота и суета невообразимыя. Но изо всего что я видѣлъ, ничто такъ не поразило меня какъ знаменитая мечеть Селима. Что за громадина, что за величественное зданіе! Какъ жаль что я ничего не смыслю въ архитектурѣ, а то я описалъ бы тебѣ и величественный наружный видъ, и чудную, поразительную красоту внутренности. Разкажу по крайней мѣрѣ

то что меня особенно и прежде всего поразило. Громадная высота зданія, не говоря уже о минаретахъ которые столпообразно высятся чуть не до облаковъ; потомъ обширность, какая-то въ глаза бьющая цѣльность зданія, съ какого бока ни зайди, откуда ни посмотри, вся громадина предъ тобою какъ на ладони; нѣтъ этихъ частностей, пристроекъ, порталовъ, колоннадъ, всегда закрывающихъ главное зданіе и мѣшающихъ общему, цѣльному впечатлѣнію. Не развлекаясь мелочами, деталями, вы разомъ видите предъ собою громадное, необыкновенно симметричное, стройное, грандіозное и вмѣстѣ съ тѣмъ поразительное, величественное произведеніе искусства. Вокругъ всей мечети обведена большая стѣна-галлерея на полукруглыхъ аркахъ; дворъ обширнѣйшій; какъ разъ предъ главнымъ входомъ въ мечеть по срединѣ двора великолѣпный фонтанъ съ большимъ бассейномъ, вокругъ котораго симметрично поставлены огромныя мраморныя чаши-вазы съ водою, которою правовѣрные мусульмане обязательно умываютъ свои руки приближаясь къ своей святынѣ. Главная дверь (западная) необыкновенно высокая, деревянная, съ прекрасною массивною рѣзьбой; нѣтъ ни высокаго крыльца, ни ступеней, ни какихъ-нибудь колоннъ; прямо съ мраморнаго помоста, которымъ выложенъ весь дворъ, вы входите въ громадную главную дверь ведущую во внутренность мечети,—эта особенность невольно бросилась мнѣ въ глаза и я долго стоялъ предъ этою гигантскою дверью, стараясь вдуматься и уловить ту руководящую мысль которая заставила художника-зодчаго сдѣлать эту дверь совершенно открытою. Мнѣ кажется что онъ выходилъ изъ той мысли что всякое религіозное святилище прежде всего есть свѣтъ просвѣщающій всякаго человѣка, есть училище благочестія и единственное прибѣжище для всѣхъ труждающихся и обремененныхъ, и потому всегда, вездѣ и во всякое время должно быть для всѣхъ одинаково открытымъ и безо всякаго труда отверзаемымъ... Одинокій ли слѣпецъ бредетъ ощупью вокругъ стѣны святилища, онъ, не спотыкаясь о ступени, не блуждая между колоннами, легко можетъ найти входъ и отворить искомую имъ дверь; сиротка ли младенецъ идетъ молиться Богу Отцу сиротъ, онъ безъ посторонней помощи

и безъ труда войдетъ въ Его святилище... Въ самомъ дѣлѣ, эта массивная, громадная по своимъ размѣрамъ дверь отворяется легко, какъ-то мягко, безо всякихъ усилій; достаточно дотронуться къ ней рукой, какъ она уже и отворяется будто сама собою. Внутренность этой замѣчательной мечети я совсѣмъ не берусь описывать: нашему брату профану въ искусствѣ можно только видѣть художественное произведеніе, восхищаться имъ, удивляться и больше ничего; всякое неумѣлое описаніе можетъ только помрачить дивную красоту геніальнаго творенія... Главное что̀ поразило меня внутри мечети—это свѣтъ, цѣлое море свѣта, которое безъ конца льется на васъ со всѣхъ сторонъ; ни единаго темнаго уголка, ни одной сумрачной ниши, все свѣтъ, все залито свѣтомъ. Нѣтъ этихъ уродливо-толстыхъ столповъ, поддерживающихъ или вѣрнѣе подпирающихъ куполъ и всегда заслоняющихъ собою свѣтъ; здѣшній куполъ виситъ надъ вами какъ небесный сводъ высокій-высокій и весь облитый свѣтомъ; несмотря на страшную высоту, вы видите въ этомъ куполѣ каждую линію, каждую точку, всякій завитокъ лѣпной работы. Площадь всей мечети совершенно открыта, и только не много не доходя средины возвышается эстрада, на которой помѣщаются пѣвцы и муллы, да вокругъ стѣнъ у самаго входа отгорожены рѣшетками особыя мѣста для престарѣлыхъ именитыхъ мусульманъ. Съ правой стороны, отъ самой почти средины мечети и почти подъ самые своды купола, ведетъ прекрасная, легкая, чисто воздушная лѣстница съ небольшими площадками, вся устланная превосходнымъ, шитымъ шелковымъ коврикомъ. По всей мечети разостланы отличныя, узорчатыя, тонкія цыновки плетеныя изъ камыша. Обширное мѣсто въ восточной части мечети застлано великолѣпными персидскими коврами—это мѣсто возсѣданія главнаго муфтія и важнѣйшихъ сановниковъ магометанскаго духовенства; вокругъ всего этого мѣста, у самыхъ стѣнъ, разставлены складныя табуретки съ бархатными подушками, на которыхъ лежатъ развернутыми знаменитѣйшіе Алкораны древнѣйшихъ вѣковъ магометанской гиджры, въ великолѣпныхъ переплетахъ и всѣ почти печатанные золотыми буквами. Здѣсь въ стѣнѣ вдѣлана почти незамѣтная дверь,

ведущая въ ихъ ризницу, гдѣ хранятся драгоцѣнные халаты и чалмы употребляемые муфтіемъ при богослуженіяхъ. Вчера въ этой мечети совершалось служеніе; мы пошли цѣлымъ обществомъ—человѣкъ десять. Проводникомъ и переводчикомъ взяли мы одного нашего солдата-магометанина изъ казанскихъ Татаръ. Когда мы вошли въ мечеть, служба уже началась и одинъ мулла совершалъ какое-то религіозное восхожденіе по ступенямъ той лѣстницы которая ведетъ подъ самый почти куполъ; на каждой площадкѣ лѣстницы онъ останавливался, обращался лицомъ къ народу и что-то громко читалъ изъ книжки которую держалъ въ рукахъ; на каждый его возгласъ предстоящіе совершали различныя религіозныя движенія: то клали земные поклоны, то становились на колѣна или подымали руки вверхъ, и все это дѣлалось всѣми разомъ въ одинъ пріемъ, какъ по командѣ; да и всѣ предстоящіе изображали изъ себя что-то въ родѣ нашего баталіона, выведеннаго на ученье и поставленнаго по ранжиру во фронтъ. Тишина невозмутимая, гробовая. Когда мы проходили по фронту молящихся Турокъ, никто изъ нихъ не обращалъ на насъ ни малѣйшаго вниманія, никто не оглянулся, не повернулъ головы чтобы взглянуть на насъ; всѣ стоятъ какъ прикованные къ своему мѣсту. Хотя на эстрадѣ посреди мечети стояли въ это время пѣвчіе, но пѣнія ихъ мы не слыхали.—Нашъ проводникъ объяснилъ намъ что въ этотъ день вся служба состоитъ изъ чтенія молитвъ, разныхъ изреченій изъ Корана и проповѣди, которую произноситъ мулла восходящій по лѣстницѣ. Съ одной стороны ничего не понимая, съ другой—не желая стѣснять своимъ присутствіемъ совѣсть молящихся, мы поспѣшили выйти изъ мечети. Затѣмъ, передавая другъ другу свои впечатлѣнія, вынесенныя каждымъ изъ мечети, мы пришли къ тому заключенію что весь интересъ нашего посѣщенія заключался не въ турецкомъ служеніи, а въ созерцаніи художественной красоты самаго зданія. Дѣйствительно, это зданіе замѣчательное: громадная высота и обширность, необыкновенная гармонія всѣхъ частей, этотъ величественный куполъ, какъ бы висящій на воздухѣ, и наконецъ яркій свѣтъ льющійся со всѣхъ сторонъ,—

вся эта архитектурная прелесть не можетъ не произвести очень сильнаго впечатлѣнія.

Я не пишу тебѣ ни о здѣшнемъ болгарскомъ православномъ соборѣ, ни о другихъ христіанскихъ храмахъ, потому что они ничѣмъ не замѣчательны; когда сравнишь ихъ со здѣшними же мечетями, какое-то горькое, гнетущее чувство охватываетъ душу... Многовѣковое турецкое иго наложило повсюду свою варварски насилующую руку; всѣ знаменитые храмы, которыми наполнены были въ древности почти всѣ греческіе города, не говоря уже о Константинополѣ, всѣ они или разрушены, или обращены въ мечети; нынѣшніе же болгарскіе и греческіе храмы, построенные уже при владычествѣ Турокъ, замѣчательны развѣ только своими очень скромными размѣрами и своимъ крайнимъ убожествомъ. На дняхъ здѣсь въ православномъ соборѣ совершена торжественная заупокойная литургія по случаю кончины здѣшняго генералъ-губернатора, командира 9-го армейскаго корпуса Свѣчина; процессія была необыкновенно многолюдная и торжественная, а для здѣшнихъ жителей, конечно, невиданная.

Интересуясь знать когда начнется наше возвращеніе въ Россію, я ходилъ въ нашъ корпусной штабъ и, къ огорченію, ничего опредѣленнаго не узналъ тамъ. И здѣсь, въ Адріанополѣ, точно также какъ въ нашемъ Казанлыкѣ, ходятъ самые смутные и разнорѣчивые слухи и толки. Несмотря на заключеніе мира, торжественно отпразднованное и въ Санъ-Стефано и здѣсь, общее настроеніе всѣхъ, и Русскихъ, и Болгаръ, и даже Турокъ, какое-то странное, *смутное*; какъ будто есть еще *что-то* недоконченное, недодѣланное... Мы, Русскіе, ломаемъ себѣ голову и никакъ не можемъ понять, отчего Константинополь не въ нашихъ рукахъ, отчего его не взяли когда была къ тому полная возможность? Отчего условія мира продиктовали не въ Царь-градѣ, какъ всѣ того ожидали и въ томъ были увѣрены, а въ какомъ-то Санъ-Стефано, всего въ десяти, пятнадцати верстахъ отъ завѣтной Византіи?.. Болгары, особенно здѣшніе Адріанопольскіе, находятся также въ великомъ смущеніи, такъ какъ до нихъ доходятъ слухи что Адріанополь, который они

считаютъ городомъ своимъ болгарскимъ, останется будто бы за Турками. Главныхъ условій заключеннаго мира никто не знаетъ, и это невѣдѣніе того что такъ сильно всѣхъ интересуетъ подаетъ только поводъ къ различнымъ догадкамъ и плодитъ разнообразнѣйшіе толки и слухи, иногда самые нелѣпые или черезчуръ ужь фантастическіе. Куда ни придешь, съ кѣмъ ни заговоришь, вездѣ какое-то необъяснимое *смущеніе*, какая-то общая неувѣренность въ томъ что все уже покончено. Странно и вмѣстѣ какъ-то грустно!.. Заключенію мира всѣ обрадовались несказанно; но когда узнали что этотъ миръ заключенъ не въ Константинополѣ, а въ какомъ-то Санъ-Стефано, о которомъ никто и понятія не имѣетъ, эта вѣсть поразила всѣхъ невыразимо! Сразу охватило всѣхъ при этомъ извѣстіи то странное недоумѣніе, недовѣріе, какое и теперь еще не прошло и очень ясно отражается на всѣхъ лицахъ, слышится во всѣхъ разговорахъ. „Мы не въ Константинополѣ, значитъ мы ничего не сдѣлали", мрачно въ полголоса говорятъ недовѣрчивые пессимисты. „Вздоръ, отвѣчаютъ ихъ противники, мы займемъ Константинополь временно, какъ Нѣмцы Парижъ... Не разрушать же цѣлую имперію пришли мы, этого не позволитъ намъ вся Европа, мы не Вандалы какіе-нибудь"... Но о вступленіи нашей арміи въ столицу султана пока еще ни слуху, ни духу; прошла уже цѣлая недѣля, а объ этомъ ничего не слышно... Что дѣлается теперь на бѣломъ свѣтѣ, это покрыто какимъ-то страннымъ и прискорбнымъ мракомъ таинственной неизвѣстности... Впрочемъ, придерживаясь русской пословицы, что „утопающій хватается и за соломинку", мы надѣемся что, пріѣхавъ въ Чорлу, въ штабъ нашей дивизіи, мы тамъ больше узнаемъ... Чорлу ближе къ Санъ-Стефано; нашъ начальникъ дивизіи имѣетъ много знакомыхъ и сослуживцевъ въ главной квартирѣ; навѣрно онъ все знаетъ и не откажется подѣлиться съ нами, если это не какая-нибудь государственная тайна. Поэтому мы спѣшимъ поскорѣе добраться къ своимъ; а я уже получилъ отъ Александра Ивановича разрѣшеніе ѣхать въ Чорлу не съ лазаретомъ, а по желѣзной дорогѣ. Наступаетъ Великій Постъ и мнѣ необходимо быть при

штабѣ дивизіи чтобы знать какія сдѣланы будутъ распоряженія на счетъ говѣнія нижнихъ чиновъ. Нашъ лазаретъ можетъ замедлить въ своемъ движеніи и не скоро можетъ попасть въ Чорлу, тѣмъ болѣе что погода перемѣнилась; другой день идетъ дождь и можетъ испортить дороги; а по грязи наши линейки и весь нашъ обозъ недалеко уйдутъ.... Итакъ, проводивъ завтра лазаретъ, я отправляюсь прямо въ Чорлу, что̀ тамъ увижу, что̀ узнаю —немедленно напишу тебѣ, а теперь пока прощай.

ГЛАВА VIII.

Около Мраморнаго моря.

Чорлу, 5 марта.

Въ среду, 1 марта, я пріѣхалъ въ Чорлу и на здѣшней желѣзнодорожной станціи нечаянно повстрѣчалъ нашего начальника дивизіи, отправляющагося въ Санъ-Стефано. Прежде всего онъ обрадовалъ меня извѣстіемъ что посадка гвардіи на пароходы уже должно-быть началась и къ 25 числу марта будетъ окончена; за гвардіей будемъ садиться мы, гренадеры, поэтому начальникъ дивизіи просилъ меня составить расписаніе говѣнія такъ чтобы къ 25 числу марта успѣли отговѣть всѣ части дивизіи съ артиллеріей, а также и всѣ посторонція части, хотя и не принадлежащія къ нашей дивизіи, но расположенныя здѣсь въ Чорлу, какъ-то: артиллерійскій паркъ, казачьи команды, интендантское, почтовое, телеграфное, казначейское, контрольное и прочія вѣдомства. Съ этимъ радостнымъ извѣстіемъ я пріѣхалъ въ Чорлу и немедленно повидался съ прочими священниками нашей дивизіи; мы скоро сообразили весь предстоящій намъ трудъ, составили росписаніе; въ тотъ же день предъявили его военному начальству, а на другой день стали приводить въ исполненіе. Трудъ этотъ не легокъ. Въ Чорлу сосредоточено въ настоящее время около 15 тыс. человѣкъ;—въ виду такой массы говѣльщиковъ мы распредѣлили время такъ чтобы каждый день исповѣдывать никакъ не менѣе 400 человѣкъ, или по 100 человѣкъ на каждаго священника, а если позволятъ обстоятельства и наши

силы то и болѣе. Для отдыха себѣ мы оставили только послѣобѣденное время въ каждый воскресный день и утро каждаго понедѣльника; остальное же время распредѣлено такъ: очередной или недѣльный священникъ обязанъ являться въ церковь въ семь часовъ утра и начинать богослуженіе, а прочіе въ это время посѣщаютъ свои полковые околотки, напутствуютъ больныхъ, отпѣваютъ умершихъ которыхъ обязательно провожаютъ до кладбища при грустныхъ звукахъ гарнистскаго рожка; затѣмъ поспѣшаютъ всѣ въ церковь на помощь очередному для причащенія говѣющихъ, что̀ почти всегда продолжается до полудня; потомъ расходимся по квартирамъ на обѣдъ, а въ два часа пополудни снова собираемся въ церковь исповѣдывать. Положимъ на исповѣдь каждаго человѣка не менѣе *трехъ* минутъ, значитъ на исповѣдь ста человѣкъ требуется *пять* часовъ,—повторяю трудъ не легкій... Подкрѣпи насъ Господи!...

Чорлу небольшой турецкій городокъ, лежащій въ двѣнадцати верстахъ отъ береговъ Мраморнаго моря и въ двухъ верстахъ отъ линіи желѣзной дороги между Адріанополемъ и Константинополемъ. Городъ стоитъ на возвышенномъ и со всѣхъ сторонъ открытомъ мѣстѣ; но, какъ всѣ почти турецкіе города, онъ расположенъ очень тѣсно; дома и надворныя строенія чрезвычайно въ немъ скучены; многочисленные переулки и закоулки до того тѣсны и узки что даже на единственной главной улицѣ не во всякомъ мѣстѣ можно разминуться двумъ встрѣтившимся экипажамъ, а въ переулкахъ объ этомъ и думать нельзя,—тѣснота поэтому страшная. Зданій, особенно въ европейскомъ вкусѣ, ни единаго; есть православный греческій монастырь и небольшая кладбищенская церковь; есть армяно-католическій костелъ и двѣ турецкія мечети,—но ни одно изъ этихъ зданій не отличается ни величиною своихъ размѣровъ, ни архитектурными достоинствами, мечети турецкія даже очень скромны, тѣсны, и минареты ихъ едва-едва возвышаются надъ крышами нѣкоторыхъ обывательскихъ домовъ. Несмотря на близость желѣзной дороги, въ Чорлу не было никакой промышленности и торговли, и только съ приходомъ русскихъ войскъ сюда нахлынули разные

спекулянты, маркитанты, по преимуществу конечно *Жидки*, и открыли временную, но самую кипучую, лихорадочную торговлю, особенно съѣстными и питейными припасами. Мѣстные жители Греки и Армяне тоже скоро смекнули въ чемъ дѣло и понастроили въ нижнихъ этажахъ своихъ домовъ множество мизерныхъ лавочекъ съ разнымъ продажнымъ хламомъ. Цѣны на все ужасныя и русское золото льется рѣкой...

Въ этомъ-то бѣдномъ, тѣсномъ и грязномъ турецкомъ городишкѣ сосредоточена теперь вся наша дивизія въ полномъ своемъ составѣ.

Приступая къ совершенію богослуженія, прежде всего необходимо было войти въ соглашеніе съ мѣстнымъ греческимъ духовенствомъ на счетъ церкви. Кладбищенская церковь, или вѣрнѣе часовня по осмотру нашему оказалась слишкомъ тѣсною, такъ что въ ней не могли помѣщаться одновременно даже 400 человѣкъ, поэтому нужно было ходатайствовать о дозволеніи намъ служить въ соборной монастырской церкви. Съ этою цѣлію я отправился къ греческому протосинкелу—настоятелю монастыря, который живетъ не въ монастырѣ, а на частной квартирѣ въ самомъ городѣ. Протосинкелъ человѣкъ еще молодой, очень красивый, статный, осанистый,—настоящій кровный фанаріотъ... Принялъ онъ меня чрезвычайно любезно, предупредительно; усадилъ на широкій турецкій диванъ, угощалъ всевозможными сластями: шербетомъ, халвой, рахатъ-лукумомъ и проч. Объяснялись мы чрезъ переводчика Болгарина, который со мною говорилъ по-русски, а съ протосинкеломъ по-турецки. Безо всякихъ возраженій намъ уступлена была на весь постъ соборная монастырская церковь и притомъ въ полное наше распоряженіе. Среди разговора о церкви отецъ протосинкелъ досталъ изъ посуднаго шкафа небольшую шкатулочку и показалъ мнѣ хранившееся въ ней небольшаго формата греческое Евангеліе въ отличномъ бархатномъ переплетѣ съ золотомъ; потомъ досталъ изъ той же шкатулки нѣсколько золотыхъ крестиковъ, заявляя при этомъ что въ каждомъ изъ нихъ находится по нѣскольку частицъ св. мощей. Не умѣя скрыть своего удивленія что такая святыня хранится въ одномъ шкафѣ съ домашнею посудой, я

съ благоговѣйнымъ чувствомъ и крестнымъ знаменіемъ приложился къ нѣсколькимъ крестикамъ; въ это же самое время я не могъ не замѣтить лукавой, саркастической улыбки мелькнувшей на лицѣ отца протосинкела; эта улыбка сразу охладила мое религіозное движеніе и напомнила мнѣ что я въ данную минуту имѣю дѣло съ настоящимъ, кровнымъ Грекомъ-фанаріотомъ... Дѣйствительно, послѣ немногихъ и недолгихъ объясненій, хитроумный протосинкелъ предложилъ мнѣ купить у него нѣсколько крестиковъ съ мощами, увѣряя предупредительно что въ Россіи я могу *сбыть* ихъ по дорогой цѣнѣ; когда же я отклонилъ это предложеніе до другаго времени, онъ поспѣшно досталъ изъ той же шкатулки нѣсколько мелкихъ камешковъ, величиною въ горошину, завернутыхъ въ разноцвѣтныя бумажки, и объяснилъ мнѣ что эти камешки отъ гроба Господня, что онъ ихъ получилъ въ даръ отъ самого патріарха Іерусалимскаго, и что также въ знакъ своего великаго уваженія ко мнѣ и по братству о Христѣ онъ готовъ уступить ихъ мнѣ за самое ничтожное вознагражденіе. Это торгашество якобы священными предметами возмутило меня до глубины души. Не успѣвъ въ своихъ коммерческихъ разсчетахъ, протосинкелъ началъ торговаться со мною на счетъ продажи церковныхъ свѣчъ во время говѣнія нашихъ солдатъ въ ихъ церкви. Я согласился предоставить эту продажу въ пользу ихъ церкви, но съ тѣмъ чтобы церковь со своей стороны безплатно доставляла намъ все необходимое для богослуженія, какъ-то: освѣщеніе, ладонъ, вино и просфоры. Заключивъ такое условіе я распрощался съ отцомъ протосинкеломъ. Но не успѣлъ я возвратиться въ свою квартиру какъ любезный фанаріотъ-торгашъ, съ ловкостью истинно восточнаго человѣка, сейчасъ же отплатилъ мнѣ визитъ въ сопровожденіи того же переводчика. Здѣсь, между прочимъ, онъ повелъ рѣчь о великомъ благочестіи русскихъ людей, объ ихъ щедрой благотворительности, которою только живетъ и поддерживается ихъ бѣдствующая греческая церковь. По его словамъ, всѣ Греки убѣждены что Россія обладаетъ несмѣтными богатствами, что золото лежитъ въ ней цѣлыми горами; но что ихъ теперь злополучная, а нѣкогда славная эллинская

церковь имѣетъ у себя единственное духовное сокровище—останки христіанской святыни; что каждый греческій городъ, каждый ихъ убогій храмъ еще со времени первыхъ вѣковъ христіанства сохраняли и сохраняютъ въ себѣ доселѣ многочисленные останки мощей святыхъ мучениковъ, что въ этомъ одномъ заключается все ихъ сокровище. Я предчувствовалъ уже къ чему подлаживается мой краснорѣчивый собесѣдникъ, и не ошибся: въ заключеніе своей длинной рѣчи онъ просилъ меня постараться распространить между нашими русскими офицерами и солдатами свѣдѣніе что у него *продаются* по дешевымъ цѣнамъ разные останки церковной святыни и что желающіе пріобрѣсти отъ него что-нибудь могутъ обращаться за этимъ непосредственно въ его квартиру. Я отвѣчалъ уклончиво, но за то весьма любезно проводилъ своего гостя до самыхъ воротъ.

На другой день мы отправились въ монастырь чтобы принять въ свое завѣдываніе соборную монастырскую церковь. Монастырь оказался дѣйствительно тѣснымъ и убогимъ: вся окружность его никакъ не болѣе обыкновенной ограды какая бываетъ около нашихъ русскихъ приходскихъ церквей; къ южной стѣнѣ каменной ограды пристроены три-четыре келіи и на западной сторонѣ той же ограды небольшой отдѣльный домъ тоже съ двумя-тремя убогими келіями,—вотъ и весь Чорлускій греческій монастырь. По срединѣ ограды стоитъ соборная монастырская церковь—продолговатый, каменный домъ безъ купола и колокольни; только крестъ водруженный надъ алтаремъ показываетъ что это не простой обывательскій домъ, а храмъ Божій. По словамъ Грековъ, Турецкое правительство только послѣ Адріанопольскаго мира, въ 1829, стало дозволять Грекамъ и Болгарамъ, проживающимъ въ турецкихъ городахъ строить церкви съ куполами и колокольнями; всѣ же церкви построенныя прежде, до этого мира, имѣютъ форму обыкновенныхъ домовъ, нисколько и ничѣмъ не возвышаясь надъ прочими обывательскими домами, что по этой собственно причинѣ Греки и Болгары, для увеличенія внутренней высоты своихъ храмовъ, по необходимости углубляли ихъ аршина на два, на три въ землю. Такія болѣе или

менѣе старинныя церкви мы видѣли въ Плевнѣ, Ловчѣ, Казанлыкѣ и по другимъ городамъ. Соборная церковь Чорлускаго монастыря внутри довольно обширна и благообразна: иконостасъ большой, высокій, въ нѣсколько ярусовъ, съ позолоченною когда-то рѣзьбой; иконопись въ немъ ничѣмъ не отличается отъ той которая и у насъ въ Россіи именуется греческою; алтарь обширный, но почти темный; св. престолъ каменный, какъ почти вездѣ у Болгаръ и Грековъ: укрѣпляютъ въ землю каменный круглый столбъ или тумбу, кладутъ сверху продолговато-широкую каменную плиту, и престолъ готовъ.

Вездѣ, по всѣмъ городамъ лежавшимъ на нашемъ маршевомъ пути, въ Плевнѣ, Ловчѣ, Габровѣ, Казанлыкѣ, Эски-Загрѣ, Хаскіоѣ и здѣсь въ пустынномъ Чорлу, вездѣ насъ поражала необычайная неряшливость которую допускаетъ во св. алтарѣ болгарское и греческое духовенство: кучи всяческаго мусора сваливаются подъ престолъ, тутъ и половыя щетки, и тряпки, пустыя бутылки, разбитыя лампадки, бумажки съ поминальными записями и всякій другой хламъ. На горнемъ мѣстѣ то же самое. На престолъ священники кладутъ свои ризы когда разоблачаются послѣ богослуженія; прислужники кладутъ и снимаютъ съ него не только богослужебныя книги: служебники, канонники, или поминальныя записочки, облаченія, но даже и св. Крестъ и Евангеліе; подобравъ на полу какую-нибудь бумажку, мочалку и т. п., церковный прислужникъ преспокойно подходитъ къ престолу, подымаетъ одежду и бросаетъ туда этотъ соръ. Все это застали мы и въ Чорлускомъ греческомъ монастырѣ. Въ каменной стѣнѣ алтаря устроены здѣсь направо и налѣво отъ престола двѣ глубокія ниши, изъ которыхъ одна служитъ вмѣсто жертвенника и на ней совершается проскомидія, а другая направо освящена какъ престолъ и изображаетъ собою какъ бы придѣльный алтарь, только безъ царскихъ дверей,—здѣсь совершаются раннія обѣдни. За главнымъ престоломъ стоитъ большой деревянный крестъ съ рѣзнымъ изображеніемъ страждущаго Христа-Спасителя, по сторонамъ его двѣ запрестольныя иконы:

Скорбящей Божіей Матери и Св. Апостола Іоанна Богослова.

Принявъ въ свое распоряженіе греческую церковь, мы повели въ ней свои порядки: прежде всего очистили алтарь отъ мусора и пыли, которая, накопившись годами, лежала на всемъ очень толстыми слоями; при этомъ объяснили Грекамъ чрезъ переводчика что у насъ алтарь и въ особенности св. престолъ почитаются величайшею святыней, что прикасаться ко престолу, кромѣ священника и діакона, никому не дозволяется, что класть на него книги, записочки, облаченія—строжайше воспрещено. Очистивъ алтарь и св. престолъ, мы немедленно приступили къ богослуженію; но на первыхъ же порахъ наши условія, заключенныя съ протосинкеломъ, оказались несостоятельными. Греки начали доставлять намъ для богослуженія такіе матеріалы, которыхъ мы употреблять не могли. Такъ напримѣръ: церковныя свѣчи у нихъ приготовляются не изъ чистаго пчелинаго воска, а изъ растительнаго, съ примѣсью еще овечьяго сала; такую свѣчу достаточно подержать въ рукахъ минуту, двѣ и она начинаетъ мякнуть, расплываться, оставляя на рукѣ ощущеніе и запахъ сала. Для совершенія божественной литургіи Греки употребляютъ не пять, а одну большую просфору съ пятью на ней печатями; просфора эта приготовляется не изъ крупичатой, а изъ простой пшеничной муки съ прибавленіемъ къ ней или ячменной, или кукурузной: отъ этого греческія просфоры выходятъ темныя, черныя и притомъ очень низенькія, что-то въ родѣ двухъ лепешекъ, положенныхъ одна на другую. Употреблять такія свѣчи и такія просфоры мы не могли, и потому порѣшили все это выписывать изъ Константинополя, а если будетъ возможно, то изъ Одессы.

Когда мы служили первую преждеосвященную литургію, протосинкелъ и съ нимъ нѣсколько іеромонаховъ присутствовали въ церкви и съ видимымъ любопытствомъ присматривались къ нашимъ порядкамъ и обрядамъ. Стройное пѣніе нашихъ дивизіонныхъ пѣвчихъ видимо произвело на нихъ сильное впечатлѣніе, особенно: *да исправится молитва моя.* Во время исполненія Греки съ большимъ одушевленіемъ

говорили что-то между собою... Сегодня и мы ходили къ нимъ въ кладбищенскую церковь и со своей стороны присматривались къ ихъ обрядности. То же, да не то.... Когда-то поражало насъ пренепріятное пѣніе болгарскихъ священниковъ, слышанное нами въ Ловчѣ, Габровѣ, Эски-Загрѣ, но пѣніе греческихъ монаховъ въ Чорлу положительно невыносимо. Это какой-то колоссальный диссонансъ, мучительно терзающій уши и невольно возбуждающій нервное раздраженіе. Сколько бы ни было на клиросѣ пѣвцовъ-Грековъ, всѣ они ухитряются пѣть непремѣнно врознь, по нашей пословицѣ: кто въ лѣсъ, кто по дрова, и даже какъ будто соперничаютъ въ этомъ другъ предъ другомъ, стараясь перекричать, заглушить всѣхъ и вытянуть свою собственную какую-то невозможную нотку. Пѣніе возбуждаетъ у Грековъ какой-то азартъ, энтузіазмъ, каждый пѣвецъ приходитъ въ экстазъ и деретъ, не слушая другихъ, не помня себя....

Устроивъ порядокъ богослуженія, я отправился въ околотокъ нашего Сибирскаго полка и нашелъ въ немъ печальную картину. Чорлу, повторяю, небольшой городокъ; въ немъ не болѣе 3—4 тысячъ жителей; дома построены очень тѣсно и какъ бы прижавшись одинъ къ другому; дворовъ при домахъ или вовсе нѣтъ или есть, но самые тѣсные и притомъ крытые, темные; улицы тѣсныя, узкія, грязныя. И вотъ, въ этомъ-то городкѣ и при такомъ его устройствѣ скучено теперь болѣе 15 тысячъ народа: тѣснота поэтому страшная, грязь невылазная и воздухъ убійственный. Солдаты помѣщаются на чердакахъ, въ подвалахъ, въ хлѣвахъ, во всякой прикрытой конурѣ; одежда обносилась, обувь истрепалась, бѣлье — дыра на дырѣ. Продолжительная стоянка подъ Плевной, на Балканахъ, при самой убійственной обстановкѣ, затѣмъ труднѣйшій походъ въ самую весеннюю распутицу, чрезмѣрное напряженіе силъ истощили бѣдныхъ солдатъ такъ что теперь узнать ихъ нельзя: это однѣ тѣни тѣхъ славныхъ гренадеръ, которые брали Плевну и плѣнили армію Османа. Всѣ эти тягостныя условія, неизбѣжныя въ военное время, разрушительно отозвались на солдатскомъ здоровьѣ: больныхъ очень много, помѣстить ихъ удобно не-

гдѣ, положить не на чемъ, отправить некуда и прикрыть и лѣчить нечѣмъ; а погода, какъ на зло, отвратительная: нѣсколько дней подрядъ обложной дождь съ холоднымъ вѣтромъ. Къ довершенію бѣдствія и врачей нѣтъ: одинъ бѣдный Снисаревскій напрягаетъ всѣ свои усилія, работаетъ за троихъ, а что̀ тутъ подѣлаешь? Младшіе врачи—Ковалевскій лежитъ въ тифѣ въ Адріанополѣ, Тихонравовъ здѣсь и тоже въ тифѣ... Положеніе больныхъ въ Чорлу я нашелъ гораздо хуже нежели раненыхъ въ Казанлыкѣ: тамъ хотя съ нашимъ прибытіемъ и съ помощью неоцѣненнаго Краснаго Креста положеніе несчастныхъ страдальцевъ день ото дня улучшалось; здѣсь и этого нѣтъ. Подвижной лазаретъ нашъ въ какомъ-то городкѣ Люле-Бургасѣ застрялъ неподвижно, благодаря своимъ линейкамъ и артелкамъ; въ какой-то деревушкѣ Каристиранѣ разрушены мосты и плотины на двухверстномъ болотномъ пространствѣ, перебраться черезъ которое нѣтъ никакой возможности нашимъ лазаретнымъ повозкамъ; другую недѣлю стоитъ тамъ нашъ лазаретъ и Богъ вѣсть когда въ состояніи будетъ двинуться съ мѣста Краснаго Креста здѣсь нѣтъ; турецкихъ складовъ тоже; о подвозѣ и думать нечего; эвакуація больныхъ пока невозможна, госпитали въ Адріанополѣ биткомъ набиты. И вотъ при всѣхъ этихъ условіяхъ больные съ каждымъ днемъ умножаются, накопляются, нужды ихъ растутъ и увеличиваются, а что̀ можно тутъ сдѣлать, чемъ пособить? Ужасно все это, убійственно больно все это видѣть и не имѣть ни малѣйшей возможности облегчить, улучшить такое безотрадное положеніе. Встрѣчался я и со старшими врачами другихъ полковъ, вездѣ одно и то же!... Болѣютъ люди по преимуществу лихорадками, ревматизмомъ, дизентеріей, попадаются уже экземпляры военнаго тифа... Судя по тягостному положенію, въ какомъ находятся полки нашей дивизіи, нужно предполагать что тифъ разовьется здѣсь до страшныхъ размѣровъ: врачи въ этомъ увѣрены. Остается единая отраднѣйшая надежда, что мы успѣемъ выбраться отсюда до нашествія этого страшнаго врага... Между различными видами болѣзней есть экземпляры рѣдкихъ недуговъ, напримѣръ *тоска по родинѣ*, очень тяжелая

болѣзнь, родная сестра меланхоліи или ипохондріи; затѣмъ — *вшивая болѣзнь*, отвратительное и вмѣстѣ ужасно мучительное страданіе... да всего и не перечесть... Мнѣ особенно досадно и жаль того, что у меня въ лазаретномъ нашемъ обозѣ остались нѣкоторыя вещи Краснаго Креста: около ста перемѣнъ бѣлья, десятка три фуфаекъ и штукъ двадцать байковыхъ одѣялъ; хотя это капля въ морѣ, а все пригодилось бы здѣсь какъ нельзя болѣе. Хлопочу чтобы послали въ Люле-Бургасъ вьючныхъ лошадей и привезли оттуда эти вещи.

Почти не лучше солдатъ помѣщаются и офицеры наши,— живутъ по три по четыре человѣка въ одной комнатѣ вмѣстѣ со своими деньщиками и багажомъ. На дняхъ я заходилъ къ М—ву и П—ву: хатка на курьихъ ножкахъ, оконце какъ въ тюремныхъ казематахъ, мебели никакой, и сидятъ и лежатъ прямо на рогожахъ разостланныхъ на земляномъ полу. Я временно проживаю у добрѣйшаго П. Н. Сорокина и со дня на день поджидаю своего лазарета. Предполагаю, осмотрѣвшись, съѣздить въ Санъ-Стефано: тамъ есть складъ Краснаго Креста, и хотя тамъ же по окрестностямъ сосредоточена вся наша гвардія и стало-быть нужды также огромныя, но все же можетъ-быть, по старой памяти, удѣлятъ и мнѣ что-нибудь. Тамъ проживаетъ Н. А. Бубновъ, и это даетъ мнѣ надежду на успѣхъ. Въ десятый, въ сотый разъ приходится повторять: „что за великое и святое учрежденіе этотъ благодѣтельный Красный Крестъ". Гдѣ его нѣтъ съ нами, тамъ и бѣдствіе. Если состоится моя поѣздка въ Санъ-Стефано, непремѣнно напишу оттуда, а теперь пока прощай!

Чорлу, 8 марта.

Неописанная радость!... Въ приказѣ по Гвардейскому корпусу отъ 3 марта объявлено расписаніе и всѣ нужныя распоряженія насчетъ посадки войскъ на пароходы,—это фактъ непреложный! Первый эшелонъ садится 14 числа и къ 1 апрѣля вся гвардія уже будетъ отправлена,—за гвардіей гренадеры... Значитъ къ великому дню Пасхи мы можемъ вернуться домой. Наконецъ — конецъ нашимъ странствованіямъ, нашимъ муче-

ніямъ! Просто голова идетъ кругомъ отъ этой радостнѣйшей радости!.. А тутъ еще на дняхъ возвратился изъ Брестъ-Литовска К. О. Макаревичъ и привезъ для всего полка годовыя вещи, полное обмундированіе. Все это какъ нельзя болѣе кстати: теперь наши гренадеры имѣютъ возможность явиться въ Россію настоящими франтами, а не тѣми оборвышами какими они ходятъ здѣсь. Доставка новаго обмундированія всего болѣе благодѣтельна для полковыхъ околотковъ: больные имѣютъ возможность перемѣнить свое ужасное бѣлье, а за выдачею новыхъ шинелей въ роты старыя изорванныя и прожженныя пойдутъ на подстилку, а болѣе годныя на прикрытіе больныхъ. Эта мѣра дѣлается необходимою въ виду того, что погода стоитъ ужасная, отвратительная: другую недѣлю хлещетъ почти безъ перерывовъ то мелкій, то крупный дождь съ пронзительнымъ, холоднымъ вѣтромъ, который, напримѣръ вчера, превратился въ настоящую зимнюю бурю со снѣжною метелью,—вотъ вамъ и югъ, и Мраморное море... Полковые околотки помѣщаются въ полуразрушенныхъ турецкихъ домахъ безъ оконъ, безъ печей, и вѣтеръ ходитъ въ нихъ какъ на улицѣ; несчастные больные коченѣютъ отъ холода, не имѣя чѣмъ укрыться... Удивляюсь истинно христіанской заботливости нашихъ полковыхъ врачей объ участи несчастныхъ страдальцевъ больныхъ: буквально они работаютъ отъ зари до зари и чѣмъ только могутъ стараются облегчить ихъ ужасное положеніе. Особенно замѣчательны въ этомъ отношеніи нашъ А. Д. Снисаревскій и Суворовскаго полка Арцишевскій,—положительно ни днемъ, ни ночью они не имѣютъ покоя. Подкрѣпи ихъ Господи!... Смотря на такихъ тружениковъ и самому становится какъ будто легче, и тянешь свою лямку съ менѣе чувствительною натугой... Случается, сойдемся мы съ ними за вечернимъ чайкомъ и пойдутъ у насъ жалобы: врачи жалуются на боль въ поясницѣ, такъ какъ имъ цѣлый день приходится наклоняться къ больнымъ лежащимъ прямо на полу, мы жалуемся на боль въ ногахъ, такъ какъ при богослуженіяхъ и исповѣди приходится почти цѣлый день стоять; ты знаешь, что я никогда не могъ и немогу исповѣдывать *сидя*—это претитъ моей совѣсти; также *стоя* исповѣдуютъ и другіе наши священники,

кромѣ отца Евстафія, который по болѣзни не можетъ долго стоять. Случается, что за общимъ разговоромъ и посмѣемся, развеселимся. Одинъ разкажетъ что-нибудь изъ своей поденной практики, другой прибавитъ свое, и пойдетъ у насъ бесѣда самая оживленная, веселая; на первомъ планѣ, конечно, наше скорое возвращеніе на родину: чуть затронули это общее больное мѣсто — и пошли фантазіи, чисто юношескія мечтанія, предположенія; самые солидные люди превращаются въ дѣтей, и невольно припоминается старинный афоризмъ, что радость и старика дѣлаетъ юношей... Въ большинствѣ же случаевъ разговоры наши идутъ въ минорномъ тонѣ: общее наше положеніе черезчуръ незавидно, плохо приходится не только больнымъ, но и здоровымъ; особенно допекаетъ всѣхъ невообразимая тѣснота и отвратительная погода: носа нельзя показать на улицу, и сидятъ всѣ по своимъ конурамъ въ грязи, въ убійственно-спертомъ и смрадномъ воздухѣ. Можно бы и должно не медля вывести людей на бивуакъ, это было бы всего лучше, но, увы, палатокъ нѣтъ... Наши старыя палатки погнили, порвались, пошли солдатамъ на портянки, на штаны... Но святая надежда, какъ ты утѣшительна, какъ ты можешь ободрять человѣка и среди самаго горькаго положенія! Мы скоро домой—въ Россію... При одной этой мысли чего только не въ состояніи перенести каждый изъ насъ?... Даже самая болѣзненность въ полкахъ, по замѣчанію врачей, остановилась, даже стала уменьшаться какъ только у всѣхъ воскресла надежда на скорое возвращеніе домой... Прощай, до радостнаго свиданія!...

Чорлу, 19 марта.

Всѣ наши мечты и восторги разсыпались какъ прахъ, разлетѣлись какъ дымъ!.. Посадка войскъ пріостановлена, возвращеніе въ Россію откладывается на неопредѣленный срокъ... Коварный Альбіонъ грозитъ намъ войной, Турція разрываетъ только что подписанный ею мирный договоръ, Австрія приступаетъ къ мобилизаціи, и даже Румыны, недовольные Санъ-Стефанскимъ миромъ, готовы изъ союзниковъ сдѣлаться нашими врагами,—таковы извѣстія полученныя нами изъ

главной квартиры. Откуда, какъ, за что̀, про что̀ стряслась надъ нами эта бѣда,—никто ничего не знаетъ, никто не можетъ объяснить путемъ.... Эти безотрадныя вѣсти возбудили здѣсь страшное озлобленіе: Англія, да есть ли теперь на человѣческомъ языкѣ болѣе противное, болѣе ненавистное для насъ слово? Что Турція? Турція—ничтожество, которое мы раздавили, но съ Англіей, съ этими просвѣщенными мореплавателями мы помѣряться готовы... Возбужденіе въ нашей арміи страшное, настроеніе въ высшей степени воинственное—и не дай Богъ, если откроется новая война,—она будетъ ужасная, безпощадная!.. Впрочемъ, формальнаго разрыва еще ни съ кѣмъ нѣтъ,—ведутся будто-бы дипломатическіе переговоры, о чемъ, для чего, Богъ вѣдаетъ... По Черному морю безпрепятственно везутъ намъ изъ Одессы всякую всячину; изъ Константинополя ежедневно получаемъ мы превосходный бѣлый хлѣбъ; офицеры наши невозбранно путешествуютъ въ турецкую столицу и проживаютъ тамъ по нѣскольку дней... Можетъ-быть и ничего не будетъ, а между тѣмъ передряга страшная, потрясенія душевныя чрезвычайны, а пуще всего эта убійственно-томительная неизвѣстность....

На прошлой недѣлѣ прибылъ наконецъ нашъ подвижной неподвига-лазаретъ, немедленно разбилъ свои шатры, занялъ еще два пустые дома и началъ работу. Удивительно, право, мой дорогой сожитель настоящій *магъ*, гдѣ ни появится, сейчасъ же всѣхъ подыметъ на ноги, всѣхъ расшевелитъ, взбудоражитъ: уже и въ Красный Крестъ отправленъ офицеръ за полученіемъ вещей и за палатками доставленными изъ Одессы послали, и дома̀ для лазарета отыскались, и отправка больныхъ въ Адріанополь началась, словомъ, закипѣла вездѣ неустанная работа лишь только явился налицо нашъ неутомимый, неугомонный работникъ; его энергія, его убѣдительные доводы и неуступныя настоянія расшевелятъ хоть кого... Впрочемъ, и дремать-то теперь не приходится въ виду угрожающаго намъ нашествія не Англичанъ, а болѣе страшнаго врага—тифа... Предсказанія нашихъ врачей, къ несчастію, начинаютъ сбываться: тифъ съ каждымъ днемъ все развивается, усиливается, были уже и смертные случаи... Работы собст-

венно намъ, священникамъ, прибавилось порядочно... Наше церковное дѣло идетъ своимъ заведеннымъ порядкомъ; уже отговѣли всѣ полки дивизіи, остается только артиллерія и разныя постороннія команды. Правду сказать, устали мы порядочно; но все бы это ничего еслибы не эта несносная неизвѣстность. Когда мы отсюда вырвемся и что̀ еще съ нами будетъ, одинъ Богъ вѣсть.. Грустно!.. Прощай.

P. S. На дняхъ нѣсколько нашихъ офицеровъ возвратились изъ Константинополя, куда отправлялись они не по дѣламъ службы, а такъ, ради развлеченій, чтобы душу отвесть, горе размыкать и лишнія деньги спустить... Разказы ихъ о турецкой столицѣ весьма не удовлетворительны: видѣли они выѣздъ султана на богомолье въ мечеть, что̀ совершается имъ въ каждую пятницу, видѣли пляску дервишей. Все это можно прочесть въ любомъ описаніи Константинополя. Знаменитую Софію Цареградскую они видѣли только снаружи, а войти въ нее теперь нельзя, потому что она биткомъ набита несчастными турецкими бѣженцами, собравшимися сюда изо всѣхъ мѣстъ Болгаріи когда наступали наши побѣдоносныя войска. Такимъ образомъ, путешественники наши отправлялись въ Константинополь съ большими надеждами, съ размашистыми предположеніями, а вернулись обезкураженными и недовольными.

Чорлу, 26 марта.

Вотъ и Благовѣщеніе прошло и отговѣли уже всѣ, а посадки все нѣтъ какъ нѣтъ!.. Положеніе наше самое мучительное: ни война, ни миръ, а что-то невообразимо безтолковое. Между тѣмъ исконный спутникъ военнаго времени—тифъ, начинаетъ притѣснять насъ слишкомъ чувствительно: заболѣлъ уже и нашъ неусыпный труженикъ А. Д. Снисаревскій—у него тифъ очень тяжелой формы, вотъ не дай-то Богъ.... страшно и вспоминать о семьѣ, о дѣтяхъ!... Заболѣлъ старшій врачъ Малороссійскаго полка Косинскій, старшій врачъ Астраханскаго полка Троеровъ. Заболѣваніе врачей есть прямое и неизбѣжное послѣдствіе ихъ ежедневной работы. Мы, священники, по прямой своей обязанности являемся въ лазаретъ

или околотки временно, всего на полчаса, на часъ, а врачи работаютъ тамъ ежедневно съ утра до вечера. Естественно, что такая неустанная, нѣсколько мѣсяцевъ подрядъ продолжающаяся работа постепенно, шагъ за шагомъ, день за день подтачиваетъ, ослабляетъ и изнуряетъ ихъ физическія силы, а постоянная борьба съ тяжелыми обстоятельствами надрываетъ ихъ и морально; прямымъ послѣдствіемъ такого положенія является у нихъ бо̀льшая воспріимчивость зараженія; еще болѣе это отражается на нашихъ фельдшерахъ и санитарахъ: они ходятъ какъ тѣни, валятся какъ мухи; въ подвижномъ лазаретѣ, на 100 человѣкъ постороннихъ больныхъ, 48 человѣкъ своей болящей прислуги. Замѣчательно, что съ развитіемъ тифа всѣ прочія формы болѣзней какъ будто стушевались, видоизмѣнились и сдѣлались вѣрнѣйшею прелюдіей къ господствующей эпидеміи; у лихорадочныхъ непремѣнно сыпной или пятнистый тифъ, у страдавшихъ катарромъ желудка—брюшной, у ревматиковъ при тифѣ еще гангренозное пораженіе оконечностей, особенно ножныхъ. Послѣдняя форма самая опасная: кожа на ступняхъ дѣлается совершенно черною и до того сухою, что кости болтаются въ ней какъ въ мѣшечкѣ. Единственное спасеніе—ампутація стопы или Пироговская операція. Какъ Господь спасаетъ насъ, священниковъ, отъ смертоноснаго зараженія—истинное чудо!... Не потому ли что врачей и санитаровъ все еще какъ-нибудь замѣнить можно, изъ запаса пополнить, а священниковъ и замѣнить положительно некѣмъ...

Вчера, на Благовѣщеніе, мы служили соборнѣ, и въ первый разъ возложили на себя Высочайше пожалованные намъ за Плевну ордена... Не могу не подѣлиться съ тобою тѣми впечатлѣніями и чувствами какія пробудились въ моей душѣ при видѣ почтеннаго ордена украсившаго мою грудь. Мнѣ живо и чрезвычайно отчетливо припомнилось все то *за что* именно я удостоенъ такой высокой награды: кровавое поле Плевны, обезображенные трупы убитыхъ, раздирающіе душу стоны раненыхъ, ихъ мольбы, ихъ слезы, ихъ невыразимыя страданія, все это такъ живо представилось моему наболѣвшему сердцу, моему взбудораженному воображенію что я на

нѣсколько мгновеній какъ будто забылся, какъ будто снова пережилъ, перечувствовалъ все прошлое, моментально побывалъ душою и въ Трестеникѣ, въ Нетрополѣ и на Копаной Могилѣ... Подъ живымъ впечатлѣніемъ этихъ воспоминаній, этихъ душевныхъ видѣній, изъ моего „подвигнувшагося“ сердца вылилась въ концѣ обѣдни такая горячая, задушевная рѣчь, которая глубоко разстрогала многихъ присутствовавшихъ... Какъ бы продолжая созерцать духовными очами кровавую массу убитыхъ и раненыхъ, я обратился къ живымъ предстоящимъ воинамъ съ пророческими словами: *Благовѣстите день отъ дне спасеніе Бога нашего,* и убѣждалъ ихъ никогда не забывать того что если въ день Плевненской битвы, среди урагана смертоносныхъ вражескихъ пуль, Господь сохранилъ нашу жизнь, Господь исхитилъ насъ изъ рукъ повсюду летавшей смерти, то это единственно для того чтобы мы во все продолженіе нашей жизни, на всякомъ мѣстѣ и на всякій часъ, благовременно и безвременно благовѣстили повсюду и день отъ дне спасеніе Бога нашего!... Теперь въ обыкновенномъ душевномъ настроеніи я не могу воспроизвести и тѣни того что вырвалось изъ сердца въ минуты душевнаго порыва. Такія рѣчи невозможно припомнить въ ихъ оригинальномъ видѣ, ихъ можно слышать, но повторить никогда; никакая стенографія въ мірѣ не можетъ передать самаго процесса вдохновенной рѣчи, ея неотразимаго впечатлѣнія и дѣйствія на нашу душу... Ты скажешь что это самохвальство съ моей стороны; нѣтъ, мой другъ, предъ тобой мнѣ нѣтъ никакой нужды выставляться на показъ, но съ кѣмъ же мнѣ и подѣлиться лучшими минутами жизни какъ не съ тобой, мой единый, добрый другъ?...

Впрочемъ, полученныя награды не на всѣхъ произвели такое впечатлѣніе какъ на меня. Явились недоразумѣнія, пререканія, зависть, укоризны и даже ропотъ; все это очень естественно, на всѣхъ не угодишь... Но, говоря по сущей справедливости, награды у насъ назначаются не такъ какъ бы слѣдовало. Если и въ мирное время не желательна въ этомъ отношеніи какая-либо несправедливость, то тѣмъ болѣе на войнѣ и еще послѣ всѣмъ извѣстнаго дѣла; тутъ несправедли-

вость или ошибка рѣжетъ глаза и можетъ имѣть весьма дурное нравственное вліяніе. Особенно бросается въ глаза та аномалія что нѣкоторые чины хозяйственнаго управленія получили награды выше и почетнѣе нежели ихъ товарищи бывшіе въ огнѣ... Быть подъ пулями или въ тылу на бивуакѣ— это разница огромная!... Правды нужно побольше, вотъ и все!...

Погода стоитъ превосходная, палатки уже получены, полки выводятся въ лагерь. Можетъ Богъ дастъ и эпидемія уменьшится... Прощай!

Чорлу, 3 апрѣля.

Вчера я вернулся изъ Санъ-Стефано, побывавъ и въ Константинополѣ. Просто ушамъ своимъ не вѣришь когда говоришь или пишешь что былъ въ Константинополѣ... Вотъ ужь гдѣ Господь судилъ намъ побывать! Поѣздка моя сложилась такъ: среди нескончаемыхъ нашихъ разговоровъ о томъ какъ бы намъ вырваться отсюда и скорѣе попасть къ Пасхѣ въ Россію, мой дорогой сожитель высказалъ мысль что это „попаденіе" въ Россію всего возможнѣе именно для меня, стоитъ придумать какую-нибудь командировку въ Одессу. Я ухватился за эту мысль, какъ слѣпой за палку, и началъ изо всѣхъ силъ хлопотать. Дѣйствительно, придумали командировку за покупкой разныхъ церковныхъ принадлежностей необходимыхъ для богослуженія въ Страстную и Пасхальную седьмицу; ближайшее наше начальство согласилось и всѣ нужныя по сему дѣлу представленія были сдѣланы и отосланы въ Санъ-Стефано въ полевой штабъ дѣйствующей арміи. Но для того чтобы моя командировка была уважена и разрѣшена навѣрно, мнѣ посовѣтовали самому отправиться туда же. Вотъ я и поѣхалъ хлопотать о командировкѣ... Дорога отъ Чорлу до Санъ-Стефано скучная, пустынная, и только за Чаталджей, гдѣ она спускается почти къ самому берегу Мраморнаго моря, дѣлается нѣсколько интереснѣе. Въ Санъ-Стефано мы пріѣхали вечеромъ, когда уже порядочно стемнѣло. Отъ станціи до города не болѣе версты, и за неимѣніемъ извощиковъ мы отправились пѣшкомъ; на этомъ небольшомъ пространствѣ по обѣимъ сторонамъ отвратительнаго шоссе непрерывною линіей тянутся

балаганы и временно устроенныя лавочки съ разными съѣстными и питейными припасами. Всѣ они ярко освѣщены и биткомъ набиты гвардейскими солдатами; шумъ, гамъ, *ура* несутся со всѣхъ сторонъ. На темномъ горизонтѣ довольно пасмурной ночи, благодаря безчисленнымъ огонькамъ въ лавчонкахъ, рисуются предъ нашими глазами какіе-то высокіе силуэты,—башни ли это, маяки, минареты или дома—разобрать трудно. По узкой и коротенькой улицѣ мы вышли на обширную площадь и сразу невольно ахнули: большая, продолговатая площадь весьма ярко освѣщена и обставлена высокими каменными домами европейской архитектуры. Это былъ для насъ совершенно неожиданный сюрпризъ. Начиная отъ Букурешта и до Санъ-Стефано, на всемъ обширномъ пространствѣ нами пройденномъ по турецкимъ владѣніямъ, мы ничего подобнаго не видали, повсюду насъ встрѣчала одна грязная азіятщина, а тутъ вдругъ нежданно мы очутились въ Европѣ... Впрочемъ, эта миніатюрная Европа оказалась биткомъ набитою такъ что мы съ большимъ трудомъ отыскали себѣ пристанище. Тутъ я получилъ пренепріятное извѣстіе что утромъ въ этотъ самый день Великій Князь Главнокомандующій съ начальникомъ штаба и многими приближенными лицами отправились въ Константинополь, а всѣ отпуски и командировки разрѣшаются имъ непосредственно. На другой день я нечаянно встрѣтилъ на улицѣ нашего милаго казанлыкскаго сотрудника Н. А. Бубнова и отъ него узналъ что Великій Князь возвратится въ Санъ-Стефано не ранѣе понедѣльника, т.-е. 3 числа апрѣля, а безъ него ничего нельзя устроить. Какъ же мнѣ быть? Остается одно: ѣхать самому въ Константинополь. Не долго думая, я рѣшился на это, но такъ какъ поѣздъ отправляется туда послѣ обѣда, то все свободное время я порѣшилъ употребить на осмотръ Санъ-Стефано и его морской пристани. Добрѣйшій Н. А. вызвался быть моимъ руководителемъ и прежде всего призналъ необходимымъ представить меня новому главноуправляющему дѣлами Краснаго Креста тайному совѣтнику Панютину, заступившему мѣсто умершаго здѣсь недавно князя Черкасскаго. Мы отправились и встрѣтили пріемъ самый простой, радушный и ласковый. По рекомендаціи Бубнова и по моему

докладу о нуждахъ нашего подвижнаго лазарета и полковыхъ околотковъ мнѣ обѣщана посильная помощь разными необходимыми вещами. Тутъ же я узналъ не безъ тайной радости что при полевомъ штабѣ учреждена особая эвакуаціонная коммиссія и что отправка нашихъ больныхъ въ Россію уже начата на пароходахъ Русскаго Общества Пароходства и Торговли. Изъ политическихъ новостей я узналъ только что за Принцевыми Островами стоятъ грозные англійскіе броненосцы, что ведутся съ Англіей дипломатическіе переговоры, предполагается какая-то конференція, а можетъ-быть и Европейскій конгрессъ по поводу нашего Санъ-Стефанскаго мира, что если-бы мы вовремя забрали Константинополь въ свои руки—ничего бы этого не было и судьба „больнаго человѣка“ разрѣшилась бы самымъ естественнымъ путемъ. Съ глубокою скорбію выслушивалъ я эти прискорбныя новости. Становилось очевиднымъ что коль скоро Константинополь не взятъ, значитъ мы ничего не сдѣлали и всѣ наши труды и побѣды пошли прахомъ. Среди разговоровъ и соображеній мы незамѣтно подошли къ пристани. Что тутъ творится? настоящее Вавилонское столпотвореніе и смѣшеніе народовъ: Русскіе, Турки, Болгары, Греки, Армяне, Жиды и даже черные Негры—работа кипитъ какъ въ муравейникѣ—выгружали два большіе парохода прибывшіе изъ Одессы. Цѣлыя горы мѣшковъ съ сухарями и крупою, тюковъ съ казенными вещами солдатскаго обмундированія, цѣлый гуртъ прекрасныхъ черноморскихъ нашихъ воловъ и огромную отару степныхъ овецъ. Все это необыкновенно какъ кстати явилось, такъ какъ у насъ въ послѣднее время говядина была очень плохая потому что турецкій скотъ оказался къ веснѣ весьма исхудалымъ и тощимъ. Съ пристани мой добрый чичероне повелъ меня въ домъ съ балкона котораго открывается великолѣпный видъ на Мраморное море: предъ нашими глазами виднѣлись вдали Принцевы Острова, подымающіеся съ моря огромными тупыми конусами; налѣво едва замѣтно синѣли отдаленнѣйшія очертанія Азіятскихъ береговъ, поближе весьма отчетливо выступала на первый планъ азіятская половина Стамбула, Скутари; направо тянулись на огромное пространство низменные, отлогіе

берега моря со многочисленными заливами и бухтами, во глубинѣ которыхъ чуть мрѣютъ Селеври, Эрекли и даже Родство. Весь видимый горизонтъ моря наполненъ безчисленнымъ множествомъ туда и сюда плывущихъ пароходовъ, парусныхъ кораблей и болѣе мелкихъ парусныхъ же перевозочныхъ суденышекъ снующихъ около береговъ. Общій видъ на море великолѣпный: глаза разбѣгаются, не знаешь на чемъ остановиться.

Въ урочный часъ я отправился на станцію желѣзной дороги и покатилъ въ Константинополь. Люди болѣе меня опытные отправляются туда съ утренними поѣздами, чтобы къ вечеру возвратиться, не проживаясь напрасно въ Станбулѣ, гдѣ страшная дороговизна на все поневолѣ укрощаетъ самыя широкія натуры. Болѣе поэтическіе туристы предпочитаютъ морскую прогулку на пароходахъ которые постоянно ходятъ между Санъ-Стефано и Константинополемъ; съ вечерними же поѣздами по желѣзной дорогѣ ѣдутъ только люди дѣловые, служилые и торговые. Спутниками мнѣ попались два одесскіе Еврея, которымъ я былъ очень радъ, такъ какъ вся прочая публика состояла изъ Грековъ, Армянъ, Французовъ и другихъ разноязычныхъ инородцевъ, не знающихъ ни единаго слова по-русски. Переѣздъ между Санъ-Стефано и Стамбуломъ небольшой: всего верстъ 15—17, и на этомъ пространствѣ устроены три полустанка, такъ что собственно полемъ дорога тянется не болѣе 8—10 верстъ, все же остальное пространство идетъ уже по городу. Не доѣзжая еще до перваго полустанка, мы перелетѣли по мосту черезъ маленькую рѣчонку, составляющую демаркаціонную линію между нашими и турецкими войсками. На одной сторонѣ моста стоитъ нашъ часовой, на другой—турецкій, пространство между ними пять-шесть саженъ. Къ этой рѣчонкѣ и для стирки бѣлья и по воду ходятъ безпрестанно и наши и турецкіе солдаты и тутъ между ними завязываются знакомства, разговоры, взаимныя одолженія, куначества; объясняются громко каждый на своемъ языкѣ, и при помощи пантомимъ отлично понимаютъ другъ друга. Вообще между нашими и турецкими солдатами теперь самыя мирныя и дружескія отношенія... До самаго начала предмѣстій

Константинополя окрестности дороги очень скучны, пустынны; на всемъ видимомъ пространствѣ ни единаго жилья, ни единаго кустика или деревца—только одни небольшіе увалы и перекаты съ глинистыми окраинами по сторонамъ; ничто не напоминаетъ, не показываетъ вамъ того что вы приближаетесь къ столицѣ, ко всемірно извѣстной Византіи, царицѣ Востока!...

За первымъ полустанкомъ начинаются городскія предмѣстья: деревянные дома сразу тѣснятся и лѣпятся одинъ надъ другимъ и всѣ чисто турецкаго фасона. По самому берегу моря тянутся развалины огромной крѣпостной стѣны, которая когда-то служила обороною города со стороны моря. Развалины эти очень красивы: во многихъ мѣстахъ онѣ перевиты зеленымъ плющемъ, поросли травой и даже какими-то кустарниками; то подымаются онѣ на нѣсколько саженъ высоты съ уцѣлѣвшими еще полуразрушенными башнями и зубцами, то падаютъ до уровня материка. По крайней чертѣ города тянутся еще болѣе величественныя развалины напольной стѣны, защищавшей великій городъ со стороны суши... Какія воспоминанія!... Здѣсь, на этой злополучной стѣнѣ палъ послѣдній Палеологъ, защищая въ битвѣ несчастный городъ. Здѣсь, чрезъ его геройскій трупъ, надменно вступилъ въ священный Цареградъ торжествующій побѣдитель, и съ того роковаго дня вотъ уже болѣе четырехъ вѣковъ какъ исламъ владычествуетъ надъ Босфоромъ, и *на мѣстѣ святѣ* царитъ мерзость запустѣнія, и Крестъ Христіанства поникъ и склонился къ подножію Двурогой Луны... О, когда же Ты, Животворящій, снова заблистаешь здѣсь?... Вотъ мы собрались сюда отъ Сѣвера и моря, предъ нами Стамбулъ и Босфоръ, еще бъ одинъ шагъ, и Св. Софія воскресла бы отъ своего вѣковаго, смертоноснаго усыпленія... Но кто же мѣшаетъ? Магометъ? дикая Азія?... Нѣтъ, увы, христіанская Англія!... Свои интересы она ставитъ выше Креста Господня!... Нестерпимо больно, невыразимо жаль!... Другаго такого случая для возстановленія христіанства на Востокѣ не скоро мы дождемся...

Отчасти я былъ благодаренъ моимъ спутникамъ Евреямъ; своею неугомонною болтовней они не давали мнѣ задумываться и предаваться воспоминаніямъ. Какъ люди бывалые и все

знающіе, они на перерывъ другъ предъ другомъ старались показать свои познанія, хотя и оказались замѣчательными невѣждами.

А все же я имъ очень благодаренъ: не будь ихъ, я бы поставленъ былъ въ безвыходное положеніе, не владѣя ни однимъ изъ иностранныхъ языковъ. Они взялись быть моими руководителями и обѣщались довести до такой гостиницы, гдѣ есть драгоманъ знающій по-русски. Полустанокъ у котораго мы остановились и слѣдующій за нимъ другой построены на самомъ берегу моря у малыхъ пристаней. Такъ-какъ дорога идетъ по самымъ городскимъ улицамъ, то на каждомъ полустанкѣ въ поѣздъ садится множество народа имѣющаго надобность за чѣмъ-нибудь побывать въ центрѣ города; такимъ образомъ эта желѣзная дорога замѣняетъ собою желѣзно-конную и перевозитъ съ каждымъ поѣздомъ огромное количество всяческой публики. Вокзалъ въ Константинополѣ тѣсный, грязный; для публики выстроенъ только длинный сарай съ окнами, но безо всякой мебели; посрединѣ его стоитъ длинный столъ, на который пассажиры складываютъ свой ручной багажъ. Изъ вокзала спутники мои повели меня къ Босфору, какъ они выражались, наняли каикъ и повезли меня на другую сторону въ Перу. По моему это былъ вовсе не Босфоръ, а заливъ Золотаго Рога, такъ потомъ и оказалось. Переѣздъ не особенно широкій, какъ черезъ Неву у Петербургской биржи. На небольшомъ пространствѣ снуютъ туда и сюда сотни яликовъ, каиковъ, довольно большихъ перевозочныхъ для товаровъ лодокъ; тутъ же безпрестанно поворачиваются огромные рѣчные пароходы, производя своими колесами большое волненіе; нашъ каикъ нырялъ по волнамъ, какъ утка или альбатросъ, ежеминутно подвергаясь, казалось мнѣ, опасности столкнуться и пойти ко дну... Замѣчательна вода въ Мраморномъ морѣ: и здѣсь и въ Санъ-Стефано я любовался ею; видѣлъ я воду Финскаго залива и Балтійскаго взморья у Кронштадта, купался въ Черномъ Морѣ, но такой воды какъ въ Мраморномъ я и представить себѣ не могъ: это чистѣйшій изумрудъ самой свѣтлой воды съ какимъ-то чуднымъ фіолето-розовымъ отливомъ; брызги отъ веселъ такъ и сыплютъ изумрудами...

На другомъ берегу мнимаго Босфора спутники повели меня къ туннелю по которому желающихъ перевозятъ въ особыхъ вагонахъ прямо въ Перу, расположенную на очень высокой горѣ. По обычной своей скаредности Евреи-спутники усадили меня въ темный вагонъ III класса и я безпрекословно имъ повиновался... Въ непроницаемой темнотѣ подъ землей мы ѣхали минуты три, четыре,—ощущеніе, признаюсь, непріятное и жуткое... Наконецъ мы въ Перѣ... Эта прославленная Константинопольская улица во многомъ не похожа на настоящую европейскую улицу, слишкомъ тѣсна и не пряма; дома громадные и красивые, но ихъ какъ-то не видно, они не выдѣляются, не бросаются въ глаза,—сплошная громадная масса тянется какъ узкая галлерея. Спутники привели меня въ гостиницу *Пештъ*, наняли мнѣ нумеръ за 8 франковъ, потребовали мнѣ переводчика-драгомана и любезно распростившись со мною удалились. Нумеръ мною занятый оказался великолѣпнымъ: мебель, обои, зеркала, ковры, бронза—все роскошно, и еще балконъ на улицу... До прихода драгомана я вынужденъ былъ объясняться какъ могъ по-французски. Веселый кельнеръ, молодой французикъ, видя мое затрудненіе, самъ подсказывалъ мнѣ, и мы отлично поняли другъ друга; я попросилъ себѣ стаканъ чаю, рюмку коньяку, порцію икры и масла, но масло я забылъ какъ по-французски и только когда кельнеръ принесъ мнѣ хлѣбъ и ножъ, я отрѣзалъ кусокъ хлѣба и сталъ ножомъ показывать что я намазываю,—Французъ разсмѣялся и чрезъ минуту принесъ мнѣ отличнаго миланскаго масла съ нѣжнымъ розовымъ отливомъ. Явился драгоманъ, и мои дѣла поправились...

Подкрѣпившись, я просилъ моего новаго путеводителя, также одесскаго Жидка, показать мнѣ Перу, магазины и лучшія зданія. Мы отправились. Наступилъ вечеръ, зажглось освѣщеніе. Магазины оказались дѣйствительно великолѣпными, такъ что наши Невскій Проспектъ или Кузнецкій Мостъ далеко имъ уступаютъ. Въ небольшомъ скверѣ я остановился отдохнуть, подышать свѣжимъ морскимъ воздухомъ и полюбоваться прелестнымъ видомъ на Босфоръ, Скутари и громаднѣйшую Константинопольскую торговую гавань. Я усѣлся между высо-

кими кипарисами и предался созерцанію: внизу, у моихъ ногъ блистали тысячи огоньковъ въ домахъ, лавкахъ, въ уличныхъ фонаряхъ, на мачтахъ пароходовъ и безчисленныхъ судовъ стоявшихъ въ заливѣ Золотаго Рога. Движеніе по заливу еще продолжалось; на носу каждаго ялика зажглись фонари и при движеніи казались какими-то блуждающими огоньками. Городской шумъ мало-по-малу началъ стихать, благодаря тому что на Востокѣ ложатся спать очень рано, и только пронзительные свистки пароходовъ то тамъ то сямъ нарушали по временамъ окружавшую меня тишину своими то рѣзкими, то глухими звуками... Я засмотрѣлся, замечтался, потонулъ въ какихъ-то безсвязныхъ воспоминаніяхъ и дошелъ почти до галлюцинаціи: въ моемъ возбужденномъ воображеніи поочередно и быстро мелькали, проносились и мгновенно исчезали, какъ метеорныя искры,—и Палеологъ, и развалины стѣны, и Александръ Македонскій, и Жиды, то вдругъ Нева, Петропавловскій шпицъ, Александровская колонна, Босфоръ, Сибирь, Варшава, Балканы, убитый Лихачевъ, Копаная Могила, минареты, кипарисы, огоньки, свистки,—все спуталось, хаотически смѣшалось какъ-будто въ какомъ-то зачарованномъ калейдоскопѣ... Мой драгоманъ, предполагая что я заснулъ, тихо подошелъ ко мнѣ и слегка прикоснулся къ моему плечу,—я это видѣлъ, но вздрогнулъ и какъ-будто дѣйствительно очнулся отъ чуднаго сна... Мое неугомонное воображеніе, мое тоскующее сердце занесли меня Богъ вѣсть куда... Повторяю въ сотый разъ, чѣмъ грандіознѣе были виды, чѣмъ поразительнѣе картины, которыя встрѣчались намъ на всемъ длинномъ путешествіи нашемъ, тѣмъ грустнѣе, тѣмъ тяжеле становилось у меня на душѣ... Одиночество давило меня всегда и повсюду гдѣ только чувствовалась потребность подѣлиться своими впечатлѣніями, мыслями, чувствами. Вотъ и здѣсь, при этой чудной, восхитительной картинѣ блистающаго огнями Босфора, помню живо что послѣднимъ явленіемъ, послѣдними образами мелькнувшими въ моей больной, тоскующей душѣ были именно вы, мои дорогіе, незабвенные друзья... Всѣ вы моментально явились предо мною такъ живо, такъ ясно, какъ будто на яву, какъ будто съ вами вмѣстѣ я безмолвно

любовался этимъ чуднымъ вечеромъ, и гдѣ же?—въ Константинополѣ!... на Босфорѣ!...

На другой день нужно было приступать къ дѣлу за которымъ пріѣхалъ. Оказалось что Великій Князь Главнокомандующій находится не въ самомъ Константинополѣ, а на яхтѣ *Ливадія*. Ѣхать туда самому было неудобно по нѣкоторымъ причинамъ. Поэтому я рѣшился написать письмо къ добрѣйшему Д. А. С—ну и послалъ его съ драгоманомъ; чрезъ часъ получаю отвѣтъ что представленіе о моей командировкѣ въ полевомъ штабѣ еще не получено, что нужно справиться въ Санъ-Стефано, не тамъ ли оно лежитъ? Что же мнѣ дѣлать?—медлить нельзя, и къ обѣду я уже былъ въ Санъ-Стефано, навелъ справки и въ штабѣ и на почтѣ—нигдѣ нѣтъ моего представленія; послалъ сейчасъ же телеграмму въ Чорлу въ корпусный нашъ штабъ, откуда получилъ отвѣтъ что представленіе послано такого-то числа за такимъ-то №...; опять кинулся въ штабъ и на почту и опять нигдѣ нѣтъ и не получено... Итакъ, Промыслу Божію не угодно чтобъ я какимъ-то придуманнымъ, почти обманнымъ образомъ возвратился въ Россію; значитъ, пребываніе мое здѣсь еще необходимо. Я рѣшился прекратить всѣ хлопоты и поспѣшить назадъ къ своему прямому дѣлу. Такъ я и сдѣлалъ, и теперь совершенно спокоенъ,—творись воля Божія!. . Узнавъ о моемъ возвращеніи, члены корпуснаго штаба объяснили мнѣ что конвертъ съ представленіемъ о моей командировкѣ посланъ не съ почтою, а съ однимъ офицеромъ 2-й гренадерской дивизіи, который отправлялся изъ Чорлу въ Санъ-Стефано. Гдѣ теперь этотъ офицеръ, что съ нимъ случилось, передалъ ли онъ порученный ему конвертъ въ полевой штабъ, или по забывчивости завезъ его съ собою въ Шаркіой или Демотику гдѣ квартируетъ 2-я гренадерская дивизія—ничего неизвѣстно... Такова исторія моей командировки и причина моего путешествія въ Санъ-Стефано и Константинополь. Жалѣю объ одномъ что, засуетившись и увлекшись черезчуръ несбыточною командировкой, я не могъ осмотрѣть Константинополя такъ какъ бы слѣдовало, посеріознѣе; но Богъ дастъ, если буду живъ и здоровъ, постараюсь побывать въ немъ въ другой разъ, благо что дорога теперь мнѣ уже

извѣстна,—и тогда сообщу тебѣ надлежащее описаніе, а теперь пока—прощай.

Чорлу, 12 апрѣля.

На прошлой (Вербной) недѣлѣ два раза подступалъ ко мнѣ тифъ, но благодаря Богу я отдѣлался безпокойствомъ. Подступы тифа начинаются прежде всего съ ослабленія физическихъ и душевныхъ силъ: начинаешь чувствовать какую-то безпричинную тоску, недовольство, то состояніе которое очень вѣрно изображается однимъ словомъ „не по себѣ;“ руки и ноги не болятъ, а какъ будто помяты, не свободно и неловко двигаются, голова не болитъ еще, а какая-то тяжелая, какъ пескомъ насыпана или свинцомъ налита, по спинѣ періодически пробѣгаютъ мурашки. Если въ этомъ именно періодѣ заболѣванія не принять рѣшительныхъ мѣръ, то дѣло плохо, тифъ непремѣнно разовьется. Въ первый разъ когда я почувствовалъ такое состояніе я немедленно принялъ слѣдующія мѣры: прежде всего я ушелъ изъ города въ лагерь. Погода была великолѣпная, теплая, сухая, въ лагерѣ я попросилъ разостлать коверъ на самомъ припекѣ солнца, положить подушку, теплое одѣяло, затѣмъ хватилъ натощакъ большую рюмку коньяку, улегся, накрылся одѣяломъ съ головой и заснулъ. Проспалъ я тутъ цѣлыхъ пять часовъ, и когда проснулся, то на мнѣ не было не единой сухой нитки—испарина страшная. Сейчасъ же послалъ въ городъ за свѣжимъ бѣльемъ и всею верхнею одеждой; перемѣнилъ все, переодѣлся, погулялъ, цѣлый день ничего не ѣлъ, а къ вечеру принялъ еще „oleum ricini“... На другое утро я поднялся бодрымъ и здоровымъ. Дня чрезъ два со мною повторилась та же исторія, и тутъ я сражался уже въ теченіе двухъ сутокъ; тѣ же самыя средства, а главное чистый полевой воздухъ снова возстановили мои силы. Не такъ счастливъ нашъ бѣдный Мрайскій, у него настоящій тифъ и температура уже 39 ½°. Долго онъ боролся, перемогался, но врагъ осилилъ. Удивительно что только у насъ тутъ дѣлается: одинъ подымается, другой на его мѣсто ложится. Снисаревскому теперь лучше, онъ поправляется, а тотъ кто его лѣчилъ—Мрайскій уже въ постели... Эпидемія кажется

въ полномъ разгарѣ.., Работы достаточно, а мнѣ выпало на долю работать за двоихъ—и въ лазаретѣ и въ своемъ Сибирскомъ околоткѣ; въ первомъ въ настоящее время 189 человѣкъ больныхъ, а во второмъ 130 человѣкъ; утро цѣлое исповѣдуешь, причащаешь, утѣшаешь какъ можешь, и какъ умѣешь, а вечеромъ—на кладбище хоронить... Сколько грустныхъ могилъ оставимъ мы здѣсь... А сколько сиротъ, вдовъ, скорбящихъ родителей!... А придешь въ лазаретъ, въ околотокъ,—истинно сердце надрывается. Эти стоны безотрадные, эта удивительная, непостижимая для меня покорность судьбѣ, такая тихая, всевыносящая,—хоть бы ропотъ, озлобленіе, отчаяніе,—ничего подобнаго... Вотъ гдѣ истинная школа терпѣнія, смиренія, всецѣлой покорности Промыслу Божію! Не я ихъ утѣшаю, назидаю, они меня безмолвно поучаютъ... Тяжела эта горькая наука, но она памятна, потому что слишкомъ очевидна и выразительна!...—„Батюшка, напишите мнѣ"... Вотъ эти писанія, эти предсмертныя завѣтныя письма терзаютъ и мучатъ меня несказанно; какъ начнетъ онъ диктовать: „женѣ моей Степанидушкѣ на вѣки нерушимо"... Пауза, слезы... „милому сыночку Васенькѣ"—опять пауза, опять слезы... „Дражающимъ родителямъ моимъ, батюшкѣ NN, матушкѣ NN,"—а у самаго не сходитъ съ глазъ эта горючая, безнадежная, послѣдняя земная слеза... Ну какъ тутъ писать?... Не чернилами, а горькими слезами, измученнымъ сердцемъ пишутся и диктуются эти предсмертные, послѣдніе завѣты любящей души... На дняхъ получены нами прискорбнѣйшія извѣстія: погибъ бѣдный Рибо, нашъ сотрудникъ послѣ Плевны; скончался и нашъ дорогой И. М. Ковалевскій въ Адріанопольскомъ госпиталѣ!... Безпощадный тифъ никого не милуетъ, не разбираетъ... Представь положеніе молоденькой М. Ковалевской и еще съ груднымъ ребенкомъ когда она получитъ убійственную вѣсть о смерти горячо любимаго мужа!... А я еще хотѣлъ уѣхать въ командировку! Какъ же мнѣ послѣ этого не благоговѣть предъ неисповѣдимыми путями Промысла Божія, вся во благое для меня направляющаго? Какъ не предавать себя безгранично, беззавѣтно Его премудрому руководительству? *Да будетъ воля Твоя,* повторяю я изъ глубины души, и бодро, небоязненно иду

въ лазаретъ, на кладбище, посреди самой сѣни смертной, глубоко вѣрующій что благодать Божія, въ немощахъ врачующая и оскудѣвающую въ насъ силу восполняющая, помилуетъ и спасетъ меня... Святѣйшая вѣра наша, какъ ты утѣшительна! Какая въ тебѣ сила и какое ободреніе!...

Въ Лазареву субботу предъ вечеромъ я провожалъ на кладбище четыре гроба и засталъ тамъ отца Евстаѳія, который пришелъ туда тоже съ двумя гробами изъ своего околотка. Не успѣлъ я кончить литію какъ сзади послышались знакомые звуки горнисткаго рожка,—смотримъ: отецъ Ѳеодотъ провожаетъ еще два гроба... Это повторяется почти ежедневно, только въ разное время, а тутъ нечаянно сошлись всѣ...

Сегодня погода стоитъ великолѣпная, но вчера и третьяго дня здѣсь бушевала холодная, вѣтряная буря съ проливнымъ дождемъ. Цѣлую ночь наша квартира ходенемъ-ходила и мы ежеминутно ожидали въ ней какого-нибудь разрушенія. А что было въ лазаретѣ, въ лагеряхъ, на морѣ? Вчерашняя бурная ночь причинила величайшія бѣдствія въ лагеряхъ и гибельно отозвалась на здоровьи солдатъ: такъ какъ соломы купить здѣсь нельзя ни за какія деньги, а рогожки неприступно дороги, то солдаты по необходимости не имѣютъ никакой подстилки и спятъ въ палаткахъ прямо на землѣ; лагерь устроенъ на скатѣ горы, по косогору, и во время проливнаго дождя вся масса воды съ вершины устремилась внизъ прямо на палатки и ручьями понеслась подъ ними; самыя палатки промокли и сдѣлались какъ рѣшето, спастись некуда, непроглядная тьма ночная, проливной дождь, бурный холодный вѣтеръ, шумно бѣгущіе потоки, невозможность зажечь огонь и развести костры—все это вмѣстѣ составило страшное бѣдствіе... Солдаты всю ночь не спали, всю ночь дрожали отъ холода и мокроты, послѣдствія на другой же день выразились очень осязательно: количество больныхъ утроилось... Вотъ вамъ и югъ, и Мраморное море... Мѣстные жители Греки и Армяне сваливаютъ всю бѣду на насъ, Русскихъ, утверждая что у нихъ никогда будто бы не бывало такой холодной и непостоянной весны, и что мы, Русскіе, принесли съ собою такую суровую погоду. То же самое твердили намъ и Болгары подъ Плевной когда

наступили въ декабрѣ довольно сильные морозы, какихъ, по словамъ *братушекъ*, и старики ихъ не запомнятъ. Насколько тутъ правды, не знаю, но фактъ налицо...

За недѣлю до этой бури погода стояла превосходная, теплая и ясная, такъ что нѣкоторые изъ нашихъ офицеровъ щеголяли уже въ кителяхъ. Съ наступленіемъ теплыхъ дней и лагерная жизнь оживилась было совсѣмъ: пошли ученья утромъ и вечеромъ по-ротно, по-баталіонно, а нерѣдко и церемоніальные марши цѣлыми полками съ музыкой. Начальники всѣми силами стараются поддержать бодрость духа въ нижнихъ чинахъ: по вечерамъ вызываютъ пѣсенниковъ, устраиваютъ пляски, разводятъ костры, прыганье черезъ нихъ, разныя игры, гимнастическія кувырканья, назначаютъ отъ себя разные призы, словомъ, всячески стараются развлекать солдатъ, не даютъ имъ задумываться, сосредоточиваться на настоящемъ ихъ положеніи; нарочно распускаютъ слухи что отправка въ Россію начнется вскорѣ послѣ Пасхи, что гвардія уже будто бы садится на пароходы. Эти слухи какъ будто даже подтверждаются и становятся для всѣхъ болѣе вѣроятными, такъ какъ на дняхъ изъ нашихъ полковъ отправлена въ Санъ-Стефано первая партія слабосильныхъ для доставленія ихъ въ Одессу, вмѣстѣ съ тѣмъ приказано подготовлять къ тому же и больныхъ которые окажутся способными перенести эвакуацію. Но о настоящемъ нашемъ возвращеніи въ Россію пока не имѣется никакихъ опредѣленныхъ свѣдѣній; толкуютъ все о какой-то конференціи которая будто бы должна собраться или уже собралась, по словамъ однихъ, въ Вѣнѣ, по словамъ другихъ въ Берлинѣ или Парижѣ. Между тѣмъ къ намъ почти ежедневно подвозятъ продовольственные запасы въ огромныхъ размѣрахъ и значитъ на очень продолжительное время... Сухарей навалили и здѣсь въ Чорлу цѣлыя горы; но пусть бы эти запасы доставлялись по морю на пароходахъ, это бы еще ничего, а то постоянно прибываютъ наши несчастные вольнонаемные транспорты изъ-за Балканъ. Можно представить какое добро они доставляютъ. Сухари, мука и крупа, все это зеленое, желто - сѣрое. Къ навороченнымъ здѣсь около одной мечети складамъ нашихъ запасовъ подойти близко нельзя,

такъ разитъ отъ нихъ удушливымъ запахомъ гнили. Наши командиры подняли ожесточенную войну съ интендантами и рѣшительно отказываются принимать такой провіантъ, а мой дорогой сожитель поднялъ настоящій гвалтъ и разослалъ повсюду такія внушительныя заявленія и представленія что дѣло по неволѣ пошло на усмотрѣніе высшаго начальства.

Бѣдные погонцы-Хохлы, какою-то злою судьбой занесенные на берега Мраморнаго моря, начинаютъ увеличивать собою и безъ того солидное число жертвъ уносимыхъ эпидеміей. Этихъ несчастныхъ погонцевъ я видѣлъ еще въ Санъ-Стефано когда туда ѣздилъ; они толпами осаждали полевой штабъ, принося ему слезныя жалобы на то что ихъ не разчитываютъ. Часто я разговаривалъ съ этими земляками и слышалъ отъ нихъ положительно „неслыханные“ разказы о томъ *что* выдѣлывали съ ними начальники транспортовъ и агенты подводнаго товарищества. Замѣчательно что, какъ вездѣ и всегда, наши Малороссы выдерживаютъ свой коренной характеръ: несмотря на ужасное положеніе въ которомъ они находятся, несмотря на лишенія и притѣсненія всякаго рода которымъ они подвергались, они разказываютъ объ этомъ съ примѣсью своего удивительнаго, неподражаемаго юмора.

Приближаются великіе дни „Страстей Господнихъ,“ а за ними и всерадостнѣйшая Пасха. Какъ-то мы встрѣтимъ ее здѣсь—страшно и подумать объ этомъ... Прощайте.

ГЛАВА IX.

Пасха въ Чорлу.

Чорлу, 18 апрѣля.

Христосъ воскресе!

Какой это всеобще радостный и какой онъ для насъ теперь невыразимо грустный привѣтъ! Рука не подымается описывать подробно какъ мы готовились, какъ мы встрѣчали и проводили завѣтный день Св. Пасхи.

Въ Великій Четвертокъ послѣ литургіи я отправился къ отцу протосинкелу чтобъ условиться съ нимъ на счетъ богослуженія страстей Господнихъ и слѣдующихъ затѣмъ великихъ дней. Протосинкелъ принялъ меня опять весьма любезно и изъявилъ свое желаніе участвовать вмѣстѣ съ нами въ богослуженіи. Въ назначенное время (7 часовъ вечера) всѣ мы собрались въ церковь, пришелъ отецъ протосинкелъ и съ нимъ еще четыре іеромонаха. Порѣшили служить такъ: первое евангеліе буду читать я по-славянски, а потомъ отецъ протосинкелъ повторитъ то же евангеліе по-гречески; затѣмъ слѣдующія евангелія будутъ читать прочіе священники по порядку: второе евангеліе прочтетъ нашъ священникъ, третье — ихъ, и т. д. Евангелія будутъ читать по греческому обычаю: въ царскихъ вратахъ, обратясь лицомъ къ народу, антифоны будутъ пѣть, по прочтеніи евангелія нашимъ священникомъ, ихъ пѣвцы по-гречески. Началось богослуженіе. Въ церковь собралось множество народа, такъ что несмотря на обширность соборнаго храма въ немъ было очень тѣсно. Впереди стали

по обычаю высшіе представители нашего воинства: генералы, полковники, множество офицеровъ, за ними густая масса нашихъ солдатъ. Но, къ удивленію нашему, изъ мѣстныхъ жителей Грековъ къ такому торжественному богослуженію явилось не болѣе десяти, пятнадцати стариковъ; за то на хорахъ, которые тянутся почти до самаго алтаря, за густыми рѣшетками блистали многочисленные огоньки. Это собрались мѣстныя женщины Гречанки, для которыхъ собственно и устроены эти хоры, такъ какъ по восточнымъ обычаямъ женщины не пользуются правомъ входить и становиться въ самомъ храмѣ въ сообществѣ или сосѣдствѣ мущинъ. Когда наши пѣвчіе пропѣли одинъ разъ *Егда славніи ученицы*, протосинкелъ предложилъ мнѣ чрезъ переводчика чтобъ и въ продолженіе всего богослуженія пѣли одни только наши пѣвчіе, но я на это не согласился, передавъ отцу протосинкелу что такое продолжительное пѣніе будетъ для однихъ нашихъ пѣвчихъ слишкомъ обременительно и что для присутствующихъ во храмѣ Грековъ наше пѣніе не понятно, а потому они могутъ быть этимъ не довольны. Онъ согласился. Стали продолжать: я прочелъ первое евангеліе... Замолкли грустно-торжественные звуки нашего хора: *Слава долготерпѣнію Твоему Господи!...* протосинкелъ сдѣлалъ послѣ этого весьма продолжительную паузу, видимо для того чтобы нѣсколько парализовать впечатлѣніе производимое прекрасными, мелодическими звуками нашего пѣнія; потомъ, обратившись къ предстоящимъ, онъ затянулъ громкимъ, рѣзкимъ, гнусливымъ голосомъ: Σοφία, ὀρθοὶ, ἀκούσωμεν τοῦ ἁγίου Εὐαγγέλου Εἰρήνη πᾶσι... (Премудрость, прости, услышимъ св. евангелія. Миръ всѣмъ). Запѣли ихъ пѣвцы... Кто не слыхалъ греческаго пѣнія, трудно разказать, разъяснить что это за пѣніе. Приблизительное понятіе объ этомъ пѣніи можетъ себѣ составить развѣ тотъ кто имѣлъ возможность побывать въ моленныхъ нашихъ раскольниковъ и послушать ихъ гнусливаго завыванія. Но раскольники предъ Греками-пѣвцами просто артисты. Для многихъ изъ нашихъ, Русскихъ, въ первый разъ услышавшихъ въ Чорлуской церкви настоящее греческое пѣніе, и еще послѣ пѣнія нашего превосходнаго хора, контрастъ между этими двумя образцами церковныхъ

напѣвовъ былъ по истинѣ неожиданный и поразительный,— выходило что-то не совмѣстное, діаметрально противоположное, другъ друга исключающее... Не даромъ, значитъ, отецъ протосинкелъ предлагалъ чтобы пѣли одни наши пѣвчіе... Но еще поразительнѣе обозначился контрастъ пѣнія русскаго и греческаго когда начали пѣть антифоны... Что̀ тутъ выдѣлывали Греки! Чтобы поддержать своихъ пѣвцовъ-клирошанъ и всѣ сослужившіе намъ священники-Греки подтягивали изъ алтаря, но подтягивали во всю грудь, во весь голосъ, нисколько не прислушиваясь, такъ что на клиросѣ поютъ одно, а въ алтарѣ—другое, и при этомъ каждый изъ поющихъ видимо старается перекричать и заглушить всѣхъ остальныхъ. Во время чтенія греческимъ священникомъ пятаго евангелія протосинкелъ обошелъ вокругъ престола и остановился у большаго запрестольнаго креста съ рѣзнымъ изображеніемъ распятаго Спасителя, къ нему подошли еще два сослужащіе іеромонаха, и когда читавшій евангеліе протяжно выговорилъ послѣднія слова: *и сему задѣша понести крестъ Его*,—іеромонахи подняли большой и очень тяжелый запрестольный крестъ и положили его на плечо протосинкела, затѣмъ взяли въ руки кадильницы, зажженныя свѣчи и съ пѣніемъ ἅγιος ὁ Θεὸς (Святый Боже) тихо двинулись изъ алтаря сѣверными дверями, вышли во храмъ и остановились на самой срединѣ его. Мы и всѣ Русскіе присутствовавшіе при этомъ съ напряженнымъ любопытствомъ смотрѣли на этотъ не существующій у насъ церковный обрядъ. На срединѣ храма нарочно для этого обряда сдѣлано въ полу глубокое отверстіе, какъ бы выкопанная ямка, какъ разъ по размѣру нижняго конца запрестольнаго креста, въ это отверстіе протосинкелъ, при помощи іеромонаховъ, поставилъ крестъ, тотчасъ ему и всѣмъ сослужащимъ подали большіе гвозди и молотки, нагнувшись къ самому подножію креста они стали укрѣплять его, вбивая гвозди... Раздался по церкви стукъ молотковъ, около Креста Господня поднялась работа пригвожденія, точь въ точь какъ на Голгоѳѣ... Впечатлѣніе этого обряда поражающее!... И мысль и чувство невольно переносятся къ нагорнымъ предмѣстьямъ Іерусалима между которыми возвышается дѣйствительная

Голгоѳа; какъ будто видишь своими глазами Божественнаго Крестоносца изнемогшаго подъ бременемъ своей крестной ноши и Симона Киринея *ему же задѣша понести крестъ Его*;— какъ будто слышишь убійственный стукъ молотка прибивающаго ко Кресту Божественныя длани и стопы нашего Искупителя. Въ то время какъ протосинкелъ со крестомъ на плечѣ показывается изъ сѣверныхъ алтарныхъ дверей, на клиросѣ начинаютъ медленно пѣть извѣстную стихиру: *днесь Владыка твари и Господь славы на крестѣ пригвождается*, а когда крестъ установленъ и прибитъ уже на срединѣ храма, пѣвцы и всѣ участвующіе въ совершеніи обряда поютъ: *Искупилъ ны еси отъ клятвы законныя честною Твоею кровію, на крестѣ пригвоздився, копіемъ прободся*...—послѣ чего всѣ священнослужащіе, сдѣлавъ честному Кресту земное поклоненіе, тихо удаляются въ алтарь чрезъ царскія двери. Но этимъ еще не совсѣмъ окончился трогательный обрядъ, называемый у Грековъ обрядомъ несенія и пригвожденія креста Господня. Во время чтенія *девятаго* евангелія, начинающагося словами: „*стояху при крестѣ Іисусовѣ мати Его и сестра матере Его*“, на средину храма выносятся изъ алтаря двѣ запрестольныя иконы: Матери Божіей и Св. апостола Іоанна Богослова и становятся на особо устроенныхъ для этого аналояхъ по обѣимъ сторонамъ водруженнаго тамъ креста. Въ это время предъ Распятіемъ и этими иконами поставляются три огромные подсвѣчника, и ктиторъ церкви съ помощію служителей ставитъ на нихъ огромное количество свѣчъ заранѣе уже купленныхъ усердствующими и порученныхъ ему для поставленія. Какъ только завидѣли наши солдаты эти подсвѣчники и свѣчи сейчасъ же начали ставить и свои, такъ что освѣщеніе храма сдѣлалось дѣйствительно блистающимъ, и намъ передавали потомъ нѣкоторые изъ нашихъ офицеровъ что изъ глубины храма, отъ западныхъ дверей, видъ Креста Господня высоко подымающагося надъ головами всѣхъ предстоящихъ и такъ ярко освѣщеннаго истинно поразителенъ!...

По окончаніи богослуженія страстей Господнихъ мы обратились къ протосинкелу съ вопросомъ: какъ и въ какое именно время завтра, т.-е. въ Великій Пятокъ, будемъ совершать

выносъ плащаницы? На это онъ отвѣтилъ намъ довольно сухо и нелюбезно что завтра мы можемъ совершать это богослуженіе здѣсь въ соборѣ когда намъ угодно, а они будутъ служить у себя въ кладбищенской церкви и тоже когда имъ угодно. Что же касается до субботней утрени, предупредительно прибавилъ онъ, то мы можемъ отслужить оную съ вечера здѣсь въ соборѣ а они будутъ служить ее утромъ въ 4 часа пополуночи. Съ тѣмъ мы и разошлись. Видимо Греки остались недовольны нашимъ совмѣстнымъ богослуженіемъ, а протосинкелъ просто былъ сердитъ и поглядывалъ какъ-то свирѣпо.

Вечерня Великаго Пятка съ выносомъ плащаницы назначена была, по соглашенію съ высшимъ военнымъ начальствомъ, въ два часа пополудни; къ этому времени мы всѣ собрались въ церковь и совершили богослуженіе соборнѣ. Грековъ не было никого, кромѣ тѣхъ немногихъ стариковъ которые присутствовали и вчера на богослуженіи страстей Господнихъ. Стали расходиться,—и только что наши солдаты приложились къ плащаницѣ и послѣдній изъ нихъ вышелъ изъ церкви, какъ начался снова благовѣстъ. Это насъ удивило, мы пріостановились. Не прошло и десяти минутъ какъ въ церковь спѣшно вошелъ протосинкелъ и съ нимъ всѣ іеромонахи, а вслѣдъ за ними со всѣхъ сторонъ, со всѣхъ улицъ устремились въ церковь женщины-Гречанки со своими дѣтьми, преимущественно дѣвочками. Женщины были разряжены въ самые праздничные костюмы и каждая несла въ рукахъ букетъ живыхъ цвѣтовъ, а дѣвочки сверхъ того имѣли еще вѣнки на головахъ. Все это насъ заинтересовало, и мы, увлекаясь понятнымъ любопытствомъ, остались въ церкви, желая посмотрѣть что будетъ. Прежде всего мы предположили то что Греки измѣнили свое намѣреніе и рѣшились служить не въ кладбищенской церкви, дѣйствительно тѣсной, а здѣсь въ соборѣ, но предположеніе наше не оправдалось: богослуженія никакого не было и священники даже не заглянули въ алтарь, а остановились почти у самыхъ входныхъ дверей далеко за плащаницей. Отецъ протосинкелъ, не замѣчая нашего присутствія въ церкви и любопытствующаго наблюденія за нимъ, усѣлся на приготовленномъ для него мѣстѣ у столика, на которомъ поставленъ былъ

письменный приборъ и лежала довольно большая кучка какихъ-то бумажекъ. Прочіе іеромонахи тоже размѣстились въ разныхъ частяхъ церкви и также у столиковъ заранѣе приготовленныхъ ктиторомъ, а одинъ усѣлся даже на паперти при входѣ въ церковь. Только что они размѣстились, сейчасъ же ихъ окружили женщины болѣе или менѣе густыми толпами. Женщины подходили къ плащаницѣ, крестились, клали на нее свои букеты и не прикладываясь отходили къ столикамъ; дѣти—дѣвочки клали на плащаницу свои вѣнки, такъ что чрезъ нѣсколько минутъ на плащаницѣ образовалась цѣлая гора живыхъ цвѣтовъ. Служитель церковный снималъ ихъ въ корзину и разносилъ по церкви, украшая ими различныя иконы; то же дѣлали и старики-Греки присутствовавшіе при выносѣ плащаницы. Ничего не понимая что̀ предъ нами происходитъ, мы послали за переводчикомъ который, явясь чрезъ нѣсколько минутъ, растолковалъ намъ все... Оказалось что у Грековъ есть церковно-народный обычай поминовенія усопшихъ во время утрени Великой Субботы, для чего всѣ присутствующіе на этой утрени, въ особенности женщины, вмѣстѣ со священнослужащими, взявъ плащаницу, отправляются съ нею на городское кладбище и тамъ совершаютъ самое поминовеніе, причемъ, пояснилъ намъ переводчикъ, сжигаютъ тамъ Іуду... Какого Іуду? невольно въ одинъ голосъ спросили мы. — Предателя Господня, совершенно серіозно отвѣчалъ переводчикъ. Это послѣднее сообщеніе заинтересовало насъ чрезвычайно, и мы сговорились непремѣнно собраться въ церковь къ четыремъ часамъ пополуночи чтобы посмотрѣть какъ Греки будутъ сожигать Іуду-предателя.

Въ назначенное время, около семи часовъ вечера, мы снова пришли въ церковь для совершенія субботней утрени, и къ удивленію нашему застали еще всѣхъ, и протосинкела, и его помощниковъ, на прежнихъ мѣстахъ у столиковъ. Работа у нихъ шла безостановочно. Такъ какъ въ Чорлу нѣтъ приходской церкви и приходскаго священника, то всѣ требоисправленія для прихожанъ отправляютъ монахи; а приходъ большой и прихожанъ очень много не только въ городѣ, но и въ близь лежащихъ деревняхъ и чифликахъ. Всѣ эти прихожане, въ

лицѣ своихъ женщинъ, по заведенному изстари обычаю непремѣнно должны являться въ церковь въ Великую Пятницу для поминовенія своихъ усопшихъ родителей и братій. Такимъ образомъ въ этотъ день сходится и побываетъ въ церкви болѣе двухъ тысячъ женщинъ, и всѣ онѣ непремѣнно заносятъ своихъ усопшихъ на особыя записочки и за это платятъ монахамъ установленное вознагражденіе. Въ прежніе годы, по словамъ переводчика, стеченіе женщинъ въ этотъ день бывало несравненно многочисленнѣе, и записываніе усопшихъ продолжалось цѣлый день, съ ранняго утра и до поздней ночи; теперь же война уменьшила количество прихожанъ, многія деревни и чифлики совсѣмъ разорены, жители разбѣжались и самый городъ много пострадалъ отъ военныхъ дѣйствій, о чемъ свидѣтельствуютъ еще свѣжія развалины, особенно въ турецкой части города.

Когда мы совершали богослуженіе субботней утрени и торжественно обносили плащаницу вокругъ церкви, былъ тихій, теплый, прекрасный вечеръ; но когда мы поднялись въ 4 часа утра, на дворѣ уже моросилъ дождь, который впрочемъ все-таки не остановилъ насъ; въ страшной темнотѣ, подъ дождемъ, мы отправились въ церковь,—но каково же было наше огорченіе и досада когда мы никоимъ образомъ ни съ какого боку не могли попасть въ монастырскую ограду;--всѣ входы, всѣ калитки были наглухо заперты и на наше стучанье мы не добились ни гласа, ни послушанія. Кругомъ царила мертвая тишина и только дождь хлесталъ насъ въ наказаніе за наше праздное любопытство. Такъ мы и вернулись домой ни съ чѣмъ, не умѣя объяснить себѣ отчего у Грековъ нѣтъ богослуженія и зачѣмъ они отложили свой обычай сожигать Іуду?...

Въ Великую Субботу послѣ божественной литургіи къ намъ подошелъ оберъ-контролеръ нашего гренадерскаго корпуса и сказалъ: „отцы, сегодня ночью я былъ нечаяннымъ свидѣтелемъ чего-то непонятнаго, необыкновеннаго, что̀ вы должны мнѣ объяснить. Слушайте: вчера послѣ нашего вечерняго богослуженія я зашелъ въ корпусный штабъ и пробылъ тамъ за полночь; часу во второмъ иду домой мимо квартиры начальника дивизіи (недалеко отъ монастыря) и вдругъ слышу

доносящіеся до меня звуки греческаго церковнаго пѣнія. Я остановился, прислушался. Вижу изъ-за угла поперечной улицы выходитъ цѣлая процессія съ фонарями, крестами и съ плащаницей. Толпа женщинъ сопровождаетъ шествіе греческаго духовенства тихо двигающагося по улицѣ.... Несмотря на мелкій дождикъ, я подъ вліяніемъ любопытства двинулся вмѣстѣ съ толпой; прошли нѣсколько улицъ, вышли за городъ, по направленію къ кладбищу; священники, прекративъ пѣніе, начали что-то громко читать, но до меня доносились только какія-то имена: Теодору, Теофилу, Василеосъ, Евстяѳіу... Такъ подошли мы къ самому кладбищу; вдругъ на одномъ концѣ кладбища ярко запылалъ какой-то столпъ, мы двинулись къ нему и остановились какъ разъ предъ этимъ пылающимъ столпомъ. Священники продолжали читать имена, а женщины, наклоняясь къ землѣ, хватали горсти грязи и съ какимъ-то ожесточеніемъ бросали по направленію къ горѣвшему столпу... Я протиснулся поближе къ священникамъ, всматриваюсь пристально въ горящій столпъ и къ удивленію моему замѣчаю что горитъ какое-то человѣкоподобное чучело. Такъ мы простояли тутъ пока чучело не сгорѣло до тла;—священники все читали; женщины все бросали грязью, въ чемъ особенно усердно помогали имъ уличные мальчишки которые при этомъ еще кричали что-то самымъ неистовымъ образомъ. Я ничего не понималъ что̀ творилось предъ моими глазами и къ крайней моей досадѣ ни съ кѣмъ не могъ заговорить, распросить, разузнать что̀ все это значило?... Не знаете ли хоть вы что это такое творилось у Грековъ?“ Мы разказали ему то что сами слышали вчера отъ переводчика; но какое значеніе, какой смыслъ придаютъ Греки этому странному обычаю и давно ли и вездѣ ли у нихъ онъ совершается,—мы ничего этого не знаемъ и самъ переводчикъ нашъ, слушавшій вмѣстѣ съ нами весь разказъ контролера и лукаво при этомъ улыбавшійся, отказался дать намъ какія-либо объясненія, извиняясь невѣдѣніемъ. Одно только стало намъ теперь понятнымъ что Греки перехитрили насъ: намъ сказали что утреню начнутъ въ четыре часа, а сами начали ее въ двѣнадцать и къ тремъ часамъ все покончили въ полной увѣренности что мы ничего не увидимъ, ничего не узнаемъ...

Значитъ имъ почему-то не хотѣлось чтобы мы это видѣли.

Въ тотъ же день послѣ обѣда мы отправились съ моимъ почтеннымъ сожителемъ на базаръ чтобы купить чего-нибудь къ празднику. Но, увы, въ этомъ пустынномъ и грязномъ Чорлу положительно ничего нельзя достать,—даже говядина была въ это время отвратительная. О куличахъ, индѣйкахъ, окорокахъ и поросятахъ нечего было и думать. Купили мы вина, портеру, апельсиновъ, двѣ черствыя якобы французскія булки, три копченые языка, масла, сыру и двѣ банки какого-то варенья—вотъ и все...

Наступилъ пасхальный вечеръ,—тотъ вечеръ котораго каждый русскій человѣкъ, кто бы онъ ни былъ, а особенно семьянинъ, цѣлый годъ ожидаетъ съ такимъ нетерпѣніемъ... Пробило одиннадцать... Съ невыразимо-тоскливымъ, гнетущимъ чувствомъ вышелъ я изъ своей квартиры... На улицѣ—ни души, тишина невозмутимая, темнота непроглядная,—даже жутко стало... Долго я брелъ до церкви, и что̂ передумалъ, перечувствовалъ на этомъ скорбномъ пути,—лучше не спрашивайте...

Греки убрали церковь гирляндами изъ лавровыхъ вѣтвей и освѣтили великолѣпно. Сослужилъ намъ одинъ отецъ протосинкелъ и читалъ евангеліе на литургіи по-арабски; я читалъ по-славянски, другой нашъ священникъ—по-русски, третій—по болгарски, четвертый—по-гречески; пѣли одни наши пѣвчіе и Греки не вмѣшивались, хотя мы и предлагали имъ показать еще разъ ихъ искусство...

Пока мы были въ церкви мы сознавали величайшее, всерадостнѣйшее торжество всего христіанства—Пасху и духовно восторгались. Но когда пришли домой, никакими словами нельзя выразить что мы тутъ почувствовали... Во дворѣ нашей квартиры я перваго встрѣтилъ повара—обнялись, похристосовались, потомъ—кучера нашего и съ нимъ то же самое, потомъ деньщиковъ—похристосовались; вхожу въ нашу комнату—пустота и тишина невозмутимая. Не хотѣлось какъ-то вѣрить что кромѣ повара и деньщиковъ никого больше не увидишь, ни съ кѣмъ еще не похристосуешься... Проснулся я

въ десять часовъ, гляжу—мой измученный сожитель лежитъ на своей кровати въ полномъ мундирѣ и съ орденомъ на шеѣ. На срединѣ комнаты накрытъ столъ и на немъ наши скромныя покупки. Пришли наши пѣвчіе, пропѣли, поздравили, похристосовались; я пригласилъ ихъ идти вмѣстѣ со мною въ лазаретъ. О, какъ же утѣшилъ меня Господь среди нашихъ недугующихъ, страждущихъ и обремененныхъ!... Не умѣю описать той скорбной радости, тѣхъ слезъ умиленія съ которыми повсюду встрѣчали насъ когда мы входили въ палатки и дома съ громкимъ пѣніемъ: Христосъ воскресе!—Никогда не забуду одного случая: входимъ мы въ небольшую комнату, гдѣ лежали одни только наши многострадальные фельдшера—эти истинные, но не вполнѣ признанные доселѣ ратоборцы-труженики минувшей войны,—слѣва у самой двери на полу лежитъ фельдшеръ Ладановъ въ сильнѣйшемъ періодѣ возвратнаго тифа: у него постоянный бредъ и мнѣ врачи наши сообщили уже что нѣтъ никакой надежды на его выздоровленіе. Въ ту минуту когда мы переступили порогъ и громко запѣли: Христосъ воскресе,—Ладановъ быстро поднялся на своемъ убогомъ ложѣ, устремивъ на насъ широко раскрытые до красна распаленные глаза свои, прислушался, и вдругъ зарыдавъ началъ сколько было силы подпѣвать изъ наболѣвшей груди: Христосъ воскресе!...

Изъ лазарета мы перешли въ полковой околотокъ, размѣщенный въ трехъ домахъ... Не спрашивайте какая была обстановка въ этомъ несчастномъ околоткѣ,—и теперь даже страшно вспоминать и не дай Богъ никому этого видѣть.... Съ невыразимо отрадными слезами радости и умиленія встрѣчали насъ вездѣ; многіе изъ болящихъ, обращаясь ко мнѣ съ благодарными слезами на глазахъ, простодушно заявляли что *теперь* и у нихъ праздникъ, что я *сдѣлалъ* имъ праздникъ... Заходили мы и къ болящимъ врачамъ нашимъ и къ офицерамъ, вездѣ радость неподдѣльная, сердечная,—удовольствіе высокое... Да, наша Пасха есть величайшее, ничѣмъ незамѣнимое утѣшеніе въ скорби!...

Греки праздновали Пасху *по-своему*. Пасхальная утреня и литургія не составляютъ у нихъ самаго, такъ сказать, центра

празднества; къ этимъ богослуженіямъ ходятъ однѣ только женщины и то въ самыхъ обыкновенныхъ, почти будничныхъ костюмахъ. Все утро и день проходятъ обыкновенно, ни малѣйшаго движенія по улицамъ, и еслибы наше начальство не воспретило, Греки навѣрно открыли бы свои лавочки. Но все это только до вечерни... Пасхальная вечерня составляетъ у нихъ самую *суть* празднества и совершается особенно торжественно. Но тутъ опять непонятная для насъ особенность народно-церковныхъ обычаевъ: къ этой вечерни являются исключительно одни мужчины въ самыхъ изысканныхъ праздничныхъ одеждахъ,—и, кажется, это въ цѣломъ году единственное богослуженіе на которое обязаны являться мущины Греки... Служилъ вечерню отецъ протосинкелъ со всѣми пятью іеромонахами. Во время пѣнія великаго прокимна: *Кто Богъ велій, яко Богъ нашъ*,—на колокольнѣ звонили въ единственный колоколъ (пуда въ два), а во время чтенія Евангелія ударяли медленно, съ большими паузами. Все торжество богослуженія сосредоточивается на чтеніи Евангелія: протосинкелъ читалъ въ царскихъ дверяхъ лицомъ къ народу; второй священникъ—за амвономъ, лицомъ къ протосинкелу; третій—на срединѣ храма, лицомъ на западъ; четвертый—у западныхъ дверей, лицомъ на востокъ; пятый—на паперти—на западъ; шестой—на дворѣ, лицомъ на востокъ. Чтеніе Евангелія продолжалось болѣе часа. Читали всѣ на разныхъ языкахъ: на сиро-халдейскомъ, арабскомъ, персидскомъ, турецкомъ, греческомъ и славянскомъ. У Грековъ есть особыя книжки пасхальной вечерни и цѣна этихъ книжекъ соотвѣтствуетъ тому на скольких ъ языкахъ помѣщено въ нихъ вечернее Евангеліе. Переводчикъ говорилъ намъ что есть книжки съ двадцатью разноязычными текстами. Слова всѣхъ текстовъ напечатаны греческими буквами, такъ что и незнающій языка можетъ читать. Не знаемъ какъ это выходитъ на другихъ языкахъ, но по-славянски вышло очень плохо и почти совершенно непонятно; звуки, напримѣръ, ч, ш, щ, ы, или вовсе не выговаривались, или произносились съ какимъ-то гортаннымъ придыханіемъ...

Послѣ вечерни началось христосованье, а по выходѣ изъ церкви сейчасъ же стали составляться на улицахъ народные

кружки и танцы. Принесли изъ домовъ гармоники, небольшія шарманки, торбаны и начали публично или вѣрнѣе улично веселиться, но опять-таки одни мущины. Такіе кружки подгулявшихъ Грековъ можно было видѣть на всѣхъ улицахъ въ первые дни праздника и непремѣнно предъ вечеромъ, послѣ вечерни. Къ чести Грековъ должно сказать что за эти дни мы не встрѣтили между ними ни одного пьянаго до положенія ризъ. Веселье ихъ очень скромно, сдержанно: ходятъ кружкомъ, взявшись за руки, одинъ играетъ на какомъ-нибудь инструментѣ, а всѣ прочіе составляющіе кружокъ подплясываютъ въ тактъ музыкѣ съ разными кривляньями и пантомимами, и въ такомъ видѣ переходятъ изъ улицы въ улицу. Звуки музыки вызываютъ любопытныхъ, и у всѣхъ воротъ и оконъ появляются зрители, преимущественно женщины; такимъ образомъ публичное гулянье мужчинъ происходитъ, такъ сказать, подъ непосредственнымъ контролемъ женскихъ глазъ и, можетъ-быть, по этому самому оно никогда не принимаетъ какихъ-либо уродливо-безобразныхъ формъ, такъ какъ женщины и у Грековъ, какъ у и Болгаръ, пользуются огромнымъ вліяніемъ на мужчинъ и пользуются отъ нихъ глубокимъ уваженіемъ. И нынѣшнія греческія женщины, къ чести ихъ сказать, во многомъ напоминаютъ древнихъ Спартанокъ: онѣ строги, честны и очень требовательны.

Не такъ, и то же *по-своему* праздновали и веселились наши землячки. Русская широкая натура и народные нравы и вкусы и тутъ выразились весьма рельефно... Но осуждать ихъ трудно и едва ли было бы справедливо: встрѣчать и проводить великій день Пасхи на чужбинѣ, не въ своей семьѣ и при тѣхъ исключительныхъ условіяхъ и обстоятельствахъ въ какихъ мы всѣ находились, тоскливо и больно... Кто не испыталъ на себѣ этого тяжелаго положенія, тотъ и не можетъ вѣрно оцѣнить всего, не можетъ, поэтому и не долженъ поднимать камень и бросать имъ въ своихъ ближнихъ.

———

ГЛАВА X.

Послѣ Пасхи.

Чорлу, 28 апрѣля.

Больше недѣли погода стоитъ великолѣпная, благодатная, чисто весенняя, и на душѣ становится какъ-то веселѣе; но что̀ для насъ всего отраднѣе—тифъ начинаетъ сдаваться, слабѣетъ. Случаи заболѣванія и погребенія съ каждымъ днемъ уменьшаются, слава Богу! А что̀ тутъ было предъ Пасхой? истинно страсть Божія!... Самое сильнѣйшее развитіе эпидеміи было съ половины марта и по 20 число апрѣля.—Моему дорогому сожителю, какъ дивизіонному врачу, каждое утро приносятъ изо всѣхъ частей дивизіи такъ-называемыя *рапортички* о числѣ заболѣвающихъ, и я пользуюсь этими документами и вношу ихъ въ свой дневникъ чтобы послѣ можно было прослѣдить постепенное развитіе эпидеміи и составить достовѣрныя статистическія таблицы. Для обращика я сдѣлаю тебѣ краткія выписки хотя за три дня; напримѣръ заболѣло:

Апрѣля	10-го числа	12-го числа	20-го числа
Въ Сибирскомъ полку	22 чел.	17 чел.	20 чел.
„ Малороссійскомъ	18 „	14 „	21 „
„ Фанагорійскомъ	11 „	12 „	14 „
„ Астраханскомъ	22 „	37 „	17 „
„ Артиллеріи	8 „	7 „	5 „
„ Подвижномъ лазар.	8 „	5 „	4 „
Итого	89 „	92 „	81 „
Всѣхъ больныхъ по рапортичкамъ	548 „	843 „	628 „ человѣкъ.

Во всей дивизіи съ перваго числа апрѣля по двадцатое заболѣло 1.342 человѣка, выздоровѣло 440 и умерло 63 человѣка. Процентъ весьма умѣренный въ сравненіи съ тѣмъ чтò было у насъ въ Казанлыкѣ; но за то тамъ были и другія совсѣмъ условія.

Видимое за послѣдніе дни уменьшеніе заболѣвающихъ, а слѣдовательно и уменьшеніе самой эпидеміи, отличная погода, прекрасный мягкій воздухъ и все еще не покидающая насъ надежда на скорое возвращеніе въ Россію, все это вмѣстѣ очень благотворно дѣйствуетъ на солдатъ. Они пріободрились, повеселѣли, молодцами выходятъ ежедневно на ученья и возвращаются съ нихъ съ пѣснями и плясками. Репертуаръ солдатскихъ пѣсенъ увеличился еще одною, недавно появившеюся, которую выкрикиваетъ положительно каждая рота возвращаясь съ ученья. Пѣсня эта очень ужь льститъ боевому самолюбію нашихъ гренадеръ и потому пришлась по душѣ всѣмъ полкамъ.

ГРЕНАДЕРСКАЯ ПѢСНЯ.

Гренадеры въ Нетрополѣ
Бивакомъ стояли,—
Все Османа изъ-подъ Плевны
Чтò-день ожидали.

* * *

Все Османа поджидали,
На-готовѣ были...
Въ ложементахъ и траншеяхъ
День и ночь мы жили.

* * *

Послѣ Знаменья святаго *
Раннимъ-раннею порой
Турки строили колонны
Чтò за Видомъ за рѣкой.

* * *

Густой цѣпью наступали,
Навалились на стрѣлковъ,

* Наканунѣ Плевненской битвы 27-го ноября праздникъ Знаменія Пресвятыя Богородицы, весьма почитаемый многими солдатами.

Магазинками пустили
Изо всѣхъ своихъ рядовъ.

***

Николаевцы-Сибирцы *
Грудью встрѣтили враговъ,
Угостили ихъ берданки,
Доходило до штыковъ.

***

Къ нимъ на помощь Задунайцы **
Прилетѣли какъ стрѣла,
Завязался бой ужасный,
Рукопашная пошла!...

***

Вдругъ откуда ни взялися
Астраханцы *** молодцы,
Да Суворовцы *** лихіе,
Настоящіе бойцы!

***

Вся дивизія сомкнулась,
Дружно грянули ура!
И пошли ломить стѣною
За Россію, за Царя!...

***

Турки дрогнули, сробѣли,
Побѣжали кто куда...
Мы по пяткамъ ихъ чесали
Безо всякаго труда!

***

Къ Виду самому приперли,
Разчесали въ пухъ и прахъ!

---

* 9-й Гренадерскій-Сибирскій полкъ называется Николаевскимъ потому что имѣетъ своимъ шефомъ Великаго Князя Николая Николаевича старшаго.

** 10-й Гренадерскій Малороссійскій полкъ называется еще Задунайскимъ, такъ какъ имѣетъ своимъ шефомъ фельдмаршала графа Румянцева-Задунайскаго.

*** 12-й Гренадерскій Астраханскій полкъ,—шефъ Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ.

**** 11-й Гренадерскій Фанагорійскій полкъ называется еще Суворовскимъ по имени шефа своего генералиссимуса князя Суворова-Италійскаго.

Видитъ Турка: дѣло плохо,
Подымаетъ бѣлый флагъ!...

***

Сорокъ тысячъ полонили,
Пропасть всякаго добра...
Плевну взяли для Россіи,
А Османа—для Царя!...

***

Ну-те жь братцы гренадеры,
Дружно грянемъ мы: ура!
За побѣду, за Россію,
Да за батюшку-Царя!

Къ каждому куплету, который начинаетъ всегда „запѣвало“, хоръ пѣсенниковъ прибавляетъ еще (bis) припѣвъ:

„Гренадеры—вамъ: ура!
Двадцать осьмаго ноября“!...

Пѣсня эта теперь у насъ самая современная, ее распѣваютъ солдаты съ величайшимъ энтузіазмомъ.

Есть еще басня, написанная уже здѣсь въ Чорлу по случаю особенной заботливости начальства объ улучшеніи солдатской пищи. Смыслъ ея тебѣ будетъ понятенъ если ты припомнишь все что̀ я писалъ тебѣ о привезенныхъ сюда изъ-за Балканъ сухаряхъ, мукѣ и крупѣ; все это страшная гниль, и солдаты, сваривъ себѣ супъ, въ большинствѣ случаевъ вываливаютъ его изъ котловъ въ помойную яму. Между тѣмъ начальство почти ежедневно или самолично или чрезъ своихъ адъютантовъ свидѣтельствуетъ приготовляемую пищу и страшно распекаетъ за нее не интендантовъ, а бѣдныхъ кашеваровъ, артельщиковъ и кого слѣдуетъ по инстанціи. Насчетъ этой-то попечительности и написана басня подъ заглавіемъ:

ЗАБОТЛИВЫЙ МЕДВѢДЬ.

Когда-то, гдѣ-то, надъ стадами
Съ овчарками и пастухами
За старшаго поставленъ былъ медвѣдь
Большой, приземистый и крутолобый,
Умѣвшій горло драть и безъ толку ревѣть
Изъ всей своей Таптыгинской утробы...

Хозяинъ этихъ стадъ, богачъ большой,
О вѣрной прибыли радѣя,
Велѣлъ кормить овецъ какъ на убой,
Ни сѣна, ни овса, ни соли не жалѣя....
Овцамъ былъ рай—не жизнь, да пастухи, овчарки
То сѣна не дадутъ, то соли не прибавятъ,
То порцію совсѣмъ убавятъ,—
И выйдетъ всякій разъ изъ овчей варки
Не супъ, а бурдахлыстъ—
И только свистъ
Въ желудкахъ отъ него, да буркотня съ поносомъ....
И вотъ съ доносомъ
Къ медвѣдю шавки: такъ и такъ....
Овцамъ житья нѣтъ отъ собакъ.
Овецъ овчарки обижаютъ,
Овса и сѣна не даютъ,
Овечки сухари грызутъ,
А часомъ просто голодаютъ!...
Медвѣдь вскипѣлъ: оретъ, реветъ,
Сердито лапой въ землю бьетъ,
Стремглавъ въ овчарню прибѣгаетъ,
Овчарокъ страшно распекаетъ,
Всѣхъ пастуховъ на судъ зоветъ....
Овечки думаютъ: теперь не жизнь, а рай пойдетъ!...
И что же?
На завтра все одно и то же!...
И всякій Божій день предъ ними сцена:
Летитъ медвѣдь, оретъ, реветъ,
Сердито лапой въ землю бьетъ,
Отъ ярости летятъ изъ-пасти брызги пѣны,
А бурдахлыстъ безъ перемѣны....
И тѣ жь овчарки злыя,
И тѣ же сухари гнилые!...
Смыслъ басни не великъ
И разумъ самъ собой:
(Могу сказать я смѣло)....
Тутъ нуженъ, братъ, не крикъ,
Не топанье ногой,
А дѣло!...

Не мало ходитъ по рукамъ разныхъ мелкихъ стихотвореній, болѣе или менѣе ѣдкихъ эпиграммъ, направленныхъ противъ личностей очень извѣстныхъ. Но ни кому такъ не достается какъ нашимъ интендантамъ и Жидамъ, а они себѣ только

осклабляются и отъ удовольствія потираютъ свои жирныя руки. Замѣчательна въ этомъ отношеніи тонкая смѣтливость нашихъ солдатъ, не лишенная глубокаго сарказма: въ своихъ названіяхъ они отождествляютъ и какъ будто по невѣдѣнію смѣшиваютъ интендантовъ съ маркитантами; такъ, завидѣвъ интенданта, они говорятъ: „вотъ идетъ нашъ маркитантъ“, а встрѣтивъ Жида-маркитанта называютъ его интендантомъ... Но вотъ что̀ я забылъ тебѣ сообщить,—а это нѣсколько посеріознѣе всякихъ стиховъ и каламбуровъ: въ Санъ-Стефано, въ ресторанѣ Боске, куда я ходилъ обѣдать и ужинать, между прочимъ продавались такъ-называемыя у насъ *запрещенныя книги:* сборники, журналы, газеты, мелкія брошюры и цѣлые объемистые соціальные трактаты, издаваемые за границей нашими русскими выходцами извѣстнаго направленія. Не мало удивлялся я тому обстоятельству что торговля эта ведется *открыто*, и почти всякому Русскому приходящему въ ресторанъ предлагается что-нибудь купить изъ этихъ запретныхъ вещей. Странно, здѣсь и комендантъ есть, и полиція; сюда заходятъ на обѣдъ и особенно вечеромъ на музыку весьма солидные наши генералы;—неужели на это не слѣдуетъ обращать никакого вниманія? Неужели отъ этого не ожидаютъ никакихъ дурныхъ послѣдствій? Вѣдь военные поѣзда на таможняхъ не осматриваютъ, вези что твоей душѣ угодно... Повторяю: это обстоятельство меня очень смутило; подобныя вещи посолиднѣе всяческихъ нашихъ стихотвореній... Я не думаю, конечно, чтобы на это рѣшился кто-либо изъ нашихъ офицеровъ, но что этимъ воспользуются наши маркитанты-жиды,—это не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, такъ какъ они перевозятся вмѣстѣ съ полками въ однихъ вагонахъ, или на тѣхъ же пароходахъ которые ни на какихъ заставахъ и таможняхъ нигдѣ не осматриваются; и можно быть увѣреннымъ что подъ видомъ собственныхъ вещей наши маркитанты-жиды постараются при сей вѣрной оказіи провезти въ Россію массу подобныхъ заграничныхъ изданій; а такой ввозъ и еще безпрепятственный былъ бы крайне нежелательнымъ,.. Изъ любопытства я перелистывалъ нѣсколько такихъ книжонокъ,—возмутительно, дерзко и подло!...

На дняхъ случился опять прелюбопытный куріозъ: изъ Главной Квартиры получено разрѣшеніе на мою командировку въ Одессу для покупки церковныхъ вещей необходимыхъ для богослуженій Страстной седьмицы и Пасхи. Разрѣшеніе послѣдовало еще 9 апрѣля, т.-е. въ Вербное воскресенье, и отъ Санъ-Стефано до Чорлу ѣхало болѣе *пятнадцати* дней... Значитъ, приди оно въ свое время, я бы провелъ Пасху въ Люблинѣ; но повторяю: не было на то воли Божіей и я совершенно безропотно покоряюсь непостижимымъ опредѣленіямъ промысла Божія... Конечно, было бы съ моей стороны непростительнымъ самохвальствомъ еслибъ я сказалъ что мой душевный миръ никогда не возмущается... Нападаютъ и не рѣдко тяжкія минуты раздумья, малодушія, невыносимой тоски душевной; поднимается мучительная борьба, въ самомъ существѣ, въ самомъ сокровеннѣйшемъ тайникѣ души незримо ни для кого ведутъ жестокую борьбу два совершенно различные человѣка: одинъ всѣми силами просится въ отпускъ, требуетъ отдыха, ежеминутно летитъ въ Россію, другой—всею совѣстію своей требуетъ остаться здѣсь!... Одинъ рисуетъ такъ заманчиво, такъ привлекательно тихія радости домашняго очага, семейнаго счастія... Другой—строго и обязательно указываетъ мнѣ на лазаретъ, на массу недужныхъ, и громко говоритъ: вотъ гдѣ твое настоящее мѣсто, твой существенный долгъ!... Кто изъ этихъ двухъ борцевъ одержитъ верхъ, кто останется побѣжденнымъ,—это всецѣло находится въ волѣ Божіей!... Измученный сердцемъ укрѣпляю себя частымъ повтореніемъ великихъ словъ: *чашу юже даде ми Отецъ, не имамъ ли ю пити? Не якоже азъ хощу, но якоже Ты! Буди воля Твоя!*

Впрочемъ, скоро можетъ-быть и не нужно будетъ никакого отпуска: 19 мая оканчивается срокъ назначенный Санъ-Стефанскимъ договоромъ для очищенія нами турецкой территоріи. Ждали больше, а теперь остаются какія-нибудь недѣли двѣ, три,—*сихъ ли не стерпимъ*? Ну, а ежели?.. Мы такъ ужъ изверились, такъ часто наши надежды и ожиданія разлетались въ прахъ, что теперь намъ кажется, если наступитъ и настоящая посадка, мы и тогда не скоро ей повѣримъ. Политическихъ новостей тутъ какъ морскихъ чаекъ у Соловецкаго

монастыря. Достовѣрно только одно что войны съ Англіей не будетъ. Къ намъ въ Санъ-Стефано пріѣзжаютъ англійскіе офицеры съ броненосцевъ и наши ѣздятъ къ нимъ на Принцевы Острова; отношенія самыя любезныя и дружественныя. Зачѣмъ же стоитъ дѣло и почему мы все еще не возвращаемся,—это опять-таки для всѣхъ покрыто непроницаемымъ мракомъ... Толки о конференціи, о конгрессѣ, чуть не о вселенскомъ соборѣ надоѣли намъ страшно. Впрочемъ относительно англійской любезности наши старики-Севастопольцы выражаются очень ясно и прямо утверждаютъ что Англичанамъ въ политическомъ отношеніи нельзя вѣрить ни на грошъ...

Болящіе наши, благодареніе Богу, начинаютъ поправляться; А. Д. Снисаревскій совершенно выздоровѣлъ и 23 числа былъ у обѣдни и служилъ благодарственный молебенъ. Какъ онъ молился!... Да, война и тифъ—великая школа благочестія!... Сколько у меня въ памяти отраднѣйшихъ опытовъ въ этомъ родѣ... Никогда не забуду офицерскаго молебна въ Казанлыкѣ!... Мрайскій и Тихонравовъ поправляются и уже чувствуютъ волчій аппетитъ, а это вѣрнѣйшій признакъ выздоровленія. Какія здѣсь между нами отношенія, можете судить по слѣдующему случаю: была какъ-то сквернѣйшая погода, дождь, вѣтеръ, холодъ; вдругъ присылаетъ за мной Снисаревскій. И чего ему надо, подумалъ я съ сердцемъ... Но дѣлать нечего, надѣваю кожанъ и отправляюсь. Прихожу, онъ радъ, веселъ, доволенъ, благодаритъ за то что я послушался. „А знаете, зачѣмъ я посылалъ за вами?“ спрашиваетъ онъ. Конечно не знаю, отвѣчаю я. „Вотъ видите ли, продолжалъ онъ, сегодня В. С. В—овъ принесъ мнѣ бутылочку превосходнаго Токая, просто роскошь, прямо изъ Питера отъ Елисеева,—давайте попробуемъ вмѣстѣ“...—Ахъ, вы грѣховодникъ, невольно разсмѣялся я,—ну, стоило изъ-за этого тащить меня въ этакую-то погоду? И мы отвѣдали—дѣйствительно, прелесть вино. Да, мы живемъ здѣсь такъ что если кто достанетъ какой-нибудь лакомый кусочекъ, то ужь, повѣрьте, не съѣстъ его одинъ....

Вы, конечно, уже знаете что у насъ новый главнокомандующій, севастопольскій и плевненскій герой Тотлебенъ. По

поводу этого назначенія здѣсь всѣ говорятъ что „какъ только минута трудная, такъ и за Тотлебена“... А минута дѣйствительно серіозная: Турки, несмотря ни на что, день и ночь возводятъ укрѣпленія какъ разъ противъ фронта расположенія нашей арміи по демаркаціонной линіи. Новый главнокомандующій распорядился то же самое дѣлать и съ нашей стороны,—вотъ вамъ и миръ!.. Для рытья укрѣпленій привезли и къ намъ цѣлую массу желѣзныхъ лопатъ, по 1.500 штукъ на каждый полкъ. Говорятъ что это тѣ самыя лопаты которыя предназначались намъ для рытья землянокъ и укрѣпленій подъ Плевной... Чего добраго, а можетъ-быть это и правда, такъ какъ мы недавно начали получать полушубки и валянки предназначавшіеся также подъ Плевну. Честь и слава нашимъ доблестнымъ распорядителямъ и ихъ неусыпной заботливости о нуждахъ дѣйствующей арміи!... Въ концѣ апрѣля мѣсяца, на берегахъ Мраморнаго моря, чрезъ два мѣсяца по заключеніи мира, намъ доставляютъ лопаты для рытья землянокъ и теплую одежду отъ холода... Все это было бы смѣшно когда бы не было такъ грустно!... А вотъ еще сюрпризъ: весь гнилой хламъ нашъ—сухари, муку и крупу приказано *продать съ публичныхъ торговъ*... То-то выручимъ!.. А чего стоила одна только перевозка этого добра черезъ Балканы? Непремѣнно пойду на этотъ аукціонъ, ужь очень любопытно...

Новый командиръ полка еще пока не назначенъ. Большинство нашихъ офицеровъ отъ души жалѣютъ о В. К—чѣ; а я имъ повторяю въ отвѣтъ извѣстную поговорку: что́ имѣемъ не хранимъ, потерявши плачемъ.... Съ В. К—чемъ произошла тутъ недавно весьма поучительная сцена: недѣли за три до его назначенія и производства, по какому-то пустѣйшему случаю его такъ распекали, такъ грубо оскорбляли что онъ, бѣдный, слегъ въ постель и дѣйствительно болѣлъ и физически и морально,—ты знаешь его живую, впечатлительную и въ высшей степени нервную натуру... Но вотъ состоялось его производство и еще по Генеральному Штабу, и еще въ распоряженіе главнокомандующаго,—декораціи сейчасъ же перемѣнились: на одномъ праздникѣ его торжественно и

всенародно обнимали, цѣловали и со слезами умиленія поздравляли... Я былъ свидѣтелемъ этой сцены и меня чуть было не стошнило... Да, насмотрѣвшись на подобныя отвратительныя сцены, я должно-быть порядочно научусь здѣсь истинной житейской мудрости... Впрочемъ всего что́ тутъ творится по части этой мудрости не соберешь и въ три короба. А пока я буду умудряться, ты будь здорова и храни, яко зеницу ока, святую простоту сердца!... *Блажени чистіи сердцемъ*!... Прощай.

Чорлу, 8 мая.

Вотъ и я поплатился, и поплатился жестоко!... Въ ночь на первое мая со мной повторился мой злѣйшій недугъ, мнимый „тимпанитъ“. Такъ называли его намъ многіе прежніе врачи. Пароксизмъ начался ровно въ полночь и продолжался безъ перерыва до пяти часовъ утра. Никогда еще не страдалъ я такъ ужасно. Нестерпимые спазмы заставляли меня кричать неистово, не своимъ голосомъ!... Вѣчное спасибо моему добрѣйшему Ал. Ив—чу. Онъ все время не отходилъ отъ моей постели, и послѣ самаго тщательнаго діагноза опредѣлилъ наконецъ мою несчастную хронику: у меня совсѣмъ не „тимпанитъ“, а какіе-то *желчные камни* (въ первый разъ слышу), прохожденіе которыхъ въ какой-то каналъ и сопровождается всегда такими страшными спазмами. По словамъ Ал. Ив—ча и цѣлаго сонмища нашихъ врачей, единственнымъ для меня спасеніемъ отъ этихъ проклятыхъ камней можетъ быть пользованіе Карлсбадскими минеральными водами и непремѣнно у самаго источника, т.-е. мнѣ необходимо ѣхать въ Карлсбадъ, но развѣ это мыслимо, возможно для насъ... Врачи увѣряютъ будто бы можно ходатайствовать о поѣздкѣ въ Карлсбадъ на казенный счетъ, но кто же станетъ ходатайствовать?... Теперь мнѣ, слава Богу, стало полегче, только чувствую небольшую слабость и боль въ поясницѣ и подъ ребрами. А ужь и перевернуло же!.. Никогда не забуду того братскаго участія и искренняго сочувствія какое мнѣ оказали за это время многіе добрые люди, воздай имъ Господи! Начиная съ начальника дивизіи всѣ меня посѣщали по нѣскольку разъ;

но что для меня особенно дорого: милѣйшій нашъ М. К. Мрайскій, самъ едва-едва поднявшійся съ одра болѣзненнаго, также приплелся, опираясь на палочку какъ старикъ. Это посѣщеніе тронуло меня до слезъ; я навѣщалъ его во время его недуга тяжкаго, и вотъ онъ отплатилъ мнѣ. Встревоженный такимъ жестокимъ потрясеніемъ всего моего организма, добрѣйшій Ал. Ив—чъ самъ началъ хлопотать о моемъ отпускѣ, и дня три тому назадъ пошло уже представленіе въ Главную Квартиру. Всѣ увѣрены что я на дняхъ получу его непремѣнно. Болѣе нежели когда-нибудь я теперь спокоенъ, не радуюсь и не волнуюсь: *буди воля Твоя*—вотъ и все!...

Вчера мы похоронили здѣсь начальника артиллеріи нашего корпуса генералъ-лейтенанта Рейнталя, умершаго отъ чахотки. Славный былъ старикъ... Опять я нарушилъ существующія церковныя правила, совершилъ погребеніе по православному обряду. Да какъ же быть иначе? Всѣ его единовѣрцы-лютеране, и во главѣ ихъ дорогой мой сожитель, просили меня объ этотъ: неужели на ихъ довѣріе къ молитвамъ нашей православной церкви я долженъ былъ отвѣчать отказомъ? Къ чему такой фанатизмъ? Меня даже утѣшаетъ эта общая церковная молитва въ которой совершенно добровольно участвуютъ всѣ христіане безъ различія ихъ исповѣданій. Отрадно видѣть, когда одинаково искренно молятся всѣ—и православные, и католики, и лютеране! Пусть меня судятъ за это самовольство, но совѣсть моя спокойна. Въ погребеніи Рейнталя учавствовали не только всѣ наши полковые священники, но и греческіе іеромонахи. Предъ началомъ погребенія я сообщилъ Грекамъ чрезъ переводчика что почившій—лютеранинъ, но это ихъ нисколько не смутило, и они участвовали. Погребеніе было весьма торжественное: палили изъ пушекъ; народу собралось видимо-невидимо.

Всего отраднѣе для насъ то что главнѣйшій врагъ нашъ, тифъ, окончательно отступаетъ, заболѣваній сравнительно не много, а тутъ еще радость: сюда прибылъ военно-временный № 53 госпиталь и принимаетъ отъ насъ всѣхъ больныхъ, такъ что нашъ подвижной лазаретъ будетъ совершенно закрытъ, особенно въ виду предполагаемаго передвиженія всей

нашей дивизіи въ какой-то городъ Кѣшанъ или Малгару,—это верстъ сто назадъ отъ Чорлу къ берегамъ Эгейскаго моря. Чтò значитъ это неожиданное передвиженіе и съ какою цѣлью оно производится,—объ этомъ никто ничего не знаетъ. Одни предполагаютъ что это дѣлается для болѣе удобной посадки войскъ изъ Шаскіойя и изъ другихъ тамошнихъ пристаней; другіе утверждаютъ что передвиженіе это необходимо въ виду того что Турки слишкомъ грозно укрѣпляютъ перешеекъ на Галипольскомъ полуостровѣ. Чья правда—Богъ знаетъ. А между тѣмъ съ уменьшеніемъ эпидеміи, съ прибытіемъ госпиталя и наша здѣшняя жизнь стала нѣсколько оживленнѣе, интереснѣе. Вы конечно прочитали уже въ газетахъ что Государь Императоръ пожаловалъ нашему Сибирскому полку Георгіевскія знамена съ надписью: „за разбитіе и плѣненіе турецкой арміи 28 ноября 1877 года". Какъ только была получена эта радостная вѣсть, сейчасъ въ лагеряхъ—балъ!... Затѣмъ устроили проводы В. К—чу, по случаю его отъѣзда къ новому мѣсту служенія, въ главную квартиру. Былъ еще корпусный праздникъ, потомъ *маевка*, словомъ, веселье давно небывалое. Не унываютъ наши гренадеры...

Со мною опять куріозъ: вчера получилъ твою посылку съ пирожками и печеньями, посланную 16 ноября прошлаго года. Можешь представить чтó изо всего этого вышло? Бѣдные пирожки! Отъ нихъ осталась одна только зеленая пыль съ тяжелымъ запахомъ гнили.... И за это удовольствіе я еще приплатилъ 3 руб. 80 коп., такъ какъ посылка была адресована въ Трестеникъ, но меня тамъ уже не застала и отправилась обратно въ Систовъ, откуда, по заключеніи мира, проѣхалась по Дунаю, по Черному морю, Босфору, Мраморному морю, посѣтила резиденцію главной квартиры русской дѣйствующей арміи въ Санъ-Стефано и *шестаго* числа мая мѣсяца наконецъ-то обрѣла меня въ турецкомъ городѣ Чорлу, употребивъ на это обрѣтеніе ровно *полгода* безъ десяти дней.... Честь и слава нашей полевой русской почтѣ!... Сначала я хотѣлъ было отказаться отъ полученія этой посылки, предоставивъ самому почтовому вѣдомству полакомиться мнѣ

присланными гостинцами, но чѣмъ же виноваты бѣдные чиновники нашего 17-го почтоваго отдѣленія? Подумалъ, подумалъ,—заплатилъ и получилъ... Впрочемъ въ утѣшеніе тебѣ и себѣ долженъ прибавить что не я одинъ удостоился получить подобную посылку и приплатить за нее: получили и заплатили почти всѣ наши офицеры и не одного нашего полка, а цѣлаго корпуса. Два вагона привезли однѣхъ только посылокъ и всѣ почти въ такомъ же видѣ, какъ моя.... Вотъ ужь „благодарю, пріемлю и ничто же вопреки глаголю".... Прощай.

Въ Кѣшанъ изъ Люблина, 30 мая. *

Не умѣю описать вамъ, дорогой Александръ Ивановичъ, того душевнаго восторга съ какимъ вступилъ я на родную землю въ Одесской пристани. Подобное душевное состояніе переживается едва ли не одинъ только разъ въ жизни! Самый переѣздъ по Босфору, по Чорному морю, при отличной погодѣ, на великолѣпномъ пароходѣ,—все это выше всякаго описанія. Тронулись мы изъ Золотаго Рога въ четыре часа пополудни и ѣхали по Босфору очень тихо, какъ будто капитанъ парохода нарочно медлилъ чтобы дать намъ возможность налюбоваться этими чудными окрестностями. Въ семь часовъ мы вступили въ открытое море, гладкое на этотъ разъ какъ скатерть. Вечеръ былъ превосходный, очаровательный, мы увлеклись такъ что просидѣли на палубѣ всю ночь напролетъ и дождались восхода солнца; и закатъ и восходъ солнца на морѣ это что-то фантастически прелестное, невыразимо очаровательное!... Какъ блѣдны предъ этимъ всѣ картины нашего знаменитаго мариниста Айвазовскаго... Картина и природа, это двѣ вещи разныя и эту разницу вполнѣ уразумѣлъ я только теперь; смотря на картину, какъ бы она ни была художественна, я никогда не въ состояніи буду перечуствовать, пережить тѣхъ ощущеній, тѣхъ впечатлѣній, какія охватываютъ и наполняютъ душу при видѣ самаго явленія

* Авторъ сдѣлалъ кратковременную поѣздку въ Россію, откуда и писаны это и слѣдующее письмо.

природы. Тысячу разъ готовъ повторять и спорить до слезъ что такія явленія, какъ тихій вечеръ на морѣ, закатъ и восходъ солнца неподражаемы! Никакая кисть, никакое искусство въ мірѣ не въ силахъ произвести на нашу душу такого непосредственнаго, такого неотразимо-чарующаго впечатлѣнія какъ сами эти чудныя явленія природы!...

Совершенно напрасны были всѣ наши опасенія и предположенія на счетъ турецкихъ таможень: въ Константинополѣ насъ совсѣмъ не осматривали, а когда мы поѣхали на каикѣ къ пароходу со всѣми уже вещами и чемоданами, тутъ только къ намъ и также на каикѣ подъѣхали два таможенные чиновника, взяли съ насъ по три франка бакшича и прелюбезно раскланялись, тѣмъ и дѣло кончилось; при такихъ незатѣйливыхъ порядкахъ нужно полагать что въ казну султанскую попадаетъ не много пошлинъ...

Въ Одессѣ Н. С—чъ принялъ меня съ истинною радостію и удержалъ у себя цѣлыя сутки. Почти цѣлую ночь напролетъ проговорили мы съ нимъ о нашей, родной ему, дивизіи; я долженъ былъ изложить ему самымъ подробнѣйшимъ и самымъ, конечно, откровеннымъ образомъ весь ходъ Плевненскаго дѣла. Онъ отлично помнитъ почти всѣхъ ротныхъ командировъ во всѣхъ полкахъ и обо всѣхъ разспрашивалъ. Любитъ онъ нашу дивизію, и крѣпко любитъ...

О встрѣчѣ въ Люблинѣ и разказывать не берусь. Слезы радости, какія же это хорошія слезы!.... Общее сочувствіе и вниманіе ко мнѣ здѣшняго общества трогаетъ меня до глубины души,—это великая и, можетъ-быть, черезчуръ уже великая награда за все мною пережитое, перенесенное. Куда бы я ни показался, куда бы ни пришелъ, вездѣ я чисто какъ „женихъ на расхватъ". Спасибо добрымъ людямъ!

Какъ же вы поживаете, дорогой мой сожитель? Каковъ Кѣшанъ, лучше или хуже Чорлу? Чтò подѣлываютъ наши общіе сотрудники и сослуживцы? Всѣмъ, всѣмъ имъ мой задушевный привѣтъ и искреннее пожеланіе скорѣй испытать каждому все то чтò я теперь переживаю. Прощайте, до скораго свиданья.

Въ Кѣшанъ изъ Люблина, 20 іюня.

Посылаю вамъ, дорогой Александръ Ивановичъ, медицинское свидѣтельство, выданное мнѣ изъ здѣшняго военнаго госпиталя въ которомъ меня осматривали и немилосердно стучали по моимъ ребрамъ и пальцами и какими-то колотушками. Исходъ одинъ—Карлсбадъ; но какъ это устроить, положительно не знаю; ѣхать на свой счетъ немыслимо; хлопотать о казенномъ пособіи, не знаю какъ начать и къ кому обратиться,—научите меня, пожалуста. Впрочемъ не поздно ли подымать хлопоты. Пока пойдетъ переписка, пожалуй лѣто пройдетъ. Въ такомъ случаѣ не лучше ли мнѣ возвратиться къ вамъ опять? Исхода несноснаго конгресса не дождемся, онъ можетъ затянуться еще на мѣсяцъ; а потомъ пойдетъ исполненіе его условій, могутъ встрѣтиться при этомъ новыя недоразумѣнія и придуманныя препятствія, дѣло, пожалуй, затянется еще на нѣсколько мѣсяцевъ; а мнѣ здѣсь становится уже скучно безо всякаго дѣла; къ тому же и настроеніе здѣшняго общества крайне натянутое, черезчуръ возбужденное, какъ и во всей почти Россіи. Каждое извѣстіе, доходящее сюда изъ Берлина, возбуждаетъ всеобщее негодованіе. Здѣшніе закоренѣлые враги Россіи ликуютъ и не считаютъ нужнымъ скрывать своей злобной радости; а Жиды, хвастаясь тѣмъ что они имѣютъ непосредственныя сношенія съ Берлиномъ и чуть не съ самимъ единоплеменникомъ своимъ Беконсфильдомъ, распускаютъ нелѣпѣйшіе слухи въ родѣ того что Россію принудятъ заплатить Турціи убытки за прошлую войну.... Этого еще не доставало.... По поводу этого нелѣпаго слуха здѣсь на Краковскомъ предмѣстьѣ разыгралась на дняхъ забавная сцена: полицейскій солдатъ подошелъ къ кучкѣ Жидовъ, жарко между собою разсуждавшихъ о политикѣ. Жиды съ увлеченіемъ говорили о Бисмаркѣ, объ Англичанахъ, восхваляли своего земляка Беконсфильда и съ дерзкою небрежностью произносили имена нашихъ русскихъ дипломатовъ. Солдатъ все молчалъ.... Когда же одинъ разгорячившійся политиканъ началъ утверждать что конгрессъ заставитъ Россію заплатить Турціи убытки, солдатъ, не говоря ни слова, схватилъ оратора

за шиворотъ и началъ ему отсчитывать полновѣсныя столбушки въ шею, приговаривая: „а вотъ тебѣ задатокъ, задатокъ“... при этомъ Евреи очень довольные такимъ простымъ разрѣшеніемъ финансоваго вопроса еще упрашивали солдата: „прибавь, пане, на проценты, на проценты“.... Въ настоящее время я переживаю здѣсь душевное настроеніе такое же какъ когда-то было въ Казанлыкѣ, если еще не хуже.... Эти нелѣпые слухи, несносные толки раздражаютъ ужасно! Право, я рѣшаюсь вернуться къ вамъ, что̀ вы мнѣ на это скажете?

Узунъ-Кепрú, 12 августа.

Просто глазамъ своимъ не вѣрю: въ какихъ-нибудь семь, восемь дней я очутился уже около Адріанополя, переѣхавъ благополучно Черное море и побывавъ мимоѣздомъ въ Константинополѣ, гдѣ останавливался съ единственною цѣлью осмотрѣть Св. Софію,—но, увы, и теперь еще нельзя было проникнуть въ знаменитый храмъ: хотя больныхъ и бѣженцевъ изъ него уже вывезли, но въ данное время идетъ очистка храма,—поставили на срединѣ двѣ пожарныя трубы и обмываютъ стѣны чтобъ уничтожить тифозные міазмы. Такимъ образомъ можно было заглянуть внутрь храма только чрезъ открытыя двери. Не знай я напередъ что это былъ когда-то знаменитѣйшій храмъ въ цѣломъ христіанскомъ мірѣ, что это колыбель нашего русскаго православія и купель нашей Св. Ольги, что здѣсь восторгались небесною красотой послы нашего равноапостольнаго князя Владиміра, недоумѣвая гдѣ они находятся, на землѣ или на небѣ,—не будь всѣхъ этихъ воспоминаній, невольно охватывающихъ душу при видѣ этого храма, быть-можетъ я вынесъ бы совсѣмъ другое впечатлѣніе; но при нынѣшнихъ обстоятельствахъ эти воспоминанія только усиливаютъ еще и безъ того тяжелое, гнетущее душу чувство... Какъ я ни старался, какъ ни усиливался отрѣшиться, отдѣлаться отъ этихъ тяжкихъ думъ и чувствъ, ничего не могъ подѣлать съ собой.... Ни съ того, ни съ сего вспомнилась тутъ Плевна, Балканы, конгрессъ, полгода напрасной и убійственной стоянки цѣлой нашей арміи... Я стараюсь забыть все это, я усиливаюсь всмотрѣться въ дивную красоту

величественнаго храма, а изъ-подъ темныхъ сводовъ его какъ-будто слышится мнѣ горькій упрекъ: что же вы сдѣлали? Гдѣ ваши обѣщанія освободить меня отъ позорнаго, вѣковаго униженія? Гдѣ тотъ крестъ который вы собирались водрузить на моемъ куполѣ?... Невыразимо стало грустно, больно.... Я повернулся и ушелъ.

Дивизіи нашей я уже не засталъ въ Кѣшанѣ, она на походѣ въ Родосто, откуда начнется посадка на пароходы. О времени этой посадки ничего еще неизвѣстно; во всякомъ случаѣ мы тронемся отсюда не ранѣе сентября. Переселеніе наше въ Тамбовъ есть уже совершившійся фактъ,—полученъ и маршрутъ. Высаживаться будемъ въ Севастополѣ и послѣ царскаго смотра двинемся по желѣзнымъ дорогамъ въ Тамбовъ. Ты не можешь себѣ представить какая здѣсь жара, просто невыносимая; въ вагонахъ чистое пекло, или вѣрнѣе паровая баня. Завтра возвращаюсь назадъ въ Чорлу, а оттуда прямо въ Родосто. Что увижу напишу.

Родосто, 31 августа.

Вчера здѣсь было большое торжество по случаю тезоименитства нашего Государя Императора. Вечёромъ была блестящая иллюминація на морѣ,—это вышло очень эффектно. Всѣ пароходы, шхуны, яхты, катера и мелкія лодочки, разукрашенные всевозможными флагами, освѣщены были разноцвѣтными фонарями; среди этой свѣтящейся пестроты то тамъ, то здѣсь вспыхнетъ блестящая ракета и разсыплется букетомъ волшебныхъ огней; въ трехъ мѣстахъ играла полковая музыка; движеніе въ городѣ необыкновенное, потому что торжество для всѣхъ жителей небывалое, невиданное. Особенно интересны были процессіи мальчишекъ, которые далеко за полночь бродили по улицамъ съ фонарями и флагами, оглашая воздухъ громкими возгласами: „карошъ Царъ Александръ, здорово Царъ Александръ—ура". Мѣстные Греки, даже весьма почтенные и пожилые съ шарманками и гармониками, съ національными танцами, подобно тому какъ было о Пасхѣ въ Чорлу, долго водили свои хороводы по улицамъ, и при всякой встрѣчѣ съ нашими офицерами также съ большимъ энтузіаз-

момъ кричали ура! Во французскомъ консульствѣ былъ блестящій балъ, на который приглашены были всѣ наши генералы и полковые командиры. Почти всю ночь провели мы на террасѣ одного прибрежнаго ресторана, а ночь была чудная, свѣтлая, въ полномъ смыслѣ блестящая и блистающая. Терраса эта, обставленная миртами и цвѣтущими олеандрами, перевитая виноградными лозами, выдается прямо въ море и каждый прибой морской волны, разбиваясь у нашихъ ногъ, осыпалъ насъ какою-то неуловимою мельчайшею водяною пылью, которая чрезвычайно отрадно освѣжаетъ послѣ нестерпимаго дневнаго зноя. А тутъ какъ разъ предъ глазами эта волшебная морская иллюминація: то зашипитъ и взовьется блестящая ракета, то загорится щитъ или транспарантъ съ завѣтною для насъ буквой А. Высокія мачты, увѣшанныя сверху до низу разноцвѣтными фонарями постоянно и мѣрно колеблются на морскихъ волнахъ и ихъ причудливые огоньки, то опускаясь, то подымаясь, представлялись какими-то тихо падающими звѣздами или блуждающими въ пространствѣ метеорами. Какой-то артиллеристъ-пиротехникъ придумалъ особаго рода плавающія ракеты: бросить въ воду уткообразную ракету съ зажженнымъ концомъ, и она нѣсколько минутъ держится на водѣ и качается на волнахъ, потомъ вдругъ со страшнымъ трескомъ и пальбой разрывается и разсыпается надъ водой цѣлою массой искръ и разноцвѣтныхъ огоньковъ: это выходило очень эффектно и фантастично. Прибавьте ко всему этому громъ военной музыки, восторженное ура. Цѣлый городъ залитый огнями и оглашаемый разноязычными пѣснями ликующаго населенія. Солдатики наши гдѣ-то раздобыли себѣ десятка два пустыхъ бочекъ изъ-подъ керосина, разставили ихъ по морскому берегу у самой воды и зажгли; заревомъ этихъ огней прекрасно освѣтились бѣлыя палатки нашихъ лагерей, расположенныхъ за чертой города. Панорама вышла великолѣпная, и ночь эта, право, какая-то волшебная, чарующая, огненная, надолго останется всѣмъ намъ памятною.

Дня четыре тому назадъ (27 авг.) у насъ тутъ было еще одно торжество: пріѣзжалъ къ намъ изъ Санъ-Стефано главно-

командующій и производилъ смотръ всей нашей дивизіи. Неожиданно для всѣхъ смотръ вышелъ блестящій; дивизія представилась въ такомъ отличномъ видѣ что Тотлебенъ сейчасъ же отсюда телеграфировалъ объ этомъ Государю Императору въ Ливадію. Офицеры наши и всѣ солдаты въ восторгѣ были. Но гдѣ радость, тамъ и горе, общій удѣлъ человѣчества. Тотлебенъ объявилъ что мы будемъ высаживаться не въ Севастополѣ, а въ Николаевѣ,—значитъ не увидимъ Крыма, и чтò всего важнѣе, не будемъ имѣть счастія представляться Государю... Это ужасно огорчило всѣхъ. Надѣялись на полученіе новыхъ наградъ, разчитывали на выдачу по крайней мѣрѣ третнаго жалованья не въ зачетъ, чтò весьма не мѣшало бы потому что всѣ *прожились* страшно... Крѣпко заблуждаются тѣ кто полагаетъ и вѣритъ будто на войнѣ въ заграничномъ походѣ офицеры, получая усиленное содержаніе, могутъ скопить себѣ малую толику деньжонокъ. Опытъ говоритъ совершенно противное. Страшная дороговизна, измучившая всѣхъ тоска, а вслѣдствіе того весьма естественная, неотступная потребность развлеченій, которыя здѣсь во всѣхъ своихъ видахъ очень дороги,—все это требуетъ лишнихъ расходовъ... Вообще война или вѣрнѣе чужая сторона—это такая *прорва* которую никогда и ничемъ не наполнишь!... А тутъ еще говорятъ что по возвращеніи въ Россію насъ будутъ строго контролировать, усчитывать, дѣлать начеты... Это интересно... Впрочемъ, чего добраго, при нашихъ порядкахъ легко можетъ случиться и такая штука что истинные грабители и казнокрады выйдутъ сухими изъ воды, а несчастные пустые офицерскіе карманы поплатятся... Чего не бываетъ подъ луной? Конечно, кто заправлялъ многообразными *лошадиными частями* или транспортами, кто получалъ ежедневно десятки рублей *суточныхъ* и на цѣлый табунъ—*фуражныхъ*, тѣ возвратятся домой въ благодушномъ настроеніи... Но бѣдное мелкое офицерство и пошло въ походъ *налегкѣ* и возвратится назадъ также *налегкѣ*...

Родосто—довольно большой приморскій городъ, расположенный амфитеатромъ по склону прибрежныхъ горъ Мраморнаго моря; населенъ исключительно Греками, которые ведутъ

обширную морскую торговлю. Несмотря на нѣсколько домовъ въ европейскомъ вкусѣ, общій видъ его и устройство чисто турецкое: такія же какъ и вездѣ узкія, кривыя и грязныя улицы съ безчисленными переулками и закоулками, въ которыхъ человѣку стороннему не только легко, но неизбѣжно можно заблудиться. Проживаю я вмѣстѣ съ дивизіонными адъютантами, такъ какъ лазаретъ нашъ еще не прибылъ сюда. Квартира наша на самомъ высокомъ мѣстѣ морскаго берега и видъ изъ нашихъ оконъ великолѣпный. Въ нѣсколькихъ верстахъ отъ берега подымается изъ моря какъ разъ предъ нашими окнами громадный, гористый островъ Мармора, между скалами котораго видны въ бинокль красивыя фермы, плантаціи, бѣлые монастырскіе храмы,—а по морю взадъ и впередъ безпрестанно снуютъ пароходы, корабли съ надутыми бѣлыми парусами яруса въ три, четыре; картина постоянная и всегда очаровательная!... Любуясь ею съ истиннымъ, всегда новымъ, никогда не утомляющимся наслажденіемъ, я часто просиживаю цѣлые часы или у окна, или на обрывѣ берега. Благодатная сторонка!... Предъ вечеромъ, когда спадетъ несносная жара, мы странствуемъ по берегу моря, любуемся приливомъ и отливомъ морскихъ волнъ, собираемъ раковины, водоросли, мелкія губки, коралло-известковыя отложенія довольно странныхъ формъ, а я какъ-то поймалъ маленькаго крабба, запутавшагося въ водоросляхъ и засушилъ его для своей коллекціи. Когда совсѣмъ стемнѣетъ, мы отправляемся въ ресторанъ на террасу и тамъ иногда засиживаемся долго.

Посадка наша на пароходы все никакъ не можетъ уладиться. Саперы съ помощью нашихъ нестроевыхъ ротъ устроили уже длинныя далеко выдающіяся въ море платформы для болѣе удобной посадки войскъ и нагрузки тяжестей,—и все уже готово, а пароходовъ нѣтъ какъ нѣтъ. Съ нами здѣсь стоитъ еще лейбъ-казачій полкъ который долженъ отправиться раньше насъ, а мы, должно полагать, еще „посидимъ у моря и подождемъ погоды“... Прощай.

ГЛАВА XI.

Возвращеніе.

Николаевъ, 12 сентября.

Какую намъ задали здѣсь встрѣчу—просто прелесть, восторгъ!... Букеты, вѣнки, гирлянды, восторженные крики ура! ура Сибирцамъ! За Плевну! За Балканы! Среди безчисленныхъ овацій, насъ, осыпанныхъ цвѣтами и вѣнками, съ пристани ввели въ городъ и угостили настоящимъ русскимъ завтракомъ съ настоящими пирогами, получше того какой мы стряпали въ Трестеникѣ на Рождество... Радушіе Николаевскаго общества простиралось до того что представительницы его—дамы высшаго круга собственноручно угощали нашихъ солдатъ водкой и калачами. Во время офицерскаго завтрака старшины Морскаго клуба прежде всего пригласили нашихъ офицеровъ быть почетными гостями ихъ собранія на все время нашей здѣсь стоянки, а третьяго дня въ этомъ самомъ клубѣ дали спеціальный балъ въ честь гренадеровъ покорителей Плевны.—Балъ былъ блестящій, необыкновенно многолюдный и оживленный. Наконецъ-то наши офицеры послѣ годичнаго перерыва, послѣ всяческихъ ресторановъ и кафе-шантановъ со странствующими арфистками, вздохнули чистымъ, благодатнымъ воздухомъ истинно порядочнаго общества. Замѣчательно благотворное вліяніе подобнаго общества: всѣ вдругъ подтянулись, принарядились, нравственно воскресли,—и въ этихъ блестящихъ танцорахъ-офицерахъ нельзя было узнать нашихъ знакомцевъ по Чорлу... Откуда взялись прекрасныя манеры, самая

изысканная галантность! Я смотрѣлъ и глазамъ своимъ не вѣрилъ, удивляясь такому быстрому перерожденію. Вѣдь посмотрѣли бы вы что это было въ какомъ-нибудь Хаскіойѣ, Адріанополѣ, Чорлу? Я опасался даже что эта безалаберная, безпорядочная жизнь, какъ татарское иго, надолго оставитъ по себѣ извѣстную окраску... Николаевскій балъ разсѣялъ всѣ мои опасенія и я тысячу разъ готовъ повторять извѣстную всѣмъ истину что общественная среда, изящный кругъ истинно порядочныхъ, истинно достойныхъ женщинъ имѣетъ огромное нравственное вліяніе. И если институтъ нашихъ офицеровъ не всегда и не вездѣ равномѣрно стоитъ на высотѣ своего положенія, то въ этомъ очень много виновато окружающее ихъ общество. „Между волками жить—приходится по-волчьи выть“!... Не могу не разказать тебѣ одного памятнаго мнѣ эпизода изъ Николаевской встрѣчи: я шелъ впереди полка съ крестомъ; взобрались мы на гору, вошли въ какую-то широкую улицу, масса народа стоитъ по обѣимъ сторонамъ шпалерами,—общій восторженный крикъ: ура! Вдругъ подбѣгаетъ ко мнѣ маленькій, прехорошенькій гимназистикъ и подавая мнѣ отличный, роскошный букетъ, говоритъ: „это вамъ, батюшка, за Плевну“!... Вѣришь ли, мнѣ кажется что самый орденъ съ мечами, пожалованный мнѣ за плевненскую битву, я получилъ, я взялъ въ первый разъ въ руки не съ такимъ удовольствіемъ, не съ такимъ хорошимъ чувствомъ, какъ этотъ первый букетъ отъ этого прелестнаго мальчугана!...

Памятною для всѣхъ насъ останется Николаевская встрѣча; но едва ли не болѣе памятною на всю жизнь останется для насъ та страшная буря которую мы выдержали на Черномъ Морѣ!... Ко всѣмъ треволненіямъ, ко всѣмъ невзгодамъ и душевнымъ потрясеніямъ, какія мы испытали за цѣлый годъ нашихъ странствій по Туречинѣ, не доставало только именно этого ужаснаго испытанія... Страшна была плевненская битва, ужасны Балканы и всяческіе тифы, но предъ грозною морскою бурей ничто не можетъ идти въ сравненіе, по крайней мѣрѣ для насъ, людей грунтовыхъ, континентальныхъ... Выѣхали мы изъ Родосто ночью на *пятое* сентября на какомъ-то неуклюжемъ нѣмецкомъ пароходѣ. Погода стояла превосходная, море

совершенно спокойно. Около полудня мы остановились у Константинополя и простояли тутъ часа четыре; погода все была безупречно хорошая, небо ясное, безоблачное. Тронулись по Босфору, и это плаванiе было настоящимъ нашимъ торжествомъ: на палубѣ у насъ гремѣла полковая музыка, и всѣ пароходы, всѣ брантвахты, стоящiе у посольскихъ дачъ въ Буюкдере, отдавали намъ такъ-называемую морскую честь, отовсюду неслись къ намъ привѣтствiя, благопожеланiя, *ура*. Увлекаясь этими морскими оваціями, съ восторгомъ любуясь великолѣпными окрестностями чуднаго пролива, мы какъ-то и не замѣтили того что съ каждымъ нашимъ шагомъ впередъ вѣтерокъ все свѣжелъ, налетая отдѣльными порывами. Уже при самомъ выходѣ изъ Босфора въ открытое море стала чувствоваться небольшая качка. Наступалъ вечеръ, небо со всѣхъ сторонъ нахмурилось, впереди далеко-далеко чуть видно блистали зигзаги молнiи, доносились глухiе раскаты отдаленнаго грома, море начинало шумѣть, накрапывалъ дождикъ, вѣтеръ становился болѣе порывистымъ. На бѣду нашу намъ достался пароходъ не пассажирскiй, а коммерческiй, съ двумя только боковыми маленькими каютами и небольшою общею каютъ-компанiей, въ которой могло помѣститься не болѣе *восьми* человѣкъ; боковыя каюты заняли: одну бригадный и полковой командиръ, другую—мы съ М--ковымъ; остальные офицеры столпились въ каютъ-компанiи, а всѣхъ офицеровъ въ нашемъ эшелонѣ было *семнадцать* человѣкъ. Прошлую ночь при отличной погодѣ всѣ спали на палубѣ что-называется въ покатъ, наславъ свѣжаго сѣна; теперь же удержаться на палубѣ не было никакой возможности: дождь и вѣтеръ съ каждою минутой усиливались, разводя страшное волненiе; началась настоящая морская качка, и положенiе наше скоро сдѣлалось отчаяннымъ... Отъ сильной качки открылась почти у всѣхъ морская болѣзнь, а тутъ тѣснота, духота и воздухъ отвратительнѣйшiй... Никто не могъ удержаться на ногахъ и, падая другъ на друга, каждый обдавалъ своего сосѣда послѣдствiями морской болѣзни... Ужасъ что тутъ было!... И это продолжалось не часъ, не два, а цѣлую ночь!... Качка была такъ сильна что меня въ койкѣ метало изъ стороны въ сторону совер-

шенно неудержимо, то поставитъ тебя сторчь, то перевалитъ съ бока-на-бокъ, то подыметъ ноги на аршинъ выше головы. Чувствуешь что пароходъ то подымается на страшную гору, то летитъ въ какую-то бездну, переваливаясь въ то же время съ одного борта на другой, и всѣ эти курбеты ты вынужденъ продѣлывать точно такъ же какъ пароходъ, всѣмъ своимъ корпусомъ и совершенно непроизвольно, подчиняясь какой-то невѣдомой силѣ тебя толкающей изъ стороны въ сторону какъ легкій мячикъ. Кто переживалъ моменты сильныхъ землетрясеній, тотъ помнитъ, конечно, что въ эти страшные моменты самое непріятнѣйшее ощущеніе состоитъ въ томъ что вы вдругъ теряете подъ ногами точку опоры, не имѣете никакой устойчивости и получаете непроизвольное принудительное движеніе, которому не въ силахъ противиться. Это мучительно-несносное ощущеніе въ тысячу разъ сильнѣе чувствуется во время большой морской качки, съ тою еще разницей что землетрясеніе продолжается нѣсколько секундъ, а морская качка тянется часы, сутки, иногда цѣлыя недѣли, какъ это бываетъ нерѣдко въ Индійскомъ океанѣ. Нужно быть записнымъ морякомъ чтобы пріобрѣсти привычку не воспринимать своими нервами подобныхъ ощущеній, но для насъ, людей грунтовыхъ, пріобрѣтеніе такой благородной привычки обходится слишкомъ дорого. И что́ бы вы думали? вѣдь за эту страшную ночь и мы немножко попривыкли, такъ что когда совсѣмъ разсвѣло и буря нѣсколько поутихла, хотя море все еще страшно волновалось, нѣкоторые изъ насъ кое-какъ выкарабкались на палубу, кто подышать чистымъ воздухомъ, а кто кромѣ того и съ желаніемъ полюбоваться грандіозною картиной взволнованнаго моря; а картина была дѣйствительно грандіозная: страшныя, мутныя, грязно-бурыя волны съ кипящими пѣнистыми верхушками, какъ баснословные великаны, одна за другой, будто рота за ротой, налетали на нашъ несчастный пароходъ, ежеминутно угрожая сокрушить его въ дребезги какъ ничтожную скорлупку. Особенно страшно ощущеніе когда пароходъ взобравшись на верхушку большой волны начинаетъ, скрипя всѣмъ своимъ корпусомъ и какъ-то содрогаясь, опускаться въ глубокій промежутокъ между двумя волнами,—это моментъ дѣйствительно

страшный: чувствуешь какъ у тебя духъ захватываетъ и по всему тѣлу пробѣгаютъ мурашки. Я долго не могъ сладить съ собой и все закрывалъ глаза когда пароходъ опускался въ эту страшную зіяющую бездну. Да, памятна будетъ намъ эта ночь, эта буря надѣлавшая съ нами столько пертурбацій...

Въ Николаевѣ мы простоимъ еще нѣсколько дней, а потомъ двинемся на Кіевъ, гдѣ по маршруту пробудемъ цѣлые три дня, чему я душевно радъ, такъ какъ это дастъ мнѣ возможность исполнить завѣтное желаніе поклониться Св. Кіевопечерскимъ угодникамъ Божіимъ и затѣмъ осмотрѣть всѣ древности этой „матери градовъ русскихъ", „откуду есть пошла земля Русская", какъ выражаются наши древніе лѣтописцы. Прощай.

Кіевъ, 19-го сентября.

„Матерь градовъ русскихъ" встрѣтила насъ совсѣмъ не съ тѣми материнскими объятіями которыхъ мы ожидали послѣ Николаева. Мѣстная администрація не позаботилась даже объ отводѣ намъ помѣщеній, такъ что мы прямо съ вокзала вынуждены были долгое время таскаться по гостиницамъ, пока въ одной изъ нихъ не нашли себѣ пріюта, и то благодаря только тому обстоятельству что командиръ полка помѣстился у кого-то изъ своихъ знакомыхъ, а намъ уступилъ свой нумеръ. На другой день прежде всего мы втроемъ (я, М—въ и К—ръ) отправились въ Лавру. Ѣхали мы туда, видитъ Богъ, съ добрымъ, истинно благочестивымъ чувствомъ, а вернулись крайне смущенными... Прежде всего бросается въ глаза недостатокъ проводниковъ и указателей: дворъ Св. Лавры обширный; построекъ, корпусовъ, церквей множество, а куда пройти къ пещерамъ—неизвѣстно; начали мы распрашивать: одинъ покажетъ рукой *вотъ туда*, тамъ направо, потомъ налѣво, а дальше кого-нибудь спросите, тамъ вамъ покажутъ. Другой встрѣчный говоритъ: нѣтъ, вамъ нужно поправѣе, мимо такой-то церкви, а тамъ спросите, всякій укажетъ... И мы ходили, ходили, кружились, кружились и едва-едва попали на настоящую дорогу. Конечно, нельзя для всякаго посѣтителя-поклонника поставить отдѣльныхъ провожатыхъ, такихъ поклонни-

ковъ бываетъ здѣсь десятки тысячъ, но все же можно было бы устроить какъ-нибудь такъ чтобы не приходилось блуждать и распрашивать, особенно если посѣтитель попадетъ въ глухое время, когда на дворѣ никого не встрѣтишь, какъ это случилось съ нами. Слѣдовало бы отъ Св. воротъ поставить столбы съ надписями и указателями направленія, и дѣло бы очень облегчилось, а главное не было бы нареканій. Послѣ долгихъ распросовъ дошли мы наконецъ до той галлереи которая ведетъ въ пещеры. Тутъ поразило насъ великое множество нищихъ, калѣкъ, уродовъ всякаго возраста и пола, особенно дѣтей, мальчиковъ и дѣвочекъ, которыя идя за нами вслѣдъ назойливо убѣждали насъ подать имъ милостыню. Я не стану утомлять тебя подробностями всѣхъ явленій какія мы тутъ видѣли,—большинство изъ нихъ такого свойства что едва ли въ комъ могутъ возбуждать или даже поддерживать то расположеніе духа съ какимъ всякому желательно было бы приблизиться ко святынѣ. Сошли внизъ, въ преддверіе пещеръ гдѣ продаютъ свѣчи... Но изъ уваженія, изъ того благоговѣйнаго чувства которое съ самаго еще младенчества возгрѣвалось въ моемъ сердцѣ моими благочестивыми родителями по отношенію къ кіевскимъ святынямъ, я не могу откровенно передать тебѣ тѣхъ словъ, того *тона словъ* съ которымъ обращаются продавцы свѣчъ къ своимъ покупателямъ, а тутъ же находящіеся *путеводители* къ собравшимся поклонникамъ... Сердце у меня сжалось, я сознавалъ, я чувствовалъ какъ постепенно шагъ за шагомъ утрачивалось и умалялось въ моей душѣ то доброе благочестивое настроеніе съ которымъ я приближался къ завѣтной для меня святынѣ. Пошли... Впереди идетъ путеводитель, молодой послушникъ, съ пучкомъ зажженныхъ свѣчъ и показываетъ... Но какъ показываетъ?... Съ глубоко смущенною душой и со слезами *прискорбнѣйшаго жалѣнія* я возвратился въ преддверіе!... Нѣтъ, не такаго поклоненія искала моя душа, мое *подвигшееся* сердце!... Добрые спутники мои не могли не замѣтить моего душевнаго состоянія, которое и сами отчасти испытывали въ себѣ, и были настолько сдержанны и благоразумны что не позволили сказать ни единаго слова о всемъ видѣнномъ и только что испытанномъ...

Когда мы вышли изъ галлереи, въ воздухѣ дрожали густые звуки большаго лаврскаго колокола, призывавшаго къ литургіи въ Успенскій соборъ. Оказалось, къ нашему счастію, что литургію будетъ служить высокопреосвященный митрополитъ Филофей. Я никогда не видалъ этого достойнѣйшаго архипастыря, хоть и слышалъ и читалъ о немъ много. Мы вошли въ соборъ. Народу собралось множество, и только благодаря вниманію и любезности какого-то полицейскаго пристава намъ удалось пробраться на средину храма къ самому архіерейскому амвону. Раздался „красный перезвонъ", сослужащіе вышли на встрѣчу, и вотъ въ дверяхъ собора показался мастистый архипастырь, высокій, но уже согбенный, съ пріятнѣйшимъ, добродушнымъ лицомъ, съ кроткими, полными любви и смиренія взорами. Первое впечатлѣніе какое производитъ самый внѣшній видъ Кіевскаго владыки чрезвычайно благопріятно: оно невольно предрасполагаетъ и возбуждаетъ въ душѣ какое-то тихое, доброе, благоговѣйное чувство. Началось богослуженіе. Я не стану описывать тебѣ всѣхъ подробностей; съ какою-то духовною *алчбой* и жаждой я слѣдилъ за каждымъ движеніемъ, за каждымъ взгдядомъ маститаго старца, и скажу тебѣ одно: его служеніе живо напомнило мнѣ незабвенныхъ архипастырей, приснопамятнаго Антонія Воронежскаго и Парѳенія Иркутскаго. Такое высокоблагоговѣйное служеніе производитъ неотразимо сильное впечатлѣніе и благотворнѣйшимъ образомъ вліяетъ на души и сердца предстоящихъ и молящихся. Сторицею мы были вознаграждены за то болѣзненно-горькое чувство съ которымъ вышли изъ ближнихъ пещеръ...

По возвращеніи домой мы разговорились между собой о всемъ видѣнномъ и перечувствованномъ нами въ это памятное утро. Среди разговора одинъ изъ моихъ спутниковъ высказалъ такое соображеніе: „Мнѣ кажется, сказалъ онъ, гораздо удобнѣе было бы устроить для помѣщенія всѣхъ нищихъ находящихся въ Лаврѣ особый баракъ или залъ смежный съ галлереей, такъ чтобы всякій поклонникъ проходящій по галлереѣ могъ видѣть всю массу этихъ меньшихъ братій труждающихся и обремененныхъ; для этой цѣли стѣну барака обращенную къ галлереѣ сдѣлать съ открытою аркой, подъ которою

какъ разъ на срединѣ поставить на тумбѣ большую кружку съ надписью: „на нищихъ и убогихъ“. Тогда всякій проходящій сразу видѣлъ бы всѣхъ этихъ несчастныхъ и однимъ этимъ печальнымъ видомъ невольно подвигался бы къ состраданію и благотворенію. Для всякаго удобнѣе было бы положить въ кружку рубль, два, три, нежели таскать съ собою цѣлый мѣшокъ мѣдныхъ денегъ для подаянія каждому нищему отдѣльно. При такомъ способѣ сокращалось бы и самое время употребляемое на раздачу милостыни, которымъ многіе изъ поклонниковъ весьма нерѣдко имѣютъ необходимость дорожить. Не было бы и такихъ случаевъ, какъ съ нами, что не зная напередъ о количествѣ нищихъ мы не взяли съ собой мѣдныхъ денегъ, и хотя отъ души желали бы подать милостыню, каждый изъ насъ по рублю, по два, —но кому ихъ подать? Кто станетъ дѣлить мой рубль, когда нищіе сидятъ по всей длинной галлереѣ на весьма значительномъ другъ отъ друга разстояніи, и тѣ что сидятъ ближе ко входу въ пещеры не могутъ даже видѣть сидящихъ при началѣ галлереи? Много между ними слѣпыхъ или калѣкъ, не имѣющихъ возможности передвигаться съ мѣста,—кто же имъ подастъ изъ моего рубля причитающуюся имъ долю? И такихъ случаевъ какъ было съ нами, безъ сомнѣнія, очень много... Тутъ двойная невыгода: убогіе лишаются подаянія и быть-можетъ самаго значительнаго, а многіе изъ поклонниковъ, подобные намъ, не выходили бы изъ галлереи съ тѣмъ горькимъ чувствомъ что не имѣли возможности подать милостыню. Это соображеніе, по моему мнѣнію, имѣетъ за собою большой практическій и нравственный смыслъ: вопервыхъ, сами нищіе не имѣли бы необходимости лично *канючить* и тѣмъ возбуждать въ проходящихъ нерѣдко слишкомъ непріятное ощущеніе, парализующее въ нихъ чувство состраданія и благотворенія. Вовторыхъ, въ такой общій баракъ или залъ свободно могли бы проходить и тѣ многочисленные бѣдные которые не въ состояніи стать въ галлереѣ съ протянутою рукой... Самая доля милостыни, при ежедневной высыпкѣ изъ кружки, распредѣлялась бы между всѣми равномѣрно и слѣдовательно совершенно безобидно. Втретьихъ, цѣлая масса нищихъ получила бы извѣстную орга-

низацію, была бы подчинена той или другой дисциплинѣ, во избѣжаніе безчисленныхъ между ними пререканій, ссоръ и самоуправства, нерѣдко очень неблаговиднаго. Наконецъ, многіе изъ поклонниковъ избавились бы отъ этого докучливаго, подъчасъ даже возмутительнаго, а для нѣкоторыхъ нервныхъ людей совершенно невыносимаго *нищенскаго канюченья,* которое очень сильно парализуетъ то доброе, христіанское чувство съ которымъ многіе паломники приближаются къ пещерамъ. Какъ много есть между нами такихъ слабыхъ по вѣрѣ христіанъ въ сердцахъ которыхъ нужно еще всячески поддерживать извѣстныя добрыя расположенія и по возможности устранять все то что можетъ *умалять* эти расположенія или вовсе ихъ парализовать.

Послѣ обѣда мы отправились къ памятнику св. равноапостольнаго великаго князя Владиміра. Долго я стоялъ тутъ, о чемъ-то думалъ, соображалъ, и вынесъ все-таки какое-то недовольное чувство; судя по историческому значенію великаго просвѣтителя Россіи, я ожидалъ чего-то большаго, болѣе величественнаго: мнѣ показался этотъ памятникъ слишкомъ бѣднымъ въ сравненіи съ другими видѣнными мной въ нашей сѣверной столицѣ. Затѣмъ ходили по Крещатику, этому Невскому проспекту Кіева, осматривали магазины, дома, и поздно вечеромъ вернулись въ свой нумеръ. На другой день отправились въ Софійскій златоглавый соборъ, оттуда въ Михайловскій златоверхій монастырь и наконецъ въ знаменитую по своей архитектурѣ и мѣстоположенію церковь св. апостола Андрея Первозваннаго: отовсюду мы вынесли глубокое чувство благоговѣнія къ видѣнной нами святынѣ, а съ террасы храма Св. Андрея долго любовались дѣйствительно великолѣпнымъ видомъ на Днѣпръ, на далекія окрестности... Подробнѣе разкажу при свиданіи, а теперь пока прощай.

Тамбовъ, 27-го сентября.

Пишу подъ живымъ впечатлѣніемъ только что пережитаго нами великаго и знаменательнаго торжества. Вчера (26-го сентября) Тамбовское городское общество устроило намъ замѣчательно-радушную и вмѣстѣ съ тѣмъ самую торжественную

встрѣчу. Рано утромъ нашъ полкъ въ полномъ своемъ составѣ, съ развернутыми знаменами и музыкой, выстроился по-баталіонно на обширной площади между вокзаломъ желѣзной дороги и Воронежскою городскою заставой. Впереди полка возвышались двѣ каменныя башни-заставы, обвѣшанныя сверху до низу огромныхъ размѣровъ флагами и прекрасно драпированныя краснымъ сукномъ и гирляндами свѣжей зелени, между которыми рельефно выдавалось вензелевое изображеніе имени Государя Императора съ огромными двуглавыми орлами на верху; ноги этихъ орловъ перевязаны громадными бантами изъ георгіевскихъ лентъ, на висящихъ концахъ которыхъ крупными буквами изображены слова, съ одной стороны: „Плевна", съ другой—„Балканы". По окраинамъ площади, начиная отъ этихъ башенъ, устроены были особыя ложи, какъ въ театрахъ, обитыя краснымъ сукномъ и разноцвѣтными коврами; за ложами виднѣлись подмостки, скамейки, а на самой срединѣ площади, впереди разукрашенныхъ башенъ, возвышалась большая эстрада въ три ступени, обитая также краснымъ сукномъ. Съ самаго разсвѣта, какъ только полкъ пришелъ на указанное мѣсто, густыя массы народа начали наполнять площадь, и съ каждымъ получасомъ эти массы учеличиваясь заняли всѣ подмостки, скамейки, показались любопытные и на заборахъ и на крышахъ окрестныхъ домовъ. Въ восемь часовъ утра стали съѣзжаться сюда именитые граждане со своими семействами и заняли приготовленныя для нихъ ложи; на эстрадѣ показались представители мѣстнаго духовенства, члены городскаго управленія и разныя должностныя лица. Ровно въ девять раздался звонъ со всѣхъ приходскихъ церквей, все засуетилось, заволновалось,—прибылъ мѣстный архипастырь преосвященный Палладій, епископъ Тамбовскій и Шацкій. Началось торжественное молебствіе съ водоосвященіемъ. Послѣ обычнаго многолѣтія Государю и всему Царствующему Дому, провозглашена была „вѣчная память" всѣмъ христолюбивымъ воинамъ на брани за вѣру, Царя и отечество животъ свой положившимъ. Эта грустно торжественная, общенародная молитва за нашихъ товарищей, за этихъ мучениковъ славы и чести Россіи, глубоко тронула всѣхъ насъ. Затѣмъ послѣ

многолѣтія всему побѣдоносному, всероссійскому воинству и въ частности нашему доблестному Сибирскому полку, преосвященный самъ лично обошелъ всѣ ряды полковыхъ колоннъ и всѣхъ солдатъ окропилъ святою водой. Нужно было видѣть съ какою высоко благоговѣйною радостью крестились наши Забалканскіе герои когда къ нимъ приближался архипастырь... По окончаніи обхода и окропленія, когда всѣ снова возвратились на свои мѣста, преосвященный Палладій, стоя на эстрадѣ, высоко поднялъ надъ своею головой прекрасную икону Христа Спасителя, троекратно осѣнилъ ею полкъ и отъ имени Тамбовскаго городскаго общества передалъ ее командиру полка, а городской голова купецъ Ѳедотовъ громко прочелъ весьма приличный адресъ. Затѣмъ члены городскаго общества, по русскому обычаю, поднесли полку хлѣбъ-соль на роскошномъ золоченомъ блюдѣ съ приличными надписями. Глубоко взволнованный командиръ полка громко отвѣтилъ на все это нѣсколькими задушевными словами, выражая отъ имени полка глубочайшую признательность за такой торжественный и неожиданный для насъ пріемъ и радушіе. Началось шествіе, раздалась команда, загремѣла полковая музыка, зарокотали дробью барабаны, пронеслось въ воздухѣ потрясающее *ура* несмѣтной народной толпы; но только что двинулись мимо эстрады какъ въ промежуткѣ между башнями встрѣтила насъ депутація отъ Тамбовскаго Александровскаго Института благородныхъ дѣвицъ и старшая изъ институтокъ поднесла командиру полка небольшую прелестной работы икону, а другія институтки возложили на его плечи громадный лавровый вѣнокъ, перевитый георгіевскими лентами. Только что разступились институтки какъ глазамъ нашимъ представились по обѣимъ сторонамъ широкой улицы длинныя шпалеры воспитанниковъ и воспитанницъ разныхъ учебныхъ заведеній, встрѣтившіе насъ торжественнымъ народнымъ гимномъ, звуки котораго едва можно было разслышать, такъ какъ въ это время разразилась буря восторженныхъ народныхъ восклицацій: *ура*, „Плевна", „Сибирцы", „Балканы"!.. Громъ музыки и барабановъ, гулъ всѣхъ городскихъ колоколовъ, восторженные крики народа, все слилось въ какую-то дѣйствительно страшную, неописанную бурю,

среди которой со всѣхъ сторонъ посыпалась на насъ цѣлая туча цвѣтовъ, букетовъ, вѣнковъ,—все это летитъ съ балконовъ, съ заборовъ, съ домовыхъ крышъ, изъ средины густой народной массы, которая страшными волнами хлынула по обѣимъ сторонамъ еле движущагося полка. Съ каждымъ шагомъ, съ каждымъ нашимъ движеніемъ, народный восторгъ увеличивался и доходилъ въ иныя минуты до какого-то всеобщаго экстаза. Никогда не забуду одной сцены: не доходя до городскаго театра, у одного палисадника собралась толпа простыхъ женщинъ, молодыхъ и старыхъ,—молодыя держали въ рукахъ большія корзины цвѣтовъ и преусердно бросали ихъ прямо на проходящихъ солдатъ, а старухи, простирая къ нимъ руки, со слезами на глазахъ вопили: „голубчики наши, касатики, родимые наши"... Подобныхъ сценъ народнаго увлеченія, конечно, было много, а не одна эта, но замѣтить ихъ всѣ за густою сплошною массой народа не было никакой возможности. Подвигаясь далѣе по Дворянской улицѣ, полкъ остановленъ былъ у церкви св. первомученика архидіакона Стефана изъ которой приходское духовенство вышло съ хоругвями и чудотворною иконой Божіей Матери. Народный шумъ притихъ. Послѣ краткаго молебствія и обычныхъ многолѣтій, воспитанники ремесленной школы и приходскихъ училищъ пропѣли гимнъ: *Славься*! Тутъ же директоръ Екатерининскаго (Нарышкинскаго) учительскаго института передалъ командиру полка постановленіе совѣта института объ учрежденіи двухъ стипендій для двухъ сиротъ-мальчиковъ оставшихся послѣ воиновъ убитыхъ въ плевненской битвѣ. Двинулись дальше. Проходя мимо губернской женской гимназіи полкъ буквально былъ осыпанъ цѣлымъ дождемъ букетовъ и вѣнковъ, такъ что нашъ полковой командиръ, ѣхавшій верхомъ впереди полка, представлялъ изъ себя цѣлую двигающуюся цвѣточную гору, обвѣшанную лавровыми вѣнками съ георгіевскими лентами. У Казанскаго моста снова остановились: монастырская братія Казанскаго монастыря вышла па встрѣчу съ иконами и молебствіемъ, а воспитанники духовной семинаріи и училищъ пропѣли народный гимнъ. Только что перешли мостъ и повернули на „Большую" улицу какъ насъ встрѣтила цѣлая

масса молодежи—воспитанники реальной и классической гимназій,—всѣ поютъ, кричатъ, машутъ фуражками, платками, букетами и опять безконечное, потрясающее *ура* всего народа. Перешли еще Никольскій мостъ, опять остановка, снова молебствіе и здѣсь же игуменія Вознесенскаго женскаго монастыря отъ лица всѣхъ сестеръ поднесла полку небольшую, отлично украшенную икону Вознесенія Господня. Нужно было видѣть прекрасное выраженіе лица доброй старушки: безмолвно подала она командиру полка Св. икону,—но слезы блиставшія на ея рѣсницахъ лучше всякой рѣчи говорили о томъ высокомъ чувствѣ которое въ эти минуты наполняло ея доброе сердце. Задушевнѣе этого безмолвно-краснорѣчиваго привѣтствія трудно себѣ что-нибудь представить.... Наконецъ-то среди всѣхъ этихъ безчисленныхъ овацій, подъ неумолкавшимъ ни на минуту колокольнымъ звономъ всѣхъ городскихъ церквей, вся масса ликующаго народа остановилась на загородной площади передъ большимъ ярмарочнымъ зданіемъ, въ которомъ приготовленъ былъ для цѣлаго полка общественный обѣдъ. Полкъ остановился, построился, составилъ свои ружья въ „козлы“ и ждалъ прибытія высшихъ гражданскихъ начальниковъ и преосвященнаго Палладія. Замѣчательную картину представляли изъ себя эти „козлы“: на каждомъ ружейномъ штыкѣ былъ насаженъ букетъ цвѣтовъ,—и вотъ на безлюдной въ обыкновенное время ярмарочной площади вдругъ какъ изъ земли выросли цвѣточныя клумбы, какъ будто висящія въ воздухѣ. Прибылъ многоуважаемый архипастырь, собралась блестящая публика, солдаты заняли свои мѣста около столовъ, и по предложенію преосвященнаго полкъ всѣмъ своимъ двухтысячнымъ составомъ пропѣлъ предобѣденную молитву: *Отче нашъ*. Какъ только грянулъ этотъ громадный хоръ, къ которому присоединилась и собравшаяся публика, многотысячныя толпы народа, оставшіяся на площади и продолжавшія еще шумѣть, всѣ въ одну минуту притихли, притаили дыханіе и среди воцарившейся тишины величественно раздавались аккорды полковой молитвы. Преосвященный обошелъ всѣ столы и благословилъ предложенное „ястіе и питіе рабомъ твоимъ“. Послѣ обѣда народъ просилъ отпустить солдатъ по

домамъ, и скоро цѣлый полкъ былъ разобранъ, разсѣявшись по городу небольшими партіями. Въ пять часовъ всѣ офицеры были приглашены въ Дворянское Собраніе на парадный обѣдъ, который прошелъ необыкновенно весело, радушно, искренно; говорилось много хорошихъ, теплыхъ рѣчей, изъ которыхъ намъ особенно понравилась одна: въ ней туземный ораторъ говорилъ о той радости, о томъ всеобщемъ восторгѣ съ которыми получена была отрадная вѣсть о взятіи Плевны. Заключилъ онъ свою рѣчь такими лестными для насъ словами: „да, наши милые, славные гости-Сибирцы, вашимъ геройскимъ подвигомъ вы несказанно обрадовали всѣхъ насъ, обрадовали всю Россію“. Послѣ обѣда начались „подыманья, качанья“— что называется: душа на распашку.... Расходившемуся веселью положило конецъ громко объявленное приглашеніе пожаловать въ городской театръ на парадный спектакль. Наступилъ уже вечеръ, тихій, ясный, превосходный; всѣ улицы и дома съ распущенными флагами, съ выставленными во многихъ окнахъ и на балконахъ транспарантами, ярко освѣтились блестящею иллюминаціей. Далеко за полночь подгулявшій народъ, обнявшись со своими дорогими гостями-Сибирцами, бродилъ по улицамъ, выражая свой восторгъ громогласнымъ говоромъ и разудалыми русскими пѣснями.

ГЛАВА XII.

Заключеніе.

Итакъ, конецъ нашему походу, нашимъ странствованіямъ по чужимъ землямъ. Ровно круглый годъ мы были въ походѣ: 20 сентября 1877 мы выступили изъ Люблина и 25 сентября 1878 прибыли на новое мѣсто стоянки въ Тамбовъ. Въ теченіе всего этого года я состоялъ при подвижномъ дивизіонномъ лазаретѣ и имѣлъ полную возможность непосредственно наблюдать за его внутреннею и внѣшнею жизнію. Результатомъ этихъ наблюденій были тѣ хотя и немногіе выводы къ которымъ нельзя было не придти. Факты совершались у меня на глазахъ, результаты ихъ обнаруживались тутъ же непосредственно и выводы вытекли сами собой изъ самаго существа дѣла. Не претендуя нисколько на званіе спеціалиста или знатока въ медицинскомъ мірѣ, я, тѣмъ не менѣе, какъ лицо хотя и постороннѣе, но близко стоявшее у самаго дѣла, считаю для себя крайне недобросовѣстнымъ умолчать о всемъ видѣнномъ и дознанномъ мною, опасаясь даже того что если я умолчу, то пожалуй и *каменіе возопіютъ*... начинаю съ самаго учрежденія и устройства нашего подвижнаго дивизіоннаго лазарета.

I. Лазаретный обозъ.

За нѣсколько мѣсяцевъ до начала прошлой войны въ штабъ нашей дивизіи привезенъ былъ изъ Варшавы лазаретный обозъ для подвижнаго дивизіоннаго лазарета. Новый, съ иголочки, онъ на первый разъ всякому бросался въ глаза и многіе изъ

мѣстныхъ обывателей нарочно ходили посмотрѣть на него какъ на нѣчто невиданное, на диковинку. Въ числѣ любопытныхъ бывали и старослуживые военные, видѣвшіе подобные обозы старыхъ образцовъ, были и разные спеціалисты мастеровые кузнецы, колесники, маляры. Каждый изъ нихъ, осматривая привезенное диво, осторожно высказывалъ свои замѣчанія, заключая рѣчь свою почти всегда одною и тою же фразой: „а можетъ-быть оно такъ и слѣдуетъ; мы на войнѣ не бывали, не знаемъ что̀ туда требуется...“ Одинъ высокопоставленный военный, осмотрѣвъ обозъ до мельчайшихъ подробностей, выразился о немъ такъ: „нужно будетъ написать Керимъ-пашѣ (въ то время главнокомандующимъ турецкою арміей былъ еще престарѣлый Абдулъ-Керимъ) чтобъ онъ двигалъ свои арміи только по шоссейнымъ дорогамъ, потому что наши обозы не пригодны для проселочныхъ“. Эта остроумная шутка опытнаго генерала оправдалась впослѣдствіи какъ нельзя болѣе: по шоссейнымъ дорогамъ обозъ нашъ дѣйствительно двигался довольно ходко; но какъ только приходилось сворачивать на проселочныя, такъ и бѣда: ни взадъ, ни впередъ, особенно во время ненастной погоды...

Отправились мы въ походъ въ концѣ сентября 1877 года. Отъ Вислы до Дуная нашъ подвижной дивизіонный лазаретъ везли по желѣзнымъ дорогамъ; но и при этомъ благопріятномъ условіи намъ приходилось не разъ испытывать все неудобство, всю неповоротливость нашего обоза; особенно нагрузка и перегрузка огромныхъ и громоздкихъ линеекъ требовала всегда много лишнихъ хлопотъ и продолжительныхъ остановокъ; а тутъ, какъ на бѣду, перегрузки эти случались довольно часто: насъ перегружали въ Ковелѣ, Казатинѣ, Жмеринкѣ, въ Унгенахъ, Яссахъ, Букурештѣ и затѣмъ окончательно выгрузили во Фратештахъ. Отъ Ковеля до Фратештъ мы тащились по желѣзнымъ дорогамъ цѣлыхъ *пятнадцать* дней—быстрота не особенная... Во все это время погода намъ благопріятствовала: дни стояли теплые, ясные; только въ Жмеринкѣ перегружались подъ проливнымъ дождемъ и въ непроглядной темнотѣ, благодаря любезности тамошняго коменданта который не благоволилъ дать фонарей, вслѣдствіе чего случились и порядочныя

поломки, и порядочныя увѣчья... Во время послѣдней выгрузки во Фратештахъ опять пошелъ дождь, опять выгружались въ непроницаемой темнотѣ и опять небольшія поломки и небольшія увѣчья... На другой день (6 октября) начался нашъ настоящій походъ и прямо по проселочной дорогѣ. Отъ дождя, продолжавшагося цѣлую ночь, земля распустилась и глинисто-черноземный грунтъ сдѣлался скользкимъ и вязкимъ до того что пѣшеходы тащили на ногахъ настоящія пудовыя гири... Лошадки наши, отдыхавшія цѣлый мѣсяцъ на хорошемъ кормѣ, сначала пошли-было довольно ходко и бойко; но скоро прыть имъ умаялась и обозъ нашъ, несмотря на самыя энергическія подтягиванія, растянулся на огромное пространство. На бѣду нашу предъ сумерками дождь превратился въ настоящій ливень и началъ хлестать какъ изъ ведра. Лошади скоро совсѣмъ выбились изъ силъ и *стали*; пришлось половину обоза оставить на ночлегъ въ полѣ, не добравшись нѣсколько верстъ до назначенной по маршруту станціи. Такимъ образомъ первый же маршевой переходъ, всего 22 версты, мы не могли осилить въ теченіе цѣлаго дня съ ранняго утра до поздней ночи... На другой день, когда подтянулись всѣ линейки и повозки, нашъ блестящій обозъ представлялъ уже изъ себя такую печальную картину и такъ неказисто выглядывалъ что, вопреки маршрутному расписанію, признано было необходимымъ дать ему дневку для того чтобъ и лошадямъ отдохнуть, и людямъ обсушиться, и оказавшіяся въ обозѣ поломки немедленно исправить. По здравомъ обсужденіи встрѣтившихся, но не вполнѣ предвидѣнныхъ обстоятельствъ, тутъ же порѣшили купить въ помощь форменному обозу двѣ пары воловъ съ двумя румынскими каруцами (телѣгами) и двѣ полубочки по десяти ведръ каждая, такъ какъ устроители лазаретнаго обоза не сообразили того что для цѣлой роты носильщиковъ и для всей вообще лазаретной прислуги, въ количествѣ 311 человѣкъ, необходимо было устроить особыя посудины для запасной воды на случай большихъ переходовъ; за неимѣніемъ же такихъ посудинъ наши люди, не добравшись вчера до назначенной станціи, остались безъ горячей пищи, и во время самаго перехода утоляли свою жажду изъ дождевыхъ лужъ..

Во время этой первой походной дневки, около румынской деревушки Путыней, въ лазаретѣ нашемъ поднялась самая кипучая работа: кузнецы ковали, плотники тесали, шорники строчили, столяры пилили, санитары вытаскивали, разбирали разстегивали, просушивали лазаретное добро. Въ числѣ другихъ исправленій нашего обоза тутъ же началась починка аптечной платформы, которую потомъ чинили почти на каждомъ переходѣ, начиная отъ Фратешть и до Чорлу, или отъ прибрежій Дуная до береговъ Мраморнаго моря. Изо всѣхъ принадлежностей лазаретнаго обоза одни только колеса оказались дѣйствительно прочными и выдержали весь походъ безо всякихъ поврежденій и починокъ; все же остальное чинилось по нѣскольку разъ или заводилось вновь. Такимъ образомъ, самая прочность лазаретнаго обоза, на которую всего болѣе разчитывали, оказалась на самомъ дѣлѣ весьма неудовлетворительною. Что же касается огромной тяжести лазаретныхъ линеекъ, ихъ неумѣренной высоты и громаднаго объема, то всѣ эти отрицательныя качества давали намъ себя чувствовать почти на каждой горѣ, на каждомъ спускѣ, особенно по проселочнымъ дорогамъ и въ ненастное время; ни на одну порядочную гору въ Румыніи и Болгаріи мы не подымались безъ того чтобы не подпречь такъ-называемыхъ выносныхъ, и такимъ образомъ, вмѣсто положенной по штату четверни лошадей, мы бичевались почти на всякую гору шестерикомъ и всегда при помощи еще крѣпкихъ солдатскихъ плечей. Эта тяжелая операція при спускахъ и подъемахъ, кромѣ напраснаго утомленія людей и лошадей, отнимала всегда много дорогаго времени, такъ что на назначенные по маршруту ночлеги мы приходили или очень поздно или вовсе не приходили, останавливаясь гдѣ попало, гдѣ заставала насъ темная ночь. На первую же встрѣченную нами Систовскую гору мы бичевались цѣлый день, не смотря на отличную погоду; потомъ на переходѣ отъ Овчей Могилы до Радоницы мы заночевали на грязнѣйшемъ лугу, чуть не въ болотѣ, около Булгарени; на слѣдующемъ переходѣ до Врбицы заѣхали ночью въ такую трущобу что одна изъ полковыхъ * линеекъ полетѣла въ

*) 9-го Гренадерскаго Сибирскаго полка.

оврагъ и тамъ ночевала, разбившись въ прахъ. Каждый длинный подъемъ въ гору, каждый крутой спускъ, узкій мостикъ, болотистый ручей непремѣнно насъ задерживали на нѣсколько часовъ; приходилось даже строить импровизованные мосточки, или расширять старые, такъ какъ наши линейки съ ихъ широкимъ ходомъ не вездѣ могли переѣхать черезъ узкіе и непрочные деревенскіе мосты. Неизбѣжнымъ послѣдствіемъ такихъ путевыхъ задержекъ и постоянныхъ запаздываній было то что люди наши по цѣлымъ суткамъ оставались безъ горячей пищи или пользовались ею не въ то время когда бы слѣдовало: такъ, напримѣръ, высланные впередъ квартирьеры и кашевары, прибывъ на мѣсто назначеннаго по маршруту ночлега, приготовятъ заблаговременно горячую пищу, а мы, двигаясь по-черепашьи, до этого мѣста не доходимъ, останавливаемся тамъ гдѣ ночь застала, и люди остаются безъ пищи; на другой день, придя на мѣсто вчерашняго маршрутнаго ночлега, они употребляютъ уже пищу не свѣжую, вчерашнюю; а случалось и такъ что приготовленная съ вечера кашица или супъ въ теченіе ночи прокисали и по прибытіи голодныхъ потребителей оказывались къ потребленію негодными. Самое передвиженіе наше отъ Рущука до Плевны вѣрнѣе можно было назвать не проѣздомъ военнымъ, а какимъ-то странствованіемъ по пустыни, только не такимъ продолжительнымъ какъ извѣстное сороколѣтнее... Маршрутъ указывалъ намъ только начало и конецъ ежедневнаго перехода, напримѣръ отъ Радоницы до Врбицы; а какъ по такимъ проселочнымъ дорогамъ и перекресткамъ пробраться отъ одной деревни до другой, нерѣдко на разстояніи болѣе тридцати верстъ, это предоставлялось уже нашему собственному соображенію и усмотрѣнію; и дѣйствительно, все это время, почти цѣлую недѣлю, мы странствовали въ буквальномъ смыслѣ по собственному усмотрѣнію; спросить о дорогѣ не у кого, страна разоренная, жители разбѣжались, на протяженіи десяти-пятнадцати верстъ не встрѣтишь ни единаго братушки; а въ поляхъ и степяхъ дорожки, перекрестки почти на каждой верстѣ,—куда двигаться? Богъ его знаетъ... Ну, и держались всегда именно той дороги которая болѣе другихъ разбита, на которой ясно видѣлись

глубокія колеи, прорѣзанныя нашею артиллеріей и обозами; но туда ли именно направлялись эти части куда намъ слѣдовало, это было покрыто для насъ полнѣйшимъ мракомъ неизвѣстности. Поэтому мы странствовали такъ себѣ, на-авось, и не разъ попадали совсѣмъ не на ту дорогу куда слѣдовало, дѣлали большой крюкъ и снова опаздывали на ночлегъ.

Не успѣлъ нашъ лазаретъ открыть свои дѣйствія на лѣвомъ берегу рѣки Вида какъ со всѣхъ сторонъ начали подвозить къ намъ больныхъ, такъ что въ нѣсколько дней лазаретъ нашъ переполнился до невозможности; нужно было принять мѣры для немедленной эвакуаціи больныхъ въ ближайшіе военно-временные госпитали. По наведеннымъ справкамъ ближайшимъ къ намъ оказался госпиталь № 63, расположенный въ деревнѣ Булгарени, отстоящей отъ мѣста нашей стоянки верстахъ въ шестидесяти—семидесяти, по кружной дорогѣ на Рыбну, Врбицу, Радоницу и въ Булгарени. Отправлять больныхъ въ нашихъ лазаретныхъ линейкахъ было немыслимо: дня три падали постоянные дожди, дороги сдѣлались для такихъ тяжелыхъ и громоздкихъ посудинъ совершенно непроѣздными; поэтому какъ первый, такъ и всѣ послѣдующіе транспорты съ больными, а потомъ съ ранеными мы отправляли на повозкахъ вольнонаемныхъ обозовъ. Такимъ способомъ, въ теченіе двухъ мѣсяцевъ, эвакуировано было изъ нашего лазарета 894 человѣка больныхъ и 807 человѣкъ раненыхъ. Собственно же наши лазаретныя линейки, спеціально для этой цѣли назначенныя, употреблялись за все это время всего только три раза: въ день послѣдняго Плевненскаго боя 28 ноября 1877 года они сдѣлали одинъ рейсъ на пространствѣ *семи* верстъ, съ поля сраженія до мѣста стоянки, и перевезли около 120 человѣкъ раненыхъ; но и на этомъ единственномъ рейсѣ онѣ какъ нельзя болѣе доказали всю свою непригодность; пространство въ семь верстъ они тащились *семь* часовъ,—съ поля битвы тронулись въ шесть часовъ вечера и прибыли на бивуакъ въ первомъ часу ночи. И лошади, и обозные, и сами раненые измучились ужасно. Въ другой разъ въ нашихъ линейкахъ отвезли въ Плевну 45 человѣкъ раненыхъ Турокъ, и наконецъ въ третій разъ въ концѣ декабря отвезли больныхъ въ коли-

чествѣ 68 человѣкъ въ деревню Леженъ, на пространствѣ 65 верстъ, на что̀ потребовалось времени пятеро сутокъ. Вотъ и всѣ подвиги совершенные нашими лазаретными линейками въ теченіе всей прошлой компаніи, вся польза принесенная ими нашей дивизіи по прямому ихъ спеціальному назначенію; во время же походовъ и передвиженій въ нихъ обыкновенно перевозили запасный фуражъ для казенно-подъемныхъ лошадей: сѣно, солому, снопы, овесъ или ячмень въ мѣшкахъ, хотя для этой послѣдней цѣли можно было бы употреблять и не такія дорогія посудины.

Несмотря однако на самый осязательный опытъ полной непригодности и всѣми признанной безполезности нашихъ неуклюжихъ лазаретныхъ линеекъ, никому не пришло въ голову сдѣлать распоряженіе о томъ чтобъ ихъ оставить по сю сторону Балканъ и не тащить съ собою въ долину Тунджи и Марицы. Но волей-неволей мы ихъ потащили... Чего только стоило намъ одно это убійственное перетаскиванье,—сколько погибло бѣдныхъ лошадей, сколько покалѣчилось нашихъ обозныхъ и санитаровъ!... Почти каждый подвижной дивизіонный лазаретъ оставилъ одну другую линейку въ страшныхъ пропастяхъ большихъ и малыхъ Балканъ на память нашей интеллигенціи...

Какую же пользу принесли наши линейки за Балканами? А ту же самую что̀ и за Дунаемъ до Балканъ; мы ихъ таскали за собой—и только... Никакого примѣненія онѣ не имѣли и не могли имѣть по самому своему устройству, составляя только одну страшную для насъ обузу, замедляя повсюду наше походное движеніе. На пути изъ Адріанополя въ Чорлу лазаретъ вынужденъ былъ простоять въ Люлѣ-Бургасѣ цѣлыхъ двѣ недѣли совершенно непроизвольно, благодаря только тому обстоятельству что нашъ громоздкій и тяжелый обозъ нельзя было никакими силами перетащить черезъ болотистый лугъ около деревни Кераштирана; а между тѣмъ въ это самое время въ Чорлу, гдѣ сосредоточена была вся наша дивизія, съ каждымъ днемъ развивалась страшная тифозная эпидемія; полковые врачи выбивались изъ силъ, а дивизіонный лазаретъ застрялъ въ Люлѣ-Бургасѣ... Таскали мы за собой наши

неуклюжія линейки и въ прибрежныя страны моря Эгейскаго, показывали ихъ и на берегахъ Мраморнаго; наконецъ, какъ драгоцѣнное сокровище, какъ родное дѣтище, перевезли и по морю Черному, возбуждая на всемъ пути нашего слѣдованія не малое удивленіе непросвѣщенныхъ Грековъ, Армянъ, Турокъ и Болгаръ... Показали мы имъ наше экипажное мастерство, наше телѣжное искусство...

Теперь самъ собою возникаетъ вопросъ: что̀ же мы станемъ дѣлать съ нашимъ лазаретнымъ обозомъ? Куда пристроимъ это родимое недомысленное дѣтище, которое мы такъ неразчетливо для себя возили на показъ за границу? Неужели оставимъ его расти и множиться до будущей новой войны?...

II. Лазаретная прислуга.

Мобилизація застала нашу дивизію въ лагерѣ подъ Варшавой. Понятно что сейчасъ же поднялась страшная суета, поскакали офицеры въ разныя командировки, отовсюду стали прибывать партіи „призывныхъ“ изъ запаса солдатъ; началось укомплектованіе разныхъ частей, въ томъ числѣ и нашего подвижнаго дивизіоннаго лазарета. Кто-то премудро сообразилъ что всю лазаретную прислугу всего лучше набрать изъ состава „призывныхъ“ нижнихъ чиновъ, такъ какъ многіе изъ нихъ оказались совершенно негодными для строевой службы. Это была очень большая ошибка... Начали набирать, комплектовать... Изъ каждой прибывающей партіи все лучшее, къ чему-нибудь годное, назначалось въ полки, въ артиллерію, все же негодное, ни къ чему неспособное, самые оборышки—въ нашъ лазаретъ. Сначала никто не обращалъ на это серіознаго вниманія; принимали всѣхъ безъ разбора, огуломъ, лишь бы образовалось число положенное по штату. Такимъ образомъ въ теченіе какихъ-нибудь двухъ недѣль лазаретъ нашъ укомплектовался... Составили роту носильщиковъ, назначили обозныхъ служителей; стали разбирать ихъ ближайшимъ непосредственнымъ осматриваніемъ каждаго порознь, и тутъ только замѣтили что въ составъ нашей лазаретной прислуги поступили люди совершенно ни къ чему неспособные,

словомъ: слѣпые, хромые и чающіе движенія воды... Достаточно того что по первому же надлежащему осмотру изъ числа 300 чел. тутъ же отосланы были въ мѣстный военный госпиталь 44 чел. для переосвидѣтельствованія,.. Въ числѣ этихъ отправленныхъ значились слѣдующіе экземпляры: 1) Семенъ Подгородный, 58 лѣтъ, на службѣ съ 1855 года,—противъ него отмѣтка врачей: „*начало старческаго маразма*". 2) Ейзенъ Шнитковскій—61 года, на службѣ съ 1855 г., отмѣтка: „*истощеніе и старческій маразмъ*". 3) Василій Оленниковъ, 55 лѣтъ,—„*начинающееся старческое ослабленіе*". 4) Агаѳонъ Столяровъ, 62 лѣтъ, на службѣ съ 1852 г.—„*полный старческій маразмъ*". 5) Тарасъ Пріймаченко, на службѣ съ 1854—„*маразмъ*". Далѣе въ спискѣ слѣдуютъ слабогрудые, глухіе слѣпые, косолапые... Зачѣмъ же призывали, утруждали, перевозили и отвозили всѣхъ этихъ недугующихъ и обремененныхъ? При такой системѣ комплектованія лазаретной прислуги мы во время похода по необходимости оставляли больныхъ почти въ каждомъ городѣ, чуть не на каждой желѣзнодорожной станціи. За весь походъ, кромѣ умершихъ (23 ч.), мы оставили въ разныхъ госпиталяхъ всего 130 человѣкъ,—процентъ довольно солидный.

Таково было санитарное состояніе людей назначенныхъ въ дивизіонные санитары. Не лучшимъ оказалось и служебно-нравственное ихъ состояніе; начать съ того что въ нашемъ лазаретѣ за все время похода не было строгой дисциплины—этой души всѣхъ частей военнаго вѣдомства. Главный врачъ и смотритель (въ чинѣ майора) долгое время никакъ не могли опредѣлить и установить своихъ служебныхъ отношеній; одинъ былъ черезчуръ деликатенъ и никакъ не хотѣлъ давать почувствовать что онъ начальникъ, другой не въ состояніи былъ понимать это и страдалъ амбиціей; отъ этого нерѣдко происходили между ними презабавныя личныя отношенія. Весь военный персоналъ лазарета, во главѣ съ такимъ смотрителемъ, долго не могли помириться съ тою мыслію что они непосредственно подчинены лицу гражданскаго чина; принимать отъ него приказанія, въ какой бы мягкой формѣ они ни отдавались, было для нихъ чѣмъ-то даже обиднымъ. Прямымъ

послѣдствіемъ такого близорукаго пониманія вещей и отношеній было то что командиръ роты носильщиковъ нерѣдко находилъ для себя болѣе удобнымъ не подчиняться ни чьимъ распоряженіямъ, ни главнаго врача, ни смотрителя... При такихъ порядкахъ нижніе чины роты носильщиковъ были порядочно распущены: пьянство, драки, взаимное воровство и даже мародерство процвѣтали какъ нельзя болѣе. Унтеръ-офицеры, набранные также изъ состава „призывныхъ", служили главными коноводами, и во время кабачныхъ дракъ не считали для себя оскорбленіемъ получить нѣсколько оплеухъ отъ руки своихъ же подчиненныхъ. Несчастный фельдфебель, ежедневно являясь къ смотрителю за приказаніями, каждый разъ заявлялъ съ отчаяніемъ „что онъ всѣ руки себѣ *обколотилъ*, что съ такимъ народомъ нѣтъ никакого способа". Во время похода, особенно въ дождливую погоду, наши санитары отставали отъ обоза на цѣлую версту, тащились попарно или въ одиночку „гуськомъ"; если необходима была ихъ помощь при подъемѣ на высокую гору, или при крутомъ очень спускѣ, офицеръ завѣдывавшій обозомъ, а нерѣдко и самъ главный врачъ должны были скакать верхомъ назадъ и подгонять отставшихъ. На бивуакѣ въ Овчей Могилѣ какой-то солдатъ насильно отнялъ у бѣдной Болгарки понравившійся ему жестяной котелокъ, единственную посудину въ которой несчастная женщина варила пищу своимъ дѣтямъ; Болгарка подняла отчаянный крикъ, а солдатъ успѣлъ скрыться; стали обыскивать наши линейки и нашли котелокъ у одного изъ нашихъ обозныхъ. Кромѣ лицъ постороннихъ, наши санитары и обозные обворовывали другъ друга: то мундиръ пропадетъ, то ранецъ обчистятъ; дошло до того что воровали одинъ у другаго попоны, подковы; обозные даже одинъ у другаго расковывали лошадей... Изъ церковной фуры выкрали тазъ, коврикъ, чайникъ и цыновки. Ничему не давали спуска. Главный врачъ взялъ себѣ два ящика турецкихъ патроновъ для ружья Пибоди и Мартини и отдалъ ихъ на храненіе одному обозному; чрезъ двѣ недѣли ящики пропали, несмотря на то что въ каждомъ изъ нихъ было пуда по три вѣсу. Въ день Плевненской битвы 28 ноября наши санитары, подбирая раненыхъ, не пропустили случая подобрать и

кое-что другое. Чрезъ нѣсколько дней около нашего лазарета, этого мирно безоружнаго учрежденія, стали раздаваться очень частые ружейные выстрѣлы. Плевна уже была взята, на всѣхъ позиціяхъ мертвая тишина, а въ нашемъ лазаретѣ перестрѣлка... Оказалось что наши санитары подобрали порядочное количество турецкихъ ружей и стали ихъ пробовать. Ходили въ продажѣ подъ рукой и болѣе мелкія вещи, часы, цѣпочки, пустые кошельки. Въ Казанлыкѣ наши лазаретные служители начали продавать на базарѣ новое бѣлье, фуфайки, шапки, чулки; ихъ, конечно, поймали, и по дознанію оказалось что они вошли въ стачку съ ранеными, которыхъ состояло тамъ на попеченіи одного нашего лазарета болѣе тысячи человѣкъ. Выпроситъ себѣ раненый бѣлье, фуфайку или другую какую-нибудь вещь изъ склада Краснаго Креста, а чрезъ день эта вещь очутится на базарѣ; коммиссіонерами являлись наши служители.

Уходъ такихъ служителей за больными и ранеными не отличался особенною мягкостью, состраданіемъ, усердіемъ... Къ сожалѣнію, при нашемъ лазаретѣ во все продолженіе войны не было ни одной сестры милосердія,—не было значитъ нагляднаго примѣра и образца настоящаго, человѣчнаго ухода за бѣдными страдальцами. Не разъ, не два замѣчалась у нашихъ санитаровъ и служителей даже какая-то грубая, непростительная жестокость по отношенію къ раненымъ: наступить на раненую ногу, толкнуть пораненую руку, безучастно отнестись къ просьбамъ, стонамъ и воплямъ несчастныхъ мучениковъ для нашихъ служителей не считалось жестокимъ...

— Бога въ тебѣ нѣтъ, вопитъ бѣдный раненый, которому неуклюжій служитель наступилъ на раненую ногу...

— Ну, ну, чего ревешь-то, грубо отвѣчаетъ ему служитель,—нянекъ тутъ, братъ, нѣтъ для тебя; лежи, коли лежишь...

Изъ операціонной палатки постоянно слышались громкія призыванія врачей: санитары, гдѣ же санитары? Оказывалось что, принеся на носилкахъ тяжело раненаго къ операціонной, наши санитары скрывались неизвѣстно куда, и для того чтобъ отнести оперированнаго въ назначенное ему мѣсто нужно было созывать, а иногда посылать за ними... За то какими молод-

цами оказывались наши „призывные“ когда ихъ посылали на фуражировку,—тутъ почти всѣ являлись охотниками. Пошлютъ за сѣномъ, за соломой, а они навезутъ всякой всячины. Въ Казанлыкѣ послали за соломой для подстилки раненымъ; солома была крайне нужна: раненые валялись на голой землѣ, въ грязи, въ собственныхъ нечистотахъ,—положеніе ихъ было ужасно... Отправились за соломой три линейки и пропадали неизвѣстно гдѣ цѣлую почти недѣлю,—за то привезли, кромѣ соломы, индюковъ, куръ и цѣлую бадью отличнаго меда. Оказалось что онѣ нечаянно попали въ какую-то турецкую деревушку покинутую жителями и нашли въ ней полное домашнее хозяйство; не обращая вниманія на то за чѣмъ посланы, наши санитары заблагоразсудили остаться въ деревушкѣ и пожить въ ней до тѣхъ поръ пока истребится ими вся найденная живность.

Отсутствіе строгой дисциплины, допущенная безнаказанность за явные проступки породили въ нижнихъ чинахъ самовольство, самоуправство, даже наглость; стащить чужую вещь, отнять насильно, разломать безо всякой нужды цѣлое зданіе, исковеркать въ опустѣлыхъ домахъ оставленную мебель, зеркала, картины *, все это не считалось преступнымъ для нашихъ грубыхъ служителей... „На то и война“, говорили они постоянно въ оправданіе своихъ невѣжественныхъ поступковъ...

Да, выборъ дивизіонныхъ санитаровъ изъ числа „призывныхъ“ нижнихъ чиновъ былъ большою ошибкой. Не даромъ же всѣ ротные командиры, сравнивая молодыхъ строевыхъ солдатъ съ „призывными“, постоянно опредѣляли достоинство послѣднихъ многозначительнымъ прозвищемъ „*дрянь-людишки...*“ Отъ чего это?

III. Лазаретныя лошади.

Одна ошибка ведетъ за собой и другую; трактуя подвижной дивизіонный лазаретъ какъ складочное мѣсто для всего

---

*) Это практиковалось въ Адріанополѣ въ богатыхъ домахъ брошенныхъ разбѣжавшимися Турками и Евреями.

неспособнаго, никуда негоднаго, къ намъ нагнали и лошадей такого же сорта. Самыхъ лучшихъ назначали въ артиллерію, порядочныхъ—въ полковые обозы; а нашему лазарету достались и тутъ одни оборышки, слѣпыя, разбитыя, запаленныя, словомъ, такія клячи что съ ними потомъ во время похода была только одна возня и постоянная мука. На бѣду нашу не малый процентъ лазаретныхъ лошадей составляли кобылицы, которыя оказались потомъ жеребыми и во время похода начали приносить лазарету или скидывать свой неумѣстный приплодъ.

Еще на мѣстѣ мобилизаціи, когда стали подбирать и наѣзжать пары и четверки, опытные люди, осматривая нашихъ лошадокъ и тѣ громадныя линейки въ которыя ихъ впрягали, весьма сомнительно покачивали головой. По мощенымъ улицамъ и по шоссе, гдѣ ихъ наѣзжали, лошадки наши, постоявъ цѣлый мѣсяцъ на хорошемъ корму, выплясывали очень бойко... „Что-то дальше будетъ, говорили недовѣрчивые люди, какъ попадете на проселочную да еще грязную дорогу, пожалуй, ваши лошадки не долго напрыгаютъ...“ Такъ оно и вышло; на первомъ же маршевомъ переходѣ, какъ мы видѣли въ первой замѣткѣ, лошади наши до назначенной по маршруту станціи не дотянули; а на другой день представляли уже изъ себя очень неказистыя фигуры: понурыя головы, подтянутые бока, недоношенный приплодъ. Въ дальнѣйшемъ походѣ каждая порядочная горка насъ останавливала, почти всякая грязная лужа задерживала; отъ своей дивизіи мы отставали на нѣсколько переходовъ. Подъ Плевной, несмотря на то что мы простояли на одномъ мѣстѣ цѣлые два мѣсяца, лошади наши поправиться не могли, потому что были въ постоянномъ разгонѣ то за соломой и сѣномъ, то за дровами, или въ Никополь и Турну-Могурелли за покупкой продуктовъ. Вслѣдствіе такого хроническаго изнуренія, въ день Плевненской битвы 28 ноября, на обратномъ пути съ поля сраженія лошадки наши истощили свои силы до того что три изъ нихъ въ ту же ночь околѣли. Затѣмъ перетаскиваніе нашихъ линеекъ черезъ Балканы стоило намъ шести лошадей, павшихъ на Шипкинскомъ перевалѣ; по приходѣ въ Казанлыкъ пали еще двѣ лошади;

чрезъ нѣсколько дней перетаскивали тяжелыя провіантскія повозки и опять околѣло четыре лошади; на перевалѣ черезъ Малыя Балканы, въ знаменитомъ Эски-Загринскомъ ущельѣ полетѣла въ пропасть большая линейка, и при этомъ одна лошадь убилась на смерть, а прочія покалѣчились.

Не одинъ разъ комплектъ нашихъ лошадей пополнялся изъ запаса; но какихъ намъ присылали клячъ, всего лучше можно видѣть изъ аукціоннаго листа, составленнаго въ городѣ Кѣшанѣ, когда, готовясь двинуться къ Родосто для посадки на суда, признали необходимымъ продать самыхъ негодныхъ лошадей; въ этомъ спискѣ значатся слѣдующіе экземпляры: 1) Скворецъ—*на одинъ глазъ слѣпой, на другой мало видитъ*; 2) Левъ—*слабосиленъ и съ норовомъ*; 3) Машка—*сильно подорвана*; 4) Орелъ—*слѣпъ на оба глаза*; 5) Лѣнтяй—*старъ, 19 лѣтъ, и слабъ на всѣ четыре ноги*; 6) Паша—*сильно подорванъ и на глазахъ бѣльма* и т. д... Не правда ли что на такихъ лошадяхъ далеко не уѣдешь?...

Говоря о перевозочныхъ средствахъ нашего лазарета, считаю не лишнимъ высказать еще одну замѣтку. Горькій опытъ убѣдилъ насъ въ томъ еще что и такимъ мирнымъ учрежденіямъ какъ нашъ лазаретъ не мѣшаетъ имѣть своего рода стратегическія соображенія и съ большею осмотрительностью выбирать для себя позиціи или мѣста стоянки. Подъ Плевной нашъ лазаретъ расположился на лѣвой сторонѣ большаго оврага, по обоимъ бокамъ котораго лежитъ значительная болгарская деревня Трестеникъ. Отправляясь изъ нашего лазарета на позицію къ полкамъ нашей дивизіи не только нужно было спускаться по извилистымъ, узкимъ и грязнымъ улицамъ деревни въ оврагъ, потомъ объѣзжать его же вершину, но, что̀ всего хуже, на другой сторонѣ этого оврага нужно было подыматься на очень порядочную гору и по такимъ же узкимъ и грязнымъ деревенскимъ закоулкамъ. Въ день послѣдняго Плевненскаго боя такое невыгодное расположеніе лазарета сильно дало намъ себя почувствовать: разъ, уже одно то что по данной тревогѣ мы не такъ скоро явились на позицію какъ бы это слѣдовало, а главное, на возвратномъ пути съ поля битвы въ темнѣйшую, глухую полночь, по невылазной

грязи, съ нашими громоздкими и тяжелыми линейками, переполненными всякаго рода ранеными, мы опять должны были перебираться через этотъ же самый оврагъ и по тѣмъ же узкимъ и извилистымъ закоулкамъ... А между тѣмъ выбери мы съ перваго раза, или хотя бы и въ послѣдствіи, мѣсто для нашего лазарета на другой, правой сторонѣ оврага, ничего подобнаго не случилось бы... И ближе было бы къ позиціямъ нашей дивизіи, и несравненно удобнѣе. Къ тому же и мѣсто тамъ было уже насиженное, оставленное какимъ-то полкомъ четвертой кавалерійской дивизіи, даже съ готовыми землянками, которыя хотя кавалеристы при своемъ уходѣ и разрушили и сожгли, но еслибы заблаговременно попросить ихъ это не дѣлать, они навѣрно не сдѣлали бы, и мы тогда могли бы воспользоваться ихъ подземнымъ помѣщеніемъ... Въ санитарномъ же отношеніи это „насиженное“ мѣсто не могло быть опаснымъ уже потому что на дворѣ стояла крѣпкая зима, да и мѣсто было пространное на нѣсколько верстъ...

IV. Десятидневки.

(*Канцелярская часть военно-медицинской администраціи*).

Состоя при подвижномъ дивизіонномъ лазаретѣ во все продолженіе минувшей войны, насколько въ ней участвовала наша дивизія, и неотлучно находясь при главномъ врачѣ, я какъ посторонній и относительно болѣе свободный человѣкъ имѣлъ полную возможность ближайшимъ образомъ прослѣдить и изучить еще одну, весьма неудобную статью, это медико-канцелярскую часть. Не позволяя себѣ вдаваться въ разсужденія о самой организаціи полеваго военно-медицинскаго управленія, о степени той пользы которую принесло оно нашей дѣйствующей арміи, но внимательно присматриваясь въ продолженіе цѣлаго года исключительно къ письменной его дѣятельности, я не могъ не придти къ тому заключенію что учрежденіе это и на поляхъ битвъ нисколько не жалѣло казенной бумаги, казенныхъ чернилъ и литографскихъ станковъ,—дѣятельность

его въ этомъ отношеніи по истинѣ изумительна, особенно въ военное время, среди разнообразно случайныхъ и нерѣдко весьма капризныхъ перипетій войны,—за одинъ 1877 годъ оно выпустило отъ себя 12.000 исходящихъ бумагъ! Такая почтенная цифра сдѣлала бы честь любому министерскому департаменту и могла бы послужить несомнѣннымъ знакомъ отличія для всякаго присутственнаго мѣста.

Не угомонившись за цѣлый 1877 годъ, полевое военно-медицинское управленіе продолжало свою многоплодную писарскую дѣятельность и въ наступившемъ 1878 году съ неменьшею энергіей и неусыпностью: уже въ концѣ іюля и въ началѣ августа этого года поступали изъ него бумаги за №№ 7.643, 8.117 и т. д. Пылая самою неукротимою страстью къ многописательству, оно напрягало всѣ усилія чтобы заразить такою же писарскою эпидеміей и всѣ подвѣдомственныя ему медицинскія учрежденія: благодаря исключительно однимъ только предписаніямъ, подтвержденіямъ и даже страхованіямъ полеваго военно-медицинскаго управленія, и нашъ подвижной лазаретъ вынужденъ былъ съ крайними потугами и усиліями выпустить изъ себя цѣлую тысячу нумеровъ исходящихъ бумагъ. Не знаемъ, сколько находилось въ дѣйствующей арміи подвижныхъ лазаретовъ и военно-временныхъ госпиталей, но если всѣ они выпустили постольку же исходящихъ бумагъ (а нужно думать что госпитали выпустили ихъ вдвое и даже втрое противъ подвижныхъ лазаретовъ), то изо всей этой массы можетъ составиться довольно объемистый военно-медицинскій архивъ минувшей войны... Можно бы назначить особую премію тому труженику-писарю который сосчиталъ бы количество стопъ бумаги употребленной военными врачами и учрежденіями на составленіе однѣхъ только „десятидневныхъ вѣдомостей“ за всю прошлую войну. Ужь эти „десятидневники“!... Долго будутъ помнить ихъ наши полковые и дивизіонные врачи, служившіе въ дѣйствующей арміи... Помню одинъ куріозный случай: на позиціи около Плевны, въ половинѣ декабря, когда наступили уже довольно сильные морозы, главный врачъ нашего лазарета, получивъ чуть не двадцатое строжайшее подтвержденіе полеваго военно-медицинскаго управленія о немед-

ленномъ доставленіи десятидневныхъ вѣдомостей, обратился къ полковымъ врачамъ нашей дивизіи, вмѣсто офиціальной бумаги, съ частнымъ окружнымъ посланіемъ, убѣждая ихъ не начальственно, а по-товарищески, не доводить его до серіозныхъ служебныхъ непріятностей, которыми страховало его неумолимое ничѣмъ полевое военно-медицинское управленіе. Въ отвѣтъ на это посланіе одинъ полковой врачъ прислалъ записку, писанную карандашемъ, слѣдующаго содержанія: „Побойтесь вы Бога, добрѣйшій NN, на бивуакѣ у насъ ни полѣна дровъ, чернила мерзнутъ, руки коченѣютъ, какъ же тутъ графить и писать вѣдомости? Счетъ больнымъ я веду аккуратно и записываю карандашемъ, благо онъ одинъ не мерзнетъ,— а когда *оттаемъ—я, мой фельдшеръ и чернила*, тогда немедленно доставлю проклятую десятидневку“... Такого же содержанія записки получены были и отъ прочихъ полковыхъ врачей... И нужно сказать правду: составленіе подобныхъ вѣдомостей многографныхъ и многоклѣтчатыхъ, при условіяхъ бивуачной жизни въ суровое зимнее время было не только неудобно, но положительно немыслимо, когда за невозможностію достать дровъ цѣлыя части полковъ оставались по нѣскольку дней безъ горячей пищи, когда на стѣнахъ землянки выступалъ снѣгъ и на постели во время сна замерзали усы... А между тѣмъ полевое военно-медицинское управленіе, жившее въ это время въ теплыхъ домахъ Систова, ничего слышать не хотѣло о нашихъ морозахъ, никакихъ резоновъ не принимало, и съ каждою приходящею почтой громило несчастныхъ главныхъ врачей и неотступно требовало отъ нихъ „десятидневокъ“. Сожитель мой, честнѣйшій и благороднѣйшій человѣкъ, истинный труженикъ-*службистъ*, получая чуть не ежедневныя подтвержденія полеваго военно-медицинскаго управленія, просто доходилъ иногда до настоящаго отчаянія... „Что мнѣ дѣлать? Что мнѣ дѣлать?“ вопитъ онъ ухватившись за голову обѣими руками и шагая машинально въ тѣсной болгарской избушкѣ, гдѣ мы съ нимъ жили; а тутъ одинъ за другимъ приходятъ къ нему то смотритель, то коммиссаръ, то ординаторы, и все съ тѣмъ же самымъ вопросомъ: что дѣлать? Вмѣсто положенныхъ по штату 83 человѣкъ больныхъ, въ нашемъ

лазаретѣ постоянно находилось ихъ отъ 200 до 350, а послѣ Плевненскаго боя 28 ноября прибыло еще раненыхъ болѣе 700 человѣкъ. Негдѣ, не на чемъ положить, нечѣмъ прикрыть, нечѣмъ кормить, нечѣмъ лѣчить... Работы всѣмъ такъ много что силъ не хватаетъ, а тутъ еще эти „десятидневки",— когда ихъ тутъ писать? Да еслибы только однѣ эти десятидневки, а то нужно еще посылать свѣдѣнія начальнику дивизіи ежедневныя, корпусному командиру семидневныя, отрядному врачу еженедѣльныя, въ главный штабъ ежемѣсячныя... Для исполненія подобной письменной работы нужна цѣлая канцелярія, а у насъ всѣмъ этимъ многосложнымъ дѣломъ орудовали всего три фельдшера, одинъ по внѣшней перепискѣ, другой по внутренней, а третій исключительно занятъ былъ однимъ графленіемъ табличекъ и вѣдомостей, такъ какъ полевое военно-медицинское управленіе не благоволило снабдить нашъ лазаретъ никакими печатными бланками и разнокалиберными формами многосложной санитарной отчетности; поэтому на долю третьяго нашего писаря-фельдшера выпала истинно египетская работа графить многолинейныя и многоклѣтчатыя вѣдомости и формы этой отчетности. Пропуститъ одну графу, не тамъ помѣститъ требуемую клѣточку—пропала вся работа, начинай снова; въ глазахъ рябитъ, въ головѣ безтолковая путаница отъ этой машинной безтолковой работы... Десять разъ приходится переграфливать иную вѣдомость, а тутъ новая бѣда: писарь, проставляя свои цифры по клѣточкамъ, сбился съ толку и перепуталъ или по полкамъ или по болѣзнямъ; поправить нельзя, итоги не сходятся, начинай опять сначала: графи, графи... Эта египетская работа совершалась у насъ не только ежедневно, но и еженощно, и не только сидѣли за нею не разгибая спины писаря-фельдшера, но и самъ образцовый труженикъ—главный врачъ; всѣ исходящія бумаги, всю внѣшнюю переписку онъ велъ самъ и всѣ черновыя бумаги писалъ собственноручно; поэтому, занятый цѣлый день въ лазаретѣ, онъ просиживалъ ночи за письменною работой и буквально въ теченіе цѣлаго года ни разу не ложился спать ранѣе 2—3 часовъ пополуночи, а нерѣдко засиживался до 5 часовъ. Больно было смотрѣть на этого почтеннаго труженика за такою каторжною работой...

V. Циркуляры

Кромѣ многочисленныхъ предписаній и подтвержденій о немедленномъ доставленіи „десятидневныхъ" вѣдомостей, полевое военно-медицинское управленіе не скупилось также на циркуляры, иногда весьма пространные, съ цѣлыми инструкціями военнымъ врачамъ. Въ этихъ циркулярахъ и инструкціяхъ со многочисленными пунктами предлагались нерѣдко совѣты и наставленія совершенно неумѣстные, а въ военное время, при извѣстныхъ условіяхъ, положительно непримѣнимые. Такъ, въ циркулярѣ отъ 9 марта 1877 года, за № 1.578, въ пунктѣ 9-мъ говорится: „Въ помѣщеніяхъ больныхъ требовать безукоризненной чистоты и опрятности какъ бѣлья и постелей, такъ и стѣнъ и половъ. Каждый врачъ долженъ считать первою своею обязанностью, вошедъ въ палату своихъ больныхъ, обратить вниманіе на то, отвѣчаютъ ли гигіеническимъ требованіямъ: содержаніе больныхъ и ихъ помѣщеніе, чистота воздуха и тѣла больнаго, затѣмъ опрятность бѣлья, постели и палаты. Возможнаго улучшенія и даже *совершенства* въ этомъ отношеніи *тѣмъ легче* каждому врачу достигнуть чѣмъ чаще онъ будетъ обращать вниманіе" и т. д. Не говоря уже о томъ что всѣ эти элементарныя назиданія составляютъ азбуку медицинской науки и каждому врачу извѣстны еще съ академической или университетской скамьи, а потому повтореніе этихъ задовъ по меньшей мѣрѣ неумѣстно, но самое примѣненіе этихъ риторическихъ фразъ положительно немыслимо было въ томъ положеніи въ какомъ находились во все продолженіе войны всѣ безъ исключенія наши лазареты и госпитали; это положеніе очень хорошо было извѣстно полевому военно-медицинскому управленію, потому что было у него постоянно предъ глазами въ Систовѣ, Булгарени, Сгалевицѣ, Тырновѣ, Габровѣ, Казанлыкѣ, Адріанополѣ, Чорлу, Демотикѣ, Чаталджѣ, словомъ, вездѣ гдѣ проходили наши войска, гдѣ проѣзжало и само полевое военно-медицинское управленіе. Если только оно самолично заходило въ наши лазареты и госпитали и осматривало ихъ на всемъ великомъ пути отъ Кишинева до Босфора,

если оно видѣло дѣйствительное ихъ положеніе, то къ чему подобные циркуляры? Если же полевое военно-медицинское управленіе въ наши лазареты и госпитали не заходило и ими не любовалось ни самолично, ни посредствомъ частныхъ агентовъ, то о дѣйствительномъ ихъ положеніи оно должно было имѣть самыя точныя свѣдѣнія изъ одних только донесеній главныхъ врачей... Такъ, главный врачъ нашего лазарета, рапортомъ отъ 7 ноября 1877 года, за № 801, доносилъ слѣдующее: „Несмотря на то что 30 числа октября, на четвертый только день послѣ открытія дѣйствій нашего лазарета, отправленъ уже былъ въ военно-временный № 63 госпиталь транспортъ со 160 больными, въ настоящее время у насъ накопилось снова 348 человѣкъ, въ большинствѣ самыхъ тяжелыхъ дизентериковъ не могущихъ даже встать, и потому требующихъ за собою самаго тщательнаго ухода и самыхъ разнообразныхъ услугъ. Больные разбросаны, кромѣ лазаретныхъ шатровъ, еще въ шестнадцати не близкихъ одна отъ другой болгарскихъ землянкахъ, что̀ весьма затрудняетъ правильный за ними уходъ и надзоръ. Непривычные и неохотливые служители взятые изъ запаса, невозможность согрѣть, снабдить бѣльемъ, чѣмъ-нибудь прикрыть коченѣющихъ отъ холода больныхъ, неудобство и даже невозможность примѣнить при такихъ условіяхъ болѣе успѣшные методы лѣченія, при всемъ усердіи врачей и фельдшеровъ, которые въ буквальномъ смыслѣ выбиваются изъ силъ,—вотъ та грустная обстановка которая выпала на долю нашего лазарета въ самомъ первомъ еще періодѣ его дѣятельности на театрѣ войны." Еще печальнѣе было положеніе нашего лазарета въ Казанлыкѣ послѣ Шипкинскаго погрома 28 декабря 1877. Здѣсь мы приняли въ свое завѣдываніе около 2.000 раненыхъ. Городъ полуразрушенъ, жители разбѣжались, ничего нигдѣ достать нельзя, а время холодное—январь... Раненые размѣщены въ домахъ съ разбитыми окнами, безъ дверей, съ разрушенными каминами или очагами, ни соломы на подстилку, ни рогожъ; раненые валяются прямо на полу, на своихъ грязныхъ, заскорузлыхъ и окровавленныхъ шинеляхъ; бѣлье на нихъ ужасное, тѣло еще ужаснѣе... Тяжело раненымъ въ теченіе двадцати дней не было подано никакой

почти хирургической помощи, отчего раны страшно нагноились, нестерпимо смердѣли, кипа безчисленными миріадами червей; прислуги не хватало чтобъ очищать, подчищать... Положеніе тифозныхъ больныхъ въ Чорлу, гдѣ скучена была цѣлая дивизія съ артиллеріей, было нисколько не лучше, если еще не ужаснѣе: въ полковыхъ околоткахъ скоплялось около двухсотъ больныхъ; помѣщались не въ „палатахъ", а въ конуркахъ, въ сѣняхъ, въ сараяхъ, лежали чуть не одинъ на другомъ; отъ тѣсноты воздухъ былъ убійственный, нечистота поразительная,—служители заражались и умирали какъ мухи; врачи и фельдшера почти всѣ поголовно переболѣли, а многіе поплатились жизнію. При такомъ безвыходномъ, никакими силами непоправимомъ положеніи, мы получаемъ циркуляръ полеваго военно-медицинскаго управленія о безукоризненной чистотѣ палатъ, бѣлья, постели, стѣнъ и половъ...

Заботясь такъ благовременно о безукоризненной чистотѣ тѣла, бѣлья и постели нашихъ больныхъ, полевое военно-медицинское управленіе точно такъ же кстати заботилось и о болѣе успѣшномъ ихъ лѣченіи. Циркуляромъ отъ 25 іюня 1878 года, за № 5.883, оно рекомендовало военнымъ врачамъ употреблять *эѳирное горчичное масло* въ перемежающихся лихорадкахъ, дизентеріи и въ возвратныхъ тифахъ. Рекомендація эта дошла къ нашимъ полковымъ врачамъ въ концѣ іюля, а въ срединѣ августа наша дивизія выступала въ Родосто для посадки на корабли... Еще интереснѣе былъ циркуляръ отъ 18 іюля того же года, за № 7.080, въ которомъ наши врачи извѣщались о *чрезвычайно* хорошемъ дѣйствіи *Natrum salicilicum съ опіемъ* въ дизентеріи и вообще „при здѣшнихъ поносахъ"... Дизентерія эпидемически свирѣпствовала у насъ въ октябрѣ, ноябрѣ и декабрѣ 1877 года, а чрезвычайно хорошее средство противъ нея отрекомендовано полевымъ военно-медицинскимъ управленіемъ въ іюлѣ 1878 года; къ полковымъ же врачамъ эта рекомендація дошла какъ разъ предъ выступленіемъ полковъ въ Россію: не правда ли, какъ это кстати?...

Около Зимницы въ первый разъ мы увидали несчастныхъ погонцевъ вольнонаемныхъ интендантскихъ транспортовъ; потомъ мы ихъ встрѣчали и около Плевны, и на Балканахъ, и

въ Чорлу, и на берегахъ Эгейскаго моря. Страшная судьба этихъ несчастныхъ людей извѣстна теперь всей Россіи; цѣлая масса ихъ безвѣстно и безслѣдно погибла на поляхъ Болгаріи и нынѣшней Восточной Румеліи.... Кромѣ многихъ другихъ причинъ, несчастные погонцы гибли и ото всякой эпидеміи развивавшейся въ войскахъ; но въ военно-медицинскія заведенія дѣйствующей арміи они поступали очень рѣдко... Сами ли они не желали туда поступать, или никто не обращалъ на нихъ вниманія и въ горькой судьбинѣ ихъ никто не принималъ участія; но вотъ по заключеніи Санъ-Стефанскаго договора о погонцахъ заговорили вездѣ очень громко; они появились даже въ Санъ-Стефано предъ глазами европейской публики; спрятать этихъ чумазыхъ оборванцевъ некуда; не обратить на нихъ достодолжнаго вниманія, какъ не обращали прежде, нельзя,—ужь слишкомъ они мозолятъ всѣмъ глаза; нужно для нихъ хоть что-нибудь сдѣлать, и вотъ въ числѣ другихъ и наше полевое военно-медицинское управленіе считаетъ своимъ священнымъ долгомъ выказать имъ свою человѣколюбивую заботливость, и циркуляромъ отъ 27 іюля 1878 года, за № 7.643, предписываетъ командировать врачей для осмотра погонцевъ „во избѣжаніе развитія болѣзненности между ними". Циркуляръ этотъ полученъ 7 августа, а чрезъ десять дней послѣ того мы отправились въ Россію,—не правда ли какая благовременная заботливость? Лучше поздно чѣмъ никогда...

Въ Систовѣ нашъ главный врачъ самолично просилъ полевое военно-медицинское управленіе снабдить его печатными бланками новой санитарной отчетности и санитарными книжками; ему обѣщали что все это немедленно будетъ прислано какъ только мы прибудемъ къ Плевнѣ. Прошло полгода, даже болѣе, мы очутились уже на берегахъ Мраморнаго моря, а полевое военно-медицинское управленіе переселилось въ Адріанополь, и тутъ-то, отъ 28-го Апрѣля, за № 3.393, предписано было намъ выслать въ Адріанополь пріемщиковъ для принятія надлежащаго количества печатныхъ бланковъ и санитарныхъ книжекъ...

VI. Аптечная часть.

Не позаботилось наше полевое военно-медицинское управленіе придвинуть поближе къ войскамъ дѣйствующей арміи, расположенной около Плевны, своего центральнаго аптечнаго склада; а это ставило нашихъ врачей въ самое затруднительное положеніе: больныхъ масса, а лѣчить ихъ нечѣмъ; положенныхъ по штату медикаментовъ очень скоро не хватило, а взять негдѣ; посылать съ лѣваго берега рѣки Вида въ городъ Систово кружною дорогой около Плевны, на это требовалось времени почти цѣлая недѣля, особенно въ ненастное, осеннее время по грязнѣйшимъ дорогамъ; между тѣмъ больные не ждутъ; ихъ страданія, помимо печальной внѣшней обстановки, требуютъ облегченія, немедленной помощи, лѣченія, а лѣчить нечѣмъ. Кромѣ такого прискорбнаго по своимъ послѣдствіямъ замедленія въ полученіи недостающихъ лѣкарствъ, самыя лѣкарства высылались изъ Систовскаго аптечнаго склада весьма неаккуратно и недостаточно: выписываютъ по дефектному каталогу одно, а присылаютъ совсѣмъ другое; требуютъ столько-то, а получаютъ менѣе половины требуемаго. Такъ какъ виды и формы болѣзней въ войскахъ дѣйствующей арміи, послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ войны, достаточно опредѣлились, то полевому военно-медицинскому управленію не трудно было сообразить какія лѣкарства потребуются въ особенно значительныхъ количествахъ, а потому и можно было заблаговременно сдѣлать наибольшіе запасы этихъ лѣкарствъ; но на дѣлѣ выходило не такъ: во время сильнѣйшаго развитія дизентеріи требовались по преимуществу опій, хининъ, соляная кислота, касторовое масло; но центральный аптечный складъ отпускалъ эти медикаменты въ самомъ ограниченномъ количествѣ: потребуютъ два-три фунта касторовагo масла, а онъ пришлетъ только два унца. Будь этотъ складъ или его отдѣленія въ какихъ-нибудь 10—15 верстахъ, туда можно бы посылать хоть ежедневно, но за 70 верстъ и по грязнѣйшимъ дорогамъ часто посылать не особенно удобно. Говорили въ оправданіе полеваго военно-медицинскаго управленія что такое учрежденіе

какъ аптечный складъ нельзя помѣстить въ какой-нибудь деревушкѣ, что для этого требуются извѣстныхъ размѣровъ зданія, съ извѣстными приспособленіями, а такія де зданія можно найти только въ городахъ; ближайшимъ же городомъ къ Плевнѣ былъ Систово. Отвѣчая на это оправданіе, наши врачи всегда ссылались на примѣръ Краснаго Креста, который, двигаясь, такъ-сказать, по пятамъ дѣйствующей арміи, вездѣ на всякомъ мѣстѣ имѣлъ при себѣ значительные аптечные запасы и никогда не стѣснялся тѣмъ, въ городахъ ли или въ разоренныхъ деревушкахъ приходилось ему останавливаться и раскладываться со своими аптечными матеріалами. Да и Систово не былъ ближайшимъ городомъ къ Плевнѣ: въ концѣ октября 1877 года можно было устроить аптечные склады для сѣверо-западнаго отряда обложенія Плевны въ Никополѣ, а для юго-восточнаго—въ Ловчѣ.

VII. Врачебное дѣло.

(Фактическая сторона военно-медицинской администраціи.)

Удерживая и себя и свой центральный аптечный складъ въ приличномъ отдаленіи отъ дѣйствующей арміи, полевое военно-медицинское управленіе удерживало при себѣ и весь контингентъ запасныхъ врачей, что̀ также было крайне неудобно и во всякомъ случаѣ не цѣлесообразно: медицинская помощь на войнѣ очень часто требуется экстренно, въ данную минуту, на данномъ мѣстѣ, и чѣмъ ближе эта помощь тѣмъ она дѣйствительнѣе; будь запасные врачи при корпусныхъ штабахъ или при подвижныхъ дивизіонныхъ лазаретахъ, ихъ помощь всегда могла бы быть своевременною; гдѣ открылась нужда, гдѣ произошло болѣе или менѣе значительное сраженіе, туда бы они могли явиться въ тотъ же самый день или много что на другой день; но посылать за ними каждый разъ въ Систово было очень неудобно. Между тѣмъ такая экстренная помощь запасныхъ врачей становится крайне необходимою при той военно-медицинской организаціи какая была у насъ во все продолженіе минувшей войны. Наши военные врачи, по заведеннымъ

порядкамъ, не имѣли иниціативы, и въ своихъ дѣйствіяхъ обязаны были подчиняться строгой, хотя и устарѣлой, регламентаціи: безъ надлежащихъ распоряженій, предписаній, командированій, они не имѣли права поспѣшить куда-нибудь на помощь, хотя бы и знали и видѣли что помощь ихъ въ данномъ мѣстѣ экстренно необходима. Возьмемъ примѣръ: наканунѣ послѣдней Плевненской битвы 28 ноября, еще съ вечера сдѣлалось извѣстнымъ что Гази-Османъ намѣренъ на слѣдующее утро сдѣлать попытку прорваться чрезъ наши боевыя линіи въ направленіи Софійскаго шоссе и вообще напасть на западный отрядъ общаго обложенія Плевны. Наступило это утро, загорѣлась отчаянная битва; около полудня сдѣлалось уже для всѣхъ очевиднымъ что весь напоръ голодныхъ полчищъ Османа направленъ исключительно на позиціи 3-й гренадерской дивизіи: тамъ раздавались неумолкаемые орудійные залпы, трещалъ и сверкалъ убійственный ружейный огонь... Мѣсто битвы ясно очертилось; часть принявшая на свои плечи всю тяжесть отчаянной атаки Османа также сдѣлалась всѣмъ извѣстна; страшная сила огня съ обѣихъ боровшихся сторонъ ясно указывала и на страшныя потери; побѣдоносная 3-я гренадерская дивизія видимо истекала кровью; обширное поле на нѣсколько верстъ у всѣхъ на глазахъ было усѣяно тысячами труповъ убитыхъ и раненыхъ; медицинская помощь немедленная, экстренно-неотложная, была безусловно необходима и сознавалась, конечно, всѣми врачами частей ближайшихъ къ пострадавшей дивизіи; но кто же явился немедленно, кто оказалъ свою столь необходимую въ такое время помощь? Одинъ общій другъ и благодѣтель русской арміи, Красный Крестъ, и никто болѣе, ни единый изъ „штатныхъ“ военныхъ врачей сосѣднихъ по стоянкѣ дивизій... Въ нѣскольких верстахъ отъ поля битвы, по обѣимъ его сторонамъ, стояли нѣсколько дивизіонныхъ лазаретовъ (2-й гренад., 3-й гвард., 16-й пѣх., 5-й пѣх., 4-й румын.); но ни одинъ врачъ изо всѣхъ этихъ лазаретовъ *не осмѣлился* поспѣшить на помощь къ выбивавшимся изъ силъ своимъ коллегамъ облитой кровію дивизіи... Отчего это? Оттого что наши военные врачи, въ силу установившихся порядковъ, не имѣютъ права свободно распоря-

диться собой, своими силами и средствами, не смѣютъ двинуться со своего мѣста безъ надлежащихъ предписаній и командированій. Замѣчательно что въ Боготѣ, при главной квартирѣ, состоялъ въ это время особый отрядный врачъ, распоряжавшійся медицинскою частію всего отряда обложенія Плевны; въ Боготѣ же были всѣ медицинскія знаменитости, состоявшія при главной квартирѣ въ качествѣ дилеттантовъ, и никто изъ нихъ не призналъ нужнымъ поспѣшить, поскакать; а вѣдь битва была не шуточная, она продолжалась съ ужаснымъ напряженіемъ нѣсколько часовъ подъ-рядъ; громъ ея слышенъ былъ и дальше Богота; великое значеніе этой послѣдней Плевненской борьбы, борьбы на жизнь и смерть, очень хорошо понимали всѣ до послѣдняго солдата въ дѣйствующей арміи; послѣ этого не трудно было, кажется, сообразить что послѣ такой отчаянной послѣдней битвы подъ Плевной будетъ непремѣнно очень значительная цифра раненыхъ, что одному дивизіонному лазарету слишкомъ трудно будетъ справиться съ такою непосильною работой. Еще интереснѣе то обстоятельство что изъ того же самаго Богота, при самомъ началѣ этой битвы, немедленно сформировался летучій отрядъ Краснаго Креста и быстро полетѣлъ на помощь туда гдѣ эта помощь такъ очевидно была нужна; а наши официальныя медицинскія власти по какимъ-то причинамъ совершенно бездѣйствовали. Отрядный врачъ явился въ нашъ лазаретъ уже на *четвертый день*, и тогда же явились наконецъ и командированные имъ врачи. Но три-четыре дня послѣ большихъ сраженій—это ужасные дни въ лазаретахъ!... Отчего же Красный Крестъ явился на перевязочный пунктъ въ самый день битвы, а официальные врачи только на четвертый?

О прусскихъ генералахъ во время войны 1870—71 годовъ писали что они пользовались широкимъ правомъ самостоятельной иниціативы и являлись на помощь другъ другу по собственному своему соображенію, не дожидаясь надлежащихъ предписаній и диспозицій. Это широкое право самостоятельной иниціативы не мѣшало бы предоставить на войнѣ и не однимъ только генераламъ, а всего болѣе нашимъ военнымъ врачамъ; тогда бы они могли являться на помощь къ своимъ

коллегамъ по крайней мѣрѣ не на четвертый день послѣ большихъ сраженій. Если же такой относительной свободы дѣйствій наши военные врачи еще *не заслужили* и пользоваться ею *не могутъ*, то необходимо чтобы такъ-называемые запасные врачи распредѣлялись болѣе цѣлесообразно и состояли бы не при полевомъ военно-медицинскомъ управленіи, всегда державшемъ себя въ почтительномъ отдаленіи отъ операціонныхъ линій дѣйствующей арміи, а непремѣнно при корпусныхъ штабахъ, или еще удобнѣе при подвижныхъ дивизіонныхъ лазаретахъ, организацію которыхъ, къ слову сказать, не мѣшало бы также нѣсколько измѣнить для общей пользы. Врачебный персоналъ нашихъ дивизіонныхъ лазаретовъ составляется изъ наличныхъ врачей той самой дивизіи которой принадлежитъ лазаретъ; главнымъ врачемъ назначается дивизіонный врачъ, ординаторами младшіе полковые врачи. Такимъ образомъ, при самомъ еще формированіи лазарета, каждый полкъ въ дивизіи лишается уже на цѣлую кампанію одного изъ своихъ врачей; для полковъ остающихся въ глубокомъ резервѣ это еще не такъ чувствительно, но для полковъ передовыхъ, постоянно участвующихъ въ дѣлахъ, нерѣдко весьма серіозныхъ (5-я пѣхотная дивизія) недостатокъ и одного врача очень замѣтенъ, и можно утвердительно сказать что положеніе нашихъ раненыхъ послѣ всѣхъ четырехъ Плевненскихъ побоищъ далеко не было бы такъ бѣдственно и несчастные страдальцы не оставались бы по нѣскольку дней безъ помощи, безъ перевязки, еслибы комплектъ полковыхъ врачей былъ постоянно нормальный, а при подвижныхъ дивизіонныхъ лазаретахъ, кромѣ положенныхъ по штату ординаторовъ, состояли бы еще запасные врачи, изъ числа которыхъ всегда во̀время можно было бы пополнять оказывающійся недостатокъ врачей какъ въ полкахъ, такъ и въ лазаретахъ. При нынѣшнихъ же порядкахъ, убыль ординаторовъ въ лазаретахъ пополнялась опять изъ числа младшихъ полковыхъ врачей, а убыль этихъ послѣднихъ или никѣмъ не пополнялась, или нужно было поднимать длиннѣйшую переписку съ полевымъ военно-медицинскимъ управленіемъ, а этого всѣ избѣгали насколько было возможно...

Если всѣ эти неудобства не могли быть предусмотрѣны еще въ началѣ, до войны, при самой организаціи медицинской части для дѣйствующей арміи, то печальный и тяжкій опытъ первой и второй Плевны въ состояніи былъ навести полевое медицинское управленіе на подобныя соображенія, и до несчастной третьей Плевны уже неотложно слѣдовало бы измѣнить неудачную организацію не только подвижныхъ дивизіонныхъ лазаретовъ, но и всѣхъ военно-временныхъ госпиталей и учрежденій. Ничего подобнаго сдѣлано не было.

VIII. Военно-временные госпитали и Красный Крестъ.

Съ военно-временными госпиталями я не имѣлъ возможности познакомиться поближе, несмотря на то что нѣкоторые изъ нихъ находились отъ мѣста расположенія нашего лазарета не такъ далеко какъ полевое военно-медицинское управленіе; но разказы нашихъ офицеровъ и солдатъ, имѣвшихъ несчастіе побывать и болѣе или менѣе продолжительно полежать въ нихъ, передавали о нихъ самые прискорбные факты. Можетъ-быть, всѣ тѣ вопіющіе непорядки о которыхъ разказывали намъ очевидцы и не всегда зависѣли отъ лицъ непосредственно завѣдывавшихъ этими учрежденіями; но то несомнѣнно что наше полевое военно-медицинское управленіе, съ первыхъ же несчастныхъ сраженій подъ Плевной видѣвшее предъ своими глазами всю неурядицу Систовскихъ госпиталей, ничего не дѣлало къ улучшенію ихъ ужаснаго положенія, ничего не предпринимало даже по этой части и на будущее время; а потому, когда наступила самая страшная третья Плевна, наша военно-медицинская администрація опять застигнута была ею какъ будто въ расплохъ, и ея нисколько неприготовленныя учрежденія оказались такими же какъ были и послѣ второй Плевны... Говорятъ: „что никто не ожидалъ такого несчастнаго исхода, такихъ огромныхъ потерь, а потому де и не приготовились“; но это извиненіе никого не извиняетъ, а тѣмъ болѣе медицинское вѣдомство. Вторая Плевна очень наглядно показала, чего можетъ стоить всякій

открытый штурмъ сильно укрѣпленныхъ позицій Османа,—ни для кого не было тайной что въ теченіе почти полутора мѣсяца между второю и третьею Плевной къ Осману подходили весьма значительныя подкрѣпленія, что армія его простиралась уже до 60 тысячъ наилучшаго войска, что во все это время онъ день и ночь работалъ, окапывался и успѣлъ возвести противъ линіи нашего наступленія нѣсколько неприступныхъ редутовъ и отлично блиндированныхъ траншей, что при такихъ всѣмъ извѣстныхъ условіяхъ новый, рѣшительный штурмъ будетъ отчаянный, что потери съ обѣихъ сторонъ должны быть громадныя,—все это ясно было какъ Божій день; что̀ же сдѣлано было со стороны нашей медицинской администраціи? Какія предприняты мѣры приготовленія, приспособленія, соотвѣтствующія ожидаемому грозному событію? Невообразимый, невыразимый ужасъ положенія несчастныхъ раненыхъ на всѣхъ пунктахъ нашего несчастнаго наступленія служилъ слишкомъ выразительнымъ и вразумительнымъ отвѣтомъ на эти вопросы... Но проходитъ еще почти полтора мѣсяца, на всѣхъ пунктахъ операціонныхъ линій нашей дѣйствующей арміи совершенное затишье; ждутъ прихода подкрѣпленій. Можно бы кажется за эти полтора-то мѣсяца осмотрѣться, подумать, сообразить и хоть что-нибудь сдѣлать, устроить, улучшить... Ничего не бывало... Грянулъ страшный бой гвардіи подъ Дубнякомъ,—раненыхъ снова цѣлыя тысячи и снова бѣдствіе, снова тѣ же ужасныя картины: госпитали переполнены, врачей не хватаетъ, перевязочныхъ средствъ недостаточно и проч. и проч. Но и это событіе, точно также какъ и третья Плевна, не было нежданнымъ; оно было задумано не вдругъ и подготовлено заблаговременно; поэтому и для медицинскаго вѣдомства оно не было сюрпризомъ; достаточно того что къ нему готовились... Затѣмъ проходитъ еще полтора мѣсяца, наступаетъ четвертая и послѣдняя Плевна,—раненыхъ относительно не такъ много; однако гораздо болѣе тысячи человѣкъ,—и опять та же старая пѣсня: нашъ подвижной лазаретъ переполненъ до невозможности, вмѣсто штатныхъ 83 человѣкъ въ немъ скопляется вдругъ около тысячи, врачей мало, перевязочныхъ средствъ еще менѣе, лубковъ нѣтъ, шинъ, гипсу, марли,

вощанки, дренажей,—да почти ничего необходимаго нѣтъ; кормить раненыхъ нечѣмъ, помѣщать негдѣ, положить не на чемъ, прикрыть нечѣмъ.... Проходитъ день, два, три—помощи никакой, ни откуда... Красный Крестъ работалъ два дня на перевязочномъ пунктѣ, но въ нашъ лазаретъ явиться еще не могъ, не разорваться же ему... А гдѣ нашъ окружный врачъ? Какія приняты имъ мѣры къ облегченію страшной участи нашихъ раненыхъ? Да никакихъ... На третій день пріѣхалъ отъ него операторъ Н—овъ, и только на четвертый день явился онъ самъ... Вы, пожалуй, можете подумать что отрядный врачъ, какъ врачъ, сейчасъ же бросился помогать нашимъ врачамъ, которые въ это время буквально выбивались изъ силъ? Ничуть не бывало, онъ явился къ намъ какъ начальникъ, какъ инспекторъ, обошелъ лазаретные шатры и нѣкоторыя (не всѣ) болгарскія землянки, осмотрѣлъ лежащихъ въ нихъ страдальцевъ, нашелъ что все у насъ обстоитъ благополучно и затѣмъ... затѣмъ—уѣхалъ себѣ такъ же важно какъ и пріѣхалъ, пробывъ въ нашемъ лазаретѣ не болѣе двухъ часовъ. Вечеромъ того же дня прибылъ къ намъ летучій отрядъ Краснаго Креста. Какая поразительная разница между посѣщеніемъ отряднаго врача и прибытіемъ Краснаго Креста! Первый пріѣзжалъ какъ начальникъ, послѣдній какъ другъ: одинъ пожаловалъ съ пустыми руками; другой притащилъ съ собой четыре огромныя телѣги горой набитыя всякимъ добромъ:—и чего, чего тутъ не было? Съѣстные припасы, вино, спиртъ, коньякъ, чай, сахаръ, консервы, даже лакомства для раненыхъ офицеровъ, затѣмъ—полушубки, одѣяла, теплыя фуфайки, вязаные кальсоны, чулки, шапки, въ огромномъ количествѣ бѣлье приспособленное къ различнаго рода раненіямъ верхнихъ и нижнихъ конечностей, особаго рода вязанные капоры для раненыхъ въ голову; далѣе сапоги, валенки, тонкія, мягкія, фланелевыя портянки, табаку румынскаго для папиросъ, махорки для трубокъ, чубуки, трубки, спички, деревянныя ложки; наконецъ—аптечные матеріалы: отличный гипсъ въ боченкахъ, карболка, хлороформъ, хининъ, шины, лубки, дренажи, принадлежности для листеровской повязки, клеенки, вощанка, марля, разнообразнѣйшіе бинты, хирурги-

ческіе инструменты великолѣпные, заграничные... да всего и не пересчитать!... Но что̀ всего важнѣе: Красный Крестъ привезъ съ собой свое христіански сострадающее, братское сердце, полное самаго теплаго участія къ горькой судьбинѣ нашихъ страдальцевъ; его докторъ и студентъ сейчасъ же бросились помогать нашимъ врачамъ, а уполномоченный князь Накошидзе обошелъ всѣ до единой палатки и землянки гдѣ только помѣщались раненые и больные, всѣхъ утѣшилъ ласковымъ, братскимъ словомъ, всѣхъ обрадовалъ обѣщаніемъ немедленной помощи, вездѣ все самолично осмотрѣлъ, узналъ, записалъ; затѣмъ все сообразилъ, разсортировалъ и началъ помогать; да какъ? въ буквальномъ смыслѣ по писанію: „рука дающаго не оскудѣваетъ"... И посмотрѣли бы вы на нашъ лазаретъ всего только чрезъ одинъ день по пріѣздѣ къ намъ Краснаго Креста—какая поразительная перемѣна и внѣшняя, и внутренняя, и физическая, и моральная: настоящее воскрешеніе мертвыхъ!... Войдешь въ палатку-землянку, духъ не нарадуется: бѣдные страдальцы лежатъ на свѣжихъ мѣшкахъ-матрацахъ, всѣ въ чистомъ бѣльѣ, покрыты отличными байковыми одѣялами, а раненые въ ноги прикрыты еще полушубками, всѣ накормлены, напоены чаемъ, всѣ выпили по стаканчику хорошей водки,—курящіе задымили папиросы, трубочки,—грамотные читаютъ книжки,—вездѣ пріятный говоръ, на лицахъ оживленіе, удовольствіе,—а благодарность? никакими словами во вѣки вѣковъ никто не сумѣетъ выразить этой глубокой, сердечно-святой благодарности нашего добраго, хорошаго русскаго солдата: умѣетъ онъ воевать, умѣетъ страдать, но едва ли кто другой умѣетъ такъ благодарить за оказанную помощь!... Повторяю, на другой же день по пріѣздѣ къ намъ Краснаго Креста лазаретъ нашъ совершенно переродился, просіялъ...

— На свѣтъ Божій мы теперь народились, батюшка, повторяли наши страдальцы успокоенные, обласканные, всѣмъ насущно-необходимымъ снабженные.

— Таперича и въ Расею ѣхать не страшно; съ эдакимъ полушубкомъ, не бось, не замерзнешь, говоритъ раненый въ ногу.

— Эка благодать, эта самая шапочка! съ восторгомъ говоритъ раненый въ голову, нахлобучивая на уши черную баранью шапку...

— А вотъ, батюшка, посмотрите какія мнѣ дали валяночки, расчудесныя! съ невыразимымъ наслажденіемъ въ глазахъ хвалится солдатикъ, подымая изъ-подъ одѣяла свою цѣлую ногу.

— А съ раненою-то ногой какъ ты будешь? спрашиваю я.

— И ее, батюшка, обернули мнѣ мяконькою *финелевою* портяночкой; такъ-то мягко, славно, какъ будто и ныть перестала...

И радость ихъ исполнилась... И радости ихъ не было конца!... Нужно отдать полную справедливость и высокую честь почтеннымъ дѣятелямъ Краснаго Креста; раздавая свою щедрую помощь, они вездѣ предлагали ее отъ Высочайшаго имени Государыни Императрицы; а это имѣло громадный, широчайшій смыслъ. Тысячи страдальцевъ разошлись теперь по всѣмъ концамъ Россіи и повсюду пронесутъ они это дорогое Имя „яко добро...“ Сколько разъ я былъ счастливымъ очевидцемъ самыхъ святыхъ, благоговѣйныхъ слезъ благодарности и молитвы за это дорогое Имя!...

— Посмотрите-ка, батюшка, какой мнѣ кисетикъ прислала наша Матушка-Царица! Съ табачкомъ и съ трубочкой...

— А мнѣ вотъ съ чайкомъ, сахаркомъ и съ ложечкой...

И не могутъ они вдоволь нарадоваться, налюбоваться на свои „Царицыны подарочки!...“ Какъ они дороги для нихъ!...

— Коли ежели Господь оставитъ меня въ живыхъ, я внуку-правнуку закажу беречь этотъ кисетикъ, какъ ла̀донку подъ образа повѣшу... Молиться за нее буду до самой смерти и дѣтямъ закажу!...

— А добрый же человѣкъ и эвтотъ самый князь (Накошидзе), привезъ-таки...

— А ты какъ думалъ? Небось не чета нашему становому, али старшинѣ... Съ такими, братъ, Царица-то и не пошлетъ...

— Только прозвище у него мудреное... Изъ какихъ онъ, батюшка?

— Изъ Грузіи, съ Кавказа, отвѣчаю я.

— Ишь ты!.. А все же добрѣющій человѣкъ!...

IX. Перевозка раненыхъ.

Итакъ, благодаря Красному Кресту, наши раненые оживились, ободрились, повеселѣли; но держать ихъ въ лазаретѣ болѣе продолжительное время не было возможности; нужно было немедленно отправлять ихъ въ ближайшіе военно-временные госпитали для дальнѣйшаго эвакуированія въ Россію. По счастію, для перевозки нашихъ страдальцевъ прибывали къ намъ одни вольнонаемные транспорты; телѣги этихъ транспортовъ, устроенныя на низкихъ колесахъ и въ большинствѣ случаевъ на деревянныхъ осяхъ, покрытыя чернымъ непромокаемыхъ брезентомъ, служили дѣйствительно лучшимъ перевозочнымъ средствомъ въ сравненіи съ нашими громоздкими линейками или неуклюжими интендантскими повозками. Главное достоинство этихъ простыхъ деревенскихъ телѣгъ заключалось въ томъ что онѣ не такъ тряски, а это первѣйшее условіе при перевозкѣ раненыхъ. При томъ же возницами при нихъ были бѣдные погонцы-Малороссы, среди всѣхъ собственныхъ своихъ невзгодъ и лишеній сохранившіе въ себѣ самое теплое участіе и состраданіе къ такимъ же несчастливцамъ раненымъ; это далеко не то что интендантскіе обозные солдаты... Такимъ образомъ мы имѣли великое удовольствіе видѣть что раненые отправлены изъ нашего лазарета относительно удобнѣе и покойнѣе нежели въ интендантскихъ повозкахъ... Ужасны эти повозки; *тряскость* ихъ грубая, производящая не толчки, а настоящіе удары, лучше всего говоритъ о совершенной ихъ непригодности для такого дѣла какъ перевозка больныхъ и въ особенности раненыхъ. Подвозить артиллерійскіе снаряды или ротные котлы было бы очень удобно въ этихъ крѣпкихъ посудинахъ, но перевозить раненыхъ, и еще на большое пространство, немыслимо, душу всю вытрясетъ... Никогда не забудемъ мы перваго казеннаго транспорта, встрѣченнаго нами 8 октября 1877 года между деревнями Путыней и Альтернацы въ Румыніи. Чуть не за версту мы услыхали пронзительный визгъ несмазанныхъ осей, сливавшійся съ какимъ-то особеннымъ гуломъ стоявшимъ въ

воздухѣ. Этотъ гулъ производили глухіе стоны 400 страдальцевъ, перевозимыхъ изъ Зимницы во Фратешты, или, по мѣткому выраженію нашихъ солдатъ, изъ пекла—въ адъ... Что̀ мы увидали, что̀ мы узнали, поравнявшись съ этимъ злополучнымъ транспортомъ!... Вышелъ онъ изъ Зимницы 6 октября во время дождя, весь день ѣхалъ до Альтернаци подъ дождемъ въ непокрытыхъ ничѣмъ повозкахъ, цѣлую ночь подъ сильнѣйшимъ проливнымъ дождемъ простоялъ въ Альтернаци безо всякаго пристанища, безъ пищи, безъ крова... Въ теченіе семи мѣсяцевъ съ объявленія войны наше медицинское управленіе *не успѣло* еще сообразить и подумать о необходимости устройства здѣсь питательнаго пункта; а деревня Альтернаци первая станція отъ Зимницы. Наконецъ благодѣтельный Красный Крестъ, не дождавшись никакихъ „вчинаній“ со стороны полеваго военно-медицинскаго вѣдомства, рѣшился открыть здѣсь свой питательный пунктъ на 200 человѣкъ. На бѣду, въ ту самую ночь когда прибыли сюда врачи и студенты Краснаго Креста и ничего еще не успѣли устроить, прибылъ и означенный злополучный транспортъ. Ночь тюрьмы чернѣй, дождь какъ изъ ведра, фонарей при транспортѣ не полагается, костры развести нельзя при сильномъ вѣтрѣ и подъ проливнымъ дождемъ,—раненые стонутъ, вопятъ, трясутся и стучатъ зубами отъ холода; въ непроницаемой тьмѣ ночи слышится ужасный, душу раздирающій концертъ муки, страшной боли, невыносимыхъ страданій. Война давала этотъ концертъ, а смерть дирижировала...

— Что̀ тутъ было, что̀ тутъ было!.. съ ужасомъ говорили намъ измученные труженики Краснаго Креста.

Цѣлый день 7 числа употребленъ былъ на просушку мокраго платья, на перевязку ранъ, на кормленіе.

— Были, конечно, и умершіе? спросили мы.

Врачи не отвѣтили намъ на этотъ грустный вопросъ, а только махнули рукой и указали на кладбище, гдѣ ярко желтѣли на солнцѣ еще свѣженькія кучки глины, насыпанныя на свѣжихъ могилкахъ. Не больно, не горько, а какъ-то невыразимо досадно стало на душѣ: за что̀ погибли здѣсь эти невинныя жертвы? За что въ этихъ чужихъ могилахъ полегли

своими костьми наши родные, наши знаменитые герои Шипки и Плевны? Не пуля турецкая свела ихъ въ могилу, не вьюга балканская смела ихъ съ земли... Нѣтъ, свое же родное русское *безсердечіе* вырвало у матери сына, у жены мужа, у сиротъ-дѣтей отца...

Хороши были и желѣзно-дорожные вагоны, будто бы „приспособленные" для перевозки больныхъ и раненыхъ; въ чемъ именно заключалось это приспособленіе, про то вѣдаютъ одни только ихъ приспособители. Но изо всѣхъ военно-санитарныхъ поѣздовъ, встрѣченныхъ нами на огромномъ пространствѣ между Вислой и Дунаемъ, ни въ одномъ мы не замѣтили хотя какихъ-нибудь особенныхъ приспособленій: тѣ же самые товарные вагоны въ которыхъ не задолго предъ тѣмъ возили быковъ, барановъ и свиней, та же въ нихъ нечистота, грязь, недостатокъ воздуха и даже во многихъ отсутствіе всякой подстилки, но что̀ всего неудобнѣе, такъ это то что подобные вагоны не имѣютъ между собой никакого прямаго сообщенія, такъ что случись у раненаго во время переѣзда сильное кровотеченіе, обморокъ или другой какой-нибудь острый пароксизмъ, онъ могъ умереть безо всякой медицинской помощи, потому что врачъ не имѣлъ возможности явиться во̀время за неимѣніемъ прямаго сообщенія между вагонами.

Наряду съ этими „якобы приспособленными" вагонами мы не разъ встрѣчали санитарные поѣзды устроенные Высочайшими особами Императорской фамиліи, а также разными городами и обществами. Разница между тѣми и другими хотя и понятная, но все-таки поразительная!... Напрасно многія, къ сожалѣнію, даже высоко-авторитетныя лица (Пироговъ) ставятъ въ укоризну, въ особенности Обществу Краснаго Креста, излишнюю будто бы роскошь допущенную въ его санитарныхъ поѣздахъ. Никогда не должно забывать того что для больныхъ и раненыхъ время перевозки ихъ, хотя бы и по желѣзнымъ дорогамъ, это самое тяжелое, трудное и многомучительное время; поэтому нельзя не желать чтобы перевозка больныхъ и раненыхъ была обставлена насколько возможно лучшими удобствами, и Общество Краснаго Креста,

равно и другія общества и лица „частной помощи", своими санитарными поѣздами только указали ту настоящую норму которую слѣдовало бы имѣть въ виду при устройствѣ и всѣхъ такъ-называемыхъ „приспособленныхъ" поѣздовъ. Огромность издержекъ никого не должна была смущать, и та же "частная помощь" не отказалась бы помочь казнѣ въ такомъ великомъ и важномъ дѣлѣ, имѣющемъ за собой широкій общественный и даже государственный интересъ. Всякій больной и раненый, пользуясь хорошею постелью, отличнымъ уходомъ, питательною и въ достаточномъ количествѣ пищей, во время самыхъ длинныхъ переѣздовъ отъ Фратештъ или Яссъ до Харькова или Саратова только отдыхаетъ, укрѣпляется, приготовляется къ поправкѣ и выздоровленію, тогда какъ безъ этихъ условій, при обстановкѣ „якобы приспособленныхъ" поѣздовъ, онъ еще болѣе разстраивается, истощается, теряетъ послѣднія свои силы и нерѣдко возвращается на родину только для того чтобъ умереть дома...

По части транспортированія больныхъ и раненыхъ нельзя не обратить вниманія на слѣдующія, хотя и случайныя, но тѣмъ не менѣе весьма прискорбныя явленія: 1) Во время переѣздовъ вольнонаемныхъ транспортовъ съ больными и ранеными какъ эти послѣдніе, такъ и врачи ихъ сопровождающіе находились въ полной зависимости отъ произвола и благоусмотрѣнія интендантскихъ начальниковъ отдѣленій и эшелоновъ этихъ транспортовъ; а это самое нерѣдко служило поводомъ къ очень серіознымъ столкновеніямъ и непріятностямъ. Примѣромъ, и конечно не единственнымъ, можетъ служить офиціально заявленное столкновеніе между старшимъ ординаторомъ нашего лазарета М—скимъ и помощникомъ начальника четырнадцатаго отдѣленія третьяго эшелона вольнонаемнаго транспорта штабъ-ротмистромъ Н—скимъ. Транспортъ съ 238 ранеными (въ томъ числѣ три тяжело раненыхъ офицера) 4 декабря 1877 года отправленъ былъ изъ-подъ Плевны въ Боготъ и чуть было не замерзъ на переѣздѣ, благодаря самовольнымъ остановкамъ капризнаго кавалериста. 2) Въ декабрѣ 1877 года изъ корпуснаго штаба дали знать что по распоряженію полеваго военно-медицинскаго управленія

открытъ въ ближайшей къ нашему лазарету деревнѣ Гривицѣ военно-временный № 71 госпиталь; на основаніи этого увѣдомленія отправленъ былъ туда транспортъ съ 68 больными; такъ какъ разстояніе до Гривицы было небольшое, всего 15—17 верстъ, то отправили больныхъ въ своихъ лазаретныхъ линейкахъ, взявъ фуража для лошадей на одну ночь. Прибыли въ Гривицу, но госпиталя въ ней никакого *не оказалось...*

Заканчивая настоящія мои „замѣтки", я нахожу умѣстнымъ повторить только слова Писанія: *Чтый да разумѣетъ, и имѣяй уши слышати, да слышитъ!..*

